

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

На правах рукописи

Галицына Елена Георгиевна

**НАРОДНАЯ НОМЕНКЛАТУРА
ТРАВЯНИСТЫХ РАСТЕНИЙ В ГЕРМАНСКИХ И ФИННО-ПЕРМСКИХ
ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Дмитриева Татьяна Николаевна

Екатеринбург – 2024

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Проблемы классификации номинаций. Обзор исследований фитонимов германских и финно-пермских языков	18
1.1. Классификации номинаций и виды наименований.....	18
1.2. Исследования фитонимов германских и финно-пермских языков: историографический обзор.....	33
1.2.1. Исследования фитонимов германских языков.....	34
1.2.2. Исследования фитонимов финно-пермских языков	55
Выводы по Главе 1.....	78
Глава 2. Народная номенклатура травянистых растений в германских и финно-пермских языках: сопоставительно-ономасиологический аспект.....	82
2.1. <i>Achillea millefolium</i> L. (тысячелистник обыкновенный).....	85
2.2. <i>Aconitum</i> L. (борец, аконит), <i>Aconitum napellus</i> L. (борец клобучковый), <i>Aconitum septentrionale</i> Koelle (борец северный)	92
2.3. <i>Alchemilla vulgaris</i> L. (манжетка обыкновенная)	98
2.4. <i>Artemisia vulgaris</i> L. (полынь обыкновенная).....	104
2.5. <i>Briza media</i> L. (трясунка средняя).....	113
2.6. <i>Campanula</i> L. (колокольчик), <i>Campanula rotundifolia</i> L. (колокольчик круглолистный), <i>Campanula patula</i> L. (колокольчик раскидистый).....	120
2.7. <i>Centaurea</i> L. (василек), <i>Centaurea cyanus</i> L. (василек синий).....	129
2.8. <i>Convolvulus</i> L. (вьюнок), <i>Convolvulus arvensis</i> L. (вьюнок полевой).....	137
2.9. <i>Hypericum</i> L. (зверобой), <i>Hypericum perforatum</i> L. (зверобой продырявленный), <i>Hypericum tetrapterum</i> Fr. (зверобой четырехгранный).....	145
2.10. <i>Leucanthemum vulgare</i> Lam. (нивяник обыкновенный).....	155
2.11. <i>Plantago major</i> L. (подорожник большой).....	163
2.12. <i>Polygonum aviculare</i> L. (спорыш птичий, или горец птичий).....	173
2.13. <i>Ranunculus</i> L. (лютик), <i>Ranunculus acris</i> L. (лютик едкий).....	182
2.14. <i>Taraxacum officinale</i> Weber (одуванчик лекарственный).....	191

2.15. <i>Trifolium pratense</i> L. (клевер луговой).....	200
2.16. <i>Tussilago farfara</i> L. (мать-и-мачеха обыкновенная).....	209
2.17. Обобщение результатов исследования.....	219
Выводы по Главе 2.....	254
Заключение.....	262
Список сокращений.....	270
Список литературы.....	272
Приложение.....	289

Введение

Настоящая диссертационная работа посвящена сопоставительному изучению народной номенклатуры травянистых растений в германских и финно-пермских языках. В рамках германской группы рассматриваются английский и немецкий языки, в рамках финно-пермской – финский (включая ингерманландские говоры), карельский, коми-зырянский (коми) и коми-пермяцкий. В работе анализируются номинативные признаки, лежащие в основе названий растений (фитонимов) двух языковых групп с учетом особенностей семантической структуры этих фитонимов.

Система английских и немецких фитонимов складывалась под значительным влиянием классической, в первую очередь латинской, ботанической традиции (хотя не меньшее значение имели местные знания и обычаи) [Krischke, 2013, 23; Allen, 2004, 16–17]. Так, в Англии первые ботанико-медицинские тексты по модели античных были созданы уже в конце IX в. [Cameron, 1990, 5–6]. Менее слабыми были связи между классической ботанической традицией и финно-пермскими языками (особенно карельским, коми-зырянским и коми-пермяцким). В связи с этим можно отметить и различия во времени появления первых литературных памятников в целом. Первый текст, написанный на карельском языке, относят к XII–XIII вв. [Хайду, 1985, 95–96; Цыпанов, 2009, 225]. Первым памятником на финском был букварь Микаэла Агриколы (1543 г.) [Цыпанов, 2009, 205]. Первые же сохранившиеся памятники на коми языке записаны с помощью древнепермской письменности и относятся к XV–XVII вв. (сама древнепермская письменность была создана в конце XIV в.) [Хайду, 1985, 60]. Самые древние сохранившиеся памятники английского и немецкого относятся к намного более раннему времени. Для древневерхненемецкого это середина VIII в. (Керонский глоссарий) [Введение в германскую филологию, 2000, 242–243], а для древнеанглийского – VII в. (руническая надпись на ларце Фрэнкса, Гимн Кэдмона и др.) [Смирницкий, 1998, 30–31].

На английский и немецкий, помимо латинского языка, значительное влияние оказывал французский язык (это отражается в количестве заимствований и

калек). Наиболее сильное влияние на лексику финского языка оказал шведский, из которого были заимствованы сотни слов, относящихся к разным сферам жизни (через посредство шведского также заимствовалась лексика, например, из латинского, английского, немецкого и других европейских языков). Заимствования из русского ограниченно представлены в финском литературном языке, но довольно частотны в диалектах (особенно восточных) [Хайду, 1985, 84; Цыпанов, 2009, 218]. Исключительно большое количество русских заимствований наблюдается в карельском языке: с учетом калек они исчисляются тысячами [Хайду, 1985, 96]. Сильное влияние русский язык оказал и на лексический состав коми-зырянского и коми-пермяцкого языков [Хайду, 1985, 60].

Еще одно различие между двумя частями изучаемого материала состоит в образе жизни и общественном устройстве, которые на протяжении истории складывались у носителей, с одной стороны, английского и немецкого, а с другой стороны – финского, карельского и особенно коми языков. Здесь, с одной стороны, мы видим общество, разделенное на характерные для Европы сословия, в котором важную роль играли города, и связанное с окружающими странами торговыми и культурными отношениями. Напротив, финно-пермский ареал долгое время представлял собой намного менее урбанизованное и более изолированное пространство; по-другому были представлены и занятия, профессии. Так, традиционные занятия финнов, карелов, коми-зырян и коми-пермяков – сельское хозяйство, рыболовство (особенно у финнов и карелов) и охота [Цыпанов, 2009, 11–13].

Таким образом, выбор языков для исследования обусловлен, во-первых, наличием в них достаточного и разнообразного пласта народных названий растений и, во-вторых, различиями в условиях формирования и существования фитонимических систем в двух языковых группах.

Актуальность темы исследования состоит в необходимости выявления как универсальных, так и культурно-специфических черт в системах народной номенклатуры растений, которые принадлежат генетически различным языковым группам. Это касается, во-первых, сопоставительного анализа особенностей семантической структуры фитонимов и их лингвокультурной специфики, а во-вторых –

оценки распространенности тех или иных признаков номинации среди названий растений у разных народов. Два обозначенных направления исследования являются актуальными для современного сопоставительного языкознания и ономазиологии.

Выбор для исследования названий **травянистых растений** обусловлен наибольшей представленностью фитонимов, обозначающих растения данного типа, во всех рассматриваемых языках. Это объясняется бóльшим разнообразием видов травянистых растений в природе (по сравнению, например, с деревьями), а также их важной ролью в народном быту. Травы и цветы имеют множество применений в хозяйстве и повседневной жизни, многие из которых являются исключительно значимыми для носителей языка (в частности, использование растений в народной медицине). Кроме того, травы и цветы занимают важное место в народной культуре, традициях, верованиях, ритуалах. Еще один аспект, важный для нашего исследования – разнообразие форм, оттенков, структур и других черт, отличающих разновидности цветов и трав. Эти всевозможные особенности связываются в наивном сознании со знакомыми человеку образами; образы эти часто проистекают из культурного, природного, исторического своеобразия. Благодаря значимости травянистых растений в повседневной жизни и многообразию их характеристик велико также число признаков номинации, лежащих в основе названий трав и цветов. Все перечисленные особенности делают возможным детальный ономазиологический анализ фитонимического материала, с учетом особенностей называемых реалий, а также исследование семантики лексем, отраженных в названиях.

Степень разработанности темы исследования. Фитонимическая лексика является объектом внимания многих ученых, которые рассматривают ее в различных аспектах. Обратим внимание на некоторые из этих аспектов.

Ряд исследователей на основе фитонимов отдельных языков устанавливают универсальные закономерности народной номинации растений. На материале германских языков (иногда с привлечением языков других групп) это делают Б. Берлин, Д. Э. Бридлав и П. Х. Рейвен [Berlin, 1973], Й. Милица [Milicǎ, 2012],

О. И. Василенко [2008а, 2008б], Н. Ш. Ягумова и З. А. Богус [Ягумова, 2015]; на материале финно-пермских языков (марийского в сравнении с русским, немецким и латинским) – О. Г. Рубцова [2015].

Часто исследователи предлагают свое решение проблемы классификации фитонимов по признакам номинации. При этом, как правило, они концентрируют свое внимание на чертах, специфичных для народной номенклатуры растений в определенном языке или группе языков. Классификации признаков номинации разработаны в трудах Т. Б. Хабера [Haber, 1963], У. Кришке [Krischke, 2013], М. Х. Графа [Graf, 2010], О. П. Рябко [2003; 2016], Н. Б. Кудрявцевой [2004], А. В. Берестенева [2008], Е. А. Булах [2001], Т. Д. Барышниковой [1999] (на германском материале); И. В. Бродского [2006б и др. работы], Ю. Э. Коппалевой [2007], И. И. Русиновой [2023; 2022; 2011 и др. работы], О. Г. Рубцовой [2015], А. М. Гребневой [2015 и др. работы] (на финно-пермском материале).

Еще один аспект в изучении народной номенклатуры растений – описание трудностей, возникающих при анализе данной группы лексики: разграничения диалектных вариантов одного фитонима и разных фитонимов; отсутствие однозначности в системе народной номенклатуры; сложных случаев в определении мотивации. Этому посвящены работы Р. Викери [Vickery, 2010], М. Х. Графа [Graf, 2010], Т. Старка [Starck, 1920] (на материале германских языков). Наконец, важным направлением является исследование этимологии фитонимов. Вопросы происхождения народных названий растений рассматривают Н. Sauer [Sauer, 1995; 2004], У. Krischke [Krischke, 2013; Sauer, 2004], М. Н. Graf [Graf, 2010], М. А. d’Aronco [d’Aronco, 1988], С. Р. Biggam [Biggam, 2013] (на материале германских языков); И. В. Бродский [2006б и др. работы], Ю. Э. Коппалева [2007], Н. Г. Зайцева [2005], К. Редери и И. Эрдеи [Редери, 1974], А. Н. Ракин [2014 и др. работы], Т. Н. Меркушева [2003] (на материале финно-пермских языков).

Среди авторов, проводящих сопоставительный анализ фитонимов германских языков с другими языковыми группами (помимо некоторых из упомянутых выше) – А. Г. Дементьева [2012], Н. И. Панасенко [2000], А. С. Савенко [2014], Р. Д. Сетаров [2000], Е. Ю. Юрченкова [2018], Н. Ш. Ягумова [2008] и др. Из уче-

ных, сопоставляющих с другими языками финно-пермские фитонимы, назовем Ю. Н. Исаева [2015], О. Г. Рубцову [2015], А. А. Парфенову [2018].

Необходимо также отметить специфическую область исследований в области германских названий растений, которая актуальна для настоящей работы. Это изучение фитонимов в этнолингвистическом аспекте в контексте средневековых медицинских знаний и практики народного врачевания. Такие исследования стали возможными благодаря древней (с конца IX в.) традиции создания в германоязычных странах медико-ботанических трудов (особенно на английском языке). Назовем следующих ученых этого направления: D. E. Allen, G. Hatfield [Allen, 2004], M. L. Cameron [Cameron, 1990], T. Markey [Markey, 2013], A. Meaney [Meaney, 2011], L. E. Voigts [Voigts, 1979], B. Wallner [Wallner, 1992].

Кроме того, актуальны исследования, посвященные фитонимии русского и других славянских языков (а также связанным с фитонимами этнолингвистическими вопросами): [Агапкина, 2019], [Дубровина, 2010; 2014], [Ипполитова, 2008], [Колосова, 2009], [Коновалова, 1993; 2000], [Меркулова, 1967].

Проблемы терминологии номинации и классификации видов наименований (как в целом, так и в аспекте лексики природы) рассматриваются следующими учеными: В. Г. Гак [1977], Н. Д. Голев [1972; 1974; 1977], М. В. Голомидова [1998], А. Ф. Журавлев [1982], Ю. В. Исламова [2013], Н. Б. Ковалева [1971], Г. В. Колшанский [1975], В. В. Копчева [1985], Е. А. Косых [2016], Т. В. Матвеева [2010], Н. В. Подольская [1978], Б. А. Серебренников [1977], Т. А. Сидорова [2007], А. В. Суперанская [1973], В. Н. Телия [1977; 1998], А. А. Уфимцева [1977], Т. В. Хвесько и О. Ю. Черниченко [Хвесько, 2011], Д. Н. Шмелев [1982], Г. Н. Ягафарова [2010] и др.

Объектом исследования являются народные названия травянистых растений в германских и финно-пермских языках. В качестве **предмета исследования** выступают номинативные модели фитонимов данных языков.

Цель настоящей работы – сопоставительный ономазиологический анализ народных названий травянистых растений в германских и финно-пермских языках.

Достижение данной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. выработать критерии отбора материала;
2. изучить рассмотренные фитонимы с точки зрения их семантической структуры, обращая особое внимание на лингвокультурную специфику и образность;
3. создать классификацию изучаемых названий по признакам номинации;
4. проанализировать отобранные фитонимы из двух языковых групп с точки зрения признаков их номинации, распределив по группам на этом основании;
5. сопоставить изученный германский и финно-пермский материал и выявить закономерности и специфику номинации травянистых растений в двух языковых группах.

Методология исследования обусловлена указанными задачами. В работе используются описательный, контрастивный, ономаσιологический и сравнительно-исторический методы. При рассмотрении некоторых английских и немецких названий растений применяется также историко-этимологический подход, позволяющий на конкретных примерах проследить эволюцию фитонимии в германских языках.

Материалом исследования являются 692 фитонима, которые относятся к двум германским и четырем финно-пермским языкам (английскому, немецкому; финскому, карельскому, коми-зырянскому (коми) и коми-пермяцкому). Из 692 фитонимов к германским языкам принадлежат 324 наименования, а к финно-пермской – 368. Кроме того, для сопоставления и привлечения параллелей в работе используются соответствующие данные русского, французского и шведского языков.

Рассмотренные в исследовании фитонимы обозначают 16 травянистых дикорастущих растений (25 – с учетом разных видов одного растения): тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium* L.); борец, аконит (*Aconitum* L.), борец клубочковый (*Aconitum napellus* L.), борец северный (*Aconitum septentrionale* Koelle); манжетка обыкновенная (*Alchemilla vulgaris* L.); полынь обыкновенная (*Artemisia vulgaris* L.); трясушка средняя (*Briza media* L.); колокольчик (*Campanula*

L.), колокольчик круглолистный (*Campanula rotundifolia* L.), колокольчик раскидистый (*Campanula patula* L.); василек (*Centaurea* L.), василек синий (*Centaurea cyanus* L.); вьюнок (*Convolvulus* L.), вьюнок полевой (*Convolvulus arvensis* L.); зверобой (*Hypericum* L.), зверобой продырявленный (*Hypericum perforatum* L.), зверобой четырехгранный (*Hypericum tetrapterum* Fr.); нивяник обыкновенный (*Leucanthemum vulgare* Lam.); подорожник большой (*Plantago major* L.); спорыш (горец) птичий (*Polygonum aviculare* L.); лютик (*Ranunculus* L.), лютик едкий (*Ranunculus acris* L.); одуванчик лекарственный (*Taraxacum officinale* Weber); клевер луговой (*Trifolium pratense* L.); мать-и-мачеха обыкновенная (*Tussilago farfara* L.).

По причине большого количества наименований и их разнообразия важно отметить **ограничения при сборе материала**: в работе не ставится задача описать абсолютно все известные названия каждого из рассматриваемых растений, поэтому в исследование не включаются очень близкие друг другу фитонимы, которые описывают общий признак похожими средствами; варианты одного фитонима, принадлежащие разным диалектам, а также фитонимы с крайне затемненной внутренней формой.

Источниками материала служат словари английского и немецкого, финского, карельского, коми-зырянского и коми-пермяцкого языков, в том числе словари фитонимов и этимологические словари, а также исследования и работы, посвященные данной тематике. Базовыми источниками по германским языкам, где проводился фронтальный поиск материала, стали следующие словари фитонимов: J. Britten, R. Holland «Dictionary of English Plant Names» [DEPN, 1886], H. Marzell «Wörterbuch der Deutschen Pflanzennamen» [Marzell, 1958; 1959; 1972; 1977; 1979]; по финно-пермским – И. В. Бродский «Названия растений в финно-угорских языках» [Бродский, 2006б], P. Suhonen «Suomalaiset Kasvinnimet» [Suhonen, 1936], А. Н. Ракин «Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь», «Быдмӧг нимьяслӧн кывкуд» [«Словарь названий растений»] [Ракин, 1989; 2006].

Помимо этих источников, использованы специальные словари и исследования по фитонимии:

- по германским языкам: U. Krischke «The Old English Complex Plant Names: a Linguistic Survey and a Catalogue» [Krischke, 2013], R. C. A. Prior «On the Popular Names of British Plants» [Prior, 1863; 1870]; H. Genaust «Etymologisches Wörterbuch der Botanischen Pflanzennamen» [Genaust, 1996], «Internationales Wörterbuch der Pflanzennamen» [IWP, 1872], G. Pritzel «Die Deutschen Volksnamen der Pflanzen» [Pritzel, 1882];

- по финно-пермским языкам: E. Lönnrot «Flora Fennica. Suomen Kasvio» [Lönnrot, 1866], Ю. Э. Коппалева «Финская народная лексика флоры (становление и функционирование)» [Коппалева, 2007], J. I. Liro «Karjalaisia Kasvinnimiä» [Liro, 1915], «Материалы для словаря коми-пермяцких названий растений» [Материалы для словаря, 2021];

- по обеим группам языков, а также по русскому и французскому: Н. И. Анненков «Ботанический словарь» [Анненков, 1878], H. Marzell «Wörterbuch der Deutschen Pflanzennamen» [Marzell, 1958; 1959; 1972; 1977; 1979].

Также привлечены общие словари:

- германских языков: Cambridge Dictionary, Merriam-Webster, J. Grimm, W. Grimm «Deutsches Wörterbuch», DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, Немецко-русский (основной) словарь [1992];

- финно-пермских языков: И. Вахрос «Большой финско-русский словарь» [Вахрос, 2007], Новый большой русско-финский словарь [НБРФС, 1999], Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие) [БРКС, 2011], Карельско-русский словарь (северно-карельские диалекты) [КРС, 1999], Русско-карельский словарь (севернокарельские диалекты) [РКС, 2015], Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) [СКЯ (ливв.), 1990], Словарь карельского языка (тверские говоры) [СКЯ (твер.), 1994], Словарь собственно-карельских говоров Карелии [ССКГК, 2009], Коми-русский словарь [2000], Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов [ССКЗД, 1961], Коми-пермяцко-русский словарь [КПРС, 1985].

Этимологические комментарии к рассматриваемым фитонимам основаны на материале этимологических словарей и словарей исторических состояний языков:

- по германским языкам: Bosworth Toller's Anglo-Saxon Dictionary Online, E. Klein «A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language» [Klein, 1971], Middle English Compendium [MEC], Online Etymology Dictionary [OED], Kluge Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache [Kluge, 2011], F. Kanngiesser «Die Etymologie der Phanerogamennomenklatur» [Kanngiesser, 1909];

- по финно-пермским языкам: Suomen Sanojen Alkuperä. Etymologinen Sanakirja [SSA, 1992; 1995; 2000], Краткий этимологический словарь коми языка [КЭСКОЯ, 1970].

Кроме того, в ходе исследования были использованы некоторые источники информации этнолингвистического характера: D. E. Allen, G. Hatfield «Medicinal Plants in Folk Tradition: An Ethnobotany of Britain and Ireland» [Allen, 2004], A. Pratt «The Flowering Plants and Ferns of Great Britain» [Pratt, 1855], D. C. Watts «Dictionary of Plant Lore» [Watts, 2007], Н. Birkhan «Pflanzen im Mittelalter. Eine Kulturgeschichte» [Birkhan, 2012].

Сведения о внешнем виде, особенностях и народном применении растений извлекались из определителей и ботанических справочников: Б. А. Вакар «Определитель растений Урала» [Вакар, 1964], «Иллюстрированный определитель растений Средней России» [Иллюстрированный определитель, 2003; 2004], «Лекарственные растения в научной и народной медицине» [Лекарственные растения, 1967], Н. И. Мазнев «Энциклопедия лекарственных растений» [Мазнев, 2004], Л. В. Пастушенков «Лекарственные растения. Использование в народной медицине и в быту» [Пастушенков, 2012], «Плантиум. Определитель растений онлайн».

Научная новизна исследования определяется сравнительным рассмотрением особенностей номинации фитонимов двух групп языков, принадлежащих к индоевропейской и уральской семьям, ранее в таком объеме не сопоставлявшихся. В настоящем исследовании разработана методика комплексного анализа материала, сочетающая семантико-мотивационный, этимологический и этнокультурный подходы. Автором сделаны обобщающие выводы ономазиологического и

лингвокультурного характера. Выявлены универсальные и уникальные особенности номинации фитонимов двух языковых групп, определены и сопоставлены характеристики их семантической структуры. Рассмотрено лингвокультурное своеобразие единиц народной номенклатуры растений, принадлежащих к двум германским и четырем финно-пермским языкам. Сделаны выводы о функционировании калькирования в разноязычной фитонимии.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она вносит вклад в развитие сопоставительного языкознания, теории номинации и этимологии. Результаты исследования существенны для дальнейшего изучения номинативных моделей германских и финно-пермских народных названий растений в мотивационном, семантическом, лингвокультурном и этимологическом аспектах. Разработанные в диссертационной работе классификации фитонимов по признакам номинации и семантической структуре и выводы о роли калькирования могут применяться при анализе народной номенклатуры растений в других языках. Кроме того, теоретические результаты работы могут быть использованы для изучения других групп лексики, в том числе диалектной.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что материал и результаты исследования могут быть использованы при составлении словарей и глоссариев фитонимов и ботанической лексики, а также в учебных целях – в лекционных и практических курсах по сравнительно-сопоставительному языкознанию и ономастиологии.

Степень достоверности полученных результатов подтверждается достаточным объемом рассмотренного лексического материала (692 единицы с равномерным распределением по обеим группам языков); опорой на обширную теоретическую базу; использованием адекватных поставленным цели и задачам методов и подходов, широко применяющихся в языкознании и позволяющих прийти к объективным выводам при сборе, описании и сопоставительном анализе материала.

Положения, выносимые на защиту:

1. Германские и финно-пермские фитонимы, как правило, основаны на одном или двух признаках номинации, при этом мотивация одним признаком намного более частотна. В редких случаях в основе наименования лежат три признака. Большинство рассмотренных фитонимов в обеих группах языков основано на единственном признаке номинации: наиболее распространенные признаки – форма части растения и цвет, а также использование в народной медицине, место произрастания, особенности поверхности и структуры. Наиболее характерные сочетания двух признаков номинации: цвет + форма, цвет + особенности поверхности и структуры, форма + размер, форма + особенности поверхности и структуры, форма + место произрастания. Выявленные признаки и их сочетания описывают наиболее заметные и разнообразные внешние черты растений или же их особенности, важные в практическом отношении.

2. Между германскими и финно-пермскими фитонимами наблюдаются многочисленные параллели – ситуации, когда один и тот же признак или особенность растения обозначаются схожим образом в двух языковых группах. При этом разной оказывается «амплитуда» варьирования образа, ср.: англ. *grandmother's nightcap* «бабушкин ночной колпак» ~ фин. *ikonhattu* «шляпа старика» (близкие образы); нем. *Düiwelsfeot* «нога (ступня) дьявола» ~ фин. *karhunkämmenheena* «медвежья лапа-трава» (образы значительно различаются).

3. Параллели между германскими и финно-пермскими фитонимами могут объясняться универсальностью восприятия и использования растений у разных народов или же заимствованием (как правило, калькированием). Среди фитонимов обеих языковых групп отмечаются полные и частичные кальки.

Наиболее частотны следующие направления калькирования: латинский (средневековый и научный) → все другие языки (в меньшей степени карельский, коми-зырянский и коми-пермяцкий); французский → английский; французский → немецкий; русский → коми-зырянский и коми-пермяцкий; русский → карельский; русский → финский (особенно ингерманландские говоры).

4. Германские и финно-пермские названия травянистых растений представляют собой номинации с прямым (фин. *puna-apila(s)* «красный клевер» – клевер луговой, нем. *das Thaublatt*, букв. «роса-лист» – манжетка) или метафорическим воплощением признака. Среди метафорических номинаций выделяются двойные метафоры (англ. *bear's-foot* «медвежья лапа», коми *понкок* «собачья лапа» – манжетка) и наименования «метафора + прямое воплощение признака» (нем. *das Aderkraut* «вена-травя» – подорожник, карел. *küwnel'hein'ä* «слеза-травя» – трясунка).

5. Анализ фитонимов с прямым воплощением признака позволяет сделать выводы об общих тенденциях в номинации растений в германских и финно-пермских языках (напр., многообразные обозначения мест произрастания в финно-пермских фитонимах; компонент «сорняк» и указания на ядовитость растений в германских языках). Эти тенденции в именовании растений позволяют внести вклад в представления о традиционном образе жизни народов-носителей языков. Однако для построения более развернутых и однозначных выводов необходимо изучить больший объем материала, в том числе широкий круг языков из обеих групп.

6. Анализ германских и финно-пермских фитонимов (в первую очередь метафорических номинаций) позволяет обнаружить многочисленные факты проявления в них лингвокультурной специфики. В фитонимах часто обозначаются реалии материальной и духовной культуры, присущие народам-носителям языков. Для германских названий травянистых растений особенно характерны названия исторически- и культурно-обусловленных сословий и профессий («монах», «воин», «дворянин», «леди», «нищий, попрошайка», «моряк», «шкипер», «драгун», «шут») и имена библейских персонажей. Для финно-пермских фитонимов характерны имена фольклорных персонажей, отсылающие к языческим традициям («русалка», «полудница»); обозначения диких птиц; деталей одежды; описания сурового климата («холод», «мерзлота», «наст»).

Апробация результатов исследования. Материалы и результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального универ-

ситета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, а также на заседаниях научно-исследовательского семинара кафедры «Язык и мир». Материалы по теме работы были представлены на 21 конференции университетского, всероссийского и международного уровней: Международной научной конференции в рамках Международного конвента УГИ УрФУ–2024 «Компаративные историко-филологические исследования в XXI веке», Международных научно-практических конференциях в рамках Международного конвента УГИ УрФУ–2023, 2021 «Компаративные историко-филологические исследования в эпоху глобализации», Международной научной конференции в рамках Конвента УГИ УрФУ–2022 «Компаративные филологические исследования в эпоху глобализации», V Международной научной конференции «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург; УрФУ, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Институт славяноведения РАН, 2022 г.), XI Международной научной конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, ЧелГУ, 2022 г.), Национальной научно-практической конференции научно-педагогических работников с международным участием «Коммуникация – общество – человек» (Ярославль, Финансовый университет при правительстве РФ, Ярославский филиал, 2022 г.), V Международной научно-практической конференции «Магия ИННО: Лингвистика и лингводидактика в меняющейся системе координат» (МГИМО МИД России, 2021 г.), Пятом международном молодежном конвенте УрФУ «Трансформация реальности: стратегии и практики» (УрФУ, 2021 г.), Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе» (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2018 г.), конференциях в честь 25-летия и 20-летия романо-германского отделения департамента «Филологический факультет» УрФУ (2018 г. и 2013 г.), VI, V, IV, III, II Научных конференциях «Актуальные вопросы филологической науки XXI века» (УрФУ, 2017, 2016, 2014, 2013 и 2012 гг.), Всероссийской научной конференции студентов-стипендиатов Оксфордского Российского фонда «Пространство современности: границы и смысл» (УрФУ, 2015 г.), Международной студенческой

научно-практической конференции «Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков» (РГППУ, 2015 г.), Международной научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы филологии» (УрГПУ, 2013 г.), Четвертой международной студенческой научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и методики» (УрГПУ, 2012 г.).

Содержание работы отражено в 21 публикации, 4 из которых опубликованы в изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ, в том числе 3 в изданиях, индексируемых в международной базе цитирования WoS.

Структура и объем диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка сокращений, списка литературы и приложения. Общий объем работы – 288 страниц (без учета приложения). Список литературы включает 183 наименования. В первой главе описываются подходы к классификации видов наименований, актуальные для настоящей работы, а также рассматриваются некоторые аспекты изучения фитонимов германских и финно-пермских языков. В частности, внимание уделяется проблеме классификации признаков номинации, свое решение которой мы предлагаем во второй главе настоящей диссертации. Вторая глава состоит из 16 фитонимических «этюдов», каждый из которых посвящен одному растению. Отдельно рассматриваются фитонимы германских и финно-пермских языков (названия разделены по признакам номинации); затем с целью уточнения способов номинации проводится анализ семантической структуры наименований данного растения. В приложении представлены все рассмотренные в работе фитонимы (распределенные по признакам номинации); к каждому из них приводятся буквальный перевод, русское и латинское научные названия.

Глава 1. Проблемы классификации номинаций. Обзор исследований фитонимов германских и финно-пермских языков

1.1. Классификации номинаций и виды наименований

Одна из важнейших проблем, возникающих при изучении какой-либо группы наименований (в частности, фитонимов) – разграничение видов номинаций. Так, при рассмотрении названий растений необходимо учитывать, что народная и научная номенклатуры принципиально различаются, учитывать эти различия и их основания, а также пересечения между двумя типами наименований. Кроме того, важно установить, какое положение занимают народные названия растений во всем множестве существующих в языке номинаций. Рассмотрим, как эта задача решалась исследователями на материале фитонимов и номинаций в целом.

А. Ф. Журавлев при классификации номинаций пользуется двумя параметрами – осознанности и стандартности (нормативности). Первый из них состоит в различении осознанности и неосознанности новизны лингвистической единицы в момент ее появления в языке. Автор отмечает, что процесс номинации можно понимать не только как сознательный акт присвоения имени какому-либо явлению, но и «появление такого имени вообще, вне зависимости от целевых установок носителя языка». Номинативные единицы возникают в языке как в результате «целесолагающей языкотворческой деятельности человека», так и вследствие различных трансформаций уже имеющегося языкового материала, которые могут не осознаваться носителями языка [Журавлев, 1982, 46–47].

На основе указанных параметров А. Ф. Журавлев выделяет 4 класса номинаций:

1) **нормальные номинации**, которые соответствуют нормам и в момент своего появления в речи осознаются как новые (в данный класс входит наибольшее количество номинативных единиц);

2) **мутации** – номинации, характеризующиеся стандартностью, но возникающие незаметно для носителей языка. К ним относятся, в частности, регулярные метонимические переносы (*обед* «дневной прием пищи» → «время обеда»), неко-

торые виды конверсии, случаи постепенного закрепления первоначально свободного сочетания слов в качестве устойчивого словосочетания (*лишние люди, самых честных правил*);

3) **искусственные номинации** – «номинации, творимые сознательно, но с осознаваемым же нарушением стандарта». В данный класс входят контаминации путем междусловного наложения (*стрекозел ← стрекоза + козел*), замены однословных наименований фонетически близкими словами в арготических подсистемах (*шпаргалка → шпора*), окказиональные образования и другие разновидности номинаций. Значимым фактором в сознательном отступлении от нормы в этих случаях является установка на экспрессию;

4) «**патологические**» номинации, возникающие «по ошибке», как результат помех вне- и внутрилингвистического характера. Сюда входит формальное преобразование слов под влиянием ложной этимологизации, а также некоторые более редкие явления [Журавлев, 1982, 47–48].

Искусственной номинации, которую выделяет в отдельный класс А. Ф. Журавлев, в работах многих исследователей противостоит естественная номинация. Так, А. В. Суперанская различает номинации, сложившиеся естественным путем, и номинации, введенные специально «для обозначения и различения каких-либо разновидностей объектов». Первые, как правило, являются более ранними и всеобъемлющими; вторые же являются более поздними хронологически и преимущественно охватывают более или менее ограниченные сферы действительности. Однако, проведя данное противопоставление, А. В. Суперанская также отмечает, что процесс возникновения новых имен и закрепления в языке наиболее удобных и удачных обозначений происходит практически непрерывно, в том числе и в настоящее время [Суперанская, 1973, 236].

Определяющим свойством естественных номинаций является следующее: хотя некоторые из них закрепляются в языке, возникают они в речи – «в отдельных речевых актах ..., в которых выявляются сходства именуемых объектов с теми или иными предметами, названия которых могут быть положены в основу новых наименований» [Суперанская, 1973, 237]. Подобные номинации разговорной

речи, в первую очередь, естественно сложившиеся имена, можно соотнести с ономастическими номинациями. Для разговорной речи характерна конситуативность, т. е. существование разных обозначений одних и тех же предметов. В области ономастики наблюдается аналогичное явление – возможность различных именовании одних и тех же лиц и объектов [Суперанская, 1973, 237–238].

Согласно А. В. Суперанской, номинации, сложившиеся в речи естественным путем, связаны также с употреблением имен в неофициальных ситуациях. Искусственные же номинации ассоциируются с кодифицированным литературным языком и официальным дискурсом [Суперанская, 1973, 237–238].

В. В. Копчева рассматривает соотношение естественной и искусственной номинации применительно к названиям растений. По ее мнению, в основе разграничения естественной и искусственной номинации «должно лежать противопоставление стихийно возникшего, автоматически появившегося языкового знака и специально созданного» [Копчева, 1985, 36].

Еще одно основание для различения этих двух видов наименований – соотношение субъективных и объективных факторов. Последние понимаются как «сознательное начало в номинативной деятельности, воздействие нормализатора». Роль субъективных факторов велика при искусственной номинации [Копчева, 1985, 42; 46]; в случае же естественной номинации, напротив, на первый план выходят объективные закономерности.

Естественная номинация определяется В. В. Копчевой как «процесс непреднамеренной, произвольной номинативной деятельности», при котором субъект номинации ясно не сознает и не формулирует в сознании ее цель. Говорящий испытывает лишь потребность наречения, чувствует необходимость в создании слова. Он «говорит так, как сказалось», не анализируя преимущества созданного слова перед другими возможными вариантами: к языковому творчеству его провоцирует конкретная ситуация, и продукт подобного творчества представляется естественным, неоспоримым и самим собой разумеющимся [Копчева, 1985, 37–38].

В случае естественной номинации стихийный характер носит не только возникновение слова, но и его узуализация, так как с точностью предугадать судьбу наименования практически невозможно. Дальнейшая жизнь слова зависит от его актуальности, необходимости на данном этапе развития общества; при этом для его закрепления необходимо определенное повторение ситуации, которая изначально привела к возникновению слова [Копчева, 1985, 38–39]. Как отмечает А. Г. Горнфельд, слова которого цитирует В. В. Копчева, судьба слов решается «не одной их осмысленностью, не глубиной, не внутренней значительностью»: «нужно ли слово в быту, это решит быт, а не язык, а понадобится оно в быту, не уйдет и из языка» [Горнфельд, 1927, 158–159]. Необходимо, впрочем, добавить, что узуализация может определяться не только экстралингвистическими, но и внутриязыковыми закономерностями.

Искусственную номинацию характеризует «наличие сознательных установок», цели, которая предполагает достижение определенного эффекта [Копчева, 1985, 39]. В выделении этой отличительной особенности В. В. Копчева следует за А. Ф. Журавлевым; однако, в отличие от последнего, она связывает данный вид номинаций не только с нарушением нормы в целях достижения экспрессии. В качестве примеров искусственной номинации В. В. Копчева рассматривает термины ботанической номенклатуры, физические термины, названия химических элементов. Подчеркивается рациональность и регламентированность этого процесса: авторы новых наименований стремятся вписать их в существующую систему и склоняются к социально престижным вариантам. Для введения же названий, отходящих от нормы и традиции, необходимы веские аргументы [Копчева, 1985, 39–41].

Несмотря на эти особенности искусственной номинации, она тесно связана с естественной. Так, иногда номинатор сознательно ориентируется на естественно сложившиеся модели. Например, Н. П. Семенов, в 1878 году описывавший опыт разработки русской ботанической номенклатуры, замечал: «...в составлении названий растений вообще лучше всего подражать простому народу. Ему всегда удаются производные слова... Народ никогда не составит слова в противность

духу языка, как это нередко происходит в литературных и ученых произведениях» [Семенов, 1878, 22].

Опора на естественные модели может осуществляться и независимо от желания лица, осуществляющего искусственную номинацию. Как замечает Н. Д. Голев, часто автор неологизмов «интуитивно ориентируется на объективные языковые закономерности номинации» [Голев, 1974, 89]. Связь с естественным языком сохраняется даже при крайних проявлениях искусственной номинации; к таковым относятся, в частности, неологизмы, встречающиеся в произведениях научно-фантастической литературы. Подобные слова призваны обозначить реалии, не существующие в нашем мире, «здесь и сейчас»; поэтому для их создания характерна установка на необычность, незнакомость [Копчева, 1985, 43]. Однако и в этих случаях языковые знаки не оказываются совершенно немотивированными и полностью произвольными: зачастую они имитируют естественные языковые единицы, например, содержат грамматические элементы современных языков [Журавлев, 1982, 52].

Еще одно сходство искусственной номинации с естественной состоит в том, что первой также может быть свойственна спонтанность. Иногда на ум исследователю приходит название, не отвечающее формальным требованиям, но все же с точностью выражающее свойства объекта; некоторые из таких «нестандартных» наименований в дальнейшем закрепляются в терминологии. Так, среди терминов квантовой физики встречаются такие, как *красота* (*красивый кварк*), *странность*, *очарование* (*очарованные частицы*) и т. д. [Копчева, 1985, 41].

Подтверждение того, что искусственной номинации не всегда свойственна рациональность, можно найти и в ботанической номенклатуре. Научные названия некоторых растений не совсем верно отражают их свойства. Так, марьянник луговой (*Melampyrum pratense*), несмотря на свое наименование, характерен для хвойных лесов; поддельник обыкновенный (*Hypopitys monotropa*) произрастает не только в ельнике, но и в других типах леса [Петров, 1978, 100; 104].

Признаки искусственной и естественной номинации рассматривает и М. В. Голомидова; однако она также ставит вопрос о том, всегда ли целесооб-

разно разводить эти два вида наречения. Представив их как максимально объемные по диапазону типы номинативной активности, можно было бы разделить лексическую номинацию в целом на естественную и искусственную. Но вместо такого чрезмерно схематичного подхода М. В. Голомидова предлагает анализировать обстоятельства, в которых происходит коммуникативная деятельность. В некоторых коммуникативных ситуациях естественное и искусственное название проявляются наиболее отчетливо, а значит, они могут быть противопоставлены друг другу. Вместе с тем существуют «позиции нейтрализации»: в их контексте различительные признаки двух видов номинации теряют свою яркость, а поэтому и дифференцирующие свойства. При отсутствии последних «утрачивается целесообразность самого разведения естественно сложившегося и искусственно созданного» [Голомидова, 1998, 38].

В области номенклатуры растений к естественной номинации можно отнести народные, а к искусственной номинации – научные названия. Особенности первых рассматривает В. А. Меркулова в своем труде «Очерки по русской народной номенклатуре растений». Согласно автору, «одно из определяющих отличий [народной ботанической номенклатуры от научной] заключается в отсутствии односточности» в системе народных названий растений. «Каждый элемент научной ботанической номенклатуры любого языка имеет соответствие в международной латинской номенклатуре и определение, в котором раскрываются существенные признаки понятия». Значение народного фитонима невозможно раскрыть подобным образом, так как в этом случае «обычно одним словом называются разные растения, а иногда и целые группы растений». Например, в русском литературном языке для обозначения многих озерных растений используются лишь два слова – *тростник* и *камыш*. Эти растения различаются по внешним особенностям и относятся к разным видам и семействам, но их объединяют одинаковые условия произрастания. Фитоним *ромашка* объединяет множество растений, сходных внешне, но принадлежащих к различным видам. «В качестве естественного пути для обобщения может служить не только внешнее сходство, общность мест произрастания, но и функциональное тождество». Примером последнего случая может по-

служить фитоним *девятíха*, который в Архангельской области используется для обозначения тысячелистника и пижмы. Объединяет эти растения то, что народная медицина приписывает им сходные лекарственные свойства. Фитонимы могут быть неоднозначны и в лингвогеографическом аспекте: «одним и тем же словом в разных местностях называют разные растения». В. А. Меркулова упоминает о том, что фитонимы характеризуются различной степенью обобщения. Для некоторых растений существуют индивидуальные названия (*ландыш*); под одним именем могут объединяться близкородственные (*лебеда, щавель*) или отдаленные виды (*молочай, репей, лопух*) [Меркулова, 1967, 7–8].

Если различные растения, обладающие одним и тем же признаком, могут иметь одинаковые народные названия, верна и обратная ситуация. Как отмечает В. Б. Колосова, «одно растение, обладая целым набором признаков, может иметь множество названий», каждое из которых выражает различные признаки этого растения [Колосова, 2009, 10]. Примером могут послужить названия лютика в говорах русского языка. Таковы некоторые фитонимы, которыми обозначаются разные виды этого растения: *желтоцвет, желтушка* (по признаку цвета лепестков), *водянка* (по месту произрастания), *горчица, горькуха* (по признаку горького вкуса) и т. д. [Колосова, 2009, 12–13; 42; 45].

Различие между научной и народной номенклатурой растений проявляется и в систематизации растительного мира в целом. В. А. Меркулова приводит следующий пример: с научной точки зрения семейство гречишных делится на два рода (*Rumex* и *Polygonum*), среди которых выделяется одиннадцать видов. В народной же систематике эти два рода никогда не объединяются в одно семейство. Род *Rumex* (*щавель*, или *кислица*) делится на два вида по принципу съедобности для человека: *щавель* и *конский щавель*. Рода *Polygonum* в народной классификации не существует. Культурное растение вида *Polygonum fagopyrum* L. имеет самостоятельное название *гречиха*; вид *Polygonum convolvulus* L. входит в большую группу вьющихся растений, которые с точки зрения науки относятся к различным семействам, но в народной номенклатуре объединены наименованием

вьюнок, или *повилика*. Другие виды рода *Polygonum* объединяются со многими видами семейства *Potamogeton* под общим названием *рдест* [Меркулова, 1967, 10–11].

Другого подхода к разграничению научной и народной классификаций растений придерживается Йоан Милица. Исследователь отмечает, что номинативные модели, присутствующие в двух этих системах, следует понимать с позиций преемственности и взаимной дополняемости, а не противопоставлять друг другу. Существовавшая народная номенклатура растений благоприятствовала возникновению их научной систематики: первая фактически предоставила названия, которые были восприняты и переработаны второй. В свою очередь, успешность и авторитет научной классификации сыграли ключевую роль в распространении и вхождении некоторых наименований в народную номенклатуру [Milică, 2012, 105–106].

В качестве примера первой ситуации – вхождения народных наименований в научную номенклатуру – может выступать латинское слово *allium* «чеснок», которое стало научным обозначением растений, относящихся к роду *Allium* («Лук» в русскоязычной ботанической терминологии). Противоположный случай – ботаническое название *Atropa belladonna* «белладонна», от которого произошли названия этого растения во многих европейских языках (например, англ. *belladonna*, нем. *Belladonna*) [Milică, 2012, 106].

Й. Милица упоминает следующие особенности научной номинативной модели:

1. **Систематичность**, которая также отражает **произвольность** научных ботанических терминов: последние являются условными, разработанными в соответствии с общепринятой структурой номинации.

2. **Номенклатурная специфичность**: каждая область научного знания имеет определенные номинативные потребности, которым отвечают термины, относящиеся к данной области. В частности, ботанические названия представляют собой бинарные структуры, первый компонент которых обозначает род, а второй – вид растения (*Leontopodium alpinum* «эдельвейс альпийский»).

3. Номинативная точность: научный термин должен как можно более ясно указывать на свойства обозначаемого объекта во избежание ошибок и путаницы [Milică, 2012, 108–109]. Так, согласно К. Линнею, основоположнику системы ботанической терминологии, наилучшими являются «родовые названия, отражающие существенный родовой признак или облик растения». К таковым ученый относит какую-либо связь с животным, по которому названо растение; предметы, по сходству с которыми даны названия; строение растения; его лечебное действие; место происхождения [Линней, 1989, 158–166].

4. Терминологическая стабильность: по мнению некоторых ученых, сформировавшийся научный термин не может быть изменен ни по форме, ни по содержанию.

5. Экономия и благозвучие [Milică, 2012, 110], на которые также обращает внимание К. Линней. Согласно его труду «Философия ботаники», необходимо избегать с трудом выговариваемых или неблагозвучных родовых названий; к таковым относятся слова, содержащие больше двенадцати букв, имеющие подряд много согласных, а также «отвратительные, которые по той или иной причине ... кажутся странными» [Линней, 1989, 174–175].

К некоторым из признаков народной номинативной модели относятся следующие:

1. Эмпирическое измерение – наиболее важная черта, в соответствии с которой номинация растений основывается на их видимых, наблюдаемых свойствах.

2. Номинативная вариативность – черта, которая подтверждается различиями в названиях одного и того же растения в разных регионах.

3. Номинативная неточность, в определенной степени являющаяся следствием предыдущего пункта: она состоит в упоминавшемся выше отсутствии однозначности в системе народных названий растений.

4. Культурная специфичность: во многих народных наименованиях воплощаются традиции, способы поведения и мировоззрение, свойственные определенной культуре. Например, большинство европейских народных названий рас-

тений отражают существование двух культурных слоев – дохристианского и христианского. Свойством культурной специфичности объясняется также «непрозрачность» народных наименований: их невозможно объяснить с помощью точных и установленных правил номинации, которые действуют для научной терминологии [Milicǎ, 2012, 111–114].

Н. Д. Голев, рассматривая естественную номинацию на примере лексики природы, отмечает общую тенденцию данного вида наименований: «стремление создать мотивированное (обусловленное понятийным содержанием) название данного объекта» [Голев, 1974, 90]. При встрече с новым предметом первоначально возникает представление о нем; затем, путем выделения существенных признаков предмета, это представление преобразовывается в понятие. Некоторые из существенных признаков особенно значимы, так как способны «легко вызывать в сознании все остальные»; такие признаки становятся «мотивировочными» для будущих названий [Голев, 1974, 91–92].

Мотивировочные признаки входят в состав мотивировочных контекстов – конструкций, выражающих суждения о данных признаках и предшествующих появлению наименований в полном смысле слова. Наличие подобных контекстов доказывается, в частности, существованием микропонимов-ориентиров (*поляна, где растет земляника; ручей у Второго кордона*). Однако из-за громоздкости и неустойчивости такие конструкции неудобны в качестве средств общения; поэтому в дальнейшем они закрепляются в языке в устойчивых (типичных для данной группы лексики) формах. Для лексики природы, в состав которой входят и фитонимы, такими формами являются составные номинативные названия, состоящие из определяемого (родового) и определяющего (видового) компонентов [Голев, 1974, 92].

Данные составные названия, по словам Н. Д. Голева, «нельзя полностью отнести ни к свободным словосочетаниям, ни к фразеологизмам» [Голев, 1974, 92]. С одной стороны, их видовой компонент «выражает мотивировочный признак, который представляет всю совокупность признаков данного предмета» и, таким образом, заменяет целое описание, к которому восходит генетически. По-

этому, в отличие от свободных словосочетаний, общее значение составных названий не выводится из «логического произведения признаков», содержащихся в их компонентах (сочетания *большой чирок* и *большая речка* по своему значению не равны составным названиям *большой чирок* «чирок-коростелек» и *Большая речка*) [Голев, 1974, 92–93]. Среди народных фитонимов также присутствует множество составных названий: *свиная трава* «горец птичий», *гусиные лапки* «лапчатка гусиная», *серебряный лист* «кровохлебка аптечная» и т. п. [Рубцова, 2015, 203–209]. Подобные названия «не синтезируются в речи, а воспроизводятся целиком, являясь единственной формой выражения данного понятия» [Голев, 1974, 93].

С другой стороны, составные названия нельзя отнести и к фразеологизмам, так как компоненты первых выступают не в связанных, а в свободных значениях. Благодаря этому составные названия могут образовывать парадигматические ряды, объединяясь по родовому и противопоставляясь по видовому компонентам (*чирок большой* – *чирок малый*; *Коровья гора* – *Больша гора* – *Березова гора*) [Голев, 1974, 93].

Такие ряды можно обнаружить и среди народных фитонимов, обозначающих растения одного рода, но разных видов (согласно ботанической или же народной классификации): *большая крапива* «крапива двудомная» – *крапива маленькая* «крапива жгучая» – *глухая крапива* «пустырник обыкновенный»; *птичий горец* «горец птичий» – *горец аптечный* «горец змеиный» [Рубцова, 2015, 195–215]. В названиях одного и того же растения также довольно часто меняется видовой компонент, что нехарактерно для фразеологизмов: *английская мята*, *перечная мята*, *садовая мята*, *холодная мята*, *чайная мята* «мята перечная»; *гусиная трава*, *куриная трава*, *поросычья трава*, *свиная трава* «горец птичий» [Рубцова, 2015, 197; 202–203]. Подобная вариативность во фразеологизмах обычно исключается: *синий чулок* не противопоставляется красному, *яблоко раздора* – шафрановому или апорту [Голев, 1974, 93]. Редко возможно также создание синонимичного фразеологизма путем замены одного из компонентов.

В генетическом плане составные номинативные названия приходят на смену мотивировочным контекстам; в связи с этим Н. Д. Голев рассматривает их как

«переходный этап от синтаксической объективации к лексической». В соответствии с результатами лексической объективации можно выделить три ее типа [Голев, 1974, 93].

1) Превращение составных названий во фразеологизмы (*царь-трава* «аконит», *иван-чай*). В этих случаях родо-видовая противопоставленность, выражаемая с помощью компонентов названия, стирается: «родовой компонент становится неотъемлемой частью всего названия, а видовой уже не предполагает наличия других видов данного рода» [Голев, 1974, 93–94].

2) Слияние обоих компонентов составного названия в одно сложное слово (*краснотал* «ива остролистная»; *белоголовник*, *белоцвет* «тысячелистник обыкновенный»). В подобных лексических единицах стирание противопоставления рода и вида проявляется еще ярче [Голев, 1974, 94].

3) Семантическая конденсация (в плане содержания) и сжатие (в плане выражения). Данный тип лексической объективации является наиболее продуктивным в русской лексике природы; в данном случае при частой употребительности названия один из его компонентов начинает предполагать другой, тем самым создавая избыточность его выражения. «Материальной базой» образуемого простого названия становится видовой компонент; родовой же компонент редуцируется, но его значение включается в значение простого названия (*дрозд-деряба* → *деряба*, *желтобровая пеночка* → *желтобровка*). К этому же типу относятся фразеологизмы, метафорически выражающие один мотивировочный признак (*кукушкины слезки* «любка двулистная», *пастушья сумка*, *анютины глазки* «фиалка трехцветная») [Голев, 1974, 94].

А. Ф. Журавлев различает первичную и вторичную номинацию, трактуя эти понятия в рамках ономазиологии. Первичная номинация понимается как «акт присвоения имени предмету, еще не имеющему своего языкового обозначения»; вторичная же – это наделение новым именем уже названного предмета. Среди причин вторичной номинации наиболее важными являются стремление к экспрессии и к экономии речевых средств [Журавлев, 1982, 50].

Два этих вида номинации рассматривают также В. Г. Гак и В. Н. Телия, но в семасиологическом аспекте. Первичную, или прямую, номинацию В. Г. Гак определяет как «форму, которая используется в своей первичной функции для обозначения данного объекта в данных условиях». Вторичная (косвенная) номинация же возникает, если какая-либо форма начинает использоваться «для обозначения иных объектов или выполнения иных функций» [Гак, 1977, 243]. Согласно В. Н. Телия, вторичная номинация – это «использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [Телия, 1977, 129].

А. А. Уфимцева отмечает, что акты прямой (или первичной) номинации связаны с опредмечиванием объективного мира человеком, а также с «выделением и обобщением необходимого и существенного в предмете познания». В случае прямой лексической номинации факты действительности обращаются в факты системы языка, в категории и значения, которые отражают общественный опыт его носителей; таким образом факты действительности становятся знаками и достоянием людей [Уфимцева, 1977, 8].

Характеризуя вторичную номинацию, В. Н. Телия отмечает, что она может носить языковой или речевой характер. В первом случае результаты вторичной номинации – это «принятые языком и конвенционально закрепленные значения словесных знаков»; во втором имеет место «окказиональное употребление лексических значений в несобственной для них номинативной функции» [Телия, 1977, 129].

Еще одно свойство вторичных наименований, упоминаемое В. Н. Телия, – их мотивированность, наличие у них «внутренней формы», которая в данный период развития языка является живой или осознается его носителями как таковая. Внутренняя форма выступает в качестве посредника «между новым смыслом и его отнесенностью к действительности» [Телия, 1977, 140].

Одним из основных видов номинации, широко распространенным в рамках тематической группы фитонимов, является наименование по признаку.

Как отмечает Б. А. Серебренников, при знакомстве с новым предметом или явлением из всех имеющихся у него признаков человек выбирает «один, кажущийся ему характерным признак, уже имеющий в данном языке наименование, и

использует его для наименования нового предмета» [Серебренников, 1977, 160]. Иногда для называния одних и тех же предметов (а также явлений, процессов и состояний) в разных языках выбираются различные признаки; в других же случаях эти признаки одинаковы или сходны [Серебренников, 1977, 163–164]. Эти две ситуации наблюдаются, в частности, в народной номенклатуре растений и будут рассматриваться в 3 главе настоящей работы.

Наиболее сложный аспект, связанный с изучением наименования по признаку, – проблема выбора данного признака. Обычно считается, что при создании «звуковой оболочки слова» используется один из наиболее существенных признаков предмета. Однако не совсем ясно, что следует понимать под таковым и всегда ли в основу названия положено именно дистинктивное свойство объекта. Среди множества примеров, указывающих на подобные трудности, – названия растений и животных в разных языках. Так, рус. *береза* происходит от обозначения белого цвета, и этот признак достаточно дистинктивен: ни у одного другого дерева в лесу нет такой белой коры, как у березы. Венг. *nyirfa* «береза» состоит из двух компонентов: *nyir*, который можно связать со значением «прут», и *fa* «дерево». Но прутья, гибкие ветви и побеги могут иметь также ива, черемуха, ольха и другие деревья; поэтому признак, отраженный в данном названии, нельзя считать достаточным [Серебренников, 1977, 166–167].

На основании этих и других примеров автор приходит к следующему заключению: для номинации новых объектов «наряду с признаками бросающимися в глаза, обладающими большой различительной силой, могут быть выбраны маловыразительные признаки, различительная способность которых довольно слаба». Необходимо заметить, что данная тенденция верна при условии, что выбор признака происходит стихийно, без какого-либо предварительного плана, то есть в случае естественной номинации [Серебренников, 1977, 167].

Таким образом, по мнению Б. А. Серебренникова, выбор признака, на основании которого происходит наименование, – это лишь технический прием. Такой же точки зрения придерживается Г. В. Колшанский в своей работе «Соотношение субъективных и объективных факторов в языке». Как утверждает автор, признак,

лежащий в основе названия, «может быть самым различным»: он должен лишь иметь отношение к описываемому классу предметов, в остальном же «для номинации неважно, существен этот признак или нет». Так как выбор признака не определяет характер слова, этот признак «зависит не от способа абстракции, а от практических конкретных условий». К подобным условиям, которые могут оказать влияние на процесс и результат номинации, можно отнести культуру, традиции, географическую среду, особенности трудового процесса и т. д. [Колшанский, 1975, 71].

Данную особенность отмечает и Д. Н. Шмелев, характеризуя ее как «абстрагирующий характер лексики» – один из двух факторов, которые, по мнению ученого, лежат в основе любой номинации. Д. Н. Шмелев добавляет, что на выбор признака также могут влиять «конкретные отношения, сложившиеся в самом языке, прежде всего в лексике». Вторым основополагающим для номинации фактором является полифункциональность лексических единиц: это «способность языка при помощи ограниченных средств фиксировать и передавать всю безграничность человеческого опыта» [Шмелев, 1982, 4–5]. Многие слова, выражающие наши знания о мире (потенциально же все), могут иметь несколько значений, т. е. выступать в качестве разных единиц номинации. Таким образом, номинативные единицы, по которым в языке распределяется семантическое пространство, оказываются неоднородными в плане материального выражения; однако это не влияет на номинативную сущность данных единиц, т. е. на их способность служить обозначениями предметов [Шмелев, 1982, 5–6].

О случайности или неслучайности выбора признака номинации высказывается и Н. Д. Голев. По словам ученого, выделение одного из признаков предмета в качестве «мотивировочного» – это не длительный процесс, а акт, «до известных пределов допускающий воздействие субъективно-личностных и ситуативных факторов» [Голев, 1977]. У каждого наименования есть конкретный автор, который создает его в определенное время и в определенных условиях; по этой причине выбранный признак «может быть случайным, не отвечающим сущности называемого предмета» [Голев, 1977]. Однако далее Н. Д. Голев отмечает, что те-

зис о случайности признака, лежащего в основе названия, все же довольно односторонен. В номинации невозможно не заметить факторов, которые придают ей закономерный, естественный характер и оставляют мало пространства для «произвола называющего субъекта и взаимодействия на него ситуативных моментов» [Голев, 1977].

Ситуативность и произвольность выбора признака номинации корректируются механизмом узуализации; в ходе нее говорящие непроизвольно оценивают «правильность» окказиональных названий. Эта «правильность» заключается, помимо прочего, в том, что внутренняя форма названия должна отражать «более или менее существенные и общезначимые признаки». В результате наименования, имеющие в основе нетипичные и необщезначимые признаки, оказываются на периферии каждой тематической группы (например, среди названий птиц: *Иван Иванович* «аист белый», *чугунок* «зяблик») [Голев, 1977]. Напротив, обозначения, основанные на типичных и важных для человека признаках, становятся наиболее общеупотребительными. Данная ситуация характерна и для народной номенклатуры растений, что проявляется в примерах из Главы 2.

1.2. Исследования фитонимов германских и финно-пермских языков: историографический обзор

В соответствии с объектом изучения термином «фитоним» в настоящей работе обозначается единица народной номенклатуры растений. Этот термин является общепринятым в отечественной науке и, как правило, используется исследователями именно в указанном значении. Термином «фитоним» пользуются, в частности, В. Б. Колосова [Колосова, 2009], А. Б. Ипполитова [Ипполитова, 2008], И. В. Бродский [Бродский, 2006а, 2006б], О. Г. Рубцова [Рубцова, 2015], О. И. Василенко [Василенко, 2008а, 2008б], Н. Ш. Ягумова [Ягумова, 2015] и др.

Отдавая предпочтение этому термину, необходимо, однако, заметить, что слово *phytonym* не так часто встречается в англоязычных исследованиях: на наш взгляд, наиболее распространенным в зарубежной науке является термин «название растения» (англ. *plant name*, нем. *Pflanzenname*).

1.2.1. Исследования фитонимов германских языков

При изучении фитонимов какого-либо отдельного языка или группы языков, наряду со специфическими, уникальными особенностями, в языковом материале прослеживается и ряд **универсальных закономерностей** народной номенклатуры растений. Приведем концепции нескольких авторов, в которых общие принципы наименования растений рассматриваются на примере английского языка.

Брент Берлин, Деннис Э. Бридлав и Питер Х. Рейвен под номенклатурой понимают названия, которые даются классам растений и животных, а под классификацией – когнитивные отношения, существующие между данными классами. Хотя между этими двумя понятиями нет прямого соответствия, множество данных свидетельствует о том, что номенклатура практически идеально отражает народную таксономию [Berlin, 1973, 216].

Ученые отмечают несколько принципов народной классификации растений и животных:

1) Во всех языках существуют обозначения для различных по величине групп организмов, или таксонов (*oak* «дуб», *vine* «ползучее растение», *plant* «растение»).

2) Среди таксонов существует пять таксономических этнобиологических категорий (*taxonomic ethnobiological categories*), расположенных в иерархическом порядке: уникальное начальное понятие (*unique beginner*), жизненная форма (*life form*), родовое понятие (*generic*), видовое понятие (*specific*) и понятие, обозначающее сорт (*varietal*) [Berlin, 1973, 214–215].

3) Категория «уникальное начальное понятие» представлена одним таксоном (*plant* «растение»), который включает наибольшее количество видов и редко упоминается в речи.

4) Существует небольшое количество таксонов, входящих в категорию «жизненная форма»; они выражаются при помощи слов *tree* («дерево»), *vine* («ползучее растение»), *grass* («трава») и т. д. [Berlin, 1973, 215].

5) Таксоны, входящие в категорию «родовое понятие», обозначаются словами *rowan* («рябина»), *beech* («бук»), *yew* («тис») и т. д. Данные таксоны наибо-

лее многочисленны и лежат в основе всех народных классификаций растений и животных.

б) Таксоны, относящиеся к категориям «видовое понятие» и «понятие, обозначающее сорт», как правило, менее многочисленны, чем родовые понятия; они входят в наборы оппозиций, которые чаще всего состоят из двух классов. Примеры обозначений видовых понятий – *red rose* («красная роза»), *white rose* («белая роза»), *blue spruce* («голубая ель»), *red spruce* («красная ель»). Иногда они подразделяются на более мелкие классы – понятия, обозначающие сорт (*baby lima bean* «мелкоплодная лимская фасоль»). Однако последние редко встречаются в большинстве народных классификаций растений [Berlin, 1973, 215–216].

Йоан Милица также рассматривает универсальные закономерности, прослеживаемые в наименованиях растений, на примере фитонимов английского языка. Автор перечисляет некоторые лексические группы, члены которых могут входить в состав английских фитонимов и таким образом участвовать в их образовании. Слова, относящиеся к этим лексическим группам, обозначают следующие понятия:

1. части тела (*hand-leaved violet* «фиалка дланевидная», букв. «фиалка с листьями, напоминающими кисть руки»);
2. слова, обозначающие ощущения – вкус, запах, ощущение при осязании (*skunk cabbage* «симплокарпус вонючий» букв. «скунс-капуста»);
3. живые существа – животные, птицы, насекомые (*three birds* “*Triphora trianthophora*”, букв. «три птицы»);
4. другие растения (*poison oak* “*Toxicodendron quercifolium*”, букв. «яд-дуб»);
5. рукотворные предметы и инструменты (*lady's eardrops* «фуксия магелланская», букв. «сережки леди»);
6. отношения между людьми, например, родственные (*five sisters* “*Lysimachia quadrifolia*”, букв. «пять сестер»);
7. представления о чужих народах (*Indian chief* «дряквенник обыкновенный», букв. «индейский вождь»);

8. сказочные существа или христианские святые (*St George's herb* «валериана лекарственная», букв. «трава Святого Георгия»);

9. небесные тела: в эту группу входит большое количество народных и научных названий, содержащих компоненты со значениями «звезда», «солнце», «луна»;

10. время и пространство: многие фитонимы содержат информацию о времени созревания или начала роста растений, а также о месте их происхождения или обитания [Milicǎ, 2012, 115–116].

Н. Ш. Ягумова и З. А. Богус рассматривают мотивационно-номинативные маркеры фитонимов в английском и адыгейском языках. Авторы анализируют сложноструктурные фитонимы двух названных языков, содержащие признаки «природный локатив» и «географический локатив». Первый из данных признаков обозначает наименование места обитания растения и встречается в следующих фитонимах: *sea-beet* «свекла приморская» (букв. «морская свекла»), *beach grape* «виноград скальный» (букв. «прибрежный виноград»), *bog-violet* «жирянка обыкновенная» (букв. «болотная фиалка»), *wood-nettle* «крапива растопыренная» (букв. «лесная крапива»), *moor-berry* «клюква болотная» (букв. «пустошь + ягода»). Фитонимы, в которых выражен второй мотивационный признак, содержат в себе географическое название – страны, города, штата и т. п.: *Isle of Man cabbage* «пальма капустная» (букв. «капуста острова Мэн»), *Arctic birch* «карликовая береза (букв. «арктическая береза»), *Caucasian alder* «ольха сердцелистная» (букв. «кавказская ольха») [Ягумова, 2015, 138–140].

Авторы отмечают, что номинативные признаки, присутствующие в названиях растений, тесно связаны с национальными и культурными традициями, укладом жизни народа, а также социальными и природными условиями жизни носителей языка. Однако, несмотря на это и на различия в структурной организации фитонимов английского и адыгейского языков, они имеют много общих черт [Ягумова, 2015, 137; 141]. Подобный же вывод можно сделать и в отношении народных названий растений германских и финно-пермских языков, которые исследуются в настоящей работе.

Вышеперечисленные исследования делают акцент на поиске универсалий в народной номенклатуре растений. Другие же концентрируются главным образом на **специфических чертах**, присущих фитонимам германских языков. Эти особенности, конечно же, могут проявляться и в других языках, но рассматриваются в аспекте своей уникальности, применительно именно к английским и немецким народным представлениям о растениях, истории и культуре. При этом неизбежно возникает вопрос об упорядочивании и классификации всего множества фитонимов, о распределении их на группы на каком-либо основании. Чаще всего этим основанием становятся признаки номинации, положенные в основу названий; так проводим классификацию и мы в практической главе настоящей работы. При таком представлении материала перед исследователем встает несколько проблем: какие признаки упоминать; какие названия дать этим признакам; как сгруппировать признаки; какие из них можно объединить и, наоборот, развести и т. д. Приведем несколько решений этих проблем, предлагаемых разными учеными.

Том Бернс Хабер рассматривает фитонимы с компонентами «собака» и «собачий» в британском и американском вариантах английского языка. Автор разделяет анализируемые фитонимы на два больших класса – цветы и травы, с одной стороны, и деревья и кустарники – с другой. Среди названий трав и цветов выделяются три группы в зависимости от их мотивации. К первой группе относятся фитонимы, образованные на основании реального или вымышленного сходства между частями растения и частями тела собаки. Т. Б. Хабер отмечает, что собаки превосходят других домашних животных по разнообразию внешних особенностей; поэтому они с древних времен сравниваются со многими объектами природы, в том числе, с растениями. Среди примеров, которые приводит автор статьи в доказательство данного утверждения, есть следующие фитонимы: *dog's mouth* (букв. «собачья пасть») – «льнянка обыкновенная» и «львиный зев»; *dog's tongue*, *hound's tongue* (букв. «собачий язык») – «чернокорень», «песий язык»; *dog's ears* (букв. «собачьи уши») – «полынь»; *dog's finger* (букв. «собачий палец») – «наперстянка»; *dog's-tail-grass* (букв. «трава-собачий хвост») – «гребенник обыкновенный» [Haber, 1963, 28–33].

Ко второй группе фитонимов, обозначающих травы и цветы, относятся названия растений с лечебными и ядовитыми свойствами. Некоторые из них ядовиты, в том числе, для собак, например, *dog bane* (букв. «собака-яд», т. е. «собачий яд») – «борец северный»; *hemp dog bane* (букв. «конопля-собачий яд») – «кутра коноплевая»; *dog's poison* (букв. «собачий яд») – «кокерыш обыкновенный». Другие названия обозначают растения, которые собаки едят и которые для них полезны: *dog grass* (букв. «собака-трава») – «плевел» и «пырей ползучий»; *dog's tansy* (букв. «собачья пижма») – «лапчатка гусиная»; *heal-dog* (букв. «собачье лекарство») – «анис» и «бурачок чашечный». Наконец, к данной группе принадлежат названия растений, которым приписывается свойство лечить укусы собак: *mad-dog's berry* (букв. «ягода [от] бешеной собаки») – «паслен сладко-горький», *mad-dog wort* (букв. «бешеная собака-трава») – «лобулярия» [Haber, 1963, 33–35].

В третью группу фитонимов с компонентами «собака» и «собачий» входят названия, дающие цветам и травам отрицательную оценку. С помощью слов *dog* и *hound* растения описываются как дикие, непривлекательные, бесполезные или «неправильные» по другим причинам; при этом в фитонимах они сравниваются с «правильными», «полноценными» растениями [Haber, 1963, 35]. Так, кубышка желтая носит имя *dog lily* (букв. «собака-лилия», т. е. «собачья лилия»), потому что выглядит «более скромно», чем лилия или кувшинка – *water lily* (букв. «водяная лилия»). Одуванчик может называться *dog posy* (букв. «собака-букет») из-за своей невзрачности по сравнению с другими цветами; одуванчику, который цветет осенью, также дается определение «собачий» – *dog dandelion*. Триллиум обозначается фитонимом *dog-flower* (букв. «собака-цветок») из-за плохого запаха; разновидность пиретрума девичьего со слабым запахом в некоторых диалектах называется *dog-gowan* (букв. «собака-маргаритка»). Непригодный для пищи вид пшеницы имеет название *dog-wheat* (букв. «собака-пшеница»), а гусиный лук в фитониме *dog's onion* (букв. «собачий лук»), как и в русском языке, противопоставляется культурному растению [Haber, 1963, 35–37].

Мотивацией фитонимов *dog's tongue* и *hound's tongue* (букв. «собачий язык») – «чернокорень» – могли послужить как внешнее сходство какой-либо части растения с языком собаки, так и неприятный запах [Haber, 1963, 31–32]. Существует два взгляда на то, на каком свойстве основан фитоним *dog's mercury* (букв. «собачий пролесник») – «пролесник многолетний». Согласно одному мнению, это название объясняется тем, что растение ядовито для собак; другие ученые утверждают, что в данном случае компонент *dog* имеет пейоративное значение и используется для сравнения с другим, культурным видом пролесника [Haber, 1963, 33].

Отдельно Т. Б. Хабер рассматривает названия деревьев и кустарников с компонентами «собака» и «собачий». Наиболее распространенным из них является фитоним *dogwood* (букв. «собака-дерево», т. е. «собачье дерево»), который обозначает представителей рода «кизил», а также множество других растений. Согласно автору, в данном случае компонент *dog* имеет пейоративное значение; это подтверждается существованием устойчивого выражения *dogwood winter* (букв. «собачья зима», «кизиловая зима») – «заморозки в конце весны, когда цветет кизил». Слово *dogwood* встречается и как часть других фитонимов: *alder dogwood* (букв. «ольха-собачье дерево») – «крушина ольховидная»; *poison dogwood* (букв. «яд-собачье дерево»), *swamp dogwood* (букв. «болотное собачье дерево») – «сумах ядоносный». Кроме того, существуют такие названия, как *dog-berry* (букв. «собака-ягода»), *dog ells* [*elder*] (букв. «собака-бузина») – «калина»; *dog heather* (букв. «собака-вереск») – «вереск обыкновенный»; *dog oak* (букв. «собака-дуб») – «клен»; *dog's apple* (букв. «собачье яблоко») – «каперсы травянистые» (кустарник и плод) [Haber, 1963, 37–40].

О. П. Рябко анализирует сложноструктурные фитонимы в английском языке, рассматривая особенности их номинации с позиций когнитивной теории. Названия растений «выступают как продукт обыденно-когнитивного сознания носителей языка» [Рябко, 2016, 104]. В связи с этим выделяется три типа номинации: параметрическая (связана с внешним перцептивным восприятием растения),

собственно прагматическая (определяется практическими потребностями) и локативно-темпоративная [Рябко, 2016, 104–105].

В частности, в рамках параметрического типа номинации выделяются «номинативно доминирующие» (форма, «внешний вид и манера роста», цвет растения) и периферийные признаки (запах, размер, консистенция, тактильность, вкус, звук и др.). Данные признаки могут выражаться при помощи прямой или непрямой (косвенной) номинации. В частности, при именовании растений по форме прямая номинация используется редко: в данном случае в составе фитонима присутствует «ограниченное число имен прилагательных, непосредственно обозначающих геометрическое понятие “форма”» (*round* «круглый», *square* «квадратный», *oval* «овальный» и т. п.) [Рябко, 2016, 105–106].

Сложноструктурные фитонимы, в которых присутствует косвенная номинация, в свою очередь, разделяются на эндо- и экзоцентрические. В первом случае значение формы выражается ассоциативно, с помощью метафорического переноса: *sword-grass*, букв. «меч-трава» (несколько растений с листьями в форме меча, среди них – гладиолус); *starwort*, букв. «звезда-трава» (некоторые растения со звездообразными цветками) [Рябко, 2016, 106–107].

В экзоцентрических фитонимах признак формы выражается имплицитно; при этом может происходить полная метафоризация обоих компонентов слова, а также метонимизация всей лексической единицы. К подобным названиям относятся следующие: *monk's-hood*, букв. «капюшон монаха» («растение из рода *Aconitum*, названное так из-за сходства по форме»); *sundew*, букв. «солнце-роса» («любое растение из рода *Drosera*, в который входят небольшие травы, ... листья которых покрыты волосками, выделяющими клейкие капли, которые блестят на солнце, подобно росе») [Рябко, 2016, 107].

Классификация германских фитонимов по признакам номинации может проводиться не только в синхроническом, но и в диахроническом аспекте. Такой подход продемонстрирован в монографии Ульрике Кришке [Krischke, 2013]. Автор рассматривает древнеанглийские фитонимы, образованные путем словосложения, с точки зрения морфологии, семантики и этимологии. В частности,

У. Кришке приводит классификацию признаков номинации («мотивационных категорий» в терминологии автора), которые можно обнаружить в этих названиях. Необходимо отметить, что данная классификация имеет значение для анализа ботанической лексики английского языка в целом (в синхроническом и диахроническом аспектах), а не только лексики, относящейся к начальному периоду его развития. Довольно много древних наименований сохранилось в современном английском языке; кроме того, фитонимы, используемые в настоящее время, в значительной степени следуют тем же признакам номинации.

У. Кришке описывает 30 признаков номинации, располагая их в порядке уменьшения количества относящихся к ним слов. Зачастую в названии сочетается несколько признаков, что позволяет отнести его к нескольким из перечисленных ниже групп.

1. Ботаническая информация – «мотивационная категория», лежащая в основе трети всех древнеанглийских сложных фитонимов. Слова, входящие в эту группу, содержат компонент со значением «растение» или «жизненная форма», который обозначает положение растения в системе народной номенклатуры (*ācmistel* «омела белая», букв. «дуб-омела»; *bēctreow* «бук», букв. «бук-дерево») [Krischke, 2013, 161–162].

2. Место произрастания. Этот признак может быть выражен прямо (в таком случае указывается географический объект, возле которого встречается растение: например, *ēacærsa* «жеруха лекарственная», букв. «вода-кресс», «река-кресс») или опосредованно (путем названия флоры или фауны, типичной для места обитания растения: *hindheolap* «посконник коноплевидный», букв. «лань-девясил») [Krischke, 2013, 163].

3. Часть растения. Компоненты сложных фитонимов древнеанглийского языка указывают на разнообразные части растений: к ним относятся, например, ветви (*misteltān* «омела», букв. «омела-ветка»), листья (*hoclēaf* «мальва лесная», букв. «мальва-лист»), семена (*fuglesbēan* «горошек мышинный», букв. «птичий боб») и т.д. [Krischke, 2013, 164].

4. **Форма** той или иной части растения также лежит в основе мотивации многих наименований. Так, в фитониме *hollēac* «лук-шалот» (букв. «полый лук») отражен признак «имеющий полые листья», а первый элемент фитонима *candelwurt* «коровяк обыкновенный» (букв. «свеча-трава») передает форму цветущего стебля. В первом случае признак формы называется прямо, а во втором (как и в большинстве слов данной группы) – метафорически [Krischke, 2013, 164].

5. **Цвет** (*goldwurt* «календула лекарственная», букв. «золото-трава»; *blæc īfig* «плющ», букв. «черный плющ»). Мотивация первого названия основана на окраске цветов, второго – на цвете плодов плюща [Krischke, 2013, 164–165].

6. **Размер** – «мотивационная категория», которая может относиться как к различным частям растения, так и к растению в целом. Этот признак присутствует в таких фитонимах, как *grēate bānwurt* «окопник лекарственный» (букв. «высокий окопник») и *snēowholen* «иглица колючая» (букв. «колено-падуб»). Во втором примере компонент *snēow* указывает на небольшую высоту растения [Krischke, 2013, 165].

7. **Связь с животными.** В словах, относящихся к этой категории, содержится указание на связь, которая существует между растением и тем или иным животным. Эта связь может состоять, например, в том, что насекомых привлекает запах растения (*bēowurt* «мелисса лекарственная», букв. «пчела-трава») или в том, что оно используется для корма (*cicena mete* «звездчатка средняя», букв. «еда цыпленка») [Krischke, 2013, 165].

8. **Действие**, которое может совершать растение, является мотивацией довольно большого числа фитонимов. Среди таких названий – *clifwurt* «лопух большой» (букв. «прилипающая трава») [Krischke, 2013, 165].

9. В некоторых наименованиях признаком номинации является **болезнь**, которую лечит растение. При этом одним из компонентов сложного слова может становиться название части тела, подверженной этой болезни (*bānwurt* «маргаритка многолетняя», букв. «кость-трава») [Krischke, 2013, 165–166].

10. **Происхождение** растения, то есть изначальный ареал его распространения, может быть выражен различными способами. К ним относится элемент со

значением «сторона света» (*sūberne wudu* «полынь лечебная», букв. «южное дерево») и прямое обозначение страны (региона, континента) его происхождения (*affricanisc æppel* «гранат», букв. «африканское яблоко») [Krischke, 2013, 166].

11. **Свойства поверхности** растения: в первом элементе фитонима *furhwudu* «сосна» (букв. «борозда-дерево») отражена особенность древесины сосны.

12. **Дикое растение.** В состав некоторых сложных наименований входит прилагательное *wild* «дикий», указывающий на то, что растение является дикорастущим (*wilde cyrfet* «тыква», «колоцинт», «переступень», букв. «дикая тыква») [Krischke, 2013, 166].

13. **Вкус** (*eorþgealla* «василек», букв. «земля-желчь»; *milscapuldor* «яблоня», букв. «сладкое яблоневое дерево»).

14. Категория «**количество**» находит выражение в шести сложных фитонимах. В данных словах первый компонент обозначает число листьев (*seofonlāafe* «лапчатка прямостоячая», букв. «семь-лист») или их частей, которые на вид подобны отдельным листьям (*fiffingre* «лапчатка получая», букв. «пять-палец») [Krischke, 2013, 166–167].

15. **Инструмент:** в данную группу входят названия, мотивация которых основана на использовании растения в различных целях. Примером может служить фитоним *haguforn* «боярышник», букв. «изгородь-колючка» (боярышник используется для сооружения живых изгородей).

16. **Использование в пищу.** Важнейшая функция растений – использование их в пищу человеком или животными – находит малое отражение в сложных фитонимах древнеанглийского языка. Этот признак встречается в шести наименованиях. Одно из них – *mæstentrēow* «дуб пробковый» (букв. «корм-дерево»): плоды этого дерева поедаются свиньями [Krischke, 2013, 167].

17. **Человек.** В небольшом количестве названий тем или иным способом упоминаются люди. В частности, одним из компонентов слова может быть имя собственное (*fornētes folm* «ятрышник», букв. «ладонь Форнеота»).

18. **Эффект,** который производит растение при прикосновении к нему, упоминается примерно в пяти фитонимах. Так, название яснотки – *blind(e)net(e)l(e)* –

буквально переводится как «слепая крапива» (она не создает «жгущее» ощущение, в отличие от «обычной» крапивы) [Krischke, 2013, 167].

19. **Запах** является признаком номинации в названии крушины ольховидной – *fūla beam* (букв. «отвратительное дерево», «дерево с отвратительным запахом»).

20. Ярко выраженные **лечебные свойства**. Пять фитонимов обозначают растения как ценные с точки зрения медицины. Таковым является подорожник ланцетный (*lāsewurt*, букв. «лекарь-трава») [Krischke, 2013, 167–168].

21. **Болезнетворный элемент**, который содержит растение, упоминается в пяти фитонимах. Факторами, способными вызвать болезнь, считались, в том числе, сверхъестественные существа (*ælfpone* «паслен сладко-горький», букв. «эльф-усик»).

22. «**Неполноценность**», более низкое качество растения по сравнению с другим представителем вида в народной систематике. Одним из элементов подобных фитонимов выступает название животного (*horsminte* «мята длиннолистная», букв. «лошадь-мята») [Krischke, 2013, 168].

23. **Продукт**, который производился из растения или его частей (*elebēam* и *eletrēow* «маслина европейская», букв. «масло-дерево») [Krischke, 2013, 169].

24. Признак «**общий внешний вид**» подразумевает, что одно растение имеет сходство с другим более чем в одной своей особенности. Это прослеживается в названии колючника бесстебельного (*snīpstrēo*, от *snīpan* «резать» и *strēo* «солома»). Его лепестки сухие, в целом похожи на солому и выглядят острыми [Krischke, 2013, 169; 382–383].

25. Указание на **время** содержится в четырех сложных фитонимах. Один из них – название маргаритки *dæges ēage* (букв. «око дня»): лепестки растения открываются утром и закрываются вечером.

26. В нескольких фитонимах обозначена **угроза**, от которой, согласно поверьям, защищает растение. Как правило, это гром и молния (*punorclāfre* «живучка ползучая», букв. «гром-клевер») [Krischke, 2013, 169].

27. **Пол растения** обозначается только в одном фитониме из рассмотренных У. Кришке. Это название хмеля *ēowihymele* (букв. «овца-хмель»): вероятно, име-

ется в виду женская особь раздельнополого растения, что выражено в первом элементе слова.

28. **Звук**, который издает растение (*hrætelwyrт* «погремок», букв. «грохот-трава») [Krischke, 2013, 169–170].

29. Для некоторых сложных древнеанглийских фитонимов **мотивация не определена**. Причины этого различны. Иногда невозможно установить значение одного или нескольких элементов (в слове *hæwenh(n)ydele* «ложечница лекарственная» неясно значение компонента *h(n)ydele*); в других случаях сложно понять связь между называемым растением и переводом отдельных элементов фитонима (*æppellēaf* «фиалка», букв. «яблоко-лист») [Krischke, 2013, 170]. В последнем случае фитоним может быть мотивирован тем, что листья фиалки по форме напоминают яблоко.

30. Встречаются также случаи **народной этимологии**, в которых одно слово уподобляется другому на основании звучания, или звуковой модели. В этот формальный процесс может также включиться вторичная семантическая мотивация. Так, латинское заимствование *asarum* преобразовалось в *hæselwyrт* («копытень европейский», букв. «лещина-трава») по причине фонетического сходства слов *asarum* и *hæsel*; это изменение было также подкреплено вторичной мотивацией – копытень обычно растет под кустами лещины [Krischke, 2013, 170].

Н. Б. Кудрявцева выделяет пять основных типов номинаций травянистых растений в немецком языке:

1. Номинации, обозначающие морфологические признаки растений – характер и внешний вид листьев, стеблей и побегов, корня, цветков или соцветий, плодов и семян, а также общий облик растений (*Hasenohr*, букв. «заячье ухо» – «мелисса»; *Nachtkerze*, букв. «ночная свеча» – «энотера»);

2. Номинации, обозначающие квалификативные признаки растений – колоративные, темпоральные, а также признак запаха (*Himmelbrand*, букв. «небопожар» – «золотарник»; *Maiblume*, букв. «май-цветок» – «ясменник душистый»);

3. Номинации, указывающие на территорию обитания (*Heidekraut*, букв. «пустошь-трава» – «вереск»);

4. Номинации, маркирующие способы и сферы применения растений, в частности, в быту и в народной медицине (*Suppenlauch*, букв. «суп-лук» – «лук-скорода»; *Heil aller Schaden*, букв. «целитель всех болезней» – «омела») [Кудрявцева, 2004, 16–18];

5. Номинации на основе легенд, мифов и суеверий. В качестве примера данного типа номинации автор приводит фитоним *Pfefferminze* (букв. «перец-мята» – «мята перечная»). Согласно Н. Б. Кудрявцевой, в основе этого наименования лежит легенда из классической мифологии: Плутон влюбился в нимфу по имени Мента, и его ревнивая жена Персефона превратила нимфу в растение, красота и благоухание которого привлекают к себе внимание по сей день (лат. *Mentha* «мята») [Кудрявцева, 2004, 18]. Однако, на наш взгляд, данный пример не совсем корректен: легенда послужила мотивацией родового названия, которое было заимствовано немецким языком из латинского (в который оно попало, в свою очередь, из греческого). Мотивацией же фитонима *Pfefferminze*, вероятно, стал перечный привкус листьев растения [DWDS].

Фитонимы немецкого языка в целом и в особенности названия, относящиеся к швейцарским диалектам, изучает М. Х. Граф. Ссылаясь на исследование, проведенное в 1930 г. Мартой Эгли, он перечисляет признаки номинации, присутствующие в швейцарских фитонимах:

1. Применение растения или его отдельных частей – 17,39 % названий (*Brandlattich* «мать-и-мачеха», букв. «ожог-латук»);

2. Место произрастания – 12,6 % (*Bergchöbli* «кокушник черный», от *Berg* «гора»);

3. Форма цветка или соцветия – 12,19 % (*Maieglogge* «ландыш майский», букв. «майский колокольчик»: в данном фитониме также указывается на время цветения);

4. Цвет цветка или соцветия – 11,5 % (*Tinteblüemli* «гадючий лук кистистый», букв. «чернила-цветок»);

5. Время цветения – 7,53 % (*Herbstbluet* «безвременник осенний», букв. «осень-цветок»);

6. Непригодность в пищу – 7,26 % (*Hungerblüemli* «очанка лекарственная», букв. «голод-цветок»);

7. Особенности листьев – 6,43 % (*Eselshueb* «мать-и-мачеха», букв. «ослиное копыто»);

8. Особенности плодов или семян – 5,89 % (*Chornrolle* «мак-самосейка», от *Chorn* «зерно, зернышко» и *Rolle* «какой-л. округлый предмет»);

9. Внешний облик всего растения – 4,79 % (*Waldscharlei* «некоторые виды шалфея», букв. «лес-шалфей»): второй компонент указывает на то, что общий вид растения соответствует народному образу прототипического представителя рода «шалфей»);

10. Ядовитые свойства растения или его отдельных частей, их вредное воздействие – 4,79 % (*Giftbluem* «аконит», букв. «яд-цветок»);

11. Содержание в растении сока с какими-либо особенными свойствами – 4,38 % (*Zuckerbluem* «клевер луговой», букв. «сахар-цветок»);

12 – 16. Иные признаки (каждый – менее 4 %) [Graf, 2010, 20–21].

При изучении народной номенклатуры растений возникает ряд специфических **трудностей**, которые происходят из особенностей этой группы лексики. Некоторые исследователи уделяют этим трудностям отдельное внимание – предлагая свое объяснение тому, как они возникли в языке, или просто описывая те аспекты, которые следует учитывать, имея дело с народными фитонимами.

Рой Викери перечисляет некоторые из таких трудностей, сопровождающие изучение народных и в особенности диалектных фитонимов. Так, часто бывает сложно определить точное количество записанных слов, потому что написание одного и того же фитонима может различаться в источниках. Например, в качестве названий колокольчика разными авторами приводились фитонимы *craw-taes*, *craw-tees* и *craw-toes* (букв. «вороньи пальцы»). При этом одним растениям соответствует множество диалектных фитонимов, другим – всего лишь несколько, а некоторые совсем не имеют названий [Vickery, 2010, 107–108].

Мускусная мальва (*musk mallow*) – растение, довольно распространенное в Великобритании и имеющее заметный внешний вид. Однако, помимо общеприня-

того названия, ему соответствует только три фитонима – *jagged mallow* (букв. «зубчатая мальва»), *vervain mallow* (букв. «вербеновая мальва») и *buttons* (букв. «пуговицы»), первые два из которых относятся к книжному стилю. Напротив, колокольчик (*bluebell*) имеет примерно 70 диалектных названий, в которых выражаются разные признаки номинации. Некоторые фитонимы, например, *adder's flower* (букв. «цветок гадюки»), *cuckoos* (букв. «кукушки»), *cuckoo's stockings* (букв. «кукушкины чулки»), связаны со временем цветения колокольчика, когда выползают гадюки и с юга возвращаются кукушки. Другие, как и распространенное название *bluebell*, описывают внешний вид цветка: например, *blue bonnets* (букв. «голубые шляпки»), *wood bells* (букв. «лесные колокольчики») и т. д. [Vickery, 2010, 108].

В английских диалектах существует более 100 фитонимов, которые обозначают ятрышник мужской (*early purple orchid*). Как и в случае с колокольчиком, некоторые из них связаны со временем цветения растения: *adder's flower* (букв. «цветок гадюки»), *adder's tongue* (букв. «язык гадюки»), *cuckoo-bud* (букв. «кукушка-бутон»), *goslings* (букв. «гусята»), *goose-and-goslings* (букв. «гусь и гусята»). Последние два названия можно объяснить тем, что ятрышник мужской цветет, когда вылупляются первые гусята. Это растение также обозначается фитонимами *bloody-man's fingers* (букв. «пальцы окровавленного человека»), *butcher* (букв. «мясник»), *red butcher* (букв. «красный мясник»): на листьях ятрышника есть пурпурные пятна, а вытянутое соцветие пурпурного или фиолетового цвета может напоминать окровавленный палец. Мотивацией еще одного названия этого растения – *Adam-and-Eve* (букв. «Адам и Ева») – послужили особенности строения корней. У ятрышника есть два корневых клубня: первый сохраняется с прошедшей зимы, а второй, поменьше, только формируется; поэтому первый корень при номинации мог ассоциироваться с мужчиной, а второй – с женщиной [Vickery, 2010, 108–109].

Еще одна группа проблем – по терминологии В. А. Меркуловой, (см. раздел 1.1.) «отсутствие однозначности» в лексической группе народных наименований. Некоторые английские диалектные фитонимы могут применяться к большому ко-

личеству растений, которые обладают называемым признаком. Так, растения с симметричными и яркими цветками носят название *bachelor's buttons* (букв. «пуговицы холостяка»); к ним относятся куколь, калужница болотная, василек, гравилат речной и др. *Billy-buttons* (букв. «пуговицы Билли») – еще один фитоним, обозначающий растения с яркими цветками, например, алтей розовый, калужница болотная, ветреница лесная. Причиной появления данного названия могло стать то, что дети украшают этими цветками одежду. Растения с небольшими яркими цветками (очный цвет полевой, герань Роберта), иногда синими (вероника дубравная, незабудка) в разных областях Великобритании носят имя *bird's-eye* (букв. «птичий глаз») [Vickery, 2010, 113–114].

М. Х. Граф иллюстрирует отсутствие однозначности среди фитонимов на примере немецкого языка и в особенности его швейцарских диалектов. Среди цветов, имеющих множество названий, – белоцветник весенний (*die Frühlings-Knotenblume* или *das Grosse Schneeglöckchen* в стандартном немецком): в швейцарских диалектах ему соответствуют обозначения *Märzebluem*, *Märzeglöggli*, *Geisseblüemli*, *Ramsele*, *Högerli*, *Egelbluem* и другие [Graf, 2010, 21].

На основании немецкого и диалектного швейцарского материала М. Х. Граф делает выводы о том, какие растения получают народные названия:

1. Распространенные, часто и повсеместно встречающиеся виды (65 %);
2. Кормовые, овощные культуры и садовые растения (18 %);
3. Растения, используемые в определенных целях, в особенности лекарственных (7,4 %);
4. Растения, выделяющиеся какой-либо заметной особенностью (красотой цветков, ядовитыми свойствами и т. д.) (5,3 %);
5. Прочие растения (4,3 %) [Graf, 2010, 21].

Однако подавляющее большинство растений все же не имеют диалектных названий; к ним можно отнести:

1. Виды, которые встречаются нечасто или редко, или же произрастают только в Альпах или вне немецкого языкового ареала (около 89 % видов, не имеющих названий в диалектах);

2. Виды, очень похожие на растения, имеющие народные наименования, и не отличающиеся от последних;

3. Травы и растения, напоминающие травы;

4. Растения с неприметными цветками (чаще всего маленькими белыми цветками);

5. Растения, обитающие во влажных, труднопроходимых местах, а также в водной местности [Graf, 2010, 21–22].

Разнообразные трудности могут возникать при определении мотивации фитонимов; особняком здесь стоит определение признаков, лежащих в основе древних названий, часто однокомпонентных (или воспринимаемых как однокомпонентные в современности).

Т. Старк анализирует фитонимы немецкого языка с суффиксом *-ing* (*-ling*). Лексические единицы, образованные при помощи данного суффикса в современный период, имеют преимущественно пейоративное значение (под современным периодом автор понимает состояние языка начиная как минимум с XVIII в.; этот отрезок можно продлить и до настоящего времени). В более древнюю эпоху суффикс использовался для образования имен нарицательных с конкретным значением, в особенности названий растений [Starck, 1920, 283].

Согласно Т. Старку, суффиксу *-ing* (*-ling*) в составе фитонимов невозможно приписать какую-либо определенную функцию или значение; однако автор выделяет три основных ситуации, в которых данный суффикс встречается в названиях растений:

1. Чаще всего новое слово мотивировано какой-либо значимой характеристикой растения – цветом (*Rötling* «рыжик», от *rot* «красный»); вкусом (*Sauerling* «кислинчик», от *sauer* «кислый»); формой (*Spitzling* «овсюг», от *spitz* «острый, остроконечный»); способом произрастания (*Winderling* «повой заборный», от *Winder* «вьющееся растение»). Во многих случаях признаком номинации становится также место обитания растения (*Strändling* «шнурочница прибрежная», от *Strand* «морской берег»).

2. Основой для наименования может стать старое слово, которое было забыто, а также иноязычное или незнакомое слово (*Kümmerring* «огурец» < лат. *cucumer*; *Kicherling* «чина посевная» < лат. *cicer*) [Starck, 1920, 284].

Как отмечает автор, ботаническая номенклатура до XIX в. представляла собой чрезвычайно запутанную систему. Одной из причин этого было неверное понимание рядовым населением научных и иноязычных названий растений, которые адаптировались в соответствии с особенностями того или иного диалекта или наречия. Похожие изменения могли иногда происходить также со средне- и древневерхненемецкими названиями, которые тоже были незнакомы обычным носителям языка. В результате таких преобразований названия растений нередко получали суффикс *-ing* (*-ling*) [Starck, 1920, 283–284].

3. Некоторые из наименований с суффиксом *-ing* (*-ling*) мотивированы названиями животных (*Gänsemening* «лапчатка гусиная», от *Gans* «гусь») [Starck, 1920, 284].

Обратим внимание на еще один аспект изучения фитонимов германских языков – исследование их **этимологии**. Английская и немецкая народная ботаническая лексика довольно хорошо изучены в диахроническом ключе. Это стало возможным благодаря долгой истории национальной письменности, древней традиции перевода и создания оригинальных трудов по ботанике и медицине. Среди задач, которые возникают в этом направлении исследования фитонимов – определение происхождения отдельных наименований растений и выделение целых хронологических пластов лексики.

В совместной статье Г. Зауэр и У. Кришке исследуют лингвистический и лексикографический аспекты изучения древнеанглийских фитонимов. Среди прочих вопросов авторы рассматривают этимологию слов из этой группы лексики. С точки зрения этимологии ученые выделяют четыре группы названий, которые требуют анализа и обсуждения исследователями: исконно английские слова; заимствованные названия; кальки и смешанные образования; слова с неясной этимологией [Sauer, 2004, 181–183].

Среди исконных древнеанглийских фитонимов присутствует четыре хронологических пласта:

1. К словам общеиндоевропейского происхождения относятся, в частности, названия некоторых деревьев: *æsc* «ясень» (совр. англ. *ash tree*, нем. *Esche*) < герм. **aski(z)* < и.-е. **os-*, *osk-*; *hæsil* «лесной орех» (совр. англ. *hazel*, нем. *Hasel[nuß]*) < герм. **χasalaz* < и.-е. **kosolos* [Sauer, 2004, 181];

2. К общегерманскому периоду восходит ряд названий овощей, цветов и травянистых растений: *lēac* «лук-порей» (сов. англ. *leek*, нем. *Lauch*) < герм. **lauka(z)*; *thistil* «чертополох» (совр. англ. *thistle*, нем. *Distel*) < герм. **pistila* и т.д.;

3. Фитонимы западногерманского происхождения включают следующие слова: *dil* «укроп» (совр. англ. *dill*, нем. *Dill*) < зап.-герм. **delja*; *wer-mōd* «полынь» (совр. англ. *wormwood*, нем. *Wermut*) < зап.-герм. **wermōda-*;

4. Некоторые фитонимы впервые встречаются в древнеанглийский период; к таким собственно английским названиям относятся, например, *brēr* «шиповник» (совр. англ. *briar*, нем. *Dornstrauch*) и *sūre* «щавель» (совр. англ. *sorrel*, нем. *Sauerampfer*) [Sauer, 2004, 181].

Начиная с западногерманской эпохи в языке (который впоследствии стал древнеанглийским) среди фитонимов стали появляться заимствования. Так, к заимствованиям относится слово *finugl*, *funul* «фенхель» (совр. англ. *fennel*, нем. *Fenchel*) < лат. *feniculum*. При изучении древнеанглийских текстов, содержащих фитонимы, зачастую сложно определить, каким образом то или иное латинское название воспринималось современниками – как заимствование или же как иностранное слово, еще не вошедшее в язык [Sauer, 2004, 181–182].

Промежуточное положение между исконными и заимствованными словами занимают кальки и смешанные образования. При калькировании древнеанглийское название создается по модели иноязычного (как правило, латинского), но при этом используется исконный материал; в смешанных образованиях в качестве одного из компонентов выступает заимствованное слово. Оба вида образований чаще всего являются сложными (составными) словами [Sauer, 2004, 182].

Кальки в области древнеанглийских фитонимов передают исходное слово с различной степенью точности. По этому признаку их можно разделить на три вида:

1. **Дословные кальки** (нем. *Lehnübersetzungen*, англ. *loan translations*), в которых передается каждый компонент оригинала (да. *wulfes camb* «ворсянка лесная», букв. «волчья расческа» < лат. *pecten vulpis*). Кальки этого вида наиболее многочисленны среди древнеанглийских названий растений;

2. **Кальки-переложения** (нем. *Lehnübertragungen*) являются более редкими по сравнению с предыдущим типом. Они передают один из элементов оригинала дословно, а другую часть – более свободно (да. *bēo-wyrt* «мелисса лекарственная», букв. «пчела-трава» < лат. *apiago, apiastrum*: в отличие от латинского фитонима, древнеанглийский является сложным словом) [Sauer, 2004, 182];

3. Самым редкой разновидностью являются **кальки с применением смыслового развития** (нем. *Lehnschöpfungen*, англ. *loan creations*). Они не имеют с составными частями предполагаемого оригинала ни формального, ни семантического сходства. Однако «отправной точкой» для их создания служат знания о латинской и греческой ботанике и медицине, об особенностях применения растений в классической традиции, которые оказывают влияние на мотивацию создаваемого фитонима. Так, да. *wēde-berge* «чемерица белая» (букв. «безумие-ягода») в медицинских текстах и глоссариях соответствует лат. *elleborum album*. Появление элемента *wēde* («сумасшедший, безумный») можно объяснить античным поверьем о том, что растение излечивает безумие [Sauer, 2004, 182; d’Aronco, 1988, 30].

К **смешанным образованиям** относится, в частности, фитоним *ciris-bēam* «вишня» (букв. «вишневое дерево»). Его первый компонент был заимствован из латыни (*ciris* < *cerasius, cerasium*), но не как самостоятельное слово, а лишь в составе данного сложного наименования. В этом и подобных случаях исконный компонент *bēam* («дерево») служит своего рода пояснением заимствованного элемента [Sauer, 2004, 183].

Среди фитонимов древнеанглийского языка присутствует также довольно много лексических единиц с неясной, спорной этимологией. Один из таких случаев – *cearrucaе, cearricaе* «? петрушечник ароматный» (совр. англ. *stone parsley*,

букв. «камень-петрушка»). Предлагаются следующие версии происхождения этого названия: а) заимствование из кельт. **karruk* «скала»; б) заимствование из лат. *carruca* или *carrigium* «телега»; в) заимствование и одновременно намеренное искажение формы лат. *siriacus*. По мнению Г. Зауэра и У. Кришке, наиболее вероятной является первая версия происхождения фитонима [Sauer, 2004, 183].

М. Х. Граф выделяет четыре хронологических слоя среди фитонимов немецкого языка:

1. а) Древнейшие фитонимы, к которым относятся названия деревьев: *Eiche* «дуб», *Buche* «бук», *Eibe* «тис», возможно, *Tanne* «ель» и т. д. (данные слова имеют общеиндоевропейское или общегерманское происхождение) [Graf, 2010, 23–24].

б) В этот же словарный фонд входят названия растений, пришедшие в общегерманский праязык из языкового субстрата. К ним относятся, в частности, названия культурных растений – *Gerste* «ячмень», *Dinkel* «спельта», *Roggen* «рожь». Известно, что зерновые культуры, в настоящее время обозначаемые данными названиями, несколько тысяч лет назад были завезены из Передней или Малой Азии в Центральную Европу [Graf, 2010, 24].

с) В третью группу в составе древнейших фитонимов М. Х. Граф включает слова, которые пришли в общегерманский язык с Ближнего Востока через средиземноморское посредничество: в отличие от названий из предыдущей группы, они попали в германский словарный состав косвенным образом. Данные слова были заимствованы вместе с обозначаемыми ими растениями; к ним, вероятно, относятся такие фитонимы, как *Hirse* «просо; пшено» и *Hanf* «конопля» [Graf, 2010, 24].

2. Второй хронологический слой состоит из ранних «культурных заимствований», которые относятся уже к историческому, а не доисторическому времени. Это, как правило, латинские заимствования (*Kirsche* «вишня», *Birne* «груша»), которые попали на территорию современной Германии вместе с соответствующими растениями [Graf, 2010, 24].

3. К третьему слою относятся книжные заимствования, а также заимствования, относящиеся к торговой сфере, которые появились в немецком языке между

поздней античностью и ранним Новым временем. Проникновение фитонимов данной группы в язык происходило посредством следующих источников: латинских и греческих научных трудов в области ботаники в передаче ученых-схоластов и позднее гуманистов; профессионального знания о выращивании растений начиная с раннего Средневековья; гастрономической литературы XIV – XVI вв.; традиции народной медицины, а также специальной аптечной лексики [Graf, 2010, 24–25].

4. К четвертому слою немецкой фитонимической лексики относятся «позднейшие культурные заимствования» – названия растений, которые появились в немецком языковом ареале в результате довольно поздних культурных контактов. Так, слово *Zwetschge* «слива», как и само растение, проникло на немецкоязычную территорию с Востока в период Крестовых походов. В данную группу входят и названия растений, ставших известными в Европе сравнительно недавно (*Mais* «кукуруза», *Tomate* «помидор», *Melone* «дыня»), а также тех видов, которые и ранее были знакомы носителям немецкого языка и имели исконные названия. К последним относятся, в частности, такие фитонимы: *Rucola* «рукола» (искон. нем. *Wildsenf*, *Weissenf* известны с XII в.), *Barba di Frate* «подорожник оленерогий» (искон. нем. *Krähenfuss-Wegerich*, *Hundszahn* и др.), *Clima di Rapa* «репа» (искон. нем. *Stengelkohl*, швейц. *Ankenräps*) [Graf, 2010, 25].

1.2.2. Исследования фитонимов финно-пермских языков

В поле финно-пермских фитонимов наблюдается не так много исследований, прослеживающих **универсалии в народной номенклатуре растений**. Одна из таких работ – диссертация О. Г. Рубцовой, посвященная названиям лекарственных растений в русском, марийском, немецком и латинском языках.

О. Г. Рубцова рассматривает следующие признаки номинации (по терминологии автора – «мотивемы»), присутствующие в обозначениях лекарственных растений: 1) применение в медицине; 2) бытовое использование; 3) вкус и запах; 4) внешний вид; 5) место и условия произрастания; 6) время цветения; 7) цвето-

обозначение; 8) фаунистическая лексика; 9) народные поверья, суеверия; 10) религиозные верования; 11) антропоним [Рубцова, 2015, 44].

Рассмотрев названия растений, которые по своей мотивации относятся к данным 11 группам, О. Г. Рубцова отмечает наиболее продуктивные номинации для каждого из языков. Ведущей мотивемой для немецкого языка, как и для латинского, является время цветения. Подобное совпадение объясняется тем, что территория современной Германии была завоевана Римом, и на ней, как и во всей Римской империи, происходил процесс латинизации. Второй по частотности принцип номинации – «религиозные верования»; это связано со значительной ролью, которую играла церковь в средневековой Европе. Часто в описанных фитонимах немецкого языка обозначается и место произрастания: этот признак важен для определения наилучшего места сбора и заготовки лекарственного растения [Рубцова, 2015, 143].

В марийском языке наибольшее количество фитонимов принадлежат к группам «фаунистическая лексика» и «внешний вид». Третий по продуктивности признак номинации – «народные поверья и суеверия»; автор связывает это с большим значением, которое имеют для марийского народа явления и силы природы, ее почитание и обожествление [Рубцова, 2015, 142–143].

На основании структурно-семантического анализа названий лекарственных растений О. Г. Рубцова приходит к заключению о типологической общности данной группы лексики в разноструктурных языках. Отмечается, что в составе фитонимов рассмотренных языков часто присутствует общая номинационная лексема, причем во многих случаях подобные названия имеют сходное значение [Рубцова, 2015, 144–145].

Еще одна особенность народных, в отличие от научных, обозначений лекарственных растений, которую упоминает автор – отсутствие однозначности. Растения, которые принадлежат к одной семье, произрастают на определенной местности или обладают одинаковыми ярко выраженными признаками, зачастую имеют омонимичные названия. Например, марийский фитоним *незершудо* может

обозначать ромашку, василек и живокость, что свидетельствует об их соседствующем произрастании [Рубцова, 2015, 145–146].

Многие примеры также подтверждают вывод о том, что лекарственные растения номинируются «по принципу их функциональной значимости». Так, присутствие в фитониме лексем «черный», «яд», а также названий некоторых животных указывает на вред, который может нанести лекарственное растение при его неправильном использовании (мар. *шем уржа*, букв. «черная рожь», рус. *ядовитое зерно* – спорынья, нем. *Wolfsbeere*, букв. «волчья ягода» – «вороний глаз») [Рубцова, 2015, 146].

Как правило, занимаясь ботанической лексикой финно-пермских языков, ученые делают акцент на ее **специфических особенностях и признаках номинации**, исходя из чего и классифицируют материал. Таковы исследования И. В. Бродского, который описывает фитонимы прибалтийско-финских (финского, ижорского, вепсского, эстонского, водского, ливского, карельских наречий) и коми-зырянского языков. Автор упоминает о неравномерной степени изученности фитонимии разных финно-пермских языков. Наилучшим образом данная группа лексики изучена в финском, эстонском и коми языках, которые имеют давние письменные традиции и хорошо исследованы в целом. Наименее же исследованы фитонимы бесписьменных и младописьменных языков (вепсский, ижорский, водский, ливский, карельские наречия) [Бродский, 2006а, 3].

Признаки, лежащие в основе наименований, могут выражать как объективные, реальные свойства растений, так и приписываемые им человеком (например, папоротникам приписывается способность цвести в определенное время). Таким образом, признаки номинации могут быть обусловлены и субъективными факторами: в фитониме может отражаться образ растения, существующий в сознании носителя языка, ассоциации, связанные с этим растением [Бродский, 2006б, 55].

Признаки, по которым осуществляется наименование растений, И. В. Бродский распределяет на 15 групп, каждую из которых иллюстрирует примерами из исследуемых им языков.

1. **Цвет** может выражаться соответствующими качественными прилагательными (фин. *musta* «черный») или существительными, обозначающими реалии, которые ассоциируются с определенным цветом (сажа, ржавчина и т. д.). К примерам относятся следующие фитонимы: фин. *mustikka*, карел. *mus's'ikka*, ижор. *mussikka(in)*, вепс. *must'ik*, эст. *musikaz* «черника» (мотивировано соотв. фин. *must*, карел. *mušta*, ижор. *mussa*, вепс. *must*, эст. *mussa* «черный»); карел. *ruožmi||heinä*, *rožma||heinä* «таволга» (букв. «ржавая трава»: таволга имеет цветки ржавого оттенка); коми-зыр. *лӧз юра турун* «герань лесная, вероника длиннолистная» (букв. «трава с синей верхушкой») [Бродский, 2006б, 56–59].

2. Примеры номинаций по **месту произрастания** можно разделить на две группы: а) названия, в которых указывается собственно местность, в которой встречается растение (вода, лес, возвышенность и т.д.); б) названия по месту произрастания, привязанному к какому-либо другому растению (чаще всего таким образом именуется грибы, которые в народной картине мира также относятся к растениям). Приведем несколько фитонимов из этой группы: фин. *metsä||korte* «хвощ зимний» (букв. «хвощ лесной»); карел. *mančikka* «земляника» (мотивировано *maa (mua)* «земля»); ижор. *sürjü||sammal* «кукушкин лен» (букв. «мох, растущий на возвышенности»); коми-зыр. *ва||кор* «кувшинка» (букв. «водяной лист») [Бродский, 2006б, 59–63].

3. **Время произрастания** часто выражается в составе фитонимов с помощью существительных, которые имеют следующие значения: а) названия времен года или какой-либо календарной даты, приуроченной к периоду произрастания; б) названия природных явлений, которые наблюдаются во время роста или цветения растения («мороз», «холод», «снег») [Бродский, 2006б, 63–64].

К первому случаю относятся названия многих растений, цветущих на праздник Юханнус (день летнего солнцестояния): фин. *juhan(n)us||kukka* «золототысячник», «иван-чай», «марьянник» и др. (второй компонент имеет значение «цветок»); лив. *jõn' ||āina* «ятрышник пятнистый» (букв. «Иванова трава»). Природные явления часто обозначаются в названиях растений, которые цветут в необычное время, например, раннецветущих растений: вепс. *vilu||hein* «калужница»

(букв. «холодная трава», «трава холода»); эст. *lume//lill* «ветреница» (букв. «снежный цветок») [Бродский, 2006б, 64].

4. Когда признаком номинации выступают **особенности морфологического строения растения**, носителями этого признака в качестве определяющего компонента могут выступать: а) качественные прилагательные, которые характеризуют данный признак (коми *кос* «сухой»); б) существительные, обладающие признаками, переносимыми на растение (фин. *taikina* «квашня» маркирует выраженную мягкость плода); в) существительные со значением «часть растения, имеющая известные характерные особенности» (карел. *palgo* «стручок» указывает на то, что растение имеет стручковые плоды, и это является его яркой узнаваемой особенностью). Определяемым компонентом часто становятся существительные со значением «часть растения, имеющая известные характерные особенности» (вепс. *karang* «шип») [Бродский, 2006б, 64–65].

И. В. Бродский приводит следующие примеры фитонимов с данным признаком номинации: фин. *taikina//marja(//puu)* «боярышник» (букв. «квашня-ягода(-дерево)»); вод. *mähtšä||marja* «крушина» (букв. «каша-ягода»: зрелые ягоды имеют слизистую консистенцию); карел. *palgo//puw* «акация желтая» (букв. «дерево со стручками») [Бродский, 2006б, 65–67].

5. Иногда номинация происходит по **внешней схожести всего растения или его части с каким-либо предметом или другим растением**. Словами-носителями признака могут быть: а) существительные, обозначающие предмет, который имеет сходство с растением или его частью (фин. *kynsi* «коготь» в составе названия чеснока); б) атрибут или детерминант со значением «некое растение или его часть, с которым сравнивается данное растение в целом» (карел. *röt'kä* «редька» (из русск.) в названии сурепицы) [Бродский, 2006б, 68].

Внешнее сходство растения или его части с другим предметом отражено в таких словах: фин. *kakkara* «ромашка» (букв. «пирог», «булка», «блин»), вепс. *robil'käin'e* «тж.» (название является диминутивным производным от *robil'k* «калитка – род выпечки»); фин. *kynsi//laukka* «чеснок» (букв. «лук с когтями»: с ними сравниваются дольки чеснока). Сравнение всего растения с другим содержится в

следующих наименованиях: карел. *rõt'kä||heinä* «сурепица» (букв. «редечная трава»); ижор. *hiireh||herne*, эст. *hiire||hernes* «мышинный горошек» (букв. «мышинный горох») [Бродский, 2006б, 69–71].

6. **Вкус** в названиях растений может быть выражен с помощью: а) качественных прилагательных со значением вкуса (карел. *suola* «солёный»); б) существительных со значением «предмет, обладающий каким-либо выраженным вкусом» (фин. *mesi* «мед»). Данный признак стал основой для номинации в таких словах, как фин. *mesi||marja*, ижор. *mezi||marja* «поленика, вишня» (букв. «медовая ягода»); карел. *suola||heinä* «щавель» (букв. «солёная (или обладающая сильным характерным вкусом) трава») [Бродский, 2006б, 72].

7. Номинация по **запаху** осуществляется с помощью: а) качественных прилагательных со значением запаха (эст. *haisukas* «пахучий»); б) существительных со значением «запах, вонь, аромат» (вепс. *haju* «вонь, интенсивный запах»). Примеры фитонимов из данной группы – эст. *haisukas* «незабудка» (букв. «пахучая»); вепс. *haju||bol* «чёрная смородина» (букв. «вонючая ягода») [Бродский, 2006б, 73].

8. В некоторых случаях растения получают названия по **способности выделять сок, образовывать семена или споры**. В состав таких фитонимов входят существительные со значением «вещество, напоминающее выделяемую растением субстанцию» (карел. *ruga* «смола»). В числе фитонимов этой группы – карел. *ruga||kukka* «смолка липкая» (букв. «смоляной цветок»: стебель растения липкий на ощупь от смолянистых выделений); вепс. *jouhoižed* «плаун, споры плауна» (мотивировано *jouh* «мука»: споры растения напоминают муку) [Бродский, 2006б, 74–75].

9. Признаком номинации могут стать **особенности поверхности листьев, стеблей или плодов растения**. При этом носителями признака являются существительные со значением «предмет, обладающий качеством, характером поверхности, схожим с характером поверхности всего растения или его части» (эст. *samet* «бархат»). К примерам можно отнести следующие родственные наименования: фин. *sametti||kukka* «фиалка полевая», эст. *sameti||lill* «разные виды фиалки» (букв. «бархатный цветок») [Бродский, 2006б, 76].

10. **Признак звука, издаваемого при внешнем механическом воздействии на растение**, выражается с помощью существительных со значениями: а) названия действия, которое сопровождается издаванием характерного звука; б) названия предмета, который при воздействии на него издает звук, напоминающий издаваемый растением или его частью. К первому и второму случаю соответственно относятся названия погремка: вепс. *hel'u||hijn* (букв. «звон-трава») и коми-зыр. *деньга турун* (букв. «[звонящие] деньги-трава») [Бродский, 2006б, 77].

11. **Специфика хозяйственного использования** может отмечаться при помощи существительных со следующими значениями: а) названия предметов быта, в качестве или для изготовления которых используется растение (вепс. *rumenc* «румяна»); б) названия продуктов, которые растение способно заменять (фин. *villa* «шерсть»); в) названия мест, помещений и строений, в которых возможно хозяйственное применение растения (фин. *sauna* «баня»); г) названия насекомых, для борьбы с которыми применяется растение (коми *лудик* «клоп»).

К этой группе относятся следующие фитонимы: вепс. *rumenc||hijn* «полушник озерный» (букв. «румяна-трава»: растение используется в качестве природных румян); фин. *villa||heinä* «пушица» (букв. «шерсть-цветок»: волокна, получаемые из цветков пушицы, используют для набивки подушек); коми-зыр. *лудик кулан турун* «щитовник остистый» (букв. «трава клопиной смерти») [Бродский, 2006б, 77–79].

12. Разнообразны фитонимы, в основе номинации которых лежит признак **лекарственного использования**. Особо среди них выделяются наименования растений, предназначенных для заживления ран. Последние в свою очередь делятся на две группы: а) названия растений, с помощью которых традиционно лечили раны, нанесенные железом (они мотивированы существительными со значением «железо», например, фин. *rauta*); б) названия растений, применявшихся для лечения повреждений, полученных иным способом (они мотивированы существительными с другими значениями, например, эст. *haav* «рана») [Бродский, 2006б, 79].

Лекарственное применение растения обозначено в следующих фитонимах: фин. *rauta||heinä* «тысячелистник» (букв. «железо-трава»); эст. *haava||rohi* «любка

двулистная» (букв. «трава [от] раны»); лив. *bokkaa||moor'a* «куманика» (букв. «оспенная ягода»: вероятно, считалась лекарством от оспы); коми-зыр. *зьмей дой турун* «ожика волосистая» (букв. «трава [от] змеиного укуса») [Бродский, 2006б, 80–81].

О коми фитонимах, мотивированных медицинским использованием растений, пишет также И. В. Ильина. Помимо указаний на реальные целебные качества некоторых трав, в культуре коми существует множество преданий и легенд о лекарственных растениях, обладающих чудодейственными свойствами. Одной из таких легенд является поверье об *аслад цвете* (букв. «свой цветок»), который имеется в природе у каждого человека и обладает магическими силами. Этот цветок показывается человеку только раз в жизни, и тот, кто сумеет его найти и распознать, «обезопасит себя от всех болезней и несчастий». Однако в легенде не говорится ни о том, как выглядит «свой цветок», ни о месте и времени его цветения. Известно лишь, что, если надломить стебель волшебного растения, вместо сока на срезе появляется кровь. В настоящее время поверья об *аслад цвете* тесно переплетаются или же сливаются с преданиями о папоротнике, широко распространенными у европейских народов [Ильина, 1995, 10–11].

13. Фитонимы, мотивированные **каким-либо поверьем, связанным с растением**, в рассматриваемых И. В. Бродским языках немногочисленны. К примерам относятся вепс. *kol'jan||mar'gäd* «вороний глаз» (букв. «ягоды мертвеца») и коми-зыр. *вомидз турун* «линнея северная» (букв. «трава от сглаза, порчи»). Внутренняя форма первого названия, согласно автору, «указывает не столько на ядовитость растения, сколько на определенные суеверия, с ним связанные» [Бродский, 2006б, 82–83]. Однако и в таком случае несъедобность растения, вероятно, повлияла на мотивацию фитонима.

14. Номинация по **иным признакам** в языках, проанализированных И. В. Бродским, наблюдается редко. Среди этих признаков выделяются следующие: а) несъедобность, ядовитость растения или его части, на что обычно указывают существительные, обозначающие животных (вепс. *kon'd'jam||бол* «толокнянка», букв. «медвежья ягода») и нечистоты (фин. *sitta||marja* «бузина», букв. «дерьмо-

ягода»); б) напротив, съедобность, которая обозначается притяжательным местоимением со значением «свой», «наш» (карел. *oma//butki* «дягиль», букв. «наш, знакомый дудник»); в) страна происхождения (вод. *saksaa//paju* «ветла, белая ива», букв. «немецкая ива», *ulkotaa//paju* «тж.», букв. «иностранная ива»); г) наличие у растения эстетического значения, что маркируется качественными прилагательными со значением «красивый» (коми-зыр. *мича турун* «купальница европейская», букв. «красивая трава») [Бродский, 2006б, 83–85; 120].

Можно не согласиться с обозначением в качестве «страны происхождения» признака в основе номинаций типа «немецкая ива». Подобные наименования с большей вероятностью можно отнести к классу ксенонимов – «слов и фразеологических сочетаний, возникших в результате семантической деривации на основе этнонимов и топонимов ... и мотивированных обобщенными представлениями о чужих народах и землях» [Березович, 2006, 3]. Данные лексические единицы приписывают конкретному народу или территории свойства, которые «можно было бы отнести ко многим другим (если не ко всем) чужим народам и землям». В ксенонимах отражается обобщенное представление о чужом как о примитивном, диком, аномальном, неправильном и т. д.; при этом подобное восприятие какого-либо этноса практически не основано на культурно-исторических фактах [Березович, 2006, 4].

Этнонимическая основа ксенонимов подвержена варьированию: зачастую одна и та же реалья имеет целый ряд синонимичных наименований, определяющим компонентом в которых являются названия различных народов. Так, растение *Saponaria officinalis* содержит сапонин, который при растворении в воде производит пену, и в русском языке имеет названия *татарское мыло, цыганское мыло, шведка, арапка* [Березович, 2006, 4–5; 10].

Среди примеров, которые приводятся в классификации И. В. Бродского, нет синонимичных названий с указанием разных народов. Однако ту же тенденцию иллюстрируют два фитонима со значением «ветла» в водском языке (*saksaa//paju*, букв. «немецкая ива» и *ulkotaa//paju*, букв. «иностранная ива»): важна не какая-

либо конкретная страна, откуда к носителям языка проникло растение, а его необычность, «неправильность» по сравнению с прототипическим представителем рода.

Тем не менее, существуют и некоторые реальные факторы, которые могут оказывать влияние на внутреннюю форму ксенонимов: производящими основами для них обычно становятся обозначения этнических и территориальных соседей или же внешних врагов [Березович, 2006, 3]. Так, для финно-пермских народов соседями являются немцы и шведы, и они могут упоминаться в фитонимах.

Таким образом, более подходящим обозначением для данного признака стало бы не «страна происхождения», а «необычность, неправильность, чуждость». При этом фитонимы, принадлежащие к предыдущей группе («наш дудник» и т. п.), вероятно, отражают не только съедобность, но и «правильность», «типичность», то есть соответствие прототипическому образу того ли иного растения.

15. Номинация по **двум или нескольким признакам** применяется, возможно, для максимально подробного описания растения, трудного для узнавания. В прибалтийско-финских фитонимах этот вид номинации встречается очень редко, в коми же языке – значительно чаще. Многие коми сложные, или составные, фитонимы являются многокомпонентными описательными конструкциями, что связано с отсутствием других наименований для данных растений [Бродский, 2006б, 85] и отражает особенности словообразования в коми языке.

Два и несколько признаков выражаются в следующих названиях: фин. *ranta//kaura* “*Psamma arenaria* (вид дюнного злака)” (букв. «береговой овес»); коми-зыр. *лѣк шома турун* «щавель» (букв. «дурная кислая трава»), *посни му турун* «дриада» (букв. «маленькая земная трава»), *из выы ота коръя еджыд нити* «цитрария золотистая, ячеистая» (букв. «широколиственный белый мох, растущий на камне») [Бродский, 2006б, 86–87].

Ю. Э. Коппалева (см. тж. Сюръялайнен), занимаясь изучением фитонимов в ингерманландских говорах финского языка, среди их способов и принципов номинации различает две основные группы – наименование по признаку и заимствование.

Ю. Э. Коппалева выделяет 13 признаков, по которым может происходить номинация растений в ингерманландских финских говорах.

1. **Цвет.** Отмечается, что во многих случаях названия по цвету могут обозначать не одно, а несколько растений. Ю. Э. Коппалева объясняет это тем, что названные таким образом растения не играли большой роли в жизни носителей языка и не использовались ими, а поэтому и не имели отдельных названий. В некоторых ингерманландских говорах подобные названия постепенно закрепились за каким-либо отдельным видом (например, *keltakukka* (букв. «желтый цветок») во многих говорах обозначает одуванчик) [Коппалева, 2007, 58].

Цвет может выражаться в названиях прямо (с помощью указывающих на него прилагательных) и на основе сравнения. К первой группе относятся такие фитонимы, как *keltaneromaska* («пижма», букв. «желтая ромашка»), *pinajuur* («свекла», букв. «красный корень»), *sinipunakukkane* («медуница неясная», букв. «сине-красный цветок»). Сравнение содержится, например, в фитониме *jiämarja* (букв. «ледяная ягода»), обозначающим смородину белую [Коппалева, 2007, 59–60].

2. Особенности отдельных морфологических частей растения:

а) особенности стебля (*karhunputk* «дягиль лесной», букв. «медвежья дудка»; *rautakastikas* «вейник наземный», букв. «железный вейник» (название дано по твердому стеблю));

б) форма соцветия (*jäniksenhäntä* «пушица», букв. «заячий хвост»; *kikonharja* «живокость», букв. «петушиный гребень»);

в) форма плодов (*hammasheinä* «травянистое растение с плодами-стручками», букв. «зуб-травя»; *suurmaheinä* «щавель курчавый», букв. «крупатрава»);

г) форма листьев (*pihlajakukka* «пижма», букв. «рябина-цветок», ср. рус. название пижмы *дикая рябинка*);

д) форма корня: этот признак лежит в основе наименований ятрышника, чей корень может напоминать две сплетенные руки или же вызывать другие ассоциации (*jumalankäs*’, букв. «рука Бога», *uatamin-ja-ievankäs*’, букв. «рука Адама и Евы»);

е) отдельные части растения и их свойства (*kärpäsruti (loi)* «плаун булаво-видный», букв. «мышинный порох» (с порохом сравнивается пыльца)) [Коппалева, 2007, 60–64].

3. **Место произрастания** (*maamuurat* «княженика», букв. «земляная морошка»; *suomuurat* «морошка», букв. «болотная морошка»; *santaleppä* «ольха черная», букв. «песчаная ольха») [Коппалева, 2007, 65–66].

4. **Время произрастания (цветения):** *kylmäkukka* «печеночница», «ветреница дубравная», «ветреница лютиковая» (букв. «холодный цветок»); *kylmänmaankukka* «тж.» (букв. «цветок холодной земли»); *helluntaikukka* «первоцвет весенний» (букв. «Троицын цветок»). Все перечисленные растения появляются и цветут ранней весной. Для выражения этой особенности в первых двух фитонимах упоминаются погодные условия; третий же отсылает к празднику Троицы, который отмечается лютеранской церковью в конце мая – начале июня, когда цветет первоцвет [Коппалева, 2007, 66–67].

5. **Вкусовые свойства, съедобность / несъедобность.** Фитонимы этой группы могут указывать на следующие признаки: вкус (*taikinamarja* «боярышник», букв. «ягода, похожая на тесто»); съедобность, использование в пищу (*ihmisenputk* «дягиль лекарственный», букв. «человеческая дудка» (съедобен стебель растения)); использование в пищу детьми (*imeke* «бодяк обыкновенный» < *immii* «сосать» (дети обсасывали нижнюю часть волосков соцветия, сладкую на вкус); использование в качестве корма для домашних животных (*sijanheinä* «хвощ полевой», букв. «трава свиньи»); «сок, горечь которого ощущается даже при соприкосновении с растением» (*karkijaputk* «сурепица», букв. «горький стебель»); ядовитость (*suvenmarja* «вороний глаз», букв. «волчья ягода») [Коппалева, 2007, 68–69].

6. **Способность выделять какой-либо сок** (*pihkakukka* «смолка липкая», букв. «смоляной цветок»; *räkäheinä* «щавель курчавый», букв. «сопли (слизь)-трава»). Первый фитоним отражает клейкость стебля смолки липкой; если надломить стебель щавеля курчавого, из него выделяется слизистая жидкость [Коппалева, 2007, 69–70].

7. **Характер поверхности** (*karvamarja*, *karvijaismarja* «крыжовник», букв. «шерстистая ягода»; такое название растение получило по одному из ранее культивируемых сортов с опушенными ягодами).

8. **Издаваемый растением звук** (*puksuttaja* «смолевка-хлопушка» < *puksuttaa* «хлопать»). От резкого удара цветка смолевки-хлопушки о руку или о твердый предмет цветок лопается, издавая хлопающий звук [Коппалева, 2007, 70–71].

9. **Запах.** Отмечается, что наименования, относящиеся к этой группе, в основном отражают плохой запах растения (*hevosenkus'kukka* «незабудка», «ятрышник», букв. «цветок лошадиной мочи»). Однако, например, название тимьяна обыкновенного *tuarianmakkoheinä* (букв. «сонная трава (Девы) Марии») мотивировано его приятным ароматом [Коппалева, 2007, 71].

10. **Лекарственные свойства, использование в народной медицине** (*hyleheinä* «ятрышник», букв. «нарыв-трава»; *napaniis'heinä* «пушица», букв. «пупочная грыжа-трава») [Коппалева, 2007, 71–72].

11. **Народные поверья и обычаи, связанные с растениями** (*hauk(e)heinä* «голокучник трехраздельный», букв. «сглаз-трава», т. е. «трава от сглаза»). В эту группу Ю. Э. Коппалева включает также названия, мотивированные практическим применением растений, например, *koiheinä* «пижма обыкновенная» (букв. «моль-трава», т. е. трава от моли). Кроме того, в группу входят наименования, связанные с библейскими преданиями, некоторые из которых (*tuarianmakkoheinä* «тимьян обыкновенный», *uatamin-ja-ievankäs'* «ятрышник») уже упоминались ранее и были отнесены к другим группам [Коппалева, 2007, 71–74]. На наш взгляд, подобные наименования в большей степени, или по крайней мере отчасти, мотивированы реальными свойствами растений (запахом, формой их частей и т. д.), которые в вышеприведенных случаях хорошо заметны и являются частью их образа в сознании носителей языка. С какими-либо легендами растения могли связать позднее; возможно и то, что эти легенды появились именно под влиянием внутренней формы фитонимов.

12. **Некоторые специфические свойства растения** (*polttikaine, poltikas* «крапива» < *polttaa* «жечь, обжигать»; *morsijankukka* подмаренник топяной», букв. «невестин цветок»). К этой группе отнесены лексические единицы, мотивированные ранее не указанными признаками. Подмаренник топяной – тянущаяся трава с белыми цветками; его клали на голову невесте [Коппалева, 2007, 75]; особенность крапивы можно определить скорее как «свойства поверхности», а не ее «характер».

13. **Несколько признаков** (*kanaproikii* «марьянник дубравный», букв. «цыплята»; *suoriimetel'* «пушица», букв. «болотная вата»). Соцветие марьянника дубравного состоит из мелких цветков синего и желтого цвета; приведенный фитоним указывает на форму и окраску желтых цветков. Наименование пушицы мотивировано местом произрастания и особенностью соцветия (оно представляет собой колосок, состоящий из белых волосков) [Коппалева, 2007, 75–76].

Второй способ номинации растений, согласно классификации Ю. Э. Коппалевой, – заимствование.

Заимствования финской народной лексики флоры происходили в несколько этапов. К древним пластам заимствования относятся названия, пришедшие в ингерманландские говоры из балтийских, германских и славянских языков; более поздний и самый многочисленный пласт – заимствования из русского языка [Коппалева, 2007, 91].

К балтийским заимствованиям относятся, например, фитонимы *apila(s)* «клевер» (ср. лит. *abulos* «тж.»), *vihvilä* «пушица» (ср. лит. *viksvà* «болотное растение»). Среди германских заимствований можно выделить такие, как *palko* «стручок» (ср. нем. *balg*), более поздние шведские заимствования *holanin/|juur* «девясил» < швед. *alant* «тж.», *lanttu* «брюква» < швед. *planta* «растение». Германское заимствование *laukku* < **lauka-* (ср. фин. литер. *laukka* «лук») в ингерманландских говорах встречается только в качестве компонента сложных фитонимов, например, *un'laukku* «чеснок» (первый компонент – *un'* – имеет значение «сон»). Славянскими заимствованиями являются, в частности, наименования *rari* «боб», *porkkana* «морковь» < рус. диал. *боркан* [Коппалева, 2007, 77–80].

Распределение заимствований из русского языка по разным группам лексики флоры неравномерно. Исконно финскими являются названия ягод; немногочисленные заимствования названий деревьев (*liipra* «липа»; *pusuna, pusina* «бузина»), как правило, ограничены небольшим ареалом, за пределами которого используется более древнее финское наименование. Лишь несколько заимствований относятся к названиям дикорастущих травянистых растений (*kalkana* «калган, лапчатка прямая»; *ivanmarja* «фиалка трехцветная» < рус. *иван-да-марья*). Русских заимствований больше среди обозначений грибов, которые народное сознание также причисляет к растениям. Характерно также, что к русским заимствованиям относятся наименования культурных растений, которые стали известны носителям ингерманландских говоров относительно поздно (*okurtsi, akurtsi* «огурец»; *siren* «сирень») [Сюръялайнен, 1982, 9–10].

Финно-пермские народные названия растений менее изучены в диахроническом аспекте, чем германские. Это можно объяснить несколькими факторами. Среди них – наличие большого числа языков малочисленных народов и языков, не признанных государственными; языков с недавней развитой письменной традицией; естественная сконцентрированность западноевропейской лингвистики (имеющей более долгую историю, чем, например, финская и российская) на германских и романских языках. Приведем концепции некоторых других ученых, помимо Ю. Э. Коппалевой, которые рассматривают проблемы происхождения исконной и заимствованной финно-пермской народной ботанической лексики.

Исследование фитонимов, проводимое Н. Г. Зайцевой, основано на материале Атласа прибалтийско-финских языков. Н. Г. Зайцева рассматривает названия ягод в данной языковой группе; при этом целью является проанализировать «соотношение вепсского и прибалтийско-финского элементов» как в данной тематической группе лексики, так и в атласе в целом. Вепсский язык противопоставляется другим прибалтийско-финским языкам как самый восточный из них и поэтому наиболее подверженный иноязычному влиянию [Зайцева, 2005, 85–86].

Названия некоторых ягод являются своего рода универсалиями; они иллюстрируют единство общего прибалтийско-финского лексического фонда, в кото-

рый входит и материал вепсского языка. К таким фитонимам относятся наименования земляники (фин. *mansikka*, вепс. *manzikaine*) [Зайцева, 2005, 86]. Как и в некоторых других языках (рус. *земляника*, нем. *Erdbeere*, польск. *porzeczka*), фитонимы мотивированы тем, что «спелые ягоды земляники часто почти лежат на земле» [Фасмер, 1986, 93]. Несмотря на общую мотивацию лексемы «земляника» в прибалтийско-финских языках, в ее оформлении присутствуют расхождения. К ним относятся, например, употребление различных диминутивных суффиксов и их комбинаций (*-ik*, *-ikka*, *-ikas*, *-ika-ine* и т. д.) [Зайцева, 2005, 87].

Названия некоторых других ягод имеют больше различий в мотивации и фонетическом оформлении: так, для обозначения голубики существует около десяти различных лексем. Наиболее распространенная из них – фин. *juolukka* (вепс. *jonikaine*), имеющая множество вариаций. Она выражает признак «продолговатый» и таким образом описывает форму ягоды (фин. *juolukka* < *juolea* «продолговатый») [Зайцева, 2005, 90–91].

Н. Г. Зайцева также обращает внимание на два собственно вепсских наименования голубики: южновепсское *kukič* и северновепсское *gilingeine*. Мотивация второго фитонима затемнена, и автор лишь предполагает, что его происхождение можно возвести к русским диалектам. В отношении же этимологии и мотивации первого названия выдвигаются две версии [Зайцева, 2005, 91–93].

В лексеме *kukič* выделяются два составных компонента: *kuk-* и *-ič*. Первый из них автор соотносит с саамской основой *guk'ke*, *ku'kk* «длинный, продолговатый», которая встречается в топонимии вепсского региона, входя в состав названий длинных и узких озер (*Кукозеро*, *Кукасское*). О том, что данная саамская лексема была известна вепсам, свидетельствуют также топонимы типа вепс. *Pit'kjärv* (букв. «долгое озеро»), который может являться калькой саамского названия **Kuhkesjavr* [Зайцева, 2005, 91; Муллонен, 2002, 249–250]. Вероятно, заимствованная лексема *kuk-* в значении «длинный, продолговатый» легла в основу наименования голубики, но впоследствии была вытеснена из вепсского языка исконным словом *pit'k*. Другая возможная мотивация состоит в следующем: фитоним *kukič* изначально мог иметь вид *kukonmarj* (букв. «петушиная ягода»), и такое наимено-

вание могло образоваться по модели *koiranmarj* («крушина», букв. «собачья ягода»). Однако следы такого сложного слова отсутствуют, и название голубики выступает только в форме *kukič* [Зайцева, 2005, 91].

Еще один довод против второй версии происхождения слова *kukič*, на наш взгляд, состоит в неясности признака номинации. Компоненты, обозначающие животных, как правило, указывают на несъедобность растения (эта тенденция прослеживается, в частности, в фитониме *koiranmarj*). Голубика же – съедобная ягода; поэтому, если верно второе предположение Н. Г. Зайцевой, необходимо определить какой-либо другой признак, которым мотивировано название.

В диахроническом аспекте лексику финно-угорских языков, в том числе фитонимы, рассматривают К. Редей и И. Эрдейи. Ученые описывают слова четырех лексических слоев: уральского, финно-угорского, финно-пермского и угорского; эти слои соответствуют четырем языкам-основам, имеющим те же названия. Отмечается, что слова уральского и финно-угорского происхождения относятся к наиболее важным и употребляемым, то есть составляют основной словарный фонд всех финно-угорских языков [Редей, 1974, 397]. Это утверждение верно и в отношении слов отдельных тематических групп, в частности, фитонимов.

Ниже приводятся некоторые названия растений, а также частей растений, происхождение которых относится к каждому из четырех данных периодов.

I. Лексический слой уральского происхождения (до IV тыс. до н.э.):

- «дерево»: **riwe* > фин. *riiu*, эст. *riiu*, мар. *пу*, удм. *пу*, коми *пу*, манс. *-rê*, *-râ* (в сложных словах), венг. *fa*, сам. нен. *rá*;

- «ягода»: **pola* > фин. *puola* «брусника», эст. *pohl*, *poolas*, *poolakas* «тж.», коми *пул-*, манс. *pil*, *pol*, венг. *bogyó* (диал. *bolyó*), сам. сельк. *palqoq* «морозка»;

- «ель»: **kowsę* > фин. *kuusi*, эст. *kuusk*, *kuus*, саам. *guossâ*, эрз. мокш. *куз*, мар. *кож*, удм. *кыз*, коми *коз*, коми-перм. *кӧз*, хант. *kol*, *χoL*, манс. *χowt*, сам. нен. *χādī* (дальнее родство с алтайскими языками: ср. монг. *huši* «сибирский кедр»);

- «морозка»: **mora* > фин. *muura*, *muurain*, эст. *murak(as)*, коми *мыр-*: *мыр-пон*, хант. *morak*, *morax*, манс. *morax*, *mârç*, сам. нен. *maran̄ka* [Редей, 1974, 403–404].

II. Лексический слой финно-угорского происхождения (начало IV – конец III тыс. до н.э.):

- «ягода»: **mol'z* или **mod'z* > мар. *муды, модо* «черника», удм. *мульы* «косточка (плода)», «орех», *нюр-мульы* «клюква», коми *моль* «жемчужина», «брусника», «пуговица», *нюр-моль* «клюква», хант. *тәL', тәт': wәrmәt', wүrmәL'* «смородина», венг. *meggy* «вишня»;

- «молодое хвойное дерево»: **röñz* > мар. *пйн* «сосна», удм. *пумель* «побег»; «молодое дерево»; «поросль», вязка», коми-зыр. *поноль*, коми-перм. *понуль* «хвойная поросль»; «молодая елка», «пихта», «сосна», венг. *fenyő* «ель», «елка», «сосна», «пихта»;

- «вяз»: **śala* > фин. *salava, halava* «ракита; *Salix fragilis* L. *caprea*», эрз. *селей, селенг*, мокш. *сяли*, мар. *шол, шоло*, венг. *szil*;

- «смородина»: **šorčz* > эст. *sitik, sitikas* «черная смородина», эрз. *шукишторов, чукишторов*, мокш. *шукиштору, чукиштору*, хант. *čәрčә, čowčәk, šqmšї*, манс. *sosiy* «черная смородина» [Редеи, 1974, 414–415].

III. Лексический слой финно-пермского происхождения (конец III – середина II тыс. до н.э.):

- «полба»: **vešnä* > фин. *vehnä* «пшеница», экз. мокш. *виш*, мар. *виште, висте*, удм. *вазь*;

- «трава, сено»: **tarna* > фин. *taarna, tarna* «осока», эст. *tarn (tarna)*, удм. *турын, турым*, коми *турын* < и.-е.: ср. др.-инд. *tṛṇa-* «трава» и т.д.;

- «лыко; луб»: **ñine* или **nine* > фин. *niini (niinen), niinirui* «липа», эст. *niin (niine)*, мар. *ни, ний*, удм. *нинь, нинь-пу* «молодая липа», коми *нин, нин-пу* «липа»;

- «рожь»: **ročz* > эрз. мокш. *розь*, мар. *ыржа, уржа, ружа*, удм. *žизек, žизек, žек*, коми *рудзөг* [Редеи, 1974, 427–428].

IV. Лексический слой угорского происхождения (конец III – середина I тыс. до н.э.):

- «земляника; *Fragaria vesca*»: **äppz-rz-kz* > мокш. *әре rjeχ*, венг. *epër*, диал. *epëryj*;

- «корень»: **jökkz-rz* > манс. *jëkwër, jëkur*, венг. *gyökér (gyökeret)*;

- «пшено, просо; Panicum»: *kǝlʒʒ > манс. *kolas* «мука», венг. *köles*;

- «трава»: *pimʒ > хант. *pat*, манс. *pim, pom*, венг. *fű (füvet)* [Редеи, 1974, 435].

Приведенные лингвистические данные позволяют составить общее представление о быте и образе жизни носителей четырех указанных праязыков. Наиболее древний из них соответствует эпохе уральского языкового единства, которое затем было разделено на финно-угорскую и самодийскую группы. В данную эпоху растительная пища (например, ягоды) добывалась путем собирательства; слова, относящиеся к земледелию, в уральском языке-основе отсутствуют. К уральскому лексическому слою относятся названия некоторых лесных деревьев (помимо приведенного, также «береза», «ива», «(сибирский) кедр», «пихта» и т. д.), что является важным материалом для установления места уральской прародины [Редеи, 1974, 409–410]. Показательно, что к данному периоду относится происхождение слов с общими значениями «дерево» и «ягода»; отдельные виды деревьев, названия которых восходят к этой эпохе, вероятно, были наиболее распространенными.

В финно-угорский период собирательство сохранило свое значение, о чем свидетельствуют слова «смородина», «малина», а также «слово, обозначающее какую-то болотную или лесную ягоду» (**mol'z* или **mod'z*). Вероятно, людям были известны какие-то зерновые растения, которые использовались для приготовления пищи (появляется слово «хлеб, зерно», которое в одном из языков затем получило значение «пшеница»). Однако «нельзя с уверенностью сказать, что финно-угорским народам была известна хотя бы самая примитивная форма земледелия»; об этом говорят данные некоторых других тематических групп лексики [Редеи, 1974, 425].

Примерно в конце III тыс. до н. э. произошло отделение восточной (угорской) финно-угорской ветви от западной (финно-пермской). Однако это не означает, что между двумя группами были полностью прерваны отношения. Также необходимо принимать во внимание, что угры общались и с народами, принадлежащими к другим языковым семьям (с иранскими и тюркскими народами) [Редеи, 1974, 437].

В финно-пермский период собирательство, хотя все еще было одним из занятий человека, уже не имело исключительного характера. Большое значение отводилось земледелию, о чем можно судить по лексическим единицам, обозначающим сельскохозяйственные культуры (помимо упомянутых, возникли слова «гречиха», «ячмень», а также «колос»). Наряду с охотой – еще одним древним способом добычи пищи – финно-пермский пранарод занимался животноводством; из растительной лексики судить об этом позволяет слово «трава, сено» [Редеи, 1974, 433–434].

Согласно К. Редеи и И. Эрдейи, общество угорского периода являлось более развитым, чем предшествующих ему уральского и финно-угорского периодов. Это утверждение можно сделать даже несмотря на то, что небогатый, по сравнению с финно-угорским периодом, словарный материал «не содержит таких новых элементов, которые свидетельствовали бы о высокой материальной культуре» [Редеи, 1974, 437].

В противовес финно-пермской группе, угорская жила по обеим сторонам Урала – в местности, менее подходящей для земледелия. Кроме того, угорская группа не была подвержена влиянию народов с развитым земледелием, как происходило в случае финно-пермской ветви. Этими факторами отчасти объясняется то, что в угорский период основным занятием (помимо охоты и рыболовства) оставалось собирательство. Появление таких слов, как «земляника» и «корень» позволяет судить о дальнейшем обогащении знаний собирателей. Угорский язык-основа содержал слово со значением «просо», но обозначало оно не культурное, а дикорастущее растение [Редеи, 1974, 437].

Работы А. Н. Ракина посвящены ботанической терминологии в пермских – коми и удмуртском – языках. Так, в одной из статей ученый рассматривает морфологические обозначения в системе удмуртских фитонимов; под морфологическими обозначениями понимаются названия «отдельных частей растений и их структурных особенностей» [Ракин, 2014, 47]. Хотя морфологические обозначения не являются названиями видов растений, они могут входить в состав последних и в целом являются важными компонентами фитонимической системы языка.

Корпус удмуртских морфологических обозначений состоит из 199 лексических единиц; эти единицы относятся к 119 объектам номинации. Таким образом, количество объектов номинации значительно меньше, чем названий, их обозначающих; это объясняется двумя причинами. С одной стороны, в словарях одному и тому же объекту часто соответствует не одно, а несколько названий. Например, слова *емыш*, *мульы* имеют значение «плод»; названия *модос*, *кальча*, *пуд* – значение «стебель». Некоторые объекты номинации имеют от пяти до семи обозначений: гроздь – *эуски*, *пурьы*, *пепери*, *чук*, *сабак*; кисть – *эуски*, *пурьы*, *чук*, *пепери*, *карос*, *сабак*, *такъя* и т. д. С другой стороны, некоторые морфологические обозначения полисемантически и относятся к нескольким объектам номинации: *вай* – 1) ветка, 2) отросток; *чук* – 1) гроздь, 2) кисть; *тысь* – 1) семя, 2) зерно, 3) ядро, 4) косточка и др. [Ракин, 2014, 47–48].

Следует отметить, что два данных явления характерны для народной номенклатуры растений в целом и, очевидно, наблюдаются во многих языках. Отсутствие однозначности в системе русских народных фитонимов рассматривают В. А. Меркулова и В. Б. Колосова (см. разд. 1.2 настоящей работы); подобные случаи наблюдаются и в языках германской группы.

Среди удмуртских морфологических обозначений присутствует как исконная, так и заимствованная лексика. В составе исконной лексики можно выделить два основных диахронических пласта – древний (допермский и общепермский) и поздний (собственно удмуртский). К лексике допермского периода, в свою очередь, можно отнести названия, восходящие к прауральскому, прафинно-угорскому и прафинно-пермскому периодам. В целом состав исконных морфологических обозначений в удмуртском языке можно представить следующим образом:

I. Названия прауральского происхождения (самая древняя группа; входящие в нее слова имеют генетические соответствия как в финно-угорских, так и в самодийских языках): *выжсы* «корень» (коми-зыр., коми-перм. *вуж*) < общеп. **vižz* «корень» < ур. **vačz* «корень» и т. д. [Ракин, 2014, 49–50].

II. Названия прафинно-угорского происхождения (они имеют генетические соответствия в прибалтийско-финских, волжских и угорских языках): *куар* «лист»

(коми-зыр. *кор*, коми-перм. *кор* «ботва») < общеп. **kwoɾ* «лист» < ф.-уг. **korz* (**korwa*) «лист»; *мульы* «ягода, плод, орех» < общеп. **mol'i* < ф.-уг. **mol'z* «ягода какого-то кустарника» и т. д.

III. Названия прафинно-пермского происхождения (эти обозначения составляют верхний слой допермской лексики и имеют соответствия только в прибалтийско-финских и волжских языках): *ёз* «сочленение; междуузлие» (коми-зыр., коми-перм. *йӧзви*) < общеп. **jöz-* «сустав, сочленение» < финно-перм. **jäse* «член, сустав»; *пушьет* «побег, отросток» (коми-зыр. *пушйӧд*) < общеп. **riš* < финно-перм. **raše-* (**roše-*) «расти, всходить» и т. д. [Ракин, 2014, 50–51].

IV. Названия общепермского происхождения (эти единицы восходят к прапермскому языку-основе; они употребляются только в современных пермских языках и не имеют дальнеродственных соответствий): *шен* «колос» (коми-зыр., коми-перм. *шен*) < общеп. **šep* «колос»; *пуртэс* «стручок» (коми-зыр., коми-перм. *пуртӧс*) < общеп. **purtes*. Второе слово является производным и имеет исходную семантику «ножны» (< *пурт* «нож»); значение «стручок», вероятно, образовалось «путем метафорического употребления». Возможно, подобный перенос значения произошел уже в прапермскую эпоху; можно также предположить, что данное название изначально употреблялось применительно к дикорастущим, а затем и применительно к культурным растениям [Ракин, 2014, 51–52].

V. Собственно удмуртские названия (они возникли уже в период самостоятельного существования языка и не используются никем, кроме его носителей): *бычы* «почка», *модос* «стебель» и т. д. Значительная часть собственно удмуртских морфологических обозначений представляют собой сложные (составные) слова и конструкции: *куарсэр* «жилка», *будос липет* «зонтик», *выжы емыш* «клубень», *модос выжы* «корневище» и т. д. [Ракин, 2014, 52–53].

Необходимо также отдельно упомянуть о двух ситуациях, которые касаются допермских обозначений. Некоторые из древних названий перешли в другие финно-пермские языки, но в удмуртском языке не сохранились или же утратили фонтонимическое значение. Вместо них используются другие слова, которые этимологически не связаны с коми-зырянскими и коми-пермяцкими эквивалентами:

финно-перм. **sete* «стебель, стержень, рукоятка» > общеп. **zâ* > коми-зыр., коми-перм. *за* «стебель» > < удм. *модос* «стебель» [Ракин, 2014, 51].

В других случаях некоторая часть растения имеет в удмуртском языке до-пермское название, а в коми языках этому названию соответствует слово более позднего происхождения: ур. **tojz* «береста» > общеп. **toj* «береста» > удм. *туй* «береста» > < коми-зыр. *сюмӧд* «береста», коми-перм. *симӧт* «береста» [Ракин, 2014, 51].

Выводы по Главе 1

Народные названия растений можно отнести к естественным номинациям. В отличие от единиц научной ботанической номенклатуры (искусственных номинаций), они складываются стихийно; они возникают в речи, впоследствии закрепляясь в языке; подобные наименования обычно употребляются в неофициальных ситуациях. Для народных названий растений характерна конситуативность, отсутствие однозначности: как правило, для одного объекта – растения – существует несколько именовании. В свою очередь, один и тот же фитоним может обозначать несколько растений: это свойство, как и предыдущее, присуще естественным номинациям, которые являются более всеобъемлющими и менее точными, чем искусственные. Чаще всего народные названия растений мотивированы, и можно определить наиболее существенные признаки, проявляющиеся в фитонимах.

Среди народных названий растений присутствуют единицы как первичной, так и вторичной номинации; однако последние более многочисленны. В настоящей работе рассматриваются примеры вторичной номинации, носящей языковой характер – народные названия растений, закрепленные в словарях, исследовательских работах и других источниках. Наличие мотивации, о котором говорилось выше, является свойством не только первичных, но и вторичных наименований. Это относится к большинству рассматриваемых лексических единиц: как правило, внутренняя форма фитонимов является живой или воспринимается как таковая носителями языка.

Присвоение названий объектам живой природы обычно является наименованием по признаку. Поэтому, как и в других подобных случаях, в фитонимах выражается один характерный признак растения (реже – два или больше). Замечание Б. А. Серебренникова о сходстве или различии свойств, отраженных в названиях одних и тех же предметов в разных языках, имеет непосредственное отношение к материалу исследования: германские и финно-пермские фитонимы рассматриваются в контексте их сходств и различий.

Что касается случайности или неслучайности выбора признака номинации, в диссертации принимается точка зрения Н. Д. Голева. На наш взгляд, признаки,

лежащие в основе народных наименований растений, чаще всего не произвольны, а подчиняются некоторым закономерностям. Эти закономерности могут касаться, например, важности определенных свойств растений для людей или их заметности. Кроме того, неслучайным, обусловленным лингвокультурной спецификой, часто становится и выбор языковых средств, через которые воплощается признак.

В практической части настоящей работы мы принимаем во внимание универсальные закономерности народной номенклатуры растений, сформулированные рядом ученых. Из пяти таксономических этнобиологических категорий, выделяемых Б. Берлином и др., в работе рассматриваются лексические единицы категорий «родовое понятие» и «видовое понятие».

Особое значение для настоящего исследования имеет проведенная Й. Милицей классификация лексических групп, участвующих в образовании фитонимов. В Главе 2 обращается внимание на слова, входящие в состав наименований растений, а также создается собственная классификация на этом основании.

Для исследования, посвященного народной ботанической лексике в разноструктурных языках, важной является работа О. Г. Рубцовой, содержащая сопоставление, в том числе, финно-пермских и германских фитонимов. В практической части диссертации будет сделана попытка выявить общие черты и закономерности народной номенклатуры растений в структурно различных языках, как и определить особенности, характерные исключительно для финно-пермских или германских наименований.

Описывая специфические черты, свойственные фитонимии отдельного языка, ученые занимаются проблемой распределения материала по признакам номинации. Приведенные подходы в своей основе имеют много сходных черт: в числе признаков номинации авторы называют общий внешний вид растения, место произрастания, время цветения, цвет, лечебные свойства и некоторые другие. Однако практически во всех классификациях (особенно развернутых, подробных) присутствуют и не упоминаемые другими исследователями признаки. Среди германских фитонимов У. Кришке различает признаки «дикое растение» и «болезнетворный элемент», Н. Б. Кудрявцева в качестве отдельной группы выделяет «но-

минации на основе легенд, мифов и суеверий», а М. Х. Граф – особенности листьев, плодов и семян. Изучая финно-пермский материал, И. В. Бродский отдельно рассматривает «внешнюю схожесть всего растения или его части с каким-либо предметом или другим растением», «хозяйственное использование», а также выделяет способность растений образовывать семена или споры. Ю. Э. Коппалева объединяет в одной группе признаки «вкусовые свойства» и «съедобность / несъедобность», в то время как в системе И. В. Бродского второе относится к «номинации по иным признакам».

Возможное решение данной проблемы предлагается и в Главе 2 настоящей работы. В рамках каждого «этюда», посвященного отдельному растению, фитонимы распределены по 22 признакам номинации, полный список которых приводится во вступительной части к Главе 2. Эта классификация признаков составлена нами с учетом изученных выше подходов. Одно из ее отличий состоит в следующем: в ней не выделяется группа «два или несколько признаков» (как, например, у И. В. Бродского и Ю. Э. Коппалевой), а вместо этого каждый раз сочетания тех или иных признаков рассматриваются отдельно.

Среди названных трудностей, сопровождающих изучение народных наименований растений, особое значение для настоящей работы имеет отсутствие однозначности в фитонимии. Заметна в рассмотренном нами материале и разница в количестве названий, соответствующих тем или иным видам. Это явление отчасти можно объяснить проведенным М. Х. Графом анализом того, какие растения в принципе получают народные обозначения. По нашим наблюдениям, на количество фитонимов влияют распространенность растения и его применимость в медицине и в быту; еще одним важным фактором может оказаться наличие у растения заметной (часто внешней) особенности. Согласны мы и с высказыванием О. Г. Рубцовой о том, что растения часто именуется «по принципу их функциональной значимости»: если растение ядовито, то это важное в практическом отношении свойство обязательно отражается в части его названий (если же растение очень опасно, то об этом «предупреждает» практически каждый фитоним).

При изучении названий травянистых растений в германских языках (английском и немецком), помимо их синхронного рассмотрения, привлекается и диахронический анализ. В связи с этим необходимо принимать во внимание этимологию фитонимов, которой посвящены некоторые из приведенных трудов. Отдельную трудность представляет разграничение исконных наименований и калек (в английском и немецком – прежде всего, из латинского языка; в финно-пермском же материалом важным источником калькированных фитонимов становится русский язык, а в финском – также шведский). При этом такое разграничение не всегда возможно провести с полной уверенностью: если растение обладает очень заметной или важной особенностью, то разные языки могли отмечать эту черту и независимо друг от друга. Что касается финно-пермских фитонимов, то к их этимологии мы обращаемся значительно реже, чем в германском материале, по причинам, указанным в этой главе. Однако все же учитываются основные сведения о хронологических слоях данной лексики, а также информация о заимствованном характере некоторых единиц.

Глава 2. Народная номенклатура травянистых растений в германских и финно-пермских языках: сопоставительно-ономастиологический аспект

В настоящей главе проводятся описание и анализ народных названий шестнадцати травянистых растений в двух германских (английском и немецком) и четырех финно-пермских языках (финском, включая его ингерманландские говоры, карельском, коми-зырянском и коми-пермяцком). Анализируемые названия относятся к следующим растениям: тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium* L.); борец, аконит (*Aconitum* L.), *Aconitum napellus* L. (борец клубочковый), *Aconitum septentrionale* Koelle (борец северный); манжетка обыкновенная (*Alchemilla vulgaris* L.); полынь обыкновенная (*Artemisia vulgaris* L.); трясунка средняя (*Briza media* L.); колокольчик (*Campanula* L.), колокольчик круглолистный (*Campanula rotundifolia* L.), колокольчик раскидистый (*Campanula patula* L.); василек (*Centaurea* L.), василек синий (*Centaurea cyanus* L.); вьюнок (*Convolvulus* L.), вьюнок полевой (*Convolvulus arvensis* L.); зверобой (*Hypericum* L.), зверобой продырявленный (*Hypericum perforatum* L.), зверобой четырехгранный (*Hypericum tetrapterum* Fr.); нивяник обыкновенный (*Leucanthemum vulgare* Lam.); подорожник большой (*Plantago major* L.); спорыш (горец) птичий (*Polygonum aviculare* L.); лютик (*Ranunculus* L.), лютик едкий (*Ranunculus acris* L.); одуванчик лекарственный (*Taraxacum officinale* Weber); клевер луговой (*Trifolium pratense* L.); мать-и-мачеха обыкновенная (*Tussilago farfara* L.).

Растения выбирались по следующим критериям:

1. Дикорастущие растения. Для них существует довольно много исконных названий, число которых превышает заимствования; некоторые из таких исконных фитонимов появились в языках в древности и прошли длинный путь развития. Такой материал наиболее ярко демонстрирует различия и особенности в системах наименования растений, которые сложились в рассматриваемых языках и культурах. С другой стороны, схожие черты будут с наибольшей вероятностью характеризовать универсальное во взгляде на растение и в его лексическом описании у разных народов.

2. Растения, которые часто встречаются и одинаково широко распространены в областях всех изучаемых языков. Такое ограничение позволяет получить материал примерно равного объема в обеих языковых группах (при этом оговоримся, что в карельском, коми-зырянском и коми-пермяцком фитонимов зафиксировано в литературе меньше, чем в английском, немецком и финском, имеющим более богатую письменную традицию). Кроме того, часто встречающимся растениям, как правило, соответствует больше наименований по большему разнообразию признаков, чем редким, малознакомым носителям языка.

3. Растения, имеющие несколько хорошо заметных, ярких (иногда – необычных), привлекающих внимание признаков. Такая выборка позволяет увидеть различия в том, какие из особенностей растений выходят на первый план в германских и финно-пермских языках, и в том, каким образом (при помощи каких лексических средств) передаются одни и те же свойства. Такой анализ было бы сложно провести на материале названий неприметных растений, которые люди не различают между собой, или тех видов, в облике (и обозначениях) которых доминирует практически только одна черта.

В народной номенклатуре растений наблюдается огромное разнообразие и очень большое количество наименований. Поэтому мы не ставим перед собой задачи описать абсолютно все известные названия каждого из рассматриваемых растений. Выводы, представленные в настоящем исследовании, основаны исключительно на материале, проанализированном в работе, они не являются исчерпывающими и могут быть дополнены.

Настоящая глава состоит из шестнадцати фитонимических «этюдов», каждый из которых посвящен одному растению. Принцип их расположения – по алфавиту, заглавное слово – латинское название растения и его русское обозначение. Все собранные фитонимы распределены на группы по признакам номинации (сначала в германских языках, затем – в финно-пермских). Довольно часто несколько признаков сочетаются в названиях растения; в таких случаях мы группируем фитонимы, связанные друг с другом по признакам номинации. Мы выделяем и используем в своей классификации следующие признаки: 1. цвет; 2. размер рас-

тения или его частей; 3. форма части растения; 4. особенности поверхности и структуры; 5. общее внешнее сходство с другим растением; 6. запах; 7. вкус; 8. другие особенности сока, семян или спор растения; 9. звук, издаваемый растением; 10. действие, которое совершает растение; 11. другой эффект, производимый растением; 12. место произрастания; 13. страна или место происхождения растения; 14. время произрастания или цветения; 15. использование в народной медицине; 16. использование в хозяйстве и в быту; 17. использование в пищу животными; 18. низкая ценность растения; 19. ядовитость или вредные свойства растения; 20. народные поверья и обычаи; 21. другие признаки; 22. неясная мотивация.

Следует отметить, что набор и комбинация признаков в каждом фитонимическом «этюде» различаются, что обусловлено особенностями исследуемого материала. В наименованиях каждого отдельного растения никогда не встречаются все 22 признака, а лишь некоторые из них; кроме того, если фитоним мотивирован несколькими признаками, то они могут сочетаться разным образом. Различен и порядок перечисления признаков в фитонимических «этюдах», что необходимо для логичного изложения материала. Как правило, в начале «этюда» описываются признаки, проявляющиеся в наибольшем количестве названий данного растения или же в самых общеупотребительных фитонимах; затем приводятся признаки менее частотные и более ограниченно употребляемые. Рядом расположены признаки, проявление которых в названиях данного растения логически связано и вытекает одно из другого.

После рассмотрения названий растения в обеих языковых группах делаются выводы относительно семантической структуры этих фитонимов. Выявляются сходства и различия в средствах описания свойств травянистых растений в двух системах народной номенклатуры. Особое внимание уделяется тем компонентам в составе фитонимов, которые указывают на лингвокультурную специфику и образность.

2.1. *Achillea millefolium* L. (тысячелистник обыкновенный)

Рис. 1, 2. Тысячелистник обыкновенный¹

Германские языки

1. Форма части растения. Большое количество названий тысячелистника в германских языках мотивированы признаком формы: его листья рассечены на тонкие сегменты и будто бы состоят из множества маленьких листочков [Иллюстрированный определитель, 2004, 319]. Английский фитоним *milfoil* возник в среднеанглийский период (ср. *mil-foil*): он был заимствован из старофранцузского (*milfoil*), куда, в свою очередь, проник из латинского (*millefolium*, от *mille* «тысяча» и *folium* «лист») [МЕС; OED]. На современном этапе развития в английском языке появились фитонимы *hundred-leaved grass* (букв. «трава с сотней листьев») и *thousand-leaf* (букв. «тысяча-лист») [DEPN, 1886, 563] (ср. фр. *herbe à cent feuilles* (букв. «трава сотни листьев» [Marzell, 1959, 85]).

Особенности строения частей растения стали мотивацией для немецких названий *das Tausendblatt* (сврн. *Tausendplat*; букв. «тысяча-лист»; ср. шв.

¹ Wikimedia Commons: *Achillea millefolium*. – URL: https://commons.m.wikimedia.org/wiki/File:Achillea_millefolium_s1.jpg (дата обращения: 29.01.2024).

FotoSbornik.ru: Тысячелистник. – URL: <http://fotosbornik.ru/wallpapers/5384/5.html> (дата обращения: 29.01.2024).

tusenbladsört, букв. «тысяча листов-трава» [Marzell, 1959, 85]), *die Schafzunge* (букв. «овца-язык») и *der Katzenschwanz* (свн. *Katzenzangel*; букв. «кошачий хвост») [Pritzel, 1882, 6–7]. Первый фитоним соответствует англ. *thousand-leaf*; признаком номинации для второго и третьего также могла стать форма листьев. Вероятно, с овечьим языком и кошачьим хвостом сравниваются «основные» листья растения, а не их маленькие сегменты (ср. фр. *queue de renard*, букв. «лисий хвост» [Marzell, 1959, 85]).

2. Использование в народной медицине. Довольно много германских наименований основаны на лекарственных свойствах тысячелистника. Немецкий фитоним *das Bauchwehkrout* (букв. «боль в животе-трава») можно связать с тем, что в народной медицине эта трава используется для лечения различных заболеваний желудочно-кишечного тракта [Pritzel, 1882, 6; Лекарственные растения, 1967, 249]. Номинации *das Heil allen Schaden* (букв. «исцеление от всех повреждений») и *das Gachheil* (букв. «быстро исцеляющая (трава)») свидетельствуют о ценности тысячелистника как растения, помогающего при всевозможных кровотечениях [Deutsches Wörterbuch] (ср. шв. *såriläkja*, букв. «лечащий раны»; фр. *herbe à la coupure*, букв. «трава пореза» [Marzell, 1959, 89]). Любопытно, что в русском языке также отмечается лекарственная ценность тысячелистника, но с помощью слова «девять» (т. е. это трава, помогающая от многих болезней): напр., *девятига*, *девятитьник* [Колосова, 2009, 133].

Кровоостанавливающими свойствами растения мотивировано также английское наименование *sanguinary* (букв. «кровавый») [Prior, 1863, 197]. Оно происходит от са. *sanguinārīe* (< лат. *sanguināria*, ж.р. от *sanguinārius* «кровяной, кровавый»): использовалось в качестве сокращения от *herba sanguināria*, букв. «кровяная трава») [МЕС] (ср. рус. *кровоавленник*, *кровоавница* [Анненков, 1878, 5]).

Еще один среднеанглийский фитоним, сохранившийся до настоящего времени, – *nōse-blēde* (от *nōse* «нос» и *blēden* «кровоточить»; совр. англ. *nosebleed*) (ср. шв. *näsegräs* «нос-трава»; фр. *saigne-nez*, букв. «кровоточить» + «нос»). В «Гербарии» Джона Джерарда – фундаментальном труде о растениях, написанном в конце XVI в. – указывается следующее свойство тысячелистника: если его ли-

стья положить в нос, то из него пойдет кровь [Gerard, 1636, 1073; Marzell, 1959. 89]. Однако в гербарии Джона Паркинсона 1640 г., напротив, утверждается, что тысячелистник может использоваться как средство против носового кровотечения [Parkinson, 1640, 695]. Вероятно, мотивация названия связана со вторым – лечебным – свойством: кровоостанавливающее действие тысячелистника упоминается в определителях растений и стало мотивацией для других фитонимов (см. выше) [Лекарственные растения, 1967, 249].

3. Цвет; цвет и использование в пищу животными. Древнейшие и общепринятые английское и немецкое названия тысячелистника имеют не до конца установленную мотивацию. В древнеанглийском языке это растение могло обозначаться двумя фитонимами – *gearwe* и *rēade gearwe*. Этимология первого из них является неясной; однако можно утверждать, что слово происходит от общегерм. **garwo*, чей источник, возможно, исторически связан с корнем современного слова *yellow* «желтый» [OED]. Фитоним *rēade gearwe* (букв. «красный тысячелистник»), вероятно, обозначает подвид тысячелистника обыкновенного, имеющий красные цветки [Krischke, 2013, 373]. От да. *gearwe* происходит среднеанглийское название тысячелистника *yarowe*, *yarwe*, из которого впоследствии развилась современная наиболее частотная номинация *yarrow* [Klein, 1971, 836].

В немецком языке существует два общеупотребительных фитонима, обозначающих тысячелистник обыкновенный – *die Garbe* и *die Schafgarbe*. Слово *Garbe* имеет происхождение, общее с англ. *yarrow* (ему предшествовали дивн. *garawa* и снн. *garwe*). В сложном наименовании *Schafgarbe* (букв. «овца-тысячелистник») к характеристике по цвету добавляется признак использования в пищу животными: растение поедают овцы [DWDS; Deutsches Wörterbuch]. Основой для нем. *Rötlich* (букв. «красноватый») [Pritzel, 1882, 7] стал оттенок цветков, который встречается у растения (ср. да. *rēade gearwe*).

4. Другой эффект, производимый растением. В английском языке присутствует группа названий *Achillea millefolium*, которые, очевидно, мотивированы свойством растения вызывать чихание: *sneezewort* (букв. «чихание-трава»), *old man's mustard* (букв. «горчица старика») и *old man's pepper* (букв. «перец стари-

ка») [DEPN, 1886, 439; 563]. Вероятно, такая особенность тысячелистника объясняется его запахом; но точного указания на это не найдено, поэтому признак номинации можно обозначить как «другой эффект, производимый растением».

Финно-пермские языки

1. Форма части растения. Наиболее распространенное финское название для тысячелистника (а также тысячелистника обыкновенного как прототипического представителя рода) – *kärsämö* (от *kärsä* ‘(свиное) рыло’). Его мотивацию можно объяснить при помощи других подобных фитонимов, таких как *kärsäheinä* (букв. «рыло-трава»), *siankärsä* (букв. «свиное рыло») и *siansiera* (букв. «свиная ноздря») [Suhonen, 1936, 20–23]. Можно было бы предположить, что внутренняя форма этих слов связана с тем, что растение применяется в качестве корма для свиней; но, согласно определителю, «животными растение это поедается лишь в молодом возрасте» [Вакар, 1964, 353]. Более того, для *Achillea millefolium* отсутствуют номинации вида «свиная трава». Все обозначения с компонентом *sian* также содержат слово *kärsä* (‘рыло’) или – реже – *siera* (последнее, вероятно, является диалектным вариантом *sierain* ‘ноздря’). Представляется, что все приведенные фитонимы имеют в своей основе признак формы: круглая центральная часть цветка немного приподнята и в ней есть небольшие отверстия, поэтому соцветия и сравниваются со свиным рылом.

Форма листьев растения лежит в основе коми фитонимов *чарла турун* (букв. «серп-трава») и *чарлапинь турун* (букв. «зубья (насечка) серпа-трава») [Ракин, 2006], а также коми-перм. *пилапиньтурун* (букв. «зубья пилы-трава») [Материалы для словаря, 2021, 71]. Острие серпа, как и пилы, имеет мелкие зазубрины [ЭСБЕ, 1900, 704]; вероятно, с этим острием сравнивается неровный (и к тому же узкий) край листа тысячелистника, характерные очертания которому придает его разделенность на множество сегментов. Отмечено русское название тысячелистника *серпорез* [Анненков, 1878, 5], и коми *чарла турун* и *чарлапинь турун* могли быть частично калькированы из него. Формой мотивировано также наименование *коз лыс турун* (букв. «трава-еловая хвоя») [Ракин, 1989]: листья *Achillea millefolium* действительно напоминают ветку ели. Коми-пермский фитоним *сто-*

кок (букв. «сто ножек (цветка)») [Материалы для словаря, 2021, 77], вероятно, сопоставим с германскими наименованиями с числительными в составе. Но, если последние обращают внимание на «сто листьев», то в коми-пермяцком примере указывается на множество маленьких цветков, соединенных с центром своими «ножками».

2. Использование в народной медицине. Как и в германских языках, среди финских обозначений тысячелистника важное место занимает признак лекарственного использования. Внутренняя форма фитонима *rautaheinä* (букв. «железо-трава») объясняется тем, что тысячелистник применялся для заживления ран, нанесенных железом. Такие раны считались наиболее тяжелыми; для их лечения использовались особые лечебные травы и заговоры, и в основе подобных номинаций растений лежат древние поверья [Бродский, 2006б, 79–80]. Данный фитоним отмечается также в ингерманландских говорах финского языка [Коппалева, 2007, 198]; аналогичное название *rauduheiny* (букв. «железо-трава») присутствует в карельском языке [БРКС, 2011, 357]. Кроме того, на признаке лекарственного использования основан ингерманландский фитоним *nor'heinä* (букв. «норица-трава»): тысячелистник применялся в качестве противовоспалительного средства для лечения крупного рогатого скота [Коппалева, 2007, 198].

Лекарственными свойствами *Achillea millefolium* мотивировано большинство его коми названий; наиболее часто упоминаемое из них – способность останавливать кровь. Об этой способности свидетельствуют следующие наименования: *вир дугёдан турун* (букв. «трава, запрещающая кровь») [Бродский, 2006б, 82], *вир кутан турун* (букв. «трава-держатель крови», т. е. «трава, сдерживающая кровь») [Ракин, 1989], *вир ланьтёдан турун* (букв. «трава, успокаивающая кровь») [Бродский, 2006б, 82]. Фитоним *кёртдой турун* (букв. «рана от железа (металла)-трава») [Ракин, 2006; Материалы для словаря, 2021, 57] практически аналогичен фин. *rautaheinä* и карел. *rauduheiny*.

Другими «направлениями» использования в народной медицине мотивированы следующие коми названия тысячелистника: *пиня турун* (букв. «трава (от) зуба»), *ньёмдой турун* (букв. «трава (от) опухоли») и *пёдём турун* (букв. «одыш-

ка (удушье)-трава») [Бродский, 2006б; 141]. Первое из них, как и предыдущие, основано на кровоостанавливающем действии растения: оно применялось при кровоточивости десен и кровотечении из зуба [Бродский, 2006б, 82]. Вторым фитонимом, по-видимому, отражает свойство тысячелистника излечивать не только порезы, но и другие болезненные состояния кожи. Мотивацию наименования *põddm tuрун* можно подтвердить сведениями о том, что *Achillea millefolium* традиционно используется при бронхите и астме [Allen, 2004, 301–302] (ср. рус. *грудная трава* [Анненков, 1878, 5]).

3. Место произрастания. Некоторые финно-пермские названия характеризуют тысячелистник с точки зрения места его обитания (в данной группе языков этот признак намного более частотен, чем в германской). Финское название *peldoruoho, peltoruoho* (две эти лексемы представляют собой варианты одного фитонима) имеет буквальное значение «полевая трава» [Florinus, 1695, 141; Бродский, 2014б, 309]. Еще одно обычное место, где можно встретить тысячелистник, – вдоль дорог; это подтверждают ингерманландские наименования *tuant'ienkukka* (букв. «(при)дорожный цветок») и *t'ienvierenromaska* (букв. «придорожная ромашка») [Иллюстрированный определитель, 2004, 319; Коппалева, 2007, 65; 90]. Карельский фитоним *kiviheinä* (букв. «каменная трава») [Бродский, 2014б, 315] указывает на то, что это неприхотливое растение может встречаться, в том числе, на каменистых почвах.

4. Цвет. В ингерманландских говорах отмечается сложный фитоним *valkijaromaska* (букв. «белая ромашка»), в основе мотивации которого лежит признак цвета (ср. *keltaneromaska* «пижма», букв. «желтая ромашка») [Коппалева, 2007, 198].

5. Особенности поверхности и структуры. В одном финно-пермском обозначении указывается на твердый стебель тысячелистника: коми *болонь турун* переводится как «заболонь-трава» (заболонь – «наружные, примыкающие к камбию слои древесины стебля и корня древесных растений») [Бродский, 2006б, 119; Ботанико-фармакогностический словарь, 1990, 59].

6. Неясная мотивация. В ингерманландских говорах существует также одно название тысячелистника, имеющее неясную мотивацию. Указывается, что слово *kuperkeikka* буквально переводится как «переворот» или «кувырок» и связано с глаголом *keikkuu* «прыгать» [Коппалева, 2007, 114]. Можно предположить, что фитоним связан с каким-либо народным поверьем или обычаем, однако неизвестно, с каким именно.

Семантическая структура фитонимов

В семантической структуре названий обращают на себя внимание некоторые особенности. Форма листьев в германских фитонимах часто выражается через компонент «тысяча» (англ. *thousand-leaf*, нем. *Tausendblatt*); это свидетельствует о калькировании из латинского языка (англ. *milfoil*) или же о латинском влиянии. Стоит заметить, что число «тысяча» здесь имеет символическое значение и воспринимается не буквально, а как «множество», «несчетное количество». В финно-пермских наименованиях, мотивированных формой, выделяются компоненты «(свиное) рыло» (фин. *kärsä*) и «свиной» (*sian*), а также *чарла* «серп». Присутствие таких элементов может быть следствием того, что финно-пермская система номенклатуры растений в большей степени основана на народной, а не ученой, традиции.

Лечебные свойства тысячелистника в обеих языковых группах нередко воплощаются в компонентах «кровь», «кровавый» и т. п. Однако у финно-пермских фитонимов есть и отличительная черта – использование слова со значением «железо» (фин. *rautaheinä* и т. п.). Такие единицы можно рассматривать как след народных поверий, до сих пор сохраняющийся в лексике природы.

2.2. *Aconitum* L. (борец, аконит), *Aconitum napellus* L. (борец клубучковый), *Aconitum septentrionale* Koelle (борец северный)

Рис. 3. Борец клубучковый²

Рис. 4. Борец северный³

Борец, или аконит, имеет два наиболее ярко выраженных свойства: ядовитость и своеобразное строение цветков. Последние состоят из двух лепестков и верхнего чашелистика, который «имеет форму шлема, расширенного вверху и на конце загнутого» [Иллюстрированный определитель, 2003, 191]. Практически все наименования борца в германских языках и большинство названий в финно-угорских языках мотивированы этими двумя особенностями. Типовым видом рода Борец является борец клубучковый (*Aconitum napellus* L.); именно его обозначают все рассмотренные германские названия. В финно-угорских языках (особенно в коми языке) распространены также фитонимы, относящиеся к борцу северному (*Aconitum septentrionale* Koelle). Это объясняется различными ареалами про-

² iNaturalist: Борец клубучковый. – URL: <https://www.inaturalist.org/observations/142056724> (дата обращения: 29.01.2024).

³ iNaturalist: Борец северный. – URL: <https://www.inaturalist.org/observations/142044530> (дата обращения: 29.01.2024).

израстания данных видов; однако их названия можно сопоставлять, так как в целом они обладают одинаковыми свойствами.

Германские языки

1. Ядовитость или вредные свойства растения. Древнейшие, а также некоторые современные названия аконита в обоих рассматриваемых германских языках мотивированы его ядовитостью. Современный английский фитоним *aconite* является заимствованием: он пришел в английский язык из французского (*aconit*), куда попал из латинского (*aconitum*). Латинское же название восходит к древнегреческому языку, где словом *akoniton* называли ядовитые растения [OED; Вакар, 1964, 165].

В древнеанглийском языке аконит, как и другие ядовитые растения, обозначался словом *þung* (букв. «яд»). Существовал также фитоним *micel þung* (букв. «большое ядовитое растение»), отмечающий также размер аконита (очевидно, другие ядовитые растения, обозначаемые названием *þung*, были менее крупными) [Krischke, 2013, 360; 401]. На опасность цветка указывает и современное английское название *wolf's bane* (букв. «волчий яд») [DEPN, 1886, 563] (ср. рус. *волкобой* [Анненков, 1878, 6]).

В немецком языке к данной группе относятся двн. *luppewurz* (букв. «яд-трава», «яд-корень»), свн. *giftkraut* (букв. «яд-трава») и такие современные названия, как *das Hundsgift* (букв. «собачий яд»), *der Hundstod* (букв. «собачья смерть»), *das Wolfsgift* (букв. «волчий яд») [IWP, 1872, 3; Pritzel, 1882, 8–9]. Древние германцы натирали экстрактом аконита наконечники стрел для охоты на диких животных, чем отчасти можно объяснить возникновение последнего фитонима (а также англ. *wolf's bane*) [Мазнев, 2004, 69]. Однако, скорее всего, все данные компоненты в первую очередь указывают на ядовитость растения в целом, так как слова «волчий», «собачий» обладают пейоративным значением.

2. Форма части растения. Наибольшее число английских и немецких обозначений аконита описывают причудливую форму его цветков. Наряду с *aconite* и *wolf's bane*, наиболее распространенное наименование борца клобучкового в современном английском языке – *monkshood* (букв. «капюшон монаха»). К нему

примыкает множество фитонимов, содержащих похожий образ и основанных на сравнении цветка аконита с головным убором с «нависающей» передней частью. Некоторые из таких примеров – *Turk's cap* (букв. «колпак турка»), *grandmother's nightcap* (букв. «бабушкин ночной колпак»), *helmet flower* (букв. «шлем-цветок») [DEPN, 1886, 563]. К этой же группе относятся следующие немецкие названия: *der Eisenhut* (букв. «железная шляпа», т. е. «шлем»), *der Sturmhut* (букв. «штурм-шляпа», т. е. «шлем»; ср. шв. *stormhatt* «тж.» [Marzell, 1959, 99]), *die Narrenkappe* (букв. «шутовской колпак»), *die Mönchskappe* (букв. «монашеский клобук»; ср. шв. *Munkhatt* «шляпа монаха») [IWP, 1872, 3; Pritzel, 1882, 9; Marzell, 1959, 99] (ср. рус. *куколь*, *колпачки* [Колосова, 2009, 117; Анненков, 1878, 6–7], фр. *casque de pompier*, букв. «каска пожарного» [Marzell, 1959, 100]).

В основе некоторых германских обозначений аконита лежат образы, которые подразумевают сложную и необычную форму цветка. Зачастую сложностью отличаются и сами эти фитонимы: англ. *parson-in-the-pulpit* (букв. «священник на кафедре»), *Venus's Chariot drawn by two doves* (букв. «колесница Венеры, которую везут два голубя») и т. д. Во втором наименовании с колесницей сравнивается чашелистик, а с голубями – два выдающихся вперед лепестка [DEPN, 1886, 479; 563] (ср. фр. *char de Vènus*, букв. «повозка Венеры»; шв. *hästar och vagn*, букв. «лошади и карета» [Marzell, 1959, 104]). Причудливую форму цветка в целом описывает немецкий фитоним *Täubele im Nest* (букв. «голуби в гнезде») [Pritzel, 1882, 9].

3. Использование в народной медицине. В германских языках крайне редко отмечаются иные особенности *Aconitum napellus*, помимо строения цветка и ядовитых свойств. Один из примеров другой мотивации среди немецких названий – *die Apolloniawurzel* (букв. «Аполлония-корень»). Это название объясняется лекарственными свойствами борца, который в малых дозах может использоваться как болеутоляющее средство (правда, такое применение ограничивается народной медициной). Именно поэтому фитоним содержит отсылку к Св. Аполлонии, которая, по поверьям, защищает от зубной боли. В лечебных целях используются клубни аконита, что отражено в компоненте *Wurzel* «корень» [Marzell, 1959, 107; Мазнев, 2004, 67].

Финно-пермские языки

Финские названия аконита могут обозначать род в целом, а также борец клубочковый и борец северный. Фитонимы коми языка относятся к борцу северному, очевидно, наиболее распространенному на данной территории.

1. Форма части растения. В основе практически всех финских обозначений аконита лежит необычная форма цветков. Наиболее распространенное название – *ikonhattu* (букв. «шляпа старика») – применяется как к роду в целом, так и к отдельным видам (в частности, к борцу клубочковому). Последний также может именоваться *oikea ikonhattu* (букв. «настоящий (правильный) аконит») [Suhonen, 1936, 24]. Как и в германских языках, в финских номинациях присутствует сравнение цветка с птицей, причем такое уподобление встречается довольно часто. К этой группе относятся такие названия *Aconitum napellus*, как *lintuheinä* (букв. «птица-травя») и *arkinlintu* (букв. «птица ковчега») [Suhonen, 1936, 24]. Во втором из них, вероятно, содержится отсылка на то, как Ной выпускал из ковчега голубя; но мотивирован фитоним все же формой. Это название могло повлиять на возникновение еще одной номинации с библейскими аллюзиями – *Noan arkki* (букв. «Ноев ковчег») [Suhonen, 1936, 24]. Возможно, в данном обозначении в свернутом виде содержится образ «птицы из ковчега», но не исключено, что сравнение с последним является самостоятельным (ср. англ. *Venus's Chariot drawn by two doves*, шв. *hästar och vagn*).

Э. Лённрот приводит народное название *hammasheinä* (букв. «зуб-травя»), которое относится к борцу северному [Lönnrot, 1866, 381]. Данный фитоним также отсылает к внешнему виду цветка: он имеет вытянутую и немного изогнутую форму и при взгляде сбоку может напомнить зуб, острой частью которого является чашелистик. Очертания чашелистика стали основой и для фитонима *kukonharja* (букв. «петушиный гребень»), который указывает И. В. Бродский (без уточнения вида) [Бродский, 2006б, 121].

Признак формы цветка содержат все зафиксированные ингерманландские названия борца. Чаще всего он сравнивается с какой-либо обувью: *tossuloi* (букв. «башмачки»), *tohvel'kukka* (букв. «башмак-цветок»), *näkinkenkä* (букв.

«башмачок русалки»), *ätmänsuappaat* (букв. «бабушкины (старухины) сапоги») (ср. рус. *Зозулины черевички* [Анненков, 1878, 7]). Другой образ, но с той же мотивацией, присутствует в наименовании *parhevosta* (букв. «пара лошадей») [Копалева. 2007, 111–112; 163–164]. Коми фитоним *понкок турун* (букв. «травасобачья лапа (ступня)») [Бродский, 2006а, 71] мотивирован формой листьев, которые по своим очертаниям действительно могут напомнить лапу животного.

2. Форма части растения и размер. Два этих признака выражены в коми фитониме *ота корья кузь турун* (букв. «широколиственная высокая трава»): народное описание соответствует данным определителя, в котором, в частности, отмечается, что борец северный может достигать двух метров в высоту [Бродский, 2006б, 86; Иллюстрированный определитель, 2003, 191].

3. Ядовитость или вредные свойства растения; ядовитость и особенности поверхности и структуры. На опасность аконита определенно указывает коми фитоним *лэк ота корья турун* (букв. «плохая широколиственная трава») [Бродский, 2006б, 86]. Этот же признак, вероятно, содержится в коми названии *ошланкор* (букв. «медвежий подорожник (лопух)») [Ракин, 1989]: первый компонент имеет явный пейоративный оттенок, который, скорее всего, объясняется именно ядовитостью – крайне важным свойством цветка. Не совсем ясно, почему аконит считается «подвидом» подорожника или лопуха; вероятно, название *ланкор* может относиться к различным травянистым растениям. Слово *ланкор* состоит из двух компонентов: второй (*кор*) переводится как «лист»; первый (*лан*) имеет первоначальное значение «свободно висящее, плоское» [КЭСКЯ, 1970, 157]. Этот фитоним можно передать как «свободно висящий лист», и мотивирован он, вероятно, особенностью поверхности (см. *Plantago major* L., подорожник большой).

4. Цвет. Одна из немногих финских номинаций, не упоминающая признак формы, – *sinilatva* (букв. «синяя верхушка») [Suhonen, 1936, 24]: она основана на окраске цветков (ср. рус. *синеглазка*) [Анненков, 1878, 7]). Лишь один фитоним с этим признаком удалось обнаружить в коми языке: *лöz тöзь* (букв. «синий лабазник») [Ракин, 2006]. По-видимому, борец рассматривается как разновидность лабазника из-за общего внешнего сходства, хотя это сходство и не очень большое.

5. Использование в хозяйстве и в быту. О хозяйственном использовании растения свидетельствует коми номинация *той турун* (букв. «трава [от] вшей») [Бродский, 2006б, 79].

Семантическая структура фитонимов

В германских языках – их исторических и современных формах – в названия аконита часто входит компонент «яд» (англ. *wolf's bane*, нем. *das Hundsgift* и т. п.). Напротив, среди финно-пермского материала этот признак отражен лишь в двух фитонимах (хотя, казалось бы, чрезвычайно важно закрепить его в названии для того, чтобы избежать опасного растения). Кроме того, в этих двух номинациях ядовитость аконита выражается по-другому, чем в английском и немецком: с помощью слов «плохой» и «медвежий». Данное различие может объясняться тем, что подобные германским фитонимы в финском, карельском и коми языках не сохранились или не закреплены. Возможно также, что на появление таких наименований оказывало влияние использование яда борца (например, при охоте), и оно не было характерно для финно-пермских народов.

Для германских обозначений аконита типично сравнение его цветка со шлемом (напр., нем. *der Eisenhut*). Причиной этого являются историко-культурные особенности: традиция рыцарства и соответствующие особенности в одежде. Фитонимы с буквальным значением «шутовской колпак» и «монашеский клобук» также указывают на реалии, отсутствующие у финно-пермских народов или менее им присущие. Английское название *Turk's cap* свидетельствует о контактах с Востоком, не так характерным для значительно более обособленных финно-пермских народов. В финском и коми языках цветки *Aconitum L.* зачастую уподобляются обуви – башмакам или сапогам. Объяснением здесь могут служить внешние особенности двух видов растения: цветки борца клобучкового действительно больше напоминают шлем или капюшон (это отражено и в его русском научном названии), а цветки борца северного – сапоги или башмаки. Ингерманландские фитонимы (*ämmänsuappaat* и т. п.), вероятнее всего, относятся именно к борцу северному.

2.3. *Alchemilla vulgaris* L. (манжетка обыкновенная)

Рис. 5, 6. Манжетка обыкновенная⁴

Германские языки

1. Форма части растения. Древнеанглийское название манжетки обыкновенной – *lēon-fōt* (букв. «львиная нога (лапа)»); оно является калькой лат. *pēs leōnis* или *leontopodium*. Фитоним мотивирован формой листьев растения, которые состоят из нескольких больших складок, способных напоминать лапу животного. Возможно, что ассоциация со львом также подкрепляется желтым оттенком цветков манжетки [Krischke, 2013, 349–350]. В среднеанглийском языке растение обо-

⁴ Wikimedia Commons: *Alchemilla vulgaris*. – URL: [https://commons.m.wikimedia.org/wiki/File:Alchemilla_vulgaris_-_Billeder_af_nordens_flora_\(1917,_plate_297\)_clean_no-description.jpg](https://commons.m.wikimedia.org/wiki/File:Alchemilla_vulgaris_-_Billeder_af_nordens_flora_(1917,_plate_297)_clean_no-description.jpg) (дата обращения: 29.01.2024).

Wikipedia: *Alchemilla vulgaris*. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/File:Alchemilla_vulgaris.jpg (дата обращения: 29.01.2024)

значается словом *pede-līōun*, имеющим такую же внутреннюю форму, что и древнеанглийский фитоним; в настоящее время название имеет вид *padelion* и также обозначает манжетку, хотя используется редко. Наряду с этим отмечен современный английский фитоним *lion's foot* (букв. «тж.») [MEC; DEPN, 1886, 565]. Надо думать, что последнее наименование восходит к да. *lēon-fōt* и исторически является калькой латинского названия. В среднеанглийский же период слово *pede-līōun* (> совр. англ. *padelion*) было заимствовано самостоятельно; возможно, это произошло посредством французского языка (ср. совр. фр. *ped de lion* [Анненков, 1878, 20]).

Большинство современных английских названий манжетки обыкновенной мотивировано формой листьев и основано на сравнении с лапой какого-либо животного. К этой группе относятся, в частности, фитонимы *bear's-foot* (букв. «медвежья лапа») и *duck's-foot* (букв. «утиная лапа») [DEPN, 1886, 565] (ср. рус. *лапка гусиная, копытник* [Анненков, 1878, 20]). На признаке формы листьев основано и наиболее распространенное название растения *lady's mantle* (букв. «накидка леди»), которое является сокращением от *Our Lady's mantle* (букв. «накидка Богородицы»). Лист манжетки сравнивается с накидкой из-за общей формы, а также из-за зазубренных краев, напоминающих кружева [DEPN, 1886, 295; Prior, 1863, 131].

Общепринятое немецкое наименование манжетки – *der Frauenmantel* (букв. «женский плащ») [DWDS]; данный фитоним, как и англ. *lady's mantle*, мотивирован формой листьев. Сходство двух названий, вероятно, свидетельствует об их общем происхождении: возможно, как в английском, так и в немецком языках произошло калькирование из французского (ср. фр. *manteau des dames*, букв. «плащ дамы» [Анненков, 1878, 20]). Подобно английскому фитониму, немецкое название следует понимать скорее как «плащ Богородицы», так как существуют разнообразные более «полные» или уточняющие номинации. К таковым относятся, например, *der unser (lieben) Frauen Mantel* (букв. «плащ Богородицы») и *der Marienmantel* (букв. «плащ Марии») (ср. шв. *Marekåpa*, букв. «плащ Марии» [Marzell, 1959, 175]). Форма листьев также лежит в основе фитонимов, образован-

ных по модели «лапа животного» (*der Gänsefuss*, букв. «гусиная лапа»; *der Löwenfuss*, букв. «львиная лапа») [Pritzel, 1882, 15; Marzell, 1959, 175].

2. Особенности поверхности и структуры; особенности поверхности и структуры и форма. Два английских наименования манжетки – *dewcup* (букв. «роса-чашка») и *syndaw* – содержат компонент «роса». Первое из них объясняется следующим образом: на листьях растения часто лежат капли росы или дождя; благодаря тому, что листья покрыты волосками, они не промокают насквозь, а капли с них не исчезают [DEPN, 1886, 150].

Фитоним *syndaw* родственен названию росянки *sundew* (букв. «солнце-роса»): росянка, как и манжетка, сохраняет на листьях капли (правда, в случае хищного растения это не роса, а клейкая жидкость, похожая на нее) [Иллюстрированный определитель, 2003, 343]. Вероятно, фитоним был перенесен на манжетку из-за этой общей особенности растений. Спорными являются происхождение и внутренняя форма двух названий: обычно слово *sundew* связывается с тем, что на листьях растения даже в солнечный день сохраняется «роса» (ср. лат. *ros solis* «росянка», букв. «солнечная роса»). Однако, согласно другому мнению, слова *syndaw* и *sundew* произошли от нем. (вероятно, двн.) *sindau* «постоянная роса» [DEPN, 1886, 458; Prior, 1863, 223]. Вторая версия может подкрепляться тем, что в названии *syndaw* солнце не упоминается [DEPN, 1886, 458]; с другой стороны, могло произойти искажение слова *sundew*, в результате которого образовался рассматриваемый фитоним. Таким образом, существует два варианта перевода названия *syndaw*: «солнце-роса» и «постоянно росистое [растение]»; в обоих случаях номинация указывает на особенности поверхности манжетки обыкновенной.

На свойстве листьев манжетки сохранять капли росы и дождя основано довольно много немецких фитонимов. Один из них – *der Sinau*, а также различные фонетические варианты этого названия, которые мы не будем считать отдельными номинациями (*Sinnau*, *Sindaw*, *Sondaw* и т. д.). Этимологический словарь фитонимов немецкого языка возводит *Sinau* к слову *Sin-tau* (букв. «постоянная роса»); отмечается также, что первый компонент входит в состав названий и некоторых других растений (*Singrün* «барвинок», букв. «постоянно зеленый», «вечно-

зеленый») [Pritzel, 1882, 15; Kanngiesser, 1909, 9]. Таким образом, *der Sinau* буквально переводится как «постоянно росистое [растение]» и является родственным англ. *sundaw*; сведения касательно немецкого языка подтверждают вторую версию происхождения английского фитонима.

Такая же особенность поверхности лежит в основе немецких наименований *das Thaublatt* (букв. «роса-лист») и *die Tauschüssel* (букв. «роса-миска»). Фитоним *das Regenschirmchen* (букв. «дождь-зонтик»), скорее всего, мотивирован к тому же формой листьев манжетки: они похожи на раскрытый зонт, на котором остаются капли дождя [Pritzel, 1882, 15; Kanngiesser, 1909, 9]. Фитонимы, указывающие на ту же особенность поверхности, отмечаются и в других языках: например, рус. *богова слезка*, *росница* [Анненков, 1878, 19–20]; шв. *dagg(e)ört* (букв. «роса-трава»), фр. *dchôte de rosày [herbe de rosée]* (букв. «трава росы») [Marzell, 1959, 179].

Финно-пермские языки

1. Форма части растения. Данный признак наиболее часто отмечается в финских названиях манжетки: лист растения может напоминать юбку или блузку со складками и оборками. Эту мотивацию имеют фитонимы *hiirenhame* (букв. «мышьяная юбка»: т. е. «ненастоящая», ср. рус. *мышьяный горошек*), *körttiheinä* (букв. «юбка-трава») и, возможно, *röjyheinä* (букв. «кофта-трава», «блуза-трава») [Lönnrot, 1866, 381].

На характерную форму листьев манжетки указывают и многие ингерманландские фитонимы, например, *nyöryheinä* (букв. «складка-трава») и *röllöheinä* (от *röllit* «рюши, оборки» и *heinä* «трава») [Коппалева, 2007, 63; 175]; (ср. шв. *Mariekrage*, букв. «воротник Марии» [Marzell, 1959, 176]). К данной группе можно отнести и название *pyöräheinä* (букв. «колесо-трава»): лист растения образует неполную окружность, а линии складок могут сравниваться со спицами колеса. В коми языке очертания листьев манжетки описываются иным образом: фитонимы *понкок* (букв. «собачья лапа») [Ракин, 2006] и *понлана* (букв. «тж.») [Ракин, 1989] можно сравнить с англ. *bear's-foot*, нем. *Löwenfuss* и некоторыми другими германскими названиями.

2. Особенности поверхности и структуры. Финская номинация *hopealehti* (букв. «серебро-лист») [Бродский, 2014а, 214] связана со свойством листьев манжетки удерживать капли, отчего они выглядят усыпанными серебряными точками. Несмотря на упоминание цвета, этот фитоним мотивирован особенностями поверхности (ср. англ. *dewcup*, нем. *Sinau* и т. п.). Ингерманландское обозначение *sont'ikkaheinä* (букв. «зонтик-трава») [Коппалева, 2007, 175], вероятно, аналогично нем. *Regenschirmchen* и, помимо поверхности листа, описывает его форму. К данной группе относится и коми фитоним *лысва турун* (букв. «роса-трава»), который также может обозначать росянку [Ракин, 1989; Ракин, 2006].

3. Использование в народной медицине. В ингерманландских говорах отмечен фитоним, мотивированный лекарственным применением манжетки – *ruanileht'* (букв. «нарыв (панариций)-лист») [Коппалева, 2007, 72]. В рассмотренных германских языках номинации растения по этому признаку отсутствуют.

4. Неясная мотивация. В финских говорах на территории Финляндии и России присутствует фитоним *kiuruheinä* (букв. «жаворонок-трава») [Бродский, 2006б, 180; Коппалева, 2007, 176], мотивация которого не совсем ясна. Возможное объяснение – общее место обитания: полевой жаворонок, как следует из названия вида, населяет степи, луга и другие открытые пространства; в таких же местах встречается манжетка обыкновенная [Рябинцев, 2001, 355–356; Иллюстрированный определитель, 2003, 358].

Семантическая структура фитонимов

Общим для германских и финно-пермских наименований манжетки является сравнение ее листьев с лапой животного (однако в первой языковой группе такие фитонимы все же более распространены). В финно-пермских названиях лист манжетки довольно часто уподобляется предмету одежды, например, юбке. Такие номинации в некотором смысле близки англ. *lady's mantle*, нем. *Frauenmantel* и т. п.; но английский и немецкий материал отличается библейскими отсылками, которые отсутствуют в финском и коми языках.

Особенность поверхности манжетки в германских фитонимах практически всегда описывается с помощью компонента «роса»; в финно-угорском материале такой пример всего один (коми *лысва турун*), хотя причиной этого может быть меньшее количество собранных названий. Среди английских и немецких номинаций нет аналогов фин. *hopealehti*, в котором поверхность характеризуется через цвет. Очень близки по внутренней форме нем. *Regenschirmchen* и фин. ингерм. *sont'ikkaheinä*, что свидетельствует об универсальности восприятия растения разными народами.

2.4. *Artemisia vulgaris* L. (полынь обыкновенная)

Рис. 7, 8. Полынь обыкновенная⁵

Германские языки

1. Использование в народной медицине. В древнеанглийском языке полынь обыкновенная имела два названия: *micg-wyrt* (см. 6. Другие признаки) и *mōder-wyrt* (букв. «мать-трава»). Второе наименование (> совр. англ. *motherwort*) относилось также к мяте водяной (*Mentha aquatica* L.) и поповнику девичьему (*Pyrethrum parthenium* L.). Все эти растения использовались для лечения женских заболеваний; это отражено в первом компоненте фитонима, который в данном случае имеет значение «матка, утроба». На такое же лекарственное применение указывают латинские названия *matricaria* (от лат. *mātrīx*, генитив *mātrīcis* «матка» < *māter* «мать») [Genaust, 1996, 370] и *mater herbarum* (букв. «мать трав»), относившиеся к полыни и поповнику девичьему [Krischke, 2013, 362; Prior, 1863, 155–156]. Кроме того, вполне возможно, что перечисленные фитонимы отсылают и к

⁵ Wikipedia: *Artemisia vulgaris*. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Artemisia_vulgaris#/media/File:ArtemisiaVulgaris.jpg (дата обращения: 29.01.2024).

Плантариум: *Artemisia vulgaris* L. – URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/522307.html> (дата обращения: 29.01.2024).

общей лекарственной ценности полыни – многочисленным целительным свойствам, делающим ее «матерью трав».

С да. *mōder-wyrt* и совр. англ. *motherwort* можно сравнить немецкий фитоним *das Weiberkraut* (букв. «женская трава»): признаком номинации в нем выступает лекарственное действие полыни при женских заболеваниях [IWP, 1872, 25; Deutsches Wörterbuch]. Ту же мотивацию, вероятно, имеет и фитоним *das Jungfernkraut*. Входящее в него слово *die Jungfer* имеет следующие значения: 1. пожилая, оставшаяся незамужней, мелочная и жеманная особа женского пола; 2. барышня, девица; 3. служанка, горничная (все значения являются устаревшими, а первое имеет также иронический оттенок) [IWP, 1872, 25; DWDS]. В фитониме этот компонент, скорее всего, имеет обобщенное значение «женщина», поэтому *Jungfernkraut* можно перевести как «женская трава». В этих двух немецких названиях, в отличие от англ. *motherwort*, обозначена определенная область применения лекарственного растения, а не его ценность вообще.

Еще одно германское обозначение полыни, указывающее на ее лекарственное применение, – англ. *fellon-herb*. Согласно «Словарю архаичных и провинциальных слов», существительное *felon* имеет два значения: «болезнь коров» и «кожная сыпь у детей»; вероятно, они оба связаны с устаревшим термином *felone* «язва, панариций». Авторы «Словаря английских названий растений» приводят еще несколько подобных фитонимов – *fellon grass*, *fellon-weed* и *fellon-wort* (обозначают они другие растения). Указывается, что «трава», обозначаемая первым из них, используется для лечения болезни скота (болезнь эта проявляется на коже животного); растения, обозначаемые следующими двумя словами, помогают при панариции [DEPN, 1886, 177–178; A Dictionary of Archaic and Provincial Words, 1850, 352]. Можно предположить, что полынь обыкновенная также применялись как лекарственное растение в одном (или нескольких) из указанных случаев. Буквально фитоним *fellon-herb* можно перевести как «болезнь скота-трава» (ср. рус. *кобыльник* [Колосова, 2009, 221]), «сыпь-трава» или «язва (панариций)-трава».

2. Время произрастания или цветения, народные поверья и обычаи.

Указание на время – вторая по частоте мотивация названий *Artemisia vulgaris* в германских языках; однако обнаружена она была только в немецком языке. Временная характеристика также может сочетаться с отсылкой на народные традиции, связанные с растением; так, два этих признака лежат в основе фитонима *der (St.) Johannisgürtel* (букв. «пояс (Св.) Иоанна»). Название объясняется обрядом, проводившимся в день летнего солнцестояния: «пояс», представлявший собой переплетенные растения полыни, бросали в огонь, считая, что он забирает с собой все несчастья и болезни [Pritzel, 1882, 45; Kanngiesser, 1909, 20]. С этим обрядом связаны и другие поверья и традиции: считалось, что Иоанн Креститель носил пояс из полыни; такой пояс носили в канун Иванова дня как защиту от призраков и магии (после чего он сжигался); полынь, собранная в канун летнего солнцестояния, должна была защищать от зла и колдовства. В англоязычном «Словаре знаний о растениях» упоминается латинский эквивалент фитонима (*St.) Johannisgürtel – cingulum Sancti Johannis*; это позволяет предположить, что немецкое название является калькой латинского. Вероятно, последнее дало начало фитонимам и в других языках; кроме того, очевидно, что соответствующая традиция также бытовала не только в немецкоязычных обществах [Watts, 2007, 258] (ср. фр. *herbe Saint Jean*, букв. «трава Св. Иоанна» [Marzell, 1959, 439]).

Полынь обыкновенная цветет с июня по сентябрь, а не только в дни, близкие летнему солнцестоянию [Иллюстрированный определитель, 2004, 346]; возможно, однако, что в указанный период растение начинает появляться в большом количестве или активно цвести. Эта особенность, в сочетании с важностью полыни в народной медицине, могла поспособствовать тому, что растение стало связываться с определенным временем.

Можно привести в пример еще два немецких фитонима, сходные с рассмотренным выше: *der Sonnenwendgürtel* (от *die Sonnenwende* «солнцеворот, солнцестояние» и *der Gürtel* «пояс»: «солнцеворот-пояс») и *die Himmelskehr* (от *der Himmel* «небо» и *die Kehre* «поворот»: «небесный поворот») [IWP, 1872, 24–25].

Оба эти названия мотивированы временем произрастания, а первое – также и по-верьем, связанным с растением.

3. Запах. Английское название *apple-pie* (букв. «яблочный пирог») полынь обыкновенная получила «из-за аромата цветков и молодых побегов» [DEPN, 1886, 14]. Таким свойством растение обладает благодаря содержанию в нем эфирных масел [Лекарственные растения, 1967, 49]. С яблочным пирогом оно сравнивается, скорее всего, из-за ярко выраженного и приятного аромата в целом, а не какого-либо точного сходства запахов.

4. Использование в хозяйстве и в быту, низкая ценность растения. Относительно английского фитонима *sailor's tobacco* (букв. «табак моряка») существует следующее объяснение: в одном из городков графства Хартфордшир «мальчики собирают и высушивают [полынь] для курения» [DEPN, 1886, 411]. В таком случае признаком номинации можно считать использование растения в быту. Тем не менее, приведенный факт объясняет лишь второй компонент названия, первый же остается неясным; возможно, он был добавлен для создания комического эффекта. Вероятнее всего, компонент *sailor's*, сам по себе не являющийся пейоративным, следует понимать как «неправильный, ненастоящий» (полынь – это ненастоящий табак). Поэтому фитоним можно также включить в группу «низкая ценность растения».

5. Другие признаки. Мотивация да. *muscg-wyrt* (от *muscg* > *midge* «мошка», букв. «мошка-трава») связывается с тем, что полынь привлекает мух и мошек, которые часто сидят на ней. В среднеанглийский период фитоним приобрел форму *mug-wort*, которая сохранилась до настоящего времени (совр. англ. *mugwort*) [Krischke, 2013, 364; МЕС].

В современном английском языке наиболее распространены два фитонима со значением «полынь обыкновенная» – *mugwort* и *wormwood* (см. 6. Неясная мотивация). Еще одно современное наименование растения, перешедшее из древнеанглийского языка, – *motherwort* (см. 1. Использование в народной медицине); однако оно не является частотным.

6. Неясная мотивация. Признак, находящийся в основе двух германских названий полыни, сложно установить с определенностью. Однако эта группа крайне важна: в нее входят древние номинации, сохранившиеся и часто используемые в современных английском и немецком языках. Англ. *wormwood* происходит от да. *wer-mōd*; изначально фитоним относился к полыни горькой (*Artemisia absinthium*), но в настоящее время может обозначать и полынь обыкновенную. Каждая из двух частей слова переводима (*wer* «человек, мужчина» и *mōd* «расположение духа, настроение»), но неясно, почему эти компоненты были соединены в названии [Krischke, 2013, 408].

Неясную мотивацию имеет общепринятое немецкое название полыни обыкновенной – *der Beifuß*. Народная этимология связывает фитоним со словом *der Fuß* «нога (ступня)» (при этом предлог *bei* имеет значение «возле, около»). Такое толкование коррелирует с поверьем о том, что полынь защищает от усталости при ходьбе, если путник положит ее в обувь [DWDS; Dyer, 1889, 291–292]. Это поверье, вероятно, было широко распространено и отмечается как в английской, так и в немецкой ботанической литературе XV–XVII вв.; однако к происхождению наименования оно никакого отношения не имеет [Deutsches Wörterbuch]. В действительности слово *Beifuß* (двн., свн. *bībōz*) родственно двн. глаголу *bōzen* «толкать, ударять; толочь». Согласно одному из предположений, внутреннюю форму фитонима следует понимать как «травя, которую толкут, чтобы использовать как приправу к еде и питью». Еще одно возможное толкование – «сила, отталкивающая злых духов» (данное свойство на самом деле приписывалось растению) [DWDS].

Финно-пермские языки

1. Использование в хозяйстве и в быту; использование в хозяйстве и в быту и место произрастания. В финском языке у полыни обыкновенной есть несколько широко распространенных названий; к ним относятся, в частности, *koiruoho* и *mali*. Первый фитоним имеет буквальное значение «моль-травя» (т. е. «травя от моли») и объясняется хозяйственным использованием растения [Бродский, 2006б, 77]. Аналогичное наименование – *koiheinä* – присутствует в карель-

ском языке [PKC, 2015, 231]. Такой же мотивацией обладает и финское заимствование *mali*: оно происходит от первой части шведского названия полыни *malört* (*mal* «моль» + *ört* «трава»: букв. «моль-трава») [Suhonen, 1936, 53; SSA, 1995, 143]. Однако признак, лежащий в основе этого наименования, скорее всего, не осознается носителями финского языка (в этом его отличие от двух предыдущих названий). Интересно, что действие полыни, отмечаемое в данных фитонимах, противоположно существующему толкованию да. фитонима *mucg-wyrt*, которое приводится выше; в некоторых других источниках также отмечается, что, если носить растения на себе, они отгоняют мух [Watts, 2007, 258]. Вероятно, обе мотивации верны: «живое» растение привлекает насекомых, а сорванное помогает избавиться от моли.

В финском названии *villi koiruoho* (букв. «дикая полынь») [Lönnrot, 1866, 382] также содержится отсылка на место произрастания: полынь обыкновенная – действительно дикое растение, которое можно встретить на обочинах дорог, пустырях и свалках [Иллюстрированный определитель, 2004, 346]. Правда, такое название подразумевает, что есть и некая «обычная» полынь, с которой сравнивается «дикая». Возможно, таким растением является полынь горькая (*Artemisia absinthium* L.); хотя она имеет те же места обитания, что и полынь обыкновенная [Иллюстрированный определитель, 2004, 335], она могла считаться более широко применимой в медицине и хозяйстве, более «благородным» растением.

2. Использование в народной медицине; использование в народной медицине и место произрастания. По сравнению с германскими языками, для финно-угорских названий полыни обыкновенной менее характерен признак лекарственного использования. Такую мотивацию определенно можно приписать финскому наименованию *röhöheinä* (букв. «отек (опухоль)-трава»): полынь применяется для лечения язв, ран и других повреждений кожи [Suhonen, 1936, 53; Мазнев, 2004, 359]. Финский фитоним *pellon vanhempi* (букв. «старший в поле») [Suhonen, 1936, 53], вероятно, отражает значимость растения, его ценность для народной медицины (а также место произрастания).

3. Особенности поверхности и структуры, цвет. Фин. *rijo* – слово, очень часто используемое для обозначения полыни обыкновенной, – также имеет значение «гибкая ветка, прут, молодое дерево» [SSA, 1995, 418]. Должно быть, второе значение является первичным, а подобная номинация полыни возникла на основе особенности структуры: у растения жесткий, деревенеющий стебель, который вполне может напомнить ветку с листьями. Влияние могло оказать и то, что стебель окрашен в темный, почти черный цвет, что усиливает сходство с веткой или прутком [Вакар, 1964, 384].

Эти же два признака содержатся в коми наименованиях *кӧиншать* и *батӧг* [Ракин, 2006]. Первый фитоним имеет буквальный перевод «волчья хворостина». Второе название, вероятно, является заимствованием из русского языка и происходит от слова *батог*: «1. палка, толстый прут для телесных наказаний в старину; 2. палка, трость» [Ожегов, 2001, 38]. С хворостиной, палкой или прутком сравнивается деревенеющий и темный стебель полыни. С этими фитонимами можно сравнить рус. *чернобыль*, *чернобыльник* (хотя в русских названиях, согласно В. А. Меркуловой, обозначен красноватый цвет соцветий-метелок) [Меркулова, 1967, 122].

4. Форма части растения; форма части растения и размер. Финские названия *häränhäntä* (букв. «бычий хвост») и *hepohäntä* (букв. «конь-хвост», т. е. «лошадиный хвост») мотивированы формой стебля полыни: длинный и покрытый листьями («кисточками»), он может быть уподоблен хвосту [Lönnrot, 1866, 382; Suhonen, 1936, 53]. С той же особенностью связаны и два коми-пермяцких обозначения: *вӧв бӧж* (букв. «лошадиный хвост») и *урбӧж* (букв. «беличий хвост») [Материалы для словаря, 2021, 81].

Признак формы (а также размера) содержится в коми фитониме *шӧдӧса турун* (букв. «крупная трава») [Ракин, 2006]. Сравнение с крупой объясняется внешним видом плодов полыни – мелких, круглых и собранных в корзинки, в каждой из которых этих плодов довольно много.

5. Действие, которое совершает растение, и общее внешнее сходство с другим растением. Ингерманландский фитоним *tuul'heinä* (букв. «ветер-трава») может относиться как к полыни обыкновенной, так и к трясунке средней (см. ни-

же) [Коппалева, 2007, 197]. Полынь не «дрожит» от небольшого ветерка, как трясу́нка; однако ее стебли усеяны множеством мелких круглых цветков (на месте которых затем образуются похожего вида плоды) и небольших листьев, которые тоже могут шевелиться при ветре. Кроме того, цветки и плоды полыни внешне похожи на колоски трясу́нки, и название могло быть перенесено со второго растения на первое. Можно заключить, что признаком номинации в данном случае является действие, которое совершает растение; кроме того, роль сыграл внешний вид полыни обыкновенной (ее сходство с трясу́нкой).

Семантическая структура фитонимов

«Образ» полыни обыкновенной в двух системах народной номенклатуры довольно сильно различается; проявляются эти различия как в признаках номинации, так и в компонентах названий. Важной мотивацией в германских языках является лекарственное использование растения; вследствие специфики этого использования в фитонимах присутствуют компоненты «мать», «женский» и т. п. В финно-пермском материале медицинское использование полыни упоминается реже; но при этом присутствует необычный элемент *vanhempri* «старший», аналогов которому в германских названиях (в том числе других растений) не найдено.

Сравнительно большое число германских обозначений полыни мотивировано временем и народными обычаями (подобные финно-угорские названия не обнаружены). Второй из этих признаков выражается с помощью компонента *Gürtel* «пояс» в двух немецких фитонимах. Наконец, отличительной чертой германского материала является использование слова «моряк» (англ. *sailor* в *sailor's tobacco*). Признаки номинации, с которыми оно связано, не уникальны; но данный компонент не встречается ни в одном финно-пермском наименовании из собранных в настоящей работе. Объясняется это географическими, историческими и культурными различиями: Англия тесно связана с мореплаванием (в отличие от областей распространения финского, карельского и в особенности коми языков), поэтому появление фигуры моряка в фитонимах неудивительно.

В финно-пермских обозначениях полыни обыкновенной на первый план выходит указание на ее использование в хозяйстве, что проявляется в элементе

«моль» (в том числе в заимствовании *mali*). Кроме того, можно заметить, что в финском и коми языках значительное внимание уделяется внешним особенностям растения – форме и цвету, а также свойствам поверхности. В двух номинациях стебель полыни с листьями уподобляется хвосту; поверхность и цвет стебля описываются посредством слов со значениями «ветка», «прут», «хворостина».

2.5. *Briza media* L. (трясунка средняя)

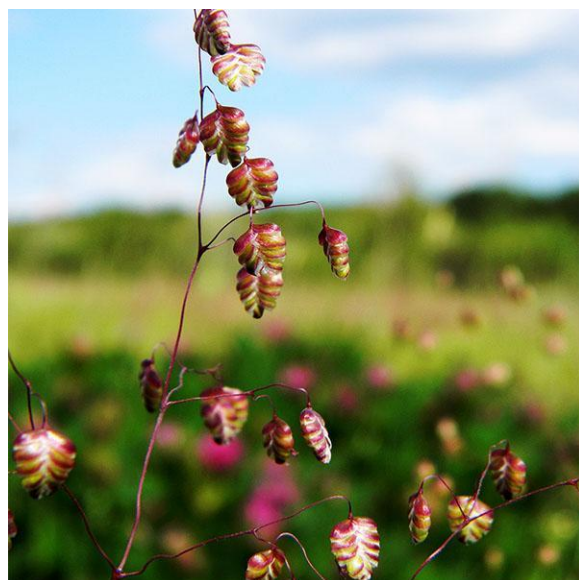
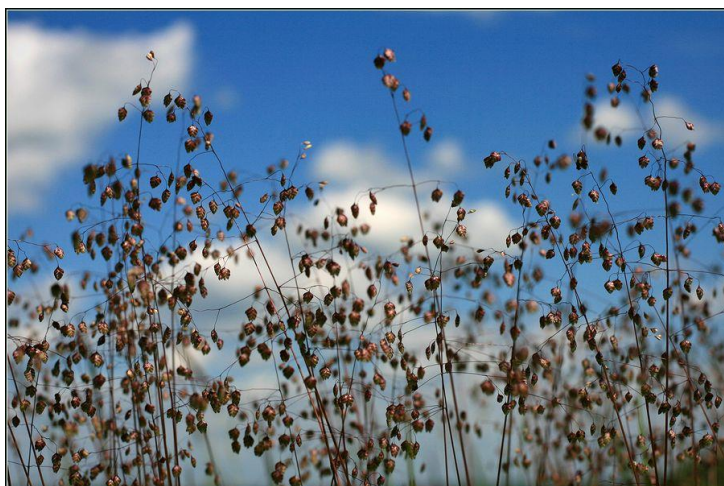

Рис. 9, 10. Трясунка средняя⁶

Германские языки

1. Действие, которое совершает растение; действие и общее внешнее сходство с другим растением; действие и место произрастания; действие и форма части растения; действие и особенности поверхности и структуры. У трясунок средней есть особенность, которая легла в основу многих ее наименований в рассматриваемых языках (а также русского фитонима): соцветия этого растения – колоски (четырёх-девятицветковые, округлые или яйцевидные, сжатые с боков, безостые, собранные в редкую метелку с горизонтально отклонёнными ветвями) – приходят в движение от малейшего ветерка [Вакар, 1964, 137].

Данной мотивацией обладает стандартное английское наименование трясунок *quaking-grass* (букв. «дрожащая трава») [Merriam-Webster] и его разнообразные синонимы. К последним относятся, в частности, следующие наименования: *dadder-grass* (от диал. *dadder* «трястись, дрожать» и *grass* «трава»), *diddery-*

⁶ Плантиум: *Briza media* L. – URL: <https://www.plantarium.ru/lang/en/page/image/id/83177.html> (дата обращения: 29.01.2024).

Плантиум: *Briza media* L. – URL: <https://www.plantarium.ru/lang/en/page/image/id/455997.html> (дата обращения: 29.01.2024).

docks, *dodderin-Nancy*, *dotherring-Toms* [DEPN, 1886, 570–571]. Компоненты *diddery*, *dodderin* (сокращение от *doddering*), *dithering* также имеют перевод «трясущийся» («трясущиеся»). *Docks* – многозначное слово; некоторые из его значений – «твердая часть хвоста у животных», «нахвостник (часть сбруи)», «обрезанный кончик чего-либо (например, волóс)», «обрубок» [The Oxford English Dictionary, 1989, 910–911]. Очевидно, под компонентом *docks* подразумеваются соцветия-колоски трясунки; переведем его словом «кончики» (*diddery-docks* – «трясущиеся кончики»).

В названиях *dodderin-Nancy* (букв. «трясущаяся Нэнси») и *dotherring-Toms* (букв. «трясущиеся Томы») [DEPN, 1886, 570] фигурируют антропонимы. Вероятно, они отсылают кдвигающимся на ветру соцветиям-колоскам (особенно форма множественного числа *Toms*). Можно предположить, что постоянно шевелящееся растение ассоциируется с живым существом, с фигурой человека. К этой же группе относится фитоним *waggles* (от *to wiggle* и *to waggle* «покачиваться») [DEPN, 1886, 571]; он, как и некоторые другие номинации, содержит окончание множественного числа *-s*, которое указывает на многочисленные маленькие колоски. Наименование *hay shakers* [DEPN, 1886, 571] (от *hay* «сено» и *shakers* «трясущие(ся)») можно передать как «трясущиеся сухие травинки». Сухой траве, вероятно, уподобляются сухие и тонкие стебельки трясунки; таким образом, помимо действия растения, фитоним мотивирован свойством поверхности.

В немецком языке также довольно часто описывается «действие», которое совершает трясунка. Среди примеров – общеупотребительное название *das Zittergrass* (от *zittern* «дрожать, трястись» и *das Gras* «трава») [Pritzel, 1882, 67] и диалектный фитоним *Jöppchen stohn stell*. В стандартном немецком последний выглядел бы как *Jaköbchen, steh still* [Marzell, 1959, 666]. Первое слово представляет собой уменьшительную форму (возможно, во множественном числе) от имени *Jakob*; за ним следует фраза «стой смирно». Немецкий фитоним можно перевести как «колосок (колоски), стой(те) смирно»; вероятно, за использованием личного имени здесь стоит та же причина, что и в англ. *dodderin-Nancy*, *dotherring-Toms* (см. выше). Свойство растения дрожать от ветра, а также указание на место

его произрастания, отражаются в нем. *das Wiesenzittergrass* (*die Wiese* «луг»; букв. «луговая трясунка») [IWP, 1872, 37]. Очевидно, такая особенность трясунки порождает довольно универсальные номинации: например, рус. *трясунка*, *трясучка* [Анненков, 1878, 70]; шв. *darr(e)gräs* (букв. «дрожащая трава»), фр. *tremblante* (от *trembler* «дрожать») [Marzell, 1959, 665].

Интерес представляют немецкие фитонимы *das Hasenbrot* (букв. «заячий хлеб») и *das Hasengras* (букв. «заячья трава») [IWP, 1872, 37]. Мотивацию первого из них можно связать с формой: округлые и приплюснутые колоски-соцветия трясунки способны напомнить булочки хлеба [Marzell, 1959, 669]. Однако это объяснение не подходит ко второму названию, в составе которого нет компонентов, каким-то образом указывающих на форму. При этом аналогичная номинация – *jänisheinä* (букв. «заяц-трава») – отмечается в финском языке. Ю. Э. Коппалева связывает ее со свойством растения шевелиться на ветру, которое выражено переносным способом (трава сравнивается с зайцем, который в фольклоре многих народов представлен «трусливым» и «дрожащим») [Коппалева, 2007, 197]. Вероятно, обозначение *Hasengras* основано на признаке действия, а *Hasenbrot* – формы и действия (однако во фр. *pain d’oiseau*, букв. «птичий хлеб», выражена только форма) [Marzell, 1959, 669].

2. Форма части растения. У английского фитонима *maiden-hair* (можно перевести как «девичьи волосы») есть два объяснения: форма стебля (длинные тонкие стебельки сравниваются с волосами) или использование растения. В своем гербарии Дж. Паркинсон пишет о том, что знатные дамы для украшения вплетают его в прически, а деревенские жители – в «венки и гирлянды» [DEPN, 1886, 571; Parkinson, 1640, 1166]. Более вероятной кажется первая мотивация: украшение волос трясункой средней, по-видимому, не является народным обычаем; в то же время указанная внешняя особенность очень заметна. Данному фитониму соответствует нем. *das Jungfernhaar* (букв. «девичьи волосы») [Pritzel, 1882, 67].

Следующие две немецких номинации основаны на форме других частей растения. Название *die Läuse* (букв. «вши») [Pritzel, 1882, 67] относится к внешнему виду семян, то есть плодов, трясунки (ср. фин. ингерм. *tätintäilöi* [Коппалева,

2007, 63], рус. *клопки* [Анненков, 1878, 70]). Фитоним *die Muttergottesthränen* (букв. «слезы Богоматери») [Pritzel, 1882, 67] описывает форму соцветий-колосков, которые действительно похожи на слезы, повисшие на стебельках. В. Б. Колосова, рассматривая русское народное название *богородицны слезы*, также относящееся к *Briza media*, приводит такое описание: «...соцветие трясушки выглядит как множество плоских темных капелек на тонких стебельках, отходящих от основного стебля» [Колосова, 2010, 99]. В русском языке отмечены также фитонимы *слезки*, *кукушкины слезки* [Анненков, 1878, 70; Колосова, 2009, 104].

3. Цвет; цвет и форма части растения. Мотивацией немецких названий *das Flittergras* (букв. «блестка-трава») и *Flitterchen* (букв. «блесточки») стал серебристый цвет колосков трясушки, которые блестят на солнце [IWP, 1872, 37; Pritzel, 1882, 67]. В английском фитониме *siller tassels* (букв. «серебро-кисточки»; *siller* < *silver*), помимо цвета, упоминается форма колосков [DEPN, 1886, 571].

4. Звук, издаваемый растением. Немецкое название *das Rasselgras* происходит от глагола *rasseln* «трещать, гроыхать» и может быть переведено как «трещотка-трава» (*die Rassel* «трещотка»). Основание для такого обозначения – шум, который издают колоски трясушки, собранные в высушенный букет (очевидно, при соприкосновении друг с другом) [Marzell, 1959, 667]. В английском языке отмечается аналогичная номинация *rattle grass* (букв. «треск-трава», «грохот-трава») [Wijk, 1911, 194].

Финно-пермские языки

1. Форма части растения; форма и общее внешнее сходство с другим растением; форма и народные поверья и обычаи. Наибольшая часть финно-пермских названий *Briza media* разнообразными способами описывают форму; однако не всегда легко понять, какая именно часть растения имеется в виду. Ю. Э. Коппалева причисляет к группе «форма плодов растения» ингерманландские фитонимы *kuunel'heinä* (букв. «слеза-трава»), *syvämenkuvankastikas* (букв. «вейник в форме сердца») и *tätintäilöi* (букв. «тетины вши») [Коппалева, 2007, 62–63]. У первой из этих номинаций есть и карельское соответствие – *küwnel'hein'ä* (букв. «слеза-трава») [Бродский, 2006б, 137]. Однако с нашей точки зрения, форма пло-

дов лежит в основе лишь фин. ингерм. *tätintäilöi* (ср. нем. *Läuse*). Со слезой и сердцем соотносится форма соцветий трясунки (см. [Колосова, 2010, 99]); в первом случае в немецком языке имеется близкий фитоним *Muttergottesthränen* (см. выше). Кроме того, соцветия *Briza media* определенно более заметны, чем семена, особенно учитывая, что растение это дикорастущее и специально культивируется редко. В фин. ингерм. *syvämenkuvankastikas* дополнительной мотивацией является общее внешнее сходство с другим растением (компонент *kastikas* «вейник» обозначает любую «траву» с соцветием-метелкой) [Коппалева, 2007, 195].

В основе ингерманландского фитонима *jeesuksenkynnenheinä* (букв. «травя ногтя Христа»), по всей видимости, лежит легенда или предание [Коппалева, 2007, 74]. Но, как нам кажется, «толчком» к возникновению такого предания могла стать форма какой-либо части растения.

2. Действие, которое совершает растение; действие и общее внешнее сходство с другим растением. Э. Лённрот приводит два финских наименования трясунки средней – *värisemisen-ruoho* (букв. «травя дрожания») и *jänisheinä* (букв. «заяц-травя»). Оба этих фитонима указывают на свойство растения шевелиться на ветру, первый – прямым, а второй – переносным способом (растение сравнивается с «трусливым», «дрожащим» животным) [Lönnrot, 1866, 382; Коппалева, 2007, 197].

Эту же особенность трясунки выражают ингерманландские названия *tuul'heinä* (букв. «ветер-травя») и, вероятно, *kirokastikas* (букв. «проклятый вейник», «проклятие-вейник»), хотя мотивация последнего не совсем ясна [Коппалева, 2007, 75; 197]. Во втором случае присутствует также признак общего сходства с другим растением.

3. Цвет и общее внешнее сходство с другим растением. Цвет плодов растения отражен в ингерманландском названии *kultakastikas* (букв. «золотой вейник») [Коппалева, 2007, 195; 197]. Дополнительным признаком, как и в некоторых вышеупомянутых фитонимах, стало сходство с растениями рода Вейник (*Calamagrostis*), которые с трясункой (род *Briza*) объединяет принадлежность к

семейству Мятликовые, или Злаки [Плантариум]. Очевидно, в системе народной номенклатуры под понятием «вейник» объединяется множество похожих трав.

4. Общее внешнее сходство с другим растением. Ю. Э. Коппалева объясняет мотивацию ингерманландского фитонима *kaurakukka* (букв. «овес-цветок») формой плодов») [Коппалева, 2007, 62], но, на наш взгляд, с овсом сравнивается скорее растение в целом. Все названия трясунки средней, в которых выражается сходство с другим растением, помещены нами в разные группы. Этому есть две причины: во-первых, данный признак является скорее дополнительным во всех единицах, кроме *kaurakukka*; во-вторых, он присоединяется к совершенно разным характеристикам – форме, действию и цвету.

5. Звук, издаваемый растением. Карельский фитоним *čiluhein'ä* (букв. «звон-трав») [Бродский, 2006б, 77] соотносится с нем. *Rasselgras* и англ. *rattle grass*. В финно-пермском обозначении также может описываться шум высушенных колосков или, возможно, звук, который производят «живые» колоски при движении на ветру или при ударе о них.

Семантическая структура фитонимов

В обеих языковых группах форма колосков трясунки может передаваться с помощью компонента «слеза (слезы)» (нем. *Muttergottesthränen*, фин. ингерм. *kuunel'heinä*, карел. *küwnel'hein'ä*). Вероятно, это универсальный образ, который вызывает внешний вид растения у многих народов (ср. рус. *богородицины слезы*); но любопытно, что в немецком фитониме, в отличие от финно-пермских, присутствует христианская аллюзия. Как в немецком, так и в финском языках отмечается сравнение семян трясунки средней со вшами (нем. *Läuse*, фин. ингерм. *tätintäilöi*). «Дрожание» растения на ветру может передаваться путем элемента «заяц» («заячий») (фин. *jänisheinä*, нем. *Hasengras*).

В германских языках особенно характерными чертами обладают наименования *Briza media*, основанные на признаке действия. Так, в состав английских и немецких фитонимов могут входить личные имена (англ. *Nancy*, *Toms*, нем. *Jörpchen*); вероятно, это объясняется уподоблениемдвигающегося на ветру стебля с соцветиями наверху человеческой фигуре. В английских номинациях *diddery-*

docks и *wiggle-waggles* используется аллитерация; кроме того, произнесение данных слов создает определенный ритм. Целью обоих этих «эффектов» могло быть лучшее запоминание названий; также их можно считать проявлением народного языкового творчества.

В германских языках стебли трясунки сравниваются с волосами (англ. *maiden-hair*, нем. *Jungfernhaar*). Само по себе это сравнение универсально, оно может встречаться и в других языковых группах или для описания других растений. Однако интересно, что среди финно-пермских обозначений трясунки такое уподобление отсутствует.

Еще одна особенность германских фитонимов – использование компонентов «блестка», «блесточки» для передачи серебристого оттенка колосков трясунки. Среди финно-пермских наименований же отмечается компонент «золотой», относящийся к цвету семян.

Чертой финно-пермских фитонимов является уподобление трясунки средней другому растению – вейнику, что проявляется в довольно частотном компоненте *kastikas*. В германском материале не найдено соответствий ингерманландской номинации *syvämenkuvankastikas*, в которой форма соцветий трясунки соотносится с сердцем. Характерно также использование компонента *kiro* «проклятый, проклятие». Он встречается всего в одном обозначении трясунки, но входит в названия еще двух растений (причем во всех трех случаях выражает разные признаки), а в собранном германском материале подобные номинации отсутствуют.

2.6. *Campanula* L. (колокольчик), *Campanula rotundifolia* L. (колокольчик круглолистный), *Campanula patula* L. (колокольчик раскидистый)

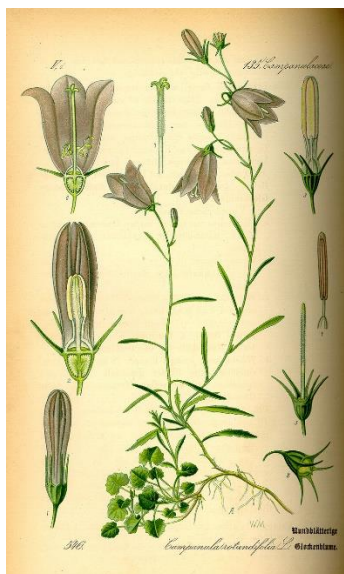

Рис. 11, 12. Колокольчик круглолистный⁷

Рис. 13. Колокольчик раскидистый⁸

Признаки, которые обращают на себя наибольшее внимание при взгляде на это растение – форма и оттенок цветков. Первый из них очень часто становится

⁷ Wikipedia: Колокольчик круглолистный. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%87%D0%B8%D0%BA_%D0%BA%D1%80%D1%83%D0%B3%D0%BB%D0%BE%D0%B%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9#/media/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Illustration_Campanula_rotundifolia0.jpg (дата обращения: 29.01.2024).

Плантариум: *Campanula rotundifolia* L. – URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/566332.html> (дата обращения: 29.01.2024).

⁸ Плантариум: *Campanula patula* L. – URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/702270.html> (дата обращения: 29.01.2024).

мотивацией для названий колокольчика; цвет же, вопреки ожиданиям, практически во всех рассмотренных языках (кроме английского) обозначается редко. Народные названия могут относиться к отдельным видам (которых у колокольчика множество) или к роду в целом (в этом случае на весь род часто переносятся свойства наиболее распространенных, «прототипических» видов). Большинство рассмотренных ниже «видовых» фитонимов обозначают колокольчик круглолистный (*Campanula rotundifolia* L.), один из наиболее часто встречающихся видов. В коми языке зафиксированы названия колокольчика круглолистного и раскидистого (*Campanula patula* L.). Часто фитоним может относиться к обоим этим видам – очевидно, наиболее типичным для территории распространения коми языка.

Германские языки

1. Форма части растения. В английских и немецких наименованиях колокольчика обозначение формы очень часто сочетается с другими признаками. Но есть и фитонимы, мотивированные исключительно формой; как правило, они относятся к роду растений в целом. Так, в английском языке наиболее употребительное «родовое» название колокольчика – *bellflower* (букв. «колокол-цветок») [Merriam-Webster; DEP, 1886, 35]. Стандартное немецкое название (также родовое) – *die Glockenblume* (букв. «колокола-цветок») (ср. шв. *klockblomme* [Marzell, 1959, 758]). В видовом фитониме *die rundblättrige Glockenblume* (букв. «круглолистный колокольчик») описана форма не только цветков, но и листьев [DWDS; IWP, 1872, 41; Marzell, 1959, 758]. Являясь практически полным соответствием научного латинского названия, фитоним, вероятно, возник в результате калькирования.

Для обозначения рода Колокольчик используется английский фитоним *throatwort* (букв. «горло-трава»). Он происходит от да. *hals-wyrt* (> са. *hals-wort*) и изначально применялся только к колокольчику крапиволистному (*Campanula trachelium* L.); сейчас же у него есть как узкое, так и широкое значения [DEPN, 1886, 35; 468; Krischke, 2013, 320; МЕС]. У. Кришке упоминает две версии относительно мотивации фитонима: форма (цветки растения длинные и округлые, чем напоминают шею) и роль в народной медицине (из него готовили отвар для по-

лоскания больного горла). Также отмечается, что слово могло возникнуть под влиянием народного латинского фитонима *trachelium maius*, первый компонент которого восходит к лат. *trachia* «горло» [Krischke, 2013, 320].

Любопытно, что колокольчик, очевидно, не обладает выраженными медицинскими свойствами: зачастую он отсутствует в справочниках лекарственных растений, и о таких его свойствах не упоминается в определителях. Поэтому, на наш взгляд, признаком при номинации растения была форма, а в народной медицине оно стало использоваться «по подобию» – такое применение было подсказано существующим фитонимом или самым внешним видом цветков.

2. Форма части растения, место произрастания. В наименованиях колокольчика круглолистного признак формы, как правило, сочетается с обозначением какого-либо другого свойства. Так, место произрастания выражено в нем. *das Wiesenglöckel* (букв. «луговой колокольчик») и *das Buschglöcklein* (букв. «куст-колокольчик»): данный вид обитает, в том числе, на полянах, лугах и в зарослях кустарников [IWP, 1872, 41; Иллюстрированный определитель, 2004, 288]. Фитоним *die Gras-Glockenblume* (букв. «травя-колокольчик») связывается с тем, что растение повсеместно встречается на лугах и лужайках [Marzell, 1959, 770].

3. Форма части растения, размер; форма части растения, размер, место произрастания. В немецком названии *die kleine Wiesenglöcklein* (букв. «маленькие луговые колокольчики») [Marzell, 1959, 771], помимо формы и места обитания, содержится указание на небольшой размер цветков или же всего растения (очевидно, по сравнению с другими видами рода *Campanula*). Любопытно диалектное наименование *Khafeetas* (в стандартном немецком оно бы выглядело как *die Kaffeetasse* – букв. «кофейная чашка») [Marzell, 1959, 771]. Цветки колокольчика уподобляются маленьким кофейным чашечкам не только по форме, но и по размеру; при этом цветы могут считаться небольшими как сами по себе, так и в сравнении с другими похожими растениями.

4. Форма части растения, особенности поверхности и структуры. Согласно «Словарю английских названий растений», мотивация фитонима *harebell* (*hare's bell*) (букв. «заяц-колокол», «заячий колокол» – колокольчик круглолист-

ный) не получила объяснения [DEPN, 1886, 34]. Но в действительности его происхождение может быть связано с народным переосмыслением названия. Скорее всего, первым элементом фитонима было да. прилагательное *hār* (> совр. англ. *hoar*) «белый; серовато-белого цвета», которое характеризовало слегка покрытые волосками стебли. Таким образом, признаком в основе названия, помимо формы цветков, была особенность поверхности (слово *hār* обозначает цвет, но такой оттенок стеблей – следствие качества поверхности). В пользу этого предположения говорит то, что компонент *hār* встречался в нескольких древнеанглийских фитонимах, указывая именно на обозначенный признак (правда, описываемое название в словарях не отмечено) [Krischke, 2013, 322–324]. Вероятно, под влиянием народной этимологии «серовато-белый колокол» превратился в «заячий колокол», что поддерживалось народными поверьями (см. ниже).

5. Форма части растения, народные поверья и обычаи; народные поверья и обычаи. Как утверждается в одном из источников, в результате преобразования, произошедшего с фитонимом *harebell* («заячий колокол»), колокольчик круглолистный начал ассоциироваться с ведьмами и получил репутацию опасного растения, которое нельзя срывать. Причина этого в том, что зайцы считались «животными ведьм» [Watts, 2007, 180]. Как бы то ни было, английские наименования *witch bells* (букв. «ведьмины колокольчики») и *witches' thimble* (букв. «наперсток ведьм»), по всей видимости, действительно мотивированы подобными народными поверьями. Кроме того, в обоих названиях различным образом описывается форма цветков [DEPN, 1886, 572].

В немецком языке удалось обнаружить один фитоним, связывающий колокольчик круглолистный с народными верованиями – диал. *Vaschreikräutl*. Он образован от глагола *verschreien*, который в данном диалекте имеет значение «заколдовать», и существительного *das Kraut* «трава». Перевести фитоним можно как «колдовство-трава», «трава от колдовства»: колокольчик традиционно использовался для защиты детей от злых чар [Marzell, 1959, 771].

6. Форма части растения, цвет. В английском языке есть несколько названий колокольчика круглолистного, частично мотивированных оттенком цветков.

К ним относятся, например, *blue bell* (букв. «синий (голубой) колокол») и *blue-bottle* (букв. «синяя (голубая) бутылка») [DEPN, 1886, 572]. Этот признак номинации далеко не так частотен, как форма, которая выделяет растение из всего множества синих цветов. Среди немецких обозначений *Campanula rotundifolia* указаний на цвет не найдено.

7. Форма части растения, другие особенности сока, семян или спор растения. Немецкий фитоним *das Milchglöckel* (букв. «молоко-колокольчик»), помимо формы, отсылает к белому млечному соку, который выделяют все части растения при повреждении [Pritzel, 1882, 76; California Native Plant Society: *Campanula rotundifolia*].

8. Вкус. Нем. *Gallbleaml* имеет буквальное значение «желчь-цветок». Г. Марцелл делает предположение о том, что эта диалектное название основано на лекарственном использовании *Campanula rotundifolia* [Marzell, 1959, 771]. Но, как отмечалось выше, колокольчик круглолистный, строго говоря, не является лекарственным растением; по крайней мере, о его желчегонном действии в литературе не упоминается. Поэтому, скорее всего, фитоним мотивирован горьким вкусом сока колокольчика. В качестве сравнений можно привести да. *eorp-gealla* (василек), совр. англ. *earth-gall* (растения семейства Горечавковые) и фин. *maasappi* (дымянка лекарственная) (см. далее): эти названия имеют буквальный перевод «земля-желчь» и указывают на признак вкуса.

Финно-пермские языки

1. Форма части растения. Большинство названий колокольчика в финно-пермских языках мотивированы формой цветков, и чаще всего цветки сравниваются с колоколом. Наиболее общеупотребительными финскими фитонимами являются *kello* (букв. «колокол») и *kellokukka* (букв. «колокол-цветок») [НБРФС, 1999, 445]. В карельском языке зафиксированы номинации *kelloine* (букв. «колокольчик») и *kellokukka* (букв. «колокол-цветок») [БРКС, 2011, 131; ССКГК, 2009, 196]. Коми слово *горадзуй* имеет три значения: 1. колокольчик (растение); 2. диал. желтоцвет (другое растение); 3. диал. бубенчик, бубенцы [Коми-русский словарь, 2000, 144]. Вероятно, исходным следует считать третье значение, а коло-

кольчик (как и другой цветок – возможно, имеется в виду адонис весенний) был назван по признаку формы.

Во многих местностях Финляндии распространен фитоним *kissankello* (букв. «кошачий колокол»), который может обозначать колокольчик круглолистный или род в целом [Suhonen, 1936, 81; 83]. В карельском языке отмечено аналогичное название *kažinkelloine* (букв. «кошачий колокольчик») [БРКС, 2011, 131]. Животные вообще довольно часто упоминаются в финских обозначениях *Campanula rotundifolia*; среди примеров – *koirankello* (букв. «собачий колокол») и *poronkello* (букв. «олений колокол») [Suhonen, 1936, 83]. Компоненты «собачий» и «кошачий» могут навести на мысль о пейоративном оттенке названий и о намеке на «неполноценность» растения. Но совершенно иную эмоциональную окраску несет фитоним *poronkello* (*poro* «одомашненный северный олень»): в нем упоминается очень ценное в бытовом и культурном отношении животное. Номинации *kirkonkello* (букв. «церковный колокол») и в особенности *kuninkaankello* (букв. «королевский колокол») [Suhonen, 1936, 83] имеют еще более положительный оттенок, хотя и не указывают на какое-то определенное ценное свойство колокольчика. Вероятно, названия этого растения с компонентами-зоонимами в составе основаны исключительно на признаке формы.

Такие примеры зафиксированы и в коми языке. Фитонимы *понкӧлӧкӧл* (колокольчик круглолистный) и *понжынняян* (колокольчик круглолистный) [Ракин, 2006], на первый взгляд, отличающиеся друг от друга, имеют одинаковую внутреннюю форму – «собачий колокол». Наименование *ошкӧлӧкӧл* (колокольчик круглолистный, колокольчик раскидистый) [Ракин, 1989] переводится как «медвежий колокол».

Цветки колокольчика в финно-пермских языках уподобляются по форме не только колоколу, но и другим предметам. Они могут сравниваться с шапкой (фин. *pääskynhattu*, букв. «ласточкина шапка» [Suhonen, 1936, 83]; ср. фр. диал. *corélounètos* [*petits chapeaux*], букв. «шляпки» [Marzell, 1959, 760]), юбкой (фин. ингерм. *harakanhame*, букв. «сорочья юбка») [Коппалева, 2007, 171], наперстком (фин. ингерм. *vinkerkukka*, букв. «наперсток-цветок» [Коппалева, 2007, 171], ка-

рел. *naperskaheinä*, букв. «наперсток-трава») [Liro, 1915, 16] и даже котлом (карел. *kattilheiny*, букв. «котел-трава») [БРКС, 2011, 131] (ср. рус. *котелки* [Анненков, 1878, 80]). Ингерманландский фитоним *vinkerkukka*, очевидно, первоначально имел вид *vinkerporkukka* (*vinkerpog* «наперсток»), а затем произошло сокращение первого компонента [Коппалева, 2007, 131; 171]. Первый компонент карел. *naperskaheinä* является заимствованием из русского языка (*naperska* < рус. *наперсток*) [Liro, 1915, 16]. Необычна финская номинация *sormentuppi* (букв. «футляр (ножны) [для] пальца») [Suhonen, 1936, 84]: в удлиненные цветки колокольчика действительно можно вложить палец, как в футляр. Скорее всего, такая особенность повлияла и на возникновение фитонимов с компонентом «наперсток» как в германской, так и в финно-пермской группах (ср. шв. *fingerhatt*, букв. «шляпка для пальца» [Marzell, 1959, 760]).

То, что описанные выше финно-пермские названия основаны на признаке формы, не вызывает сомнения; менее ясно это в случае коми обозначения *звõнитан турун* (колокольчик круглолистный). Первый компонент, по всей видимости, родственен глаголу *звõнитны* «звонить», и тогда сочетание можно перевести как «звонящая трава». Мотивацией могла стать форма цветков или же звук, издаваемый растением (ср. фин. ингерм. *атрижайне* и т. п. ниже: в каждом из подобных фитонимов этот звук передается по-разному) [Ракин, 1989; Коми-русский словарь, 2000, 224]. Однако более вероятным представляется все же первый вариант – номинация по признаку формы (ср. рус. *звонки, звоночки, звонцы*) [Анненков, 1878, 79].

2. Форма части растения, размер. В финском названии колокольчика круглолистного *pieni kissankello* (букв. «маленький кошачий колокол») [Suhonen, 1936, 83] сочетаются признаки формы и размера. В данном случае *kissankello* выступает родовым понятием, а прилагательное *pieni* указывает на отличие *Sampanula rotundifolia* от других видов растения – небольшие цветки или общий размер (ср. нем. *kleine Wiesenglöcklein*).

3. Звук, издаваемый растением. Известны один ингерманландский и два карельских фитонима, мотивированные звуком, который соцветия колокольчика издадут при ударе. Фин. ингерм. *атрижайне* переводится как «хлопушка» (от *атрии*

«стрелять») [Коппалева, 2007, 171–172]. В карельском языке обнаруживаются две близкие номинации: *plokkukukka* (букв. «щелчок-цветок») [СКЯ (твер.), 1994, 214] и *plackuhein'ä* (букв. «удар (шлепок)-трава») [ССКГК, 2009, 451]. Интересно, что в английском и немецком материале подобных названий колокольчика не зафиксировано.

4. Цвет; форма части растения, цвет. В финно-пермских наименованиях колокольчика цвет обозначается чаще, чем в германских, хотя тоже намного реже формы. К таким единицам относятся фин. *sinikukka* (букв. «синий цветок») и фин. *sinikello* (букв. «синий колокол»). Оба фитонима описывают *Campanula rotundifolia*, а второй также может быть родовым наименованием [Suhonen, 1936, 81; 84].

5. Вкус. Название колокольчика круглолистного *sappiheinä* (букв. «желчь-трава») [Suhonen, 1936, 83], вероятно, передает горький вкус сока и соответствует нем. *Gallbleam* (см. выше).

Семантическая структура фитонимов

В названиях колокольчика в двух языковых группах есть некоторые общие черты, которые отражают универсальность во взгляде на растение у разных народов. Как среди германских, так и среди финно-пермских фитонимов очень часто сравнение с колоколом (англ. *bellflower*, нем. *Glockenblume*, фин., карел. *kellokukka* и т. д.). В обеих группах языков цветки *Campanula* могут уподобляться наперстку. При этом для финно-пермского материала данное сравнение более характерно: в нем таких примеров два (в германском материале – один), а также отмечен компонент «футляр (ножны)», создающий похожий образ (фин. *sormentuppi*). Кроме того, в финно-пермских обозначениях колокольчика чаще, чем в германских, упоминается синий цвет. В немецком и финском языках отмечается по одному наименованию с компонентом «маленький (-ие)», в которых уточняется размер колокольчика круглолистного по сравнению с другими видами. Наконец, общим является использование слова «желчь» для описания вкуса сока растения.

Только в германских фитонимах находим компоненты «чашка» и «бутылка»; интересно, что эти слова в целом отсутствуют в финно-пермских названиях,

собранных в настоящей работе. Возможно, уподобление данным предметам действительно более характерно для английского и немецкого языков (хотя это требует дальнейшего изучения). Но если такая закономерность и есть, она связана не с какими-либо культурными особенностями, а с влиянием установившихся номинативных моделей: например, английские фитонимы типа *blue-bottle* в какой-то период уже были довольно распространены, и по этому образцу создавались и новые названия.

Также только в германских языках (английском) встречается элемент «ведьма(ы)» (это касается и названий остальных растений, описанных в работе). Фитонимы с данным компонентом, вероятно, являются отражением специфического образа колдуньи, свойственном германским народам. Помимо этого, в немецком, в отличие от финно-пермских языков, отмечается место произрастания колокольчика, что проявляется в семантической структуре названий.

Среди финских, карельских и коми наименований колокольчика наибольшая часть мотивирована исключительно формой (в германских же языках форма чаще сочетается с другими свойствами). Вместе с тем в финно-пермском материале обнаруживается большее разнообразие моделей, отражающих признак формы: цветки уподобляются предметам одежды (шапке, юбке), котлу, к элементу «колокол» добавляются прилагательные «церковный», «королевский». В состав финно-пермских обозначений колокольчика нередко входят зоонимы, хотя в рамках фитонимических систем в целом это, конечно же, не уникальная черта. Однако упоминание северного оленя (фин. *poro*) – особенность, характерная именно для финно-пермских языков, обусловленная природной и культурной самобытностью. Наконец, в двух карельских фитонимах имеются компоненты, описывающие звук, который возникает, если ударить по соцветию колокольчика («щелчок», «шлепок»).

2.7. *Centaurea* L. (василек), *Centaurea cyanus* L. (василек синий)

Рис. 14, 15. Василек синий⁹

Рис. 16. Василек синий (отцветшее растение)¹⁰

⁹ Плантариум: *Centaurea cyanus* L. – URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/733742.html> (дата обращения: 29.01.2024).

Плантариум: *Centaurea cyanus* L. – URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/664080.html> (дата обращения: 29.01.2024).

¹⁰ Spikaльбом: Плод василька. – URL: <https://floriculture.me/album/displayimage.php?pid=225> (дата обращения: 29.01.2024).

1. Место произрастания; место произрастания и форма; место произрастания и низкая ценность растения. Множество германских наименований василька синего связаны с его местом обитания: он часто встречается на посевах ржи и других зерновых культур [Иллюстрированный определитель, 2004, 360]. К этой группе относятся английские фитонимы *cornflower* (букв. «зерно-цветок»; общепринятое название) и *corn-bottle* (букв. «зерно-бутылка»). Форму бутылки у василька имеет часть под названием «обертка» – тесно скрученные прилегающие друг к другу верхушечные листья, которые окружают соцветие [Prior, 1863, 26; 53; БСЭ, 1974, 181].

В немецком языке местом произрастания мотивированы, в частности, номинации *die Kornblume* (букв. «зерно-цветок»; общепринятое название) и *die Roggenblume* (свн. *rockenblum*; букв. «рожь-цветок») [IWP, 1872, 48] (ср. рус. *ржевой цвет, синий цвет во ржи* [Анненков, 1878, 89]; шв. *kornblomma* [Marzell, 1969, 874]).

В некоторых немецких фитонимах место произрастания сочетается с указанием на низкую ценность василька – сорняка, мешающего выращивать злаки. Такое отношение проявляется, например, в названии *der Kornfresser* (букв. «пожиратель зерна»). Более интересно истолкование фитонима *die Sichelblume* (букв. «серп-цветок»): растение получило такое имя, потому что его деревянистые стебли затупляют серп жнеца. В качестве параллели Г. Марцелл приводит ср.-лат. *baptisecula*, *battisecula* и ит. *battisegola*. Эти названия василька буквально переводятся как «[растение,] ударяющее серп» (т. е. делающее серп зазубренным: заставляющее жнеца его «ударять» (затачивать)) [Marzell, 1959, 875; 877]. Латинский фитоним мог повлиять на формирование немецкого; но все же вероятнее всего, что здесь проявляются представления о цветке, универсальные для разных народов (и к тому же соответствующие объективной действительности).

2. Низкая ценность растения. В данную группу мы включили одно название, характеризующее василек как вредный сорняк – *die Hungerblume* (букв. «голод-цветок») [Marzell, 1959, 879]. Хотя этот фитоним (а также его диалектные ва-

рианты) мотивирован только одним признаком, он связан и с обыкновенным местом произрастания *Centaurea*. Вероятно, за наименованием стоит следующее рассуждение: василек не дает вырасти злакам и тем самым может вызвать неурожай и голод.

3. Цвет; цвет и форма части растения. В английском языке наиболее раннее наименование василька по цвету отмечается в среднеанглийский период – *bleuet* (от *bleu* «синий») [МЕС]. Возможно, этот фитоним пришел из французского, в котором и сейчас есть название *bleuet* (а также, например, *fleur bleu*, букв. «синий цветок») [Marzell, 1959, 876]. До заимствования василек в английском языке обозначался по признаку вкуса (см. 6. Вкус). В современном английском языке окраской мотивировано значительное количество названий василька. К таковым относится характерный для Шотландии фитоним *blawort* (от *bla* «синий, серовато-синий» и *wort* «трава»). Он включен в «Этимологический словарь шотландского языка» Дж. Джемисона, но также и в «Словарь английских названий растений»; поэтому можно считать данное слово принадлежащим к шотландскому диалекту английского языка [Jamieson, 1879, 218; DEPN, 1886, 49]. В немецких наименованиях растения цвет также упоминается достаточно часто; можно выделить такие необычные номинации, как *Tintenbleaml* (букв. «чернила-цветок», «чернильный цветок») и *die Dragonerblumen* (букв. «цветки драгунов»). Во втором случае мотивацией стало то, что в прошлом у драгун была синяя форма [Marzell, 1959, 877].

В некоторых фитонимах признак цвета сочетается с признаком формы цветков, которые обыкновенно уподобляются какому-либо головному убору (англ. *blue-caps*, букв. «синие шапки»; англ. *blue-bonnets*, букв. «синие шляпки», нем. *die Blaumütze*, букв. «синяя шапка») [DEPN, 1886, 574; Pritzel, 1882, 86].

4. Особенности поверхности и структуры; особенности поверхности и структуры, форма и низкая ценность растения. Плоды василька имеют вид семян с хохолком, и эта черта легла в основу немецкого фитонима *die Flockenblume* (букв. «пушинки-цветок») [Deutsches Wörterbuch; Иллюстрированный определитель, 2004, 360]. Поверхность другой части растения характеризует-

ся в нем. *das Ziegenbein* (букв. «козлиная нога»): василек назван таким образом из-за шероховатости стебля [Deutsches Wörterbuch].

В английском фитониме *knobweed* (букв. «шишка-сорняк») сочетается три признака номинации. Он указывает на круглые и твердые соцветия василька [DEPN, 1886, 291], а также описывает его как сорное растение.

5. Народные поверья и обычаи; народные поверья и обычаи и время произрастания или цветения. Немецкое обозначение *Schimlblaum* (букв. «плесень-цветок», от *der Schimmel* «плесень») связано со следующим поверьем: если принести в дом васильки, то хлеб покроется плесенью [Marzell, 1959, 879]. Возможно, из-за того, что цветок не дает вырасти зерну на поле, возникло представление, что он может испортить и готовый хлеб.

В мотивации нем. *Herrgottsblüäml*i (букв. «цветы Господа Бога») к народным обычаям и поверьям присоединяется временная характеристика. Васильки используются для украшения алтарей на праздник Тела Христова, одно из немецких названий которого – *Herrgottstag* (букв. «день Господа Бога») [Marzell, 1959, 878].

6. Вкус. В древнеанглийском языке василек имел название *eorþ-gealla* (букв. «земля-желчь»). В основе фитонима лежит признак горького вкуса, который выражен во втором компоненте. Первый же компонент *eorþ* указывает на то, что эта «желчь» растет в земле или близко к земле, то есть является растением. Возможно, название представляет собой кальку лат. *fel terrae* «желчь земли, горечь земли» [Krischke, 2013, 291–292]. Древнеанглийский фитоним мог относиться к двум растениям – васильку и золототысячнику обыкновенному (*Centaureum umbellatum* Gilib.), который, вероятно, также имеет горький сок. В современном английском языке да. *eorþ-gealla* сохранилось, преобразовавшись в устаревший фитоним *earth-gall* (букв. «земля-желчь»); но последний сейчас обозначает только золототысячник [Krischke, 2013, 291; DEPN, 1886, 163].

Интересно, что в среднеанглийском языке отмечаются фитонимы *felterre* и *feltrike*, обозначающие золототысячник обыкновенный. Первое из названий было заимствовано из латыни в среднеанглийский период, а при замене элемента *terre* на са. *rīke* «королевство, область» возник второй фитоним, являющийся, таким

образом, частичной калькой. Василек же получил новое название – *bleuet* (от *bleu* «синий») [МЕС].

Финно-пермские языки

1. Место произрастания; место произрастания и форма части растения.

Одно из наиболее распространенных финских названий василька синего – *ruiskukka* (букв. «рожь-цветок») – указывает на обычное место обитания растения. Номинация *ruiskukka* присутствует и в ингерманландских говорах [Бродский, 2016, 53; НБРФС, 1999, 83; Коппалева, 2007, 66]. В карельском языке отмечаются аналогичное название *ruis'kukka* (букв. «рожь-цветок») и очень близкое *ruišboba* (букв. «ржаная игрушка») [Бродский, 2016, 53]. Некоторые финские наименования описывают место произрастания василька несколько иначе: например, *ohrakukka* (букв. «ячмень-цветок»), *jyväkukka* (букв. «зерно-цветок») и *laihonkukka* (букв. «цветок посевов») [Suhonen, 1936, 97; Lönnrot, 1866, 383].

В коми-пермяцком языке василек также характеризуется как растущий на поле; на это указывают названия *өзимчача* (букв. «озимь-цветок», «всходы-цветок») и *рудзӧгчача* (букв. «рожь-цветок») [Материалы для словаря, 2021, 66; 76]. Интересный случай представляет собой коми фитоним *пӧлӧзнича син*, который переводится как «глаз полудницы» (*пӧлӧзнича* (< рус. *полудница*) – название духа ржаного поля) [Бродский, 2016, 56]. Это название, вероятно, указывает не на какую-либо легенду, а на место произрастания василька – на ржанных полях, которые в сознании носителей языка связываются с данным мифологическим персонажем [Бродский, 2016, 56]. Компонент *син* «глаз» отсылает к круглой форме соцветия.

2. Цвет; цвет и форма части растения. Довольно частотным признаком в финно-пермских названиях василька является цвет. Однако он менее типичен для наименований *Centaurea*, чем место произрастания: дело в том, что номинации вида «синий цветок» могут относиться ко множеству растений. Таковы очень распространенный финский фитоним *sinikukka* и его карельское соответствие *s'in'kukka* (оба – букв. «синий цветок») [Suhonen, 1936, 98; Бродский, 2016, 54]. Исключительно василек описывает фин. *sinien päivänkakkara* (букв. «синяя ромашка»). Согласно И. В. Бродскому, с ромашкой василек сравнивается из-за схо-

жей формы цветков [Бродский, 2016, 50–51; 54]. Но представляется, что лексема *päivänkakkara* (букв. «солнечная лепешка», см. Нивяник обыкновенный) выступает скорее как общее обозначение для внешне схожих растений. В ингерманландских говорах таким образом используется русское заимствование *romaska* < *ромашка* (ср. *romaska* «тысячелистник»; *valkijaromaska* «тж.», букв. «белая ромашка»; *keltaneromaska* «пижма», букв. «желтая ромашка») [Коппалева, 2007, 198]. Такая же ситуация может иметь место и с фин. *päivänkakkara*. Примечательно, что василек, тысячелистник и пижма относятся к одному семейству – Астровые, или Сложноцветные.

Среди коми-зырянских названий василька номинация по цвету также является частотной (*лӧз юра турун*, букв. «трава с синей верхушкой»; *лӧз бугыль*, букв. «синий глаз» и т. д.) [Бродский, 2016, 55]. Вероятно, второе из этих названий мотивировано также формой соцветия (ср. англ. *knobweed*).

3. Форма части растения. Финское и карельское названия *kirokonkuuri* (букв. «церковный купол») [Suhonen, 1936, 97; Liro, 1915, 17] можно объяснить тем, что вогнутый и круглый цветок василька действительно напоминает перевернутый купол. В фин. *liusikukka* (букв. «лоскут-цветок») лоскутам уподобляются, по-видимому, лепестки василька синего, имеющие «рваные» края [Suhonen, 1936, 97; Бродский, 2016, 51] (ср. рус. *лоскутница*, *лоскутный цвет*) [Анненков, 1878, 89]). Определенные трудности для анализа представляет коми фитоним *кульсин* (букв. «чертов глаз») [Ракин, 2006]. Его буквальный перевод наводит на мысль о том, что название отражает какое-либо поверье; однако, скорее всего, признаком в нем является круглая форма соцветия (ср. рус. *пуговник* [Колосова, 2009, 145]), а первый компонент выполняет лишь экспрессивную функцию.

4. Народные поверья и обычаи. К народному поверью имеют отношение два коми наименования *Sentaurea* – *светтьӧ* (букв. «цветение», «святки») и *светки чачӧ* (букв. «святочный цветок»). Лузско-летские коми называют Святки *светтьӧ* «цветение», так как верят, что в это время под снегом цветет рожь. Прорастание и цветение ржи и василька происходят одновременно, чем и можно объяснить эти фитонимы [Бродский, 2016, 56; Чудова, 2013, 191]. Финское назва-

ние *seppelkukka* (букв. «цветок [для] венка») связано с тем, что из этого красивого растения плели венки [Suhonen, 1936, 97; Бродский, 2016, 54].

5. Другие признаки; другие признаки и место произрастания; другие признаки и цвет. Наряду с *ruiskukka* (См. 1. Место произрастания), у василька синего есть еще два общепринятых названия в финском языке: *kaunokki* и *ruiskaunokki*. Слово *kaunokki* образовано от *kaune-*, *kauno-* «красота» [НБРФС, 1999, 83; Бродский, 2016, 50–51]; первый фитоним можно приблизительно передать как «красивый цветок», а второй – как «ржаной красивый цветок». В номинациях отражен общий внешний вид растения, восхищение его привлекательностью (а во втором случае – также место обитания). Эта же характеристика сочетается с цветом в фин. *sinikauno* (букв. «синяя красота») [Lönnrot, 1866, 383].

Любопытно, что ни в германских, ни в финно-пермских названиях василька синего не упоминаются его лекарственные свойства, хотя растение таковыми обладает и издавна применяется в лечебных целях [Иллюстрированный определитель, 2004, 360].

Семантическая структура фитонимов

В германских и финно-пермских языках похожими способами выражены наиболее характерные признаки василька – произрастание на полях среди посевов и оттенок цветков. Первый из них воплощается с помощью компонентов «зерно» и «рожь» (в финно-пермских языках – также «ячмень» и «посевы», «всходы»), а второй – посредством прилагательного «синий». Пожалуй, среди германских фитонимов номинации по цвету более разнообразны. В немецком языке встречаются необычные и образные описания окраски соцветий (компоненты «чернильный» и «драгун(ы)»); помимо этого, при сочетании цвета и формы в германских наименованиях упоминаются головные уборы («синие шапки», «синие шляпки»). В коми же языке отмечен фитоним *пӧлӧзнича син*, описывающий место произрастания переносным способом (*пӧлӧзнича* «полудница»).

Еще одна черта, объединяющая названия василька в обеих языковых группах, – указание на круглые соцветия (англ. *knobweed*, *knob* «шишка»; коми *лӧз бугыль*, *бугыль* «глаз»). В финском и карельском языках оригинальный образ на

основе формы создается в фитонимах с буквальным значением «церковный купол». Любопытна финская номинация *liusikukka* (*liusi* «лоскут»), описывающая лепестки растения; в собранном германском материале отмечается лишь форма цветков.

В двух группах языков содержатся фитонимы, мотивация которых связана с народными обычаями и поверьями. Три из них – нем. *Herrgottsblüäml* и коми *светтьö*, *светки чачö* – основаны на религиозной традиции, но различной: католической и православной. Добавим, что в немецкой номенклатуре растений компонент *Herrgotts-* («...Господа Бога») в целом очень распространен; в нашей работе из таких названий также приводятся *Herrgottsblut* «зверобой» и *Herrgottsfleisch* «клевер луговой».

Отдельные признаки номинации содержатся только в одной языковой группе, проявляясь в соответствующих лексических элементах. Германские языки (точнее, немецкий) характеризуют василек как сорное и вредное растение (например, посредством компонента *Hunger* «голод»). Напротив, некоторые финские названия (*kaunokki* и т. п.), образованные от основы «красота», определяют его как привлекательный цветок. Лишь в германских фитонимах отмечаются особенности поверхности (нем. *Ziegenbein* «козлиная нога») и вкус (да. *eorþ-gealla* «земля-желчь»).

2.8. *Convolvulus* L. (вьюнок), *Convolvulus arvensis* L. (вьюнок полевой)

Рис. 17, 18. Вьюнок полевой¹¹

Германские языки

Наиболее заметной и характерной частью вьюнка и его наиболее распространенного вида, вьюнка полевого, является стебель. Именно форма стебля легла в основу большинства наименований данного растения как в германской, так и в финно-пермской группах; однако в различных языках и фитонимах этот общий признак выражается разными способами.

1. Форма части растения. Данный признак нередко сочетается с другими характеристиками и свойствами вьюнка; но некоторые номинации основаны исключительно на форме. В древнеанглийском языке существовало два фитонима со значением «вьюнок полевой» – *wifo-winde* и *bere-winde* (см. 2. Форма части растения и место произрастания); мотивация первого из них заключается в форме стебля. Его вторая часть происходит от глагола *windan* > *to wind* «извиваться,

¹¹ Региональный интерактивный энциклопедический портал «Башкортостан»: Вьюнок полевой. – URL: <http://bbb.kcobrb.ru/upload/uf/a9c/VYUNOK.jpg> (дата обращения: 29.01.2024).

Плантариум: *Convolvulus arvensis* L. – URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/665051.html> (дата обращения: 29.01.2024).

наматывать(ся), вертеть» и, очевидно, используется для обозначения вьющегося растения [Krischke, 2013, 415]. Первый компонент фитонима *wipo-winde* имеет два значения: «лес» и «веревка»; поэтому буквальный перевод всего этого сложного слова может звучать как «лес-вьющееся растение» или «веревка-вьющееся растение». Вероятно, данный фитоним подразумевает, что растение обвивает ветви деревьев или же то, что оно само похоже на извивающиеся веревки (с которыми могли сравниваться стебли вьюнка) [Krischke, 2013, 408; 415].

Внешний вид стебля описывает немецкое наименование *der Teufelsdarm* (букв. «кишка дьявола») [IWP, 1872, 62]. Компонент *Teufels-* указывает на что-либо странное, необычное; «дьявольским» растение может считаться и из-за того, что вьюнок мешает выращиванию злаков. Однако последнее требует сопоставления с названиями других сорных и при этом вредных растений: например, плаун булавовидный, именующийся «когтем дьявола» (*Teufelsklaue*) [IWP, 1872, 133], не мешает посадкам и, вероятно, получил такое название не вследствие каких-либо отрицательных свойств. Интересно, что аналогичное наименование есть во французском языке (*boyaux du diable*, букв. «кишки дьявола») [Marzell, 1959, 1142]. Здесь стоит говорить, вероятно, скорее об универсальности образа, чем о калькировании, хотя последнее также могло произойти.

Второй по частотности признак, входящий в германские (преимущественно немецкие) названия вьюнка, – форма цветков. Нем. *die Schiffermützchen* [Marzell, 1959, 1145] имеет буквальное значение «фуражечка шкипера» (*das Mützchen* – уменьшительная форма от *die Mütze* «фуражка»). С номинацией *die Muttergottesgläschen* (букв. «стаканчик(и) Богоматери») [Marzell, 1959, 1144–1145] связана одноименная легенда, описанная в сборнике сказок братьев Гримм. Эта легенда звучит так: «Как-то раз возница, чересчур нагрузивший свою повозку бочками с вином, застрял с нею и, сколько ни бился, так и не сумел ее вытолкнуть. А той же дорогою как раз шла Матерь Божья и, увидев, в какой нужде оказался этот бедняга, сказала ему: “Я устала и хочу пить, дай мне стаканчик вина, а я помогу тебе вытолкнуть телегу”. – “Охотно, – отвечал возница, – вот только нет у меня стаканчика, чтобы налить тебе в него”. Тогда Матерь Божья сорвала белый

цветок с красными полосками, который называется “вьюнок” и так похож с виду на стаканчик, и протянула его вознице. Тот наполнил этот бокал вином, Матерь Божья выпила, и телега тут же освободилась, так что возница смог поехать дальше. А цветок и поныне зовут “стаканчиком Богоматери”» [Marzell, 1959, 1144–1145; Гримм, 2015, 6]. Несомненно, на возникновение фитонима оказало влияние народное предание, записанное братьями Гримм; однако в основе названия все же лежит признак формы.

Иногда в одном названии форма стебля и цветков *Convolvulus* сочетаются друг с другом. Один из таких примеров – нем. *die Windglocke* (от *winden* «обвивать» и *die Glocke* «колокол»: «обвивающий колокол») [IWP, 1872, 62].

2. Форма части растения и место произрастания. Второй элемент да. *bere-winde* совпадает со второй частью фитонима *wipo-winde* (см. 1. Форма части растения). Элемент *bere* имеет значение «ячмень»: стебли этого ценного злака вьюнок может связывать вместе (посредством данного слова также обозначается место обитания вьюнка – на полях). Буквально фитоним *bere-winde* можно передать как «ячмень-вьющееся растение» [Krischke, 2013, 415; 248–249].

Фитоним *bere-winde* перешел в среднеанглийский язык, преобразовавшись в слово *bēre-bīnde* (второй компонент, вероятно, образован от са. *binden* > совр. англ. *to bind* «связывать»). Однако нет уверенности в том, что это название обозначало именно род *Convolvulus*, а не другие вьющиеся растения [MEC].

Общепринятое немецкое обозначение вьюнка полевого – *die Ackerwinde* (букв. «поле-вьюнок»; ср. шв. *åkerbinda*). Второй компонент (*die Winde* «вьюнок»; двн. *winda*, свн. *winde*) представляет собой родовое наименование; слово образовано от глагола *winden* (двн. *wintan*, свн. *winden*, *winten*), одно из значений которого – «обвивать» [DWDS; Marzell, 1959, 1143]. Нем. *winden* и англ. *to wind* имеют общее происхождение [OED]. Кроме того, произрастание растения на полях отражено в нем. *die Kornwinde* (букв. «зерно-вьюнок») (ср. да. *bere-winde*). Немецкий фитоним *die Wegewinde* (от *der Weg* «дорога» и *die Winde* «вьюнок»: «дорога-вьюнок») свидетельствует о том, что растение также можно встретить на обочинах дорог [IWP, 1872, 62; Иллюстрированный определитель, 2004, 74].

Практически единственная английская номинация, не связанная с отличительной особенностью стеблей вьюнка, – *hedge bells* (от *hedge* «(живая) изгородь» и *bells* «колокольчики»: «колокольчики, растущие на изгороди») [DEPN, 1886, 576]. Второй компонент этого названия указывает на форму соцветий. Первый компонент объясняется местом обитания растения – вьюнок полевой нередко растет у заборов (правда, при этом он обвивает другие растения в живой изгороди, поэтому форма стебля также имеет отношение к данному фитониму) [Иллюстрированный определитель, 2004, 74].

3. Форма части растения и низкая ценность растения; форма, низкая ценность и размер; форма, низкая ценность и место произрастания. В современном английском языке вьюнок, как правило, обозначается словом *bindweed* (букв. «связывающий сорняк»), первый компонент которого указывает на форму стебля, а второй характеризует растение как малоценное или вредное. Для вьюнка полевого существуют и отдельные «уточняющие» названия, в том числе *lesser bindweed*, *small bindweed* (букв. «малый вьюнок») и *field bindweed* (букв. «полевой вьюнок») [Krischke, 2013, 248; 415; Dictionary.com]. Фитонимы *lesser bindweed* и *small bindweed*, помимо двух вышеупомянутых признаков, мотивированы размером вьюнка полевого (очевидно, меньшим, чем у других растений, в народной систематике называемых «вьюнок»). Третье наименование также описывает одно из обычных мест обитания *Convolvulus arvensis*.

4. Форма части растения и размер. Эти две характеристики совмещены в нем. *die kleine Winde* (букв. «маленький вьюнок») [Pritzel, 1882, 109].

5. Запах. В небольшом количестве немецких фитонимов отражаются и некоторые другие особенности вьюнка полевого. Так, запах цветков закреплен в наименовании *die Mandelblume* (букв. «миндаль-цветок») (ср. рус. *миндальная трава*) [Marzell, 1959, 1146; Анненков, 1878, 107].

6. Действие, которое совершает растение. Немецкое обозначение *der Regenschließer* образовано от слов *der Regen* «дождь» и *schließen* «закрывать» (*sich schließen* «закрываться»): закрытые цветки вьюнка предвещают дождь [Marzell, 1959, 1147]. Таким образом, название можно перевести как «[цветок], закрываю-

щийся перед дождем» (ср. фр. *baromètre des gueux*, букв. «барометр нищего» [Marzell, 1959, 1147]).

7. Народные поверья и обычаи. Если предыдущий фитоним обусловлен реальной биологической особенностью, то номинация *die Donnerblume* (букв. «гром-цветок») мотивирована народным поверьем. Дети считают, что, если сорвать цветки выюнка, это повлечет за собой дождь или грозу. Согласно швейцарской примете, дом, в котором есть венок или букет из выюнков, сгорит дотла [Marzell, 1959, 1147] (вероятно, первоначально имелся в виду пожар из-за молнии). Надо полагать, способность вызывать непогоду стала приписываться растению из-за того, что его цветки закрываются перед дождем: в наивном сознании причина и следствие «поменялись местами».

Финно-пермские языки

1. Форма части растения. Финно-пермские фитонимы, подобно германским, чаще всего основаны на строении стебля выюнка полевого. Фин. *kierto* (первое значение слова – «вращение, оборот») может быть как родовым, так и видовым названием [НБРФС, 1999, 179; Suhonen, 1936, 119]. Соответствующий фитоним *kiertoheinä* (букв. «оборот (поворот)-трава») находим в карельском языке [РКС, 2015, 73]. Кроме того, в карельском языке выюнок может именоваться словом *kierheiny*. Его первый компонент *kiere*, вероятно, родственен глаголу *kierittyä* «вертеть, катать, крутить» [БРКС, 2011, 66; ССКГК, 2009, 207]; в таком случае фитоним можно перевести как «вертящаяся (крутящаяся) трава».

Формой стебля мотивированы финские наименования *pyöriäruoho* (букв. «вертящаяся (крутящаяся) трава», от *pyöriä* «вертеться, крутиться») и *kieroruoho* (букв. «кривая трава») [Lönnrot, 1866, 383; Suhonen, 1936, 119]. Ингерманландские фитонимы *viruvaheinä* и *virumaheinä* могут обозначать как выюнок, так и другие растения с тянущимся по земле стеблем. Первый компонент этих названий восходит к глаголу *virruu* «тянуться, стелиться», и буквально их можно перевести как «тянущаяся (стелющаяся) трава» [Коппалева, 2007, 61].

По крайней мере два пермских наименования выюнка обладают буквальным значением «вьющаяся трава»: коми *гартчан турун* [Ракин, 2006] и коми-перм.

каттисян турун [Материалы для словаря, 2021, 54; Коми-пермяцко-русский словарь]. Универсальность данного признака подтверждается и множеством подобных номинаций в русском языке: *обвивальница*, *повой малый*, *повилика*, *повитуха* и т. п. [Анненков, 1878, 107].

Как на территории Финляндии, так и в ингерманландских говорах зафиксирован необычный фитоним *elämänlanka* (букв. «нить жизни») [Бродский, 2006б, 69; Коппалева, 2007, 60]. Данная номинация основана на метафоре и, очевидно, описывает растение с вьющимся стеблем, который можно уподобить нити. Но, как отмечает И. В. Бродский, название может быть связано не только с внешним видом растения, но и с каким-либо поверьем [Бродский, 2006б, 69]. Фитоним *elämänheinä* (букв. «трава жизни») [Suhonen, 1936, 119] неясен, если рассматривать его отдельно; но, вероятно, он образовался от или под влиянием *elämänlanka* и имеет ту же мотивацию.

2. Форма части растения и место произрастания. В некоторых финских названиях вьюнка полевого, помимо формы стебля, упоминается место обитания. Таковы фитонимы *peltokierto* (букв. «поле-вьюнок») (наряду с *kierto* это наиболее распространенное обозначение растения) [Suhonen, 1936, 119] и *aidankierto* (букв. «вьюнок изгороди») [Lönnrot, 1866, 383] (ср. англ. *hedge bells*). Номинация *peltokello* (букв. «поле-колокол») [Lönnrot, 1866, 383] основана на месте произрастания и форме цветков.

3. Форма части растения, особенности поверхности и структуры. Не совсем просто определить мотивацию коми фитонима *сир турун* (помимо вьюнка, он может обозначать повилику, подмаренник цепкий и рдест) [Ракин, 1989]. Компонент *сир* имеет значение «смола, смоляной», и «смоляной травой» могло бы называться растение с клейким соком или липкими частями. Однако в определителях подобного свойства ни у вьюнка, ни у других обозначаемых растений не отмечается. Особенность же, которая их объединяет – это длинные, вьющиеся стебли, которые могут обвивать другие растения (особенно в случае повилики и подмаренника) [Иллюстрированный определитель, 2001, 143; 2004, 76; 248]. Вероятно, сравнение со смолой метафорически передает свойство вьюнка прицеп-

ляться, «прилепляться», «прилипать» к другим растениям (связано это также и с формой стебля).

Семантическая структура фитонимов

В обеих языковых группах в основе большинства наименований вьюнка лежит форма стебля; такие единицы зачастую производны от глаголов со значениями «вертеть», «крутить», «наматывать(ся)». Изредка упоминается форма цветков (в германском материале найдено два таких примера, а в финно-пермском – один); делается это посредством компонента «колокол», «колокольчики». В обеих группах место произрастания *Convolvulus* может характеризоваться словами «поле» и «изгородь».

В германском материале внимание привлекают фитонимы с буквальными значениями «кишка дьявола» и «стаканчик(и) Богоматери». Подобные образы возникли под влиянием западноевропейской христианской традиции (в том числе сказочной традиции, где фигурируют положительные и отрицательные религиозные персонажи). Лингвокультурная специфика просматривается и в названии с компонентом «шкипер»: упоминание этой и других «морских» профессий скорее характерно для области распространения германских языков (ср. англ. *sailor's tobacco* – букв. «табак моряка», польнь обыкновенная). Влияние здесь оказал комплекс причин – исторических, географических, экономических, культурных.

В германских названиях вьюнка иногда содержится указание на его произрастание среди злаков (компоненты «ячмень», «зерно»). Вероятно, помимо места обитания, эти фитонимы указывают (правда, опосредованно) и на вредоносность растения для злаков. Последнее явно выражается в довольно большом числе английских номинаций с элементом «сорняк», в том числе в общепринятом фитониме *bindweed*.

В немецком языке подмечена способность вьюнка закрываться перед дождем, породившая примету (проявляется это при помощи слов «дождь» и «гром»). Любопытно, что дождь и гром не упоминаются среди рассмотренных в работе финно-пермских наименований. Роль здесь могло сыграть значение грома в мифологии германских народов; однако необходимо проанализировать больший

объем фитонимов из обеих групп, чтобы прийти к достоверному выводу о встречаемости данных компонентов.

В финно-пермских названиях *Convolvulus*, в отличие от германских, признак формы редко сочетается с другими, и дополнительной мотивацией может служить только место произрастания. Большинство фитонимов основаны исключительно на особенности стебля выюнка, и при этом средства для описания этой особенности более разнообразны, чем в английском и немецком. Помимо глаголов со значениями «вертеть», «крутить», такие номинации могут быть образованы от слов «тянуться, стелиться», а также прилагательного «кривой». Кроме того, отмечаются образные наименования «нить жизни» и «травя жизни», аналоги которым отсутствуют во всем рассмотренном германском материале. В фитониме коми языка с помощью компонента «смола, смоляной», вероятно, описано свойство выюнка «прицепляться» к другим растениям.

2.9. *Hypericum L.* (зверобой), *Hypericum perforatum L.* (зверобой продырявленный), *Hypericum tetrapterum Fr.* (зверобой четырехгранный)

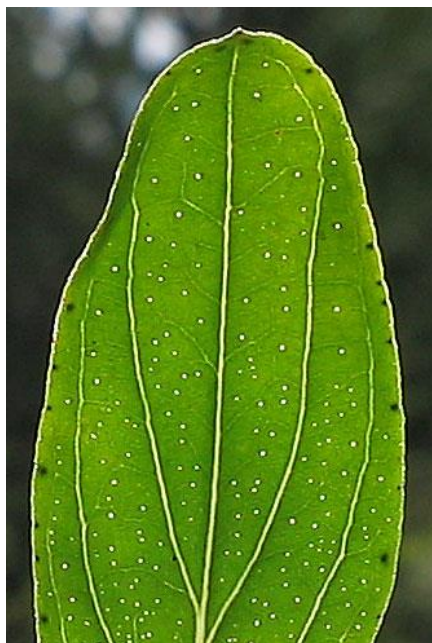

Рис. 19, 20. Зверобой продырявленный¹²

Рис. 21. Зверобой продырявленный¹³

Рис. 22. Зверобой четырехгранный¹⁴

¹² Wikipedia: Eches Johanniskraut. – URL: [https://de.wikipedia.org/wiki/Eches_Johanniskraut#/media/Datei:Hypericum-perforatum\(Blatt\).jpg](https://de.wikipedia.org/wiki/Eches_Johanniskraut#/media/Datei:Hypericum-perforatum(Blatt).jpg) (дата обращения: 29.01.2024).

Плантариум: *Hypericum perforatum L.* – URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/717083.html> (дата обращения: 29.01.2024).

¹³ Плантариум: *Hypericum perforatum L.* – URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/74708.html> (дата обращения: 29.01.2024).

1. Время произрастания или цветения. «Стандартное» английское название зверобоя продырявленного – *St John's-wort* (букв. «трава Св. Иоанна»). Еще один подобный фитоним – *herb John* (букв. «трава-Иоанн»); впервые он встречается в среднеанглийский период (*hērbe-jon*), куда он проник из англо-нормандского диалекта (ср. фр. *erbe Jehan*) [DEPN, 1886, 586; МЕС]. Эти номинации мотивированы временем цветения, точнее, периодом начала цветения и временем сбора растения: зверобой начинает цвести в июне и традиционно собирался в канун Иванова дня (24 июня) [Иллюстрированный определитель, 2003, 559; Prior, 1870, 202]. Это действие имело символическое значение: собранные цветы затем вывешивали на окнах и дверях как защиту от злых духов или ведьм. Еще одним обычаем было носить зверобой при себе; при этом, вероятно, его «разрешалось» срывать не только в указанное время. Так, растение должно было оказывать защитное действие, если зашить его в воротник пальто и больше не трогать; считалось, что при невыполнении второго условия зверобой потеряет свою силу [Pratt, 1855, 13; Watts, 2007, 341].

На время начала цветения указывает и нем. *das Johanniskraut* (букв. «трава Иоанна»); это одно из двух наиболее частотных наименований растения (наряду с *Tüpfel-Hartheu*, см. 3. Особенности поверхности и структуры) [DWDS]. Согласно Г. Марцеллу, зверобой играл роль еще в древнегерманских культах солнцестояния – возможно, из-за того, что его золотистые цветки с «лучевидными» лепестками напоминали Солнце. При христианизации время летнего солнцестояния было посвящено Иоанну Крестителю, и с ним же начали ассоциироваться «цветы солнцестояния», в том числе зверобой [Marzell, 1972, 942–943] (ср. шв. (*Sanct*) *Johannisgräs*, букв. «трава (Св.) Иоанна [Marzell, 1972, 944]; рус. *святоивановская трава* [Анненков, 1878, 172]).

2. Использование в народной медицине. Как видно из примеров выше, зверобой занимает достаточно важное место в народной традиции, которая при-

¹⁴ Плантариум: *Hypericum tetrapterum* L. – URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/118028.html> (дата обращения: 29.01.2024).

писывает ему магические, защитные свойства. Можно предположить, что растение получило такую «репутацию» благодаря своим лечебным качествам, которые также отражены в некоторых фитонимах. Название *balm of the warrior's wound* (букв. «бальзам [для] раны воина») обусловлено кровоостанавливающим действием зверобоя, который помогает как при царапинах, так и при более серьезных ранах [Macmillan, 1922, 17; Allen, 2004, 104]. То же свойство, вероятно, лежит в основе номинации *touch and heal*: она состоит из глаголов *to touch* «касаться» и *to heal* «лечить» и может пониматься как «растение, которое касается и лечит» или «растение, прикосновение которого лечит». Помимо способности останавливать кровь, зверобой имеет и множество других применений в народной медицине; общая ценность растения в лекарственном отношении отражена в фитониме *blessed* (букв. «благословенный») [Plant-Lore].

Другие лечебные качества зверобоя описываются в немецких названиях; к таковым относятся *das Fieberkraut* (букв. «лихорадка-трава») и *die Leibwehlblume* (букв. «боль в животе-цветок»). Зверобой, настоянный в шнапсе, использовался против боли в животе (это же его применение описывает фитоним *die Schnapsblume*, букв. «шнапс-цветок»). Использование растения при лихорадке отмечалось уже в древних источниках [Marzell, 1972, 954–956].

3. Особенности поверхности и структуры. Зверобой продырявленный получил свое видовое название (как латинское, так и русское) из-за особенности поверхности листьев: они покрыты «многочисленными просвечивающими точечными железками, отчего лист кажется как бы продырявленным иголкой» [Иллюстрированный определитель, 2003, 559]. В английском языке эта особенность проявляется в фитониме *hundred-holes* (букв. «сто дырок») [Plant-Lore] (ср. рус. *дырявник, дырявчик*; фр. *herbe à cent trous*, букв. «трава с сотней дырок») [Колосова, 2009, 155]. Число «сто» в английском и французском названиях имеет символическое значение и понимается носителями языков как «множество», «несчетное количество».

Наиболее распространенное немецкое название зверобоя продырявленного – *das Tüpfel-Hartheu* (букв. «точка (крапинка)-твердое сено»). Второй компонент

встречается также в качестве отдельного фитонима, как в форме *Hartheu*, так и во множестве родственных ей вариантов (совр. нем. *das Hartenau* и т. д.; двн. *hartho*, свн. *harthouve*, *-howe*, снн. *hertenheu*) [Marzell, 1972, 939–941; Pritzel, 1882, 187]. Данные наименования объясняются тем, что из-за твердого, грубого стебля зверобоя из него получается такое же сено [Marzell, 1972, 940]; компонент *Tüpfel* отсылает к поверхности листьев или, возможно, цветков, по краям которых есть черные крапинки. Скорее всего, имеется в виду именно особенность листьев, которая более заметна и является отличительной чертой вида (точки на лепестках встречаются также, например, у зверобоя пятнистого).

4. Цвет; цвет и форма части растения. Обширную группу наименований зверобоя в немецком языке составляют фитонимы, основанные на красном цвете цветочного сока; эта особенность лучше всего видна, если надавить на цветочные почки растения. Данный признак стал основой многих легенд, которые затем отразились в народной номенклатуре. Например, считалось, что зверобой возник из крови Христа; по другому преданию, зверобой рос под крестом и на него текла кровь Христа, которую он впитал, и поэтому теперь из растения «течет кровь». Эти легенды нашли воплощение в таких названиях, как *das Herrgottsblut* (букв. «кровь Господа Бога»), *das Jesuwundenkraut* (букв. «трава ран Иисуса») и *die Blutstropfen* (букв. «капли крови») [Marzell, 1972, 947–949; 954].

В основу англ. *yellow star-of-Bethlehem* (букв. «желтая Вифлеемская звезда») [Plant-Lore] легли форма и оттенок цветков: у зверобоя они желтые и состоящие из пяти лепестков. С признаком цвета, вероятно, связано и название *amber* (букв. «янтарь»): помимо окраски цветков, здесь могло иметь значение то, что они оставляют желтый след на коже, если сжать их в руке [Plant-Lore; Pratt, 1855, 11].

5. Народные поверья и обычаи и форма; народные поверья и обычаи и использование в народной медицине; народные поверья и обычаи. С легендой о возникновении зверобоя из крови Христа связан немецкий фитоним *das Christi-Kreuz-Kraut* (букв. «крест Христа-трава»); цвет в нем не упоминается, поэтому мы относим его именно к этой группе. Кроме того, наименование может быть отчасти мотивировано признаком формы: боковые стебельки зверобоя расположены та-

ким образом, что составляют с основным стеблем подобие креста (легенда также объясняет это тем, что растение стояло под крестом) [Marzell, 1972, 950; 954].

В некоторых немецких названиях зверобоя продырявленного упоминается Богоматерь; среди них – *das Unserfrauenkraut* (букв. «трава Богоматери») (ср. фр. *herbe de Notre-Dame*, ит. *erba de la Madona*, «тж.») [Marzell, 1972, 951–952]. Причиной возникновения таких фитонимов могли стать уже существовавшие у растения религиозные ассоциации, а также его использование при женских болезнях [Marzell, 1972, 951]. Вероятно, два фактора – лекарственные свойства зверобоя и наличие названий с «религиозными» отсылками – способствовали появлению у растения «репутации» защитника от зла и нечистых сил. Эти представления проявляются в диалектном наименовании *Alfkrok*, которое в стандартном немецком приняло бы вид *das Albkraut*. Компонент *Alb* определяется как «гоблин, ночной дух» (изначально слово обозначало существ из германской мифологии) и «ночной кошмар» (более позднее значение). Таким образом, буквальный перевод фитонима – «ночной кошмар-трава» (зверобой прогоняет кошмары и существ, которые их вызывают). Еще одна магическая способность, приписываемая растению, – защищать от грозы (*das Donnerkraut*, букв. «гром-трава»); для этого его вешали под крышей [Marzell, 1972, 946; DWDS].

Немецкая номинация *das Kranzkrout* (букв. «веночек-трава») связана с традицией празднования Иванова дня (правда, без указания на время, как, напр., в *Johanniskraut*): из растения плели венки, которые служили для гадания и защиты от грозы [Marzell, 1972, 944].

6. Запах. Английский фитоним *rosin rose* (букв. «смола-роза») мотивирован запахом цветков (и, возможно, также листьев). Согласно одному из источников, «цветки имеют сладкий аромат лимона, смешанный с запахом смолы» [DEPN, 1886, 407; Pratt, 1855, 11].

Финно-пермские языки

Если в германской народной номенклатуре чаще всего упоминается зверобой продырявленный (*Hypericum perforatum*), то в финно-пермских языках наблюдается иная картина. Финские наименования, помимо рода в целом и зве-

робоя продырявленного, могут относиться и к зверобой четырехгранному (*Hypericum tetrapterum*); при этом обозначения последнего значительно более распространены, чем второго. Все найденные карельские фитонимы являются родовыми; практически во всех фитонимах коми языка обозначен зверобой четырехгранный.

Эти два вида растения похожи друг на друга (одна из немногих несхожих черт – стебель с четырьмя ребрами у второго) и зачастую неразличимы в народной номенклатуре. Последнее отмечает Г. Марцелл, описывая немецкие фитонимы [Marzell, 1972, 938]; судя по всему, в финском и коми языках наблюдается такая же ситуация и многие названия можно отнести к обоим видам. Известно также, что в народной медицине Великобритании и Ирландии эти и другие виды зверобоя использовались в очень похожих целях, что говорит о том, что между ними не проводилось различия [Allen, 2004, 104]. Возможно, что на финно-пермской территории зверобой четырехгранный более распространен, или же наименования смешались лишь из-за общих внешних и лекарственных особенностей.

1. Использование в народной медицине. Финское название зверобоя, которое обыкновенно встречается в словарях, – *kuisma*; также оно существует в форме *kuisla*. Этот фитоним был заимствован из шведского языка (< шв. *kvissla* «прыщ») и изначально основан на лекарственном действии растения: оно применялось для лечения нарывов [Бродский, 2006б, 80]. В карельском языке используется аналогичная номинация *kuisma* [РКС, 2015, 120], заимствованная из шведского, возможно, посредством финского. Этот же признак находится в основе карел. *kuzmanpraizeheinä* (букв. «зверобойная нарыв-трава») [ССКГК, 2009, 254].

Медицинское использование растения описывают многие финские названия *Hypericum tetrapterum*. Фитоним *ajosheinä* (букв. «нарыв-трава») [Lönnrot, 1866, 385] фиксирует то же применение, что и родовое обозначение *kuisma*. Зверобой выступает как средство от подагры (*luuvaloheinä*, букв. «подагра-трава») и сердечно-сосудистых заболеваний (*sydämenkukka*, букв. «сердечный цветок»), что подтверждается определителями растений [Suhonen, 1936, 182; Пастушков, 2012, 85; Мазнев, 2004, 186].

Довольно распространены финские наименования зверобоя четырехгранного, содержащие компонент *viina* «водка, вино»; к ним относится, например, *viinakukka* (букв. «водка (вино)-цветок») [Suhonen, 1936, 183]. Вероятно, такие фитонимы указывают на лекарственную ценность настойки из растения (ср. нем. *Schnapsblume*). Подтверждением этому является существование в финском языке сочетания *kuismaiviina* «зверобойная настойка» [НБРФС, 1999, 357]. К тому же из травы зверобоя готовят отвар, или чай, помогающий при различных заболеваниях [Пастушенков, 2012, 85]; на это указывают карел. *čajuheinä* (букв. «чай-трава») [Liro, 1915, 21] и коми-перм. *чайтурун* [Материалы для словаря, 2021, 59].

К этой же группе принадлежит коми фитоним *ураз турун* [Ракин, 2006], который, по всей видимости, происходит из русского языка. В. И. Даль отмечает название зверобоя четырехгранного *уразная трава* (от *ураз* «удар, ушиб, рана») [Даль, 2006, 492]; вероятно, оно перешло в коми язык, причем первый компонент был заимствован, а второй – калькирован. Таким образом, *ураз турун* можно перевести как «ушиб (рана)-трава» (то есть «трава от ушиба, от раны»). Коми *дона турун* (букв. «дорогая (ценная) трава») [Ракин, 1989] характеризует растение как ценное для народной медицины в целом (ср. рус. *здоровая трава, хворобой* [Анненков, 1878, 172]).

2. Использование в народной медицине и место произрастания. Финское наименование зверобоя продырявленного, отмеченное в словаре, – *mäkikuisma* (букв. «пригорок (холм)-зверобой»); оно мотивировано применением в медицине и местом произрастания [НБРФС, 1999, 357]. Еще одно название с такой мотивацией – *nurmikuisma* (букв. «луг-зверобой»): растение действительно предпочитает луга, поляны и другие открытые места [Suhonen, 1936, 181; Иллюстрированный определитель, 2003, 559].

К этой же группе относится коми наименование *бор тшай турун* (букв. «межевая чай-трава») [Ракин, 1989]. Первый компонент свидетельствует о том, что зверобой встречается на межах в поле, а второй объясняется тем же свойством, что и карел. *čajuheinä* и коми-перм. *чайтурун* (см. 1. Использование в народной медицине).

3. Использование в народной медицине и особенности поверхности и структуры. Фин. *läpikuisma* (букв. «дыра-зверобой») [Suhonen, 1936, 181] характеризует поверхность листьев *Hypericum perforatum*, как и его лечебное применение.

4. Цвет. В фин. *veriheinä* (букв. «кровь-трава» – *Hypericum perforatum*) отмечен красный цвет сока зверобоя, что соответствует признаку, который присутствует в немецком языке (ср. рус. *кровоавник, семибратная кровь*) [Анненков, 1878, 172]). К тому же эта номинация (как и соответствующие немецкие) может указывать и на кровоостанавливающее действие растения. Однако при этом в финском языке выделяется довольно большая группа фитонимов, которые переводятся как «(трава-) свиная кровь» (один из них – *sianveriheinä*, букв. «трава-свиная кровь») [Suhonen, 1936, 181–182]. Компонент «свиной» определенно обладает пейоративным оттенком. Такие единицы резко контрастируют с нем. *Herrgottsblut*: обозначая тот же признак, они вызывают совершенно иные ассоциации (ср. рус. *заячья кровь* [Анненков, 1878, 172]).

Коми название *веж турун* (букв. «желтая трава») [Ракин, 1989] указывает на окраску цветков растения (слово *веж* может обозначать как зеленый, так и желтый цвет). В коми-перм. *красной корёнка* (букв. «красный корень») красный цвет описывает не сок, а корень растения [Материалы для словаря, 2021, 59].

5. Время произрастания или цветения. Как и в германских языках, в основе некоторых финских названий *Hypericum perforatum* лежит время начала цветения. Эти номинации имеют несколько различных вид в диалектах, например, *Juhanneskukka* (букв. «Иоанн-цветок») [Lönnrot, 1866, 385; Suhonen, 1936, 181].

6. Народные поверья и обычаи. Во многих районах Финляндии отмечен фитоним *kiroruoho* (букв. «проклятие-трава» – *Hypericum tetrapterum*) [Suhonen, 1936, 183]. Скорее всего, его мотивация связана с приписываемой зверобою способностью избавлять от злых сил и название следует понимать как «трава, защищающая от проклятия». Такое поверье могло возникнуть благодаря медицинским свойствам растения, а также упоминанию Иоанна Крестителя в некоторых номи-

нациях (см. подобные примеры в немецком, а также шв. *djeevulsflykt*, *satansflykt*, букв. «побег дьявола (сатаны)») [Marzell, 1972, 945].

Семантическая структура фитонимов

Важное место в обеих системах народной номинации занимают обозначения, мотивированные лекарственным действием и применением зверобоя. Такие единицы можно разделить на несколько групп в зависимости от входящих в них компонентов:

1. фитонимы, называющие болезни, состояния и органы, которые лечит растение («рана», «лихорадка», «боль в животе» в германских языках; «прыщ», «нарыв», «подагра», «сердечный цветок» в финно-пермских);

2. фитонимы, называющие лекарственное средство, изготовляемое из зверобоя («шнапс» в германских языках; «водка, вино», «чай» в финно-пермских);

3. фитонимы, восхваляющие целебное действие зверобоя («бальзам», «благословенный», «касаться» + «лечить» в английском; «дорогой (ценный)» в коми).

В обеих языковых группах содержатся номинации, мотивированные красным соком зверобоя. В немецком языке, где таких названий особенно много, этот сок уподобляется крови Христа («трава ран Иисуса», «кровь Господа Бога»). В финском языке тот же самый признак описывается с помощью фитонимов «(трава-)свиная кровь», что создает совершенно иной образ.

В германских названиях зверобоя в целом обращает на себя внимание обилие библейских отсылок: помимо вышеприведенных примеров, растение именуется «травой Богоматери», цветок сравнивается с Вифлеемской звездой. Напротив, в финно-пермском материале практически отсутствуют аллюзии на религиозные сюжеты и имена библейских персонажей. Единственное исключение составляют фитонимы вида «Иоанн-цветок»; упоминания Св. Иоанна встречаются и в германских наименованиях зверобоя.

Желёзки на листьях *Hypericum perforatum* в германских и финно-пермских языках сравниваются с дырками, а лишь в германских – также с точками (крапинками). Стоит отметить, что в английском и немецком материале поверхность листьев описывается несколько чаще, чем в финно-пермском.

Немецкие фитонимы «приписывают» зверобоею способность защищать от злых духов (или ночных кошмаров) и от грозы. Похожую мотивацию, вероятно, имеет финское название «проклятие-трава».

Финно-пермские языки, в отличие от германских, обращают внимание на место произрастания зверобоя; эта характеристика дается с помощью компонентов «пригорок (холм)», «луг», «межевой». В одном английском названии интересным образом – с помощью компонента «смола» – передается запах растения.

2.10. *Leucanthemum vulgare* Lam. (нивяник обыкновенный)

Рис. 23, 24. Нивяник обыкновенный¹⁵

Германские языки

Нивяник обыкновенный – очень распространенное растение с крупными соцветиями бело-желтой окраски, внешне напоминающее ромашку (из-за этого сходства в России его часто ошибочно называют «ромашкой»). В Великобритании и других англоязычных странах нивяник уподобляют маргаритке (*Bellis perennis* L.) – еще одному широко распространенному виду. Согласно определителю, естественный ареал маргаритки «не выходит за пределы Европы» [Иллюстрированный определитель, 2004, 457; 349]; очевидно, для носителей английского языка маргаритка является прототипическим цветком, с которым сравниваются все подобные растения (при этом, с точки зрения научной систематики, они могут быть довольно далеки от *Bellis perennis*).

1. Цвет. Не вызывает сомнений, что цвет стал признаком номинации в нем. *die Käseblum(e)* (букв. «сыр-цветок») и *die Spiegelbluete* (букв. «зеркало-цветок»). Во втором случае название указывает на блеск язычковых цветков (белых лепестков) нивяника [Marzell, 1959, 960–961].

¹⁵ Женский калейдоскоп: Нивяник обыкновенный. – URL: https://mykaleidoscope.ru/uploads/posts/2021-03/1615379288_5-p-nivyanik-obiknovennii-obraz-6.jpg (дата обращения: 29.01.2024). WallBox: Нивяник. – URL: <https://wallbox.ru/flowers/cvetok-belyj-romashka-sadovaya-w46929/download/1280x1024> (дата обращения: 29.01.2024).

2. Цвет и общее внешнее сходство с другим растением. Окраска центральной части цветка отмечается в английском фитониме *butter daisy* (букв. «масло-маргаритка») [DEPN, 1886, 575]. Мотивация данного названия вполне понятна; но все же неясно, почему нивяник в нем противопоставляется «обычной» маргаритке – цветки обоих растений имеют желтую середину. Причиной может быть разве что размер, из-за которого цветки нивяника более заметны и больше «расцветчивают» окружающий пейзаж.

3. Цвет и форма части растения. Оттенок и форма цветков необычным образом выражены в англ. *moon-flower* (букв. «луна-цветок») и нем. *die Mondblume* (букв. «тж.»). Еще один фитоним, в котором сочетаются два этих признака – англ. *moon-pennies* (букв. «луна-пенни», «луна-монетки») [DEPN, 1886, 575; Marzell, 1959, 960].

4. Форма части растения. Исключительно формой мотивированы многие немецкие наименования нивяника; в одном из них – *die Radblume* (букв. «колесо-цветок») – лепестки растения уподобляются спицам колеса [Marzell, 1959, 959].

5. Форма части растения и размер; форма части растения, размер и общее внешнее сходство с другим растением. Наиболее частотное английское название нивяника – *ox-eye daisy* (букв. «маргаритка-бычий глаз»); существует также его сокращенный вариант *ox-eye* (букв. «бычий глаз») [DEPN, 1886, 575] (ср. шв. (*hvit*) *oxeöga*, букв. «(белый) бычий глаз»; фр. *aeil de boeuf*, букв. «глаз вола») [Marzell, 1959, 959]). С глазом сравнивается круглая центральная часть цветка, которая к тому же значительно больше, чем у «настоящей» маргаритки. Таким образом, в основе этих двух фитонимов лежат форма и размер (первый из них также мотивирован общим сходством с другим растением).

6. Размер и общее внешнее сходство с другим растением. Нивяник превосходит маргаритку и высотой стебля; на общий размер растения указывает, например, англ. *big daisy* (букв. «большая маргаритка») [DEPN, 1886, 575].

7. Общее внешнее сходство с другим растением и место произрастания; место произрастания. Два английских фитонима характеризуют места, где обыкновенно произрастает нивяник: *field daisy* (букв. «поле-маргаритка») и *poor-*

land daisy (букв. «бедная (неплодородная) земля-маргаритка»). Известно, что нивяник встречается на вырубках; этим, вероятно, объясняется второе название. В эту же группу входит частотное немецкое название *die Wiesen-Margerite* (букв. «луговой нивяник») [FloraWeb] (ср. фр. *reine des prés*, букв. «королева лугов» [Marzell, 1959, 962]).

8. Время произрастания или цветения и низкая ценность растения; время произрастания или цветения. Растение начинает цвести в мае, и эта особенность проявляется в английском наименовании *mayweed* (букв. «май-сорняк»: «майский сорняк») [DEPN, 1886, 575; Иллюстрированный определитель, 2004, 457]. Нем. *die frühe Margerite* (букв. «ранний нивяник») [FloraWeb] содержит ту же временную характеристику, но, в отличие от английского фитонима, не упоминает низкую ценность растения.

9. Низкая ценность растения. В некоторых германских названиях единственной мотивацией является представление о нивянике как о сорняке. В таких фитонимах использованы пейоративы «собака», «собачий»: например, англ. *dog-flower* (букв. «собака-цветок»: «собачий цветок») [DEPN, 1886, 575] и нем. *die Hundsblume* (букв. «собачий цветок») [Marzell, 1959, 962].

10. Народные поверья и обычаи. Такие наименования нивяника характерны для немецкого языка и чаще всего отсылают к обычаю гадания на цветках с отрыванием лепестков. Например, фитоним *Edelmann-Bettelmann* (букв. «дворянин-нищий») описывает гадание на судьбу в браке (вероятно, эти же слова произносились при гадании). Номинация *die Gewitterblume* (букв. «гроза-цветок») может указывать на гадание «будет гроза – не будет грозы». Еще одно возможное объяснение состоит в том, что растение считалось защитой от грозы [Marzell, 1959, 966–968].

11. Неясная мотивация. Родовое немецкое название нивяника – *die Margerite*. Это слово было заимствовано из французского языка (< фр. *marguerite*) в конце XVI в. (нем. *Margaritenblum* впервые зафиксировано в 1580 г.); во французский оно пришло из латыни (*margarita* «жемчужина»), в латынь – из греческого (*μαργαρίτης*, «тж.»), а в греческом является восточным заимствованием. Как

французский, так и немецкий фитонимы, вероятно, использовались по отношению к различным цветам (также, например, к маргаритке). Неудивительно, что такая ситуация сохраняется и сегодня: в «Словаре немецких названий растений» Г. Марцелла фитоним *Margarete* соотносится, помимо нивяника, еще с пятью растениями, внешне не похожими на него [Genaust, 1996, 337; DWDS; Marzell, 1958, 352].

Довольно много немецких наименований *Leucanthemum vulgare* переводятся как «гусиный цветок» или подобным образом, например, *das Gänsekraut* (букв. «гусиная трава»). Г. Марцелл выдвигает несколько предположений относительно мотивации таких названий. Они могут быть основаны на сравнении бело-желтых цветочных головок с белым оперением и желтоватым клювом птицы; возможно также, что длинный и гибкий стебель растения напоминает подвижную шею гуся. На образование фитонима *das Gänsekraut* и подобных ему могло также повлиять то, что нивяник часто растет на лугах, где пасутся гуси [Marzell, 1959, 957–958].

Финно-пермские языки

1. Форма части растения; форма и размер. Цветок нивяника в финно-пермских языках часто сравнивается с глазом птицы или животного. На таком сопоставлении основаны следующие фитонимы: фин. *häränsilmä* (букв. «бычий глаз») (ср. англ. *ox-eye*, шв. (*hvit*) *oxeöga* «тж.»), фин. *haukansilmä* (букв. «ястребинный глаз») [Suhonen, 1936, 104–105], коми *катшасин* (букв. «сорочий глаз») [Ракин, 2006], коми *катшабугыль* (букв. «сорочьи глаза») [Ракин, 1989]. В подобных названиях значение имеет круглая форма середины цветка, а в первом случае, возможно, также ее размер (как и в английском фитониме). Компонент «глаз» содержится и в коми-перм. *чачасин* (букв. «глаз цветка») [Материалы для словаря, 2021, 82].

Внешним видом середины цветка с окружающими его лепестками мотивировано коми название *бабаюр турун* (букв. «бабаюр-трава»). Его первый компонент имеет два значения: «1) бабаюр (прическа замужней женщины; косы, уложенные вокруг головы); ... 2) бабаюр (головной убор замужней женщины)» [Ра-

кин, 2006; Коми-русский словарь, 2000, 31]. Интересно, что само слово *бабаюр* можно перевести как «женская, бабья голова».

На очертания лепестков указывает финская номинация *parinkaulus* (букв. «воротничок священника») [Suhonen, 1936, 105]: расположенные по кругу удлиненные лепестки действительно могут напомнить воротник.

Интересно ингерманландское название *rampakukka* (букв. «хромой цветок») [Коппалева, 2007, 193]. Вероятно, «хромым» нивяник становится во время гадания, когда у него отрывают лепестки: фитоним основан на признаке формы, но семантически связан с номинациями *arpakukka* и *ennustuskukka* (см. 6. Народные поверья и обычаи).

2. Форма части растения и особенности поверхности и структуры. В финском языке есть еще несколько обозначений нивяника, содержащих компонент *rap(p)in* (одно из них – *parinkukka*, букв. «цветок священника», «поповский цветок») [Suhonen, 1936, 105], что перекликается с мотивационной моделью, существующей в русском и других славянских языках. В них ромашка и похожие на нее растения (в том числе нивяник) имеют такие названия, как *поп*, *поповник* и т. п. В подобных фитонимах плоская, круглая и гладкая середина цветка сравнивается с головным убором (православной скуфьей) или выстриженной тонзурой священника, а лепестки – с его длинными волосами [Синица, 2017, 241; 244–245]. Вполне возможно, что такая мотивация действует и в финском языке (ср. карел. *rappi* «одуванчик лекарственный»).

3. Цвет. Довольно часто нивяник именуется через цвет – белый или желтый. Примечательно, что названия, мотивированные исключительно цветом, отсылают к белым лепесткам растения; в фитонимах же, относящихся к его желтой середине, цвет сочетается с другими признаками. К первому случаю относятся следующие примеры: фин. *valkia kukka* (букв. «белый цветок») [Suhonen, 1936, 106], коми *еджыд йыла турун* (букв. «трава с белой верхушкой») [Бродский, 2006б, 59], коми-перм. *чочкомцветки* (букв. «белые цветки») [Материалы для словаря, 2021, 83] (ср. рус. *беляк*, *белоголовник* и т. п. [Анненков, 1878, 96]).

4. Цвет и форма части растения; цвет, форма и размер. В финском языке очень распространены фитонимы с внутренней формой «солнечная лепешка»; они встречаются в различных вариантах как на территории Финляндии, так и в ингерманландских говорах (например, фин. ингерм. *päivä(n)kakkara*; ср. рус. *солнечник* [Анненков, 1878, 96]). Подобные номинации обращают внимание на то, что центральная часть цветка желтого цвета, круглая и плоская. Финское наименование *suur päivän kakkara* (букв. «большая солнечная лепешка») указывает и на то, что соцветия растения довольно большого размера [Коппалева, 2007, 191–193; Suhonen, 1936, 105]. Форма и цвет находятся в основе коми-перм. *веж син* (букв. «желтый глаз») [Материалы для словаря, 2021, 41].

5. Цвет, форма части растения и место произрастания. Эти три признака совмещены в карельском наименовании *niittypäivänkakkara* (букв. «луговой солнечный блин») [РКС, 2015, 181].

6. Народные поверья и обычаи. Отчетливо выделяется группа финских названий нивяника, указывающих на его использование в гадании. В эту группу входят, в частности, фитонимы *arpakukka* (букв. «жребий-цветок») и *ennustuskukka* (букв. «предсказание-цветок») [Suhonen, 1936, 104] (ср. шв. *älskansblomma*, букв. «цветок любви» [Marzell, 1959, 966]).

7. Низкая ценность растения. Ингерманландский фитоним *koirankukka* (букв. «собачий цветок») [Коппалева, 2007, 193] характеризует нивяник как сорное, бесполезное растение (см. аналогичные названия в английском и немецком).

8. Использование в пищу животными. В карельских наречиях обнаружено три обозначения *Leucanthemum vulgare*, которые можно считать вариантами одного фитонима: *lammashainä*, *lammašheinä*, *lamboiheiny* (букв. «овечья трава») [Бродский, 2018б, 97]. Объясняется данное название тем, что нивяник любят поедать овцы.

Семантическая структура фитонимов

В некоторые названия нивяника в обеих группах языков входит компонент «глаз»; в английском и финском отмечены аналогичные фитонимы с буквальным значением «бычий глаз». При этом, если судить по собранному материалу, в фин-

но-пермских языках подобные фитонимы гораздо более распространены и более разнообразны. В обеих системах народной номенклатуры нивяник характеризуется как сорное растение, не обладающее какой-либо ценностью, что воплощается в компонентах «собака», «собачий» (в английском также обнаружен фитоним, включающий слово «сорняк»). Как германские, так и финно-пермские народные названия отсылают к обычаю гадания на цветках нивяника, используя для этого разные языковые средства («дворянин-нищий» в немецком; «жребий», «предсказание» в финском).

В состав германских названий *Leucanthemum vulgare* часто входит обозначение другого растения. Особенно это свойственно английскому языку, где нивяник описывается как особая разновидность маргаритки (*daisy*). В немецком для его номинации иногда используется фитоним *Margerite* с уточняющим компонентом («луговой», «ранний»): в таких случаях нивяник также представляется «подвидом» другого растения.

Оттенок сердцевины цветка в германских языках может обозначаться при помощи компонентов «сыр» и «масло»; в нескольких примерах круглый и желтый цветок уподобляется луне.

В немецком языке отмечен фитоним с буквальным значением «гроза-цветок». Хотя среди названий нивяника такой пример лишь один, можно предположить, что компонент «гроза» неслучайно обнаруживается именно в немецком материале. Еще в двух собранных названиях (других растений) упоминается гром; известно также, что гроза занимает важное место в мифологии и верованиях германских народов. Вероятно, под влиянием этих верований возникли представления о растениях, способных предсказать грозу или защитить от нее, которые, в свою очередь, отразились в фитонимии.

В финно-пермских названиях нивяника, как уже говорилось выше, форма часто описывается через сравнение с глазом (обычно птицы или животного). Такой образ, вероятно, можно считать универсальным для именованя круглых цветков в различных языках. Кроме того, в одном финно-пермском названии про-

является лингвокультурная специфика: первая часть коми *бабаяр турун* обозначает народные прическу или головной убор.

В отличие от германских языков, в финно-пермских наименованиях отмечается цвет лепестков *Leucanthemum vulgare*. Этот признак выражается прямо (с помощью прилагательного), тогда как цвет середины цветка в обеих языковых группах почти всегда передается метафорически. Цвет и форма сочетаются в частотной (особенно в финском языке) модели «солнечная лепешка».

Два финских наименования содержат компонент «священник(а)»; здесь возможно влияние русского языка (распространенных в нем названий типа *поповник*). Кажется, что для германских фитонимов более типично упоминание монаха (см. названия аконита и одуванчика). Еще один любопытный фитоним, не имеющий соответствий в германском материале, имеет буквальное значение «хромой цветок» (название мотивировано формой, но, очевидно, отсылает к процессу гадания).

2.11. *Plantago major* L. (подорожник большой)

Рис. 25, 26, 27. Подорожник большой¹⁶

¹⁶ Плантиум: *Plantago major* L. – URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/4742.html> (дата обращения: 29.01.2024).

Плантиум: *Plantago major* L. – URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/526266.html> (дата обращения: 29.01.2024).

Плантиум: *Plantago major* L. – URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/102951.html> (дата обращения: 29.01.2024).

Важнейшим признаком, на котором основаны многие германские и финно-пермские названия этого растения, – его место обитания. Подорожник произрастает на пустырях, полевых и лесных дорогах, по окраинам полей, на опушках и полянах [Иллюстрированный определитель, 2004, 240]. Это растение настолько прочно связано с определенными местами обитания, что по наличию или отсутствию его пыльцы археологи определяют, где находились доисторические дороги и тропы [Birkhan, 2012, 171].

Германские языки

1. Место произрастания; место произрастания и размер. Древнеанглийское название *weg-brāde (-brāde)* буквально означает «дорога-широкое [растение]». Первый компонент мотивирован местом произрастания; второй же связан с размером подорожника большого – его листья намного шире, чем у других представителей рода [Krischke, 2013, 406–407]. Фитоним перешел в среднеанглийский язык, преобразовавшись в *wei-brēd(e)*; можно предположить, что произошло расширение значения, и данное слово стало обозначать различные виды подорожника [МЕС]. Название сохранилось в современном языке (совр. англ. *waybread*), но является устаревшим и используется крайне редко [Dictionary.com]. Зафиксировано также наименование *great waybrede* (букв. «большой подорожник») [DEPN, 1886, 233] (ср. шв. *wegbreda* [Marzell, 1977, 819]).

В современном немецком языке наиболее распространенные обозначения подорожника – *der Wegerich* (двн. *wegarīh*, свн. *wegerīch*) и *die Wegbreite* (двн. *wegabreita*, свн. *wegebreit(e)*); подорожник большой также может называться *der Große Wegerich* (букв. «большой подорожник»). Первый фитоним образован от существительного *Weg* «дорога»; его второй элемент *-rich* часто входит в состав мужских имен (*Friedrich, Dietrich* и т. д.), по модели которых, очевидно, было образовано и название растения. Слово *Wegbreite* (букв. «дорога-ширина») по своей внутренней форме соответствует совр. англ. *waybread*; однако неясно, происходят

ли эти две номинации от общего источника или они возникли независимо друг от друга [DWDS].

2. Место произрастания, размер, особенности поверхности и структуры.

Еще одно древнеанглийское наименование подорожника большого, помимо упомянутого выше – *smēþe wegbrāde* (букв. «гладкий подорожник»). Данный фитоним можно сравнить с названием подорожника среднего (*Plantago media* L.) – *rūwe wegbrāde* (букв. «волосатый подорожник»). Дополнительной мотивацией для двух этих наименований послужили особенности поверхности: листья и цветоносы подорожника среднего, в отличие от подорожника большого, покрыты небольшими волосками. Вероятно, из-за внешнего сходства двух видов растения между ними часто возникала путаница; для их различения и были добавлены прилагательные *smēþe* и *rūwe* [Krischke, 2013, 375; 382].

3. Форма части растения. В эту группу входит три немецких названия подорожника – *die Schafzunge*, *das Ballenkraut* и *die Zopfballe* [Pritzel, 1882, 292–293]. Первый фитоним буквально переводится как «овца-язык»: с овечьим языком, скорее всего, сравниваются листья подорожника. Близкое по внутренней форме наименование *lōmbes tōnge* (букв. «язык ягненка») отмечено в среднеанглийском языке [MEC] (ср. шв. *fårtunga*, фр. *langue de brebis*, букв. «овечий язык» [Marzell, 1977, 823]). Второй компонент слова *Ballenkraut* можно передать как «трава, травянистое растение»; первый же происходит от *der Ball* в значении «ком, комок; шарик» и присутствует также в фитониме *Zopfballe* (*der Zopf* – «коса»). Соцветия подорожника имеют своеобразную форму: они покрыты плодами, похожими на маленькие шарики, и при общем взгляде кажется, что они будто «сплетены», похожи на косички. Таким образом, фитоним *Ballenkraut* мотивирован формой плодов, а *Zopfballe* – формой соцветий и плодов.

Цилиндрические колосовидные соцветия подорожника переносным способом описаны в англ. *rat-tail* (букв. «крыса-хвост»), или *rat's-tail* (букв. «крысиный хвост») [Иллюстрированный определитель, 2004, 240; DEP, 1886, 398].

4. Форма части растения; форма части растения и размер. В среднеанглийский период в языке появилось два заимствованных фитонима – *plantāgo* и

plantein(e). Они имеют общий источник – лат. *plantago*, образовавшийся от *planta* «подошва ноги». Подорожник был назван таким образом из-за своих плоских листьев: и латинское, и оба английских названия мотивированы признаком формы. Са. *plantāgo* был заимствован напрямую из латыни; *plantein(e)* – из латинского посредством старофранцузского (ст.-фр. *plantain(e)*) [МЕС; Klein, 1971, 566]. В современном английском языке сохранился только второй из этих фитонимов, и восходящее к нему *plantain* сейчас является наиболее употребительным названием подорожника. Часто при этом подразумевается подорожник большой; также этот вид обозначается названием *greater plantain* (букв. «большой подорожник»), в котором указывается и на размер растения [Dictionary.com]. Как и *great waybrede*, данный фитоним, возможно, представляет собой кальку латинского научного обозначения.

5. Использование в народной медицине. Подорожник большой – лекарственное растение; однако единственное его английское обозначение, связанное с целебными свойствами, – *healing blade*, или *healing leaf* («Словарь английских названий растений» помещает два этих названия в одну статью). Буквальный перевод обоих вариантов фитонима – «лечащий лист». Авторы словаря объясняют наименование следующим: считается, что, если положить листья подорожника в чулок, ноги будут меньше натираться при ходьбе [DEPN, 1886, 248–249]. Однако, скорее всего, главная причина появления данного фитонима – лечебное действие, которое оказывают листья подорожника при любых ранах и повреждениях кожи [Иллюстрированный определитель, 2004, 240].

Напротив, в немецких обозначениях подорожника его лекарственное применение упоминается довольно часто. Номинация *das Heilblatt* (от *heilen* «лечить» и *das Blatt* «лист»: «лечащий лист») соответствует англ. *healing blade (leaf)* [Marzell, 1977, 830]. Они вполне могли возникнуть независимо друг от друга, так как обозначают заметное и крайне важное свойство растения. Такую же мотивацию имеют названия *das Wundkraut* (букв. «рана-трава») и *das Sachtblatt* (от диал. *sächten* «облегчать, унимать (напр. боль)»: «лист, унимающий боль»). Диалектный фитоним *Schn(e)itbli(e)tcher*, который в стандартном немецком имел бы вид

das Schneideblättchen, переводится как «листочек [от] пореза» (от *schneiden* «резать, порезаться» и *Blättchen* «листочек») [Marzell, 1977, 830–831].

6. Форма части растения, народные поверья и обычаи. Интересно немецкое наименование *das Glücksmännchen* (букв. «человечек счастья»). Подорожник получил это обозначение благодаря форме корня, который похож на человеческую фигурку, а также поверью о том, что растение приносит удачу [Deutsches Wörterbuch]. Последнее могло возникнуть вследствие хорошо известных лечебных свойств подорожника.

7. Размер. Исключительно размером мотивировано современное английское название *broad leaf* (букв. «широкий лист»). В его основе лежит то же свойство листьев, что и в да. *weg-bræde* [DEPN, 1886, 66].

8. Особенности поверхности и структуры. Немецкое название *das Aderkraut* (букв. «вена-трава», «прожилка-трава») мотивировано особенностью поверхности листьев подорожника: они испещрены жилками, которые могут напоминать кровеносные сосуды [Pritzel, 1882, 292] (ср. рус. *семижилник* [Анненков, 1878, 259]).

Финно-пермские языки

1. Место произрастания. Общепринятое финское название подорожника – *ratamo* (от *rata* «путь, дорога»). К виду *Plantago major* также применяется наименование *piharatamo* (букв. «дворовый подорожник») [НБРФС, 1999, 917]. Первый компонент этого фитонима указывает на то, что подорожник можно встретить повсеместно: не только в какой-либо определенной «дикой» местности (лесу, поле и т. д.), но и рядом с человеком. С местом произрастания связаны еще два менее распространенных финских фитонима: *tieheinä* (букв. «трава [растущая у] дороги») и *tie(n)lehti* (букв. «лист [растущий у] дороги») [Бродский, 2006б, 60] (ср. рус. *подорожник, придорожник, попутник, путник* и т. п. [Анненков, 1878, 259]).

В ингерманландских говорах находим аналогичные номинации *t'ie(n)leht'* (букв. «(при)дорожный лист») и *t'ieheinä* (букв. «(при) дорожная трава»). Согласно предположению Ю. Э. Коппалевой, эти единицы образованы калькированием от русского слова *подорожник* и кальки вытеснили прежние финские названия

[Коппалева, 2007, 190–191]. Несомненно, могло иметь место влияние соседствующих русских говоров, благодаря чему приведенные наименования сохранились до настоящего времени. Однако, на наш взгляд, эти фитонимы все же могут быть исконными. Соответствующие названия *tieheinä* и *tie(n)lehti* существуют в языке на территории Финляндии; кроме того, фитонимы с такой же мотивацией есть в германских языках, причем эти единицы относятся к наиболее древним и могли образоваться отдельно друг от друга. Вероятно, подобные названия подорожника возникали независимо во многих языках, настолько характерным и заметным признаком является его место произрастания. Предположим, что фин. ингерм. *t'ie(n)leht'* и *t'ieheinä* являются частичными кальками: русский фитоним мог «наложиться» на исконный финский, который был сходным по семантической структуре.

В карельском языке подорожник именуется словом *dorogalehti* (букв. «дорожный лист»): первый компонент был, очевидно, заимствован из русского языка [Бродский, 2006б, 60; Liro, 1915, 25]. Место обитания также косвенно обозначается в карел. *rahvaanlehti* (букв. «народный лист»): элемент *rahvaan* «народный» «указывает на то, что подорожник растет близко к дорогам, жилью и потому особенно заметен» [Бродский, 2017, 280–281; Liro, 1915, 25]. Обыкновенное место произрастания подорожника описывается в коми фитониме *туй выв кор* (букв. «поверхность дороги-лист») [Ракин, 1989].

2. Использование в народной медицине. Два названия подорожника в финском языке – *raudanheinä* (букв. «железная трава») и *rautalehti* (букв. «железо-лист») – практически совпадают с обозначением тысячелистника (*rautaheinä*): как и тысячелистник, подорожник является лекарственным растением и традиционно использовался для заживления ран, нанесенных железом [Бродский, 2006б, 80; 137]. Лекарственным применением *Plantago major* мотивированы ингерманландские фитонимы *rautaleht'* (букв. «железо-лист»), *ravvanleht'* (букв. «лист железа»), *raut'ijaisleht'* (букв. «железо-лист»), а также *paineleht'* (от *painaa* «давить, прижимать»: букв. «лист, который прижимают (к ране)»). Второе из этих наименований может быть эллипсисом от слова *ravvanhuavanleht'* (букв. «лист на рану от желе-

за)), которое используется в других финских говорах и других прибалтийско-финских языках. Фитоним *rautijaisleht'*, возможно, образовался под влиянием названия *rautijaiskoivu* («береза бородавчатая», букв. «железо-береза») [Коппалева, 2007, 189]. Стоит отметить, что в обозначении дерева первый компонент указывает не на лекарственные свойства, а на его другую особенность, очевидно, на твердую древесину (древесина этой березы имеет желтовато-белый оттенок, она довольно плотная и тяжелая) [UDEC: Береза бородавчатая].

Лекарственными свойствами подорожника обусловлены следующие карельские названия: *mulčuheinä* (букв. «трава [от] нарыва»), *hääränmul'čukka* (букв. «бычий нарыв»), *majailehtez* (букв. «нарыв-лист (лист от нарыва)») (ср. рус. *чирьевая* [трава] [Анненков, 1878, 259]). К этой группе можно отнести и наименование *lehtiheinä* (букв. «листовая трава»): его можно объяснить тем, что листья – наиболее важная часть данного растения для человека, а важны они именно как лекарственное средство [Бродский, 2017, 277–279; Liro, 1915, 25].

Целебные свойства подорожника находят отражение и в коми языке – в номинациях *пыкӧс* (*пыкес*) *турун* (букв. «трава (от) опухоли») [Бродский, 2006б, 82] и *мамкор* (букв. «материнский лист») [Ракин, 1989]. Первый из этих фитонимов прямо указывает на медицинское применение растения; второй же, вероятно, отсылает к лекарственной ценности его листьев (ср. англ. *motherwort*, букв. «мать-трава» – полынь обыкновенная).

3. Форма части растения; форма части растения и другие признаки. На форму соцветия указывает фин. ингерм. *koiranhäntä* (букв. «собачий хвост») [Коппалева, 2007, 61]; этот фитоним можно сравнить с англ. *rat('s)-tail*. Стебель растения с соцветием по очертаниям напоминают свечу, что отражено в коми названии *сисъ турун* (букв. «свеча-трава») [Бродский, 2006б, 71]. Форма стала признаком номинации и для следующих карельских фитонимов: *kakkara* (букв. «блин»), *kakkaraislehti* (букв. «блинный лист»), *tuakakkara* (букв. «земляной блин»). Во всех этих случаях с блином сравниваются овальные листья подорожника большого [Бродский, 2017, 277–279]. Первый компонент третьего названия указывает также на то, что листья поднимаются очень невысоко над землей

(«другие признаки»). Строение листьев находится в основе коми фитонима *ыжпелькор* (букв. «овечьё ухо-лист») [Ракин, 1989]. Вероятно, этот образ универсален для разных культур, так как похожий фитоним находим во французском языке – *oreilles de cochon* (букв. «свиные уши») [Marzell, 1977, 824]. Оригинальный образ содержится в коми-перм. *шырпыж* (букв. «мышинная лодка») [Материалы для словаря, 2021, 87]: вероятно, лодке уподоблены овальные листья подорожника, которые немного поднимаются и загибаются по краям.

4. Другие признаки. В ингерманландских говорах финского языка и в карельском языке зафиксированы фитонимы с буквальным значением «земляной лист»: *tualeht'* и *tuaalehti* соответственно [Коппалева, 2007, 191; Liro, 1915, 25]. Эти номинации объясняются тем же свойством листьев подорожника, что и первый компонент карел. *tuakakkara* (см. выше).

5. Особенности поверхности и структуры; особенности поверхности и структуры и место произрастания Фин. ингерм. *ruusunleht'* буквально переводится как «лист розы»; связано это с тем, что лист подорожника из-за своих прожилок может напоминать лепесток розы. Той же мотивацией, очевидно, обладает ингерманландское название *hermuleht'*: сейчас оно деэтимологизировано, но первоначально, вероятно, имело значение «нерв-лист» или «нить-лист» (ср. *hermo* «нерв»). Носители говоров также связывают данный фитоним с глаголом *hermuttua* «вышивать», который происходит от лексемы *hermo* [Коппалева, 2007, 63–64]. Напрямую поверхность листьев описывается в коми-перм. *жылатурун* (букв. «жила-трава») [Материалы для словаря, 2021, 49].

В коми языке одно из частотных наименований подорожника – *лапкор*; также оно может обозначать лопух. Название состоит из двух компонентов: второй (*кор*) переводится как «лист»; первый (*лап*) имеет первоначальное значение «свободно висящее, плоское» [КЭСЯ, 1970, 157], и его можно передать как «плоский лист». В номинации *туй дор лапкор* (букв. «край дороги-подорожник (лопух)») [Ракин, 2006] добавляется и характеристика по месту произрастания.

6. Использование в пищу животными. Коми наименование *poršnapu* (букв. «свиной хлебушек») [Ракин, 1989], вероятно, указывает на то, что подорожник любят поедать домашние животные.

7. Народные поверья и обычаи. Коми-перм. *аканьлис(т)* переводится как «кукольный лист» [Материалы для словаря 2021, 38]. Можно предположить, что в этом названии «зашифрована» детская игра, в которой из подорожника мастерятся куколки; однако эта версия требует уточнения. В Коми-русском словаре находим сочетание *акань чунь* «повязка на пальце» [Коми-русский словарь, 2000, 22]; это может указывать на связь фитонима с лечебным применением растения.

Семантическая структура фитонимов

Многие германские и финно-пермские наименования *Plantago major* обладают общей чертой – в их состав входит компонент «дорога» («дорожный»). Это сходство между двумя системами народной номинации наиболее заметно; оно обусловлено тем, что растение повсеместно распространено и имеет крайне типичные места обитания. В собранных финно-пермских фитонимах данный признак проявляется несколько более разнообразно, чем в германских. Место произрастания в первых может быть обозначено не только с помощью слова «дорога» и т. п., но и через прилагательные «дворовый» и «народный».

В двух языковых группах очень похожим образом описывается поверхность листьев подорожника: «вена(прожилка)-трава» в немецком и «жила-трава» в коми (в ингерманландских говорах также отмечено сравнение с нервом или нитью). Универсальным для разных языков кажется уподобление соцветия подорожника хвосту («крысиный хвост» в английском и «собачий хвост» в ингерманландских говорах).

В обеих фитонимических системах очень важную роль играет описание лекарственных свойств *Plantago major*, но представлены эти свойства по-разному. В финских названиях значимыми компонентами являются слова «железо», «железный». Таким образом растение представляется как средство от ран, нанесенных железом, и это, по всей видимости, говорит об его особом значении в традиции и символике. Интересен коми фитоним с буквальным значением «материнский

лист», в котором, очевидно, содержится намек на ценность, незаменимость подорожника для народной медицины. При характеристике лечебного действия подорожника в финно-пермском материале несколько раз применяется компонент «нарыв», а германские номинации образованы от слов «рана», «порезаться», «лечить», «унимать (боль)».

Для «изображения» соцветия *Plantago major* используются следующие слова и фразы (помимо упомянутых выше): в германских языках – «комоч, шарик», «коса»; в финно-пермских – «свеча». Лист подорожника в германском материале отождествляется с овечьим языком, а в финно-пермском – с овечьим ухом, блином и «мышинной лодкой». Форма корня и народное поверье обусловили возникновение немецкого фитонима «человечек счастья»; второй из этих признаков, возможно, лежит в основе коми-пермяцкой номинации «кукольный лист».

В германских названиях *Plantago major* иногда фигурирует признак размера, который выражается при помощи компонентов «широкий», «ширина», «большой». Некоторые из таких названий входят в наиболее употребительные в современных английском и немецком языках; напротив, в финно-пермском материале размер растения не упоминается. Возможное объяснение такого различия – контакты германских стран с латинской ученой традицией. Наименования с буквальным переводом «большой подорожник» определенно могут быть кальками латинского видового обозначения; оно могло повлиять и на другие фитонимы, мотивированные размером. Особенность, отмечаемая только в финно-пермских языках – нахождение листьев подорожника невысоко от земли (компонент «земля», «земляной»).

2.12. *Polygonum aviculare* L. (спорыш птичий, или горец птичий)

Рис. 28, 29. Спорыш птичий¹⁷

Рис. 30. Семена спорыша птичьего¹⁸

Германские языки

1. Форма части растения; форма части растения и использование в пищу животными. Общепринятые современные названия спорыша птичьего – англ. *knotgrass* (букв. «узел-трава») и нем. *der Knöterich* (от *der Knoten*, свн. *knote*

¹⁷ Плантиум: *Polygonum aviculare* L. – URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/552885.html> (дата обращения: 29.01.2024).

Плантиум: *Polygonum aviculare* L. – URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/670686.html> (дата обращения: 29.01.2024).

¹⁸ iNaturalist: Горец птичий. – URL: <https://www.inaturalist.org/observations/6702944> (дата обращения: 29.01.2024).

«узел») – мотивированы тем, что его стебель состоит из множества частей, разделенных узелками [Dictionary.com; DWDS; Kluge, 2011, 508]. Эта же особенность лежит в основе английского фитонима *ninety-knot* (букв. «девяносто-узел») [DEPN, 1886, 600] («девяносто» здесь имеет значение «очень много»). Если нем. *Knöterich* относится к роду Спорыш в целом, то наименование *der Vogel-Knöterich* (букв. «птица-спорыш») является видовым. Помимо узловатого стебля, оно указывает на то, что семена растения охотно едят птицы [Marzell, 1977, 901–902]. Это наименование могло быть калькировано из латыни: по одной из версий этимологии названия *Polygonum aviculare*, буквально оно означает «многоколенник птичий» [Вакар, 1964, 220; Светличная, 2003, 187]. Калькированными, вероятно, являются и другие подобные номинации в европейских языках (ср. англ. *bird's knot-grass*, букв. «птичий спорыш»; шв. *fogelört*, фр. *erb` à l`oji* [*herbe à l`oiseau*], букв. «птичья трава» [DEPN, 1886, 600]).

Английские наименования *centinode* и *sparrow-tongue* [DEPN, 1886, 600] возникли в среднеанглийский период (ср. *centinodie*, ср. *sparwe(s) tonge*). Первый фитоним является заимствованием из средневековой латыни (*centinodia*, *-ium*, от *centum* «сто» и *nodus* «узел»: «сто узлов») и изначально мотивирован уже упомянутым свойством стебля [МЕС; Logeion; Prior, 1863, 42]. В основе второго названия (букв. «воробей-язык», «воробьиный язык») также лежит признак формы, но не стебля, а листьев. Аналогичные фитонимы отмечаются и в других европейских языках (напр., нем. *das Spatzenzünglin*, букв. «воробьиный язычок») и, вероятно, представляют собой перевод ср.-лат. *lingua passerina* [Marzell, 1977, 900].

Довольно много немецких названий мотивировано формой стебля горца птичьего, но другой особенностью, чем в фитониме *Vogelknöterich*. Стебли этого растения лежат на земле и широко распространяются, «расползаются» по ней. Так, фитонимы *das Dengras*, *das Dännegras* происходят от глагола (*sich*) *dehnen* «растягиваться, тянуться», а наименование *das Zerrgras* – от *zerren* «дергать (в разные стороны), тянуть, растягивать» (растение как бы «растянуто» по земле) [Marzell, 1977, 896–897].

2. Использование в пищу животными. Древнеанглийский фитоним *swīnes-gærs* (букв. «свиная трава») объясняется тем, что растение поедают свиньи, и это название сохранилось в языке до настоящего времени (са. *swynys grees*, совр. англ. *swine's grass*) [Bosworth Toller's Anglo-Saxon Dictionary online; Krischke, 2013, 395; Marzell, 1977, 901]. Аналогичная номинация есть и в современном немецком языке (*das Schweinegras*, букв. «свиньи-трава») [Marzell, 1977, 900]. Об универсальности такого наименования свидетельствуют также фитонимы в других языках: рус. *свиной буркун*, *свинуха* [Анненков, 1878, 263], шв. *svingräs*, фр. *herbe de cochon*) [Marzell, 1977, 901].

3. Форма части растения, особенности поверхности и структуры. Стелющейся формой и мощностью стебля обусловлено то, что от спорыша птичьего трудно освобождать поля; об этом можно судить по английским фитонимам *cumberfield* и *man-tie* [Plant-Lore]. Первое название переводится как «помеха (препятствие)-поле» (растение является помехой при обрабатывании полей). Второй компонент обозначения *man-tie*, вероятно, представляет собой глагол *to tie* «сковывать, препятствовать»; фитоним верно было бы передать как «препятствие [для] человека». В одном из источников данное название объясняется тем, что спорыш «мешает людям косить» [Plant-Lore] (очевидно, речь идет о сборе урожая зерновых).

4. Особенности поверхности и структуры. Английское название *armstrong* (от *arm* «рука» и *strong* «сильный»: «сильная рука») свидетельствует о мощности стебля, из-за чего растение сложно вырвать из земли [DEPN, 1886, 16].

5. Низкая ценность растения; форма части растения и низкая ценность растения. В некоторых германских наименованиях *Polygonum aviculare* характеризуется как сорняк, не несущий никакой пользы и даже наносящий вред. Англ. *beggar-weed* (букв. «нищий (попрошайка)-сорняк») применяется к растениям, произрастание которых на земле свидетельствует о ее бедности, неплодородности. Такое название может заключать и следующий смысл: сорняк (в данном случае *Polygonum aviculare*) является настолько злостным, что обедняет почву [DEPN, 1886, 33]; в таком случае еще один его возможный перевод – «сорняк,

обедняющий почву». В англ. *wireweed* (букв. «провода-сорняк»), помимо низкой ценности, содержится признак формы (стебель спорыша лежащий и ветвистый, чем напоминает проволоку) [DEPN, 1886, 600; Иллюстрированный определитель, 2003, 49].

6. Место произрастания. Зафиксировано два древнеанглийских названия спорыша птичьего: *unfortredde* и *swīnes-gærs* (см. 2. Использование в пищу животными). Первое из них образовано с помощью отрицательного префикса *un-* и глагола *fortredan* «наступать (на что-л.)»; фитоним можно перевести как «[растение], которое невозможно затоптать», так как спорыш птичий можно встретить на исхоженных тропях [Bosworth Toller's Anglo-Saxon Dictionary online]. В современном английском языке названий *Polygonum aviculare* с данной мотивацией не обнаружено. Напротив, в немецком наибольшее количество народных обозначений горца птичьего мотивировано тем, что он может расти на дорогах, особенно протоптанных. Например, фитоним *der Unvertritt* образован от снн. *vortreden* «растоптать, затоптать»; он аналогичен да. *unfortredde* и также может быть переведен как «[растение], которое невозможно затоптать» (ср. рус. *монтун* [Анненков, 1878, 263]). Еще одно название, которое указывает на эту особенность и существует во множестве диалектных вариантов – *der Wegetritt* (двн. *wegetreta*) [Marzell, 1977, 892–895; Deutsches Wörterbuch]. Оно образовалось от слов *der Weg* «дорога» и *treten* «ступать»; внутреннюю форму можно описательно передать как «[трава], растущая на дороге, по которой ступают» (ср. шв. *vägegräs*, букв. «дорожная трава», *tramp(e)gräs*, букв. «трава, на которую ступают» [Marzell, 1977, 893]).

7. Использование в народной медицине. В некоторых немецких фитонимах отражены лекарственные свойства спорыша птичьего и его применение в народной медицине. К ним относится название *das Bluetstillakraut* (букв. «трава, останавливающая кровь»): уже в античных источниках, как и в немецких травниках XVI в., спорыш упоминался в качестве кровоостанавливающего средства. Однако в настоящее время горец не очень известен в этой роли, в отличие, например, от тысячелистника; причиной этого может быть то, что второй легче найти и узнать по характерному внешнему виду [Marzell, 1977, 903; Allen, 2004, 95]. Рус-

ский фитоним *уразная трава*, упоминавшийся в разделе про зверобой – также лекарственное растение, – мог применяться и к спорышу [Анненков, 1878, 263]. Номинация *das Cholerakraut* (букв. «холера-трава») также имеет подтверждение в древних источниках: о таком применении растения писал древнегреческий врач и фармаколог Диоскорид в своем труде “*De material medica*” [Marzell, 1977, 903; Ботанико-фармакогностический словарь, 1990, 266]. Но все же можно спорить о том, соответствует ли данное название реальному лекарственному действию *Polygonum aviculare*. Напротив, использование спорыша против болезней легких (*das Lungenkraut*, букв. «легкие-трава») кажется обоснованным вследствие содержания в растении кремниевой кислоты [Marzell, 1977, 903; Пастушенков, 2012, 64].

8. Цвет. Как видно из перечисленных примеров, обозначения спорыша птичьего мотивированы преимущественно внешним видом стебля; одно из исключений – *crab-grass* (букв. «краб-трава»). Признаком номинации в этом фитониме стал оттенок цветков, которые могут быть розовыми [DEPN, 1886, 600; Иллюстрированный определитель, 2003, 49].

Финно-пермские языки

1. Форма части растения. Первый компонент фин. *maa-nurmi* (букв. «земля-трава») описывает не место обитания, а форму стебля, который стелется по земле, поднимается невысоко от нее. Финские наименования *jäsenheinä* (букв. «сустав-трава») и *hanhenpolvi* (букв. «гусиное колено») мотивированы тем же признаком, что, например, англ. *knotgrass*: с суставом сравниваются соединения частей стебля [Suhonen, 1936, 278–279; Коппалева, 2007, 60–61].

В коми языке спорышу птичьему соответствует фитоним *змеевка* (от *змея* «змея») [Ракин, 1989], который мотивирован формой стебля. Возможно, он является русским заимствованием: точно соответствующего названия в русском языке не обнаружено, хотя подобные фитонимы обозначают горец змеиный (рус. *змеевик*, *змеинник* и т. д.) [Анненков, 1878, 263–264]. В целом подобные наименования (как в финно-пермских, так и в германских языках) более свойственны горцу змеиному и объясняются изогнутым корнем, характерным для этого вида (коми *змея турун*, букв. «змея-трава», «змеиная трава») [Marzell, 1977, 907; Ракин, 2006].

2. Использование в народной медицине; использование в народной медицине и форма части растения. И. В. Бродский упоминает фитоним *hevosenpolvheinä* (букв. «трава лошадиного колена») и объясняет его тем, что трава «использовалась наружно для лечения хирургических болезней лошадей» [Бродский, 2006б, 80]. Конечно же, растение могло использоваться таким образом; но существование названий *jäsenheinä* и *hanhenpolvi* позволяет предположить, что и данная номинация хотя бы частично основана на признаке формы. Возможно, подобное медицинское применение стало следствием внешнего вида стебля (ср. англ. *throatwort* «колокольчик», букв. «горло-трава»).

О лекарственных свойствах растения, без сомнения, свидетельствует финская номинация *kusinurmi* (букв. «моча-трава»): растение обладает мочегонным действием, а также применяется при заболеваниях мочевыводящих путей [Suhonen, 1936, 278–279; Пастушенков, 2012, 64].

Первый компонент коми-пермяцкого названия *камтурун* – *кам* – имеет значение «сильный, крепкий человек», *турун* – «трава» [КПРС, 1985, 164; 495]. В «Материалах для словаря коми-пермяцких названий растений» фитоним сопровождается следующим контекстом (перевод на русский): «В Ёгве и в Батино старую (старинную) болезнь называют «кампыкӧс», а лечат, мол, ее спорышем» [Материалы для словаря, 2021, 53–54] (коми-перм. *пыкӧс* означает «опухоль» [КПРС, 1985, 389]). Фитоним может объясняться тем, что, по традиционному представлению, растение исцеляет, придает сил и здоровья (справочник лекарственных растений действительно перечисляет множество применений спорыша) [Пастушенков, 2012, 64]. Наименование основано на медицинском использовании растения.

3. Место произрастания; место произрастания и общее внешнее сходство с другим растением. В финском языке, в отличие от германских (особенно английского), часто упоминается место произрастания спорыша птичьего. В большое количество фитонимов входит компонент *piha* «двор»; одно из содержащих его названий – *pihatatar* (букв. «двор-горец») – является общеупотребительным [Suhonen, 1936, 279; НБРФС, 1999, 206] (см. тж. *tatar* в 5. Цвет и форма части

растения). Подобные фитонимы можно сопоставить с нем. *Wegetritt* и т. п.: в них также обозначена способность спорыша расти в искоженных местах и рядом с человеком. Реже отмечается обитание растения в поле, например, в фин. *pellon kanerva* (букв. «полевой вереск»). Спорыш может уподобляться вереску из-за того, что оба растения имеют ветвящийся стебель, мелкие листья и розоватые цветки, хотя общий облик этих видов все же довольно сильно различается [Suhonen, 1936, 279; Иллюстрированный определитель, 2004, 20].

Одно из коми-пермяцких названий *Polygonum aviculare* – *луд* (букв. «лужайка», «поляна», пастбище») [Материалы для словаря, 2021, 61]. Эта номинация нетипична для обозначения растения, так как не содержит слова «трава» или другого уточняющего компонента. Но, надо полагать, мотивацией здесь стало то, что горец действительно встречается на полях и пастбищах, толстым слоем покрывая землю.

Отличное от всех предыдущих место обитания указывается в карел. *vesiheinä* (букв. «вода-трава») [Liro, 1915, 25]. Этот фитоним намного более характерен для звездчатки средней (*Stellaria media* L.) – вида, типичного для сырых участков. Но, судя по определителю, спорыш птичий можно увидеть в том числе на берегах водоемов; поэтому данная номинация вряд ли может быть следствием ошибки и переноса названия с одного объекта на другой [Иллюстрированный определитель, 2003, 49].

4. Вкус. Финские номинации *sinappiheinä* (букв. «горчица-трава») и *suolaruoho* (букв. «соль-трава») [Suhonen, 1936, 279], очевидно, связаны со вкусом растения. Компонент *suola* может обозначать не только соленый, но и другой сильный характерный вкус: например, название *suolaruoho* может также относиться к кислому щавелю [Бродский, 2006б, 72]. В карельском языке отмечен фитоним *šuoलाhein'äkukka*, которое переводится как «щавель-цветок» (*šuoलाhein'ä* – «щавель», букв. «соль-трава»). Его определение – «горец змеиный» (*Polygonum bistorta*) [СКЯ (твер.), 1994, 280]; но, вероятно, он может относиться и к горцу птичьему, то же свойство которого отмечено в финском языке. Должно быть, на вкус горец подобен щавелю, на что указывают финское и карельское наименования.

5. Цвет и форма части растения. Финское название рода *Polygonum* (Спорыш) – *tatar*; это слово родственно фитониму *tattari* «гречиха», который, к тому же, может обозначать некоторые другие виды спорыша [SSA, 2000, 275; Suhonen, 1936, 280]. Очевидно, наименование гречихи было перенесено и на спорыш, относящийся к семейству гречишных, и причиной этого мог стать внешний вид плодов последнего, которые формой и цветом очень похожи на плоды гречихи. Интерес представляет также этимология слова *tattari*: оно является германским заимствованием (шв. *tattra* «гречиха», нем. *Tat(t)er-*, *Tadderhorn* «тж.»); первоисточником же германских наименований являются славянские языки (чеш., польск. *tatarka*, рус. *татарка* «гречиха»). Все эти единицы родственны рус. *татарин*, фин. *tattari*, *tataari* «татарин» (немецкие фитонимы имеют буквальное значение «татарское зерно») и указывают на то, что гречиха была завезена в европейские страны из Азии [SSA, 2000, 275; Фасмер, 1987, 27].

6. Цвет. Одно из обнаруженных коми-пермяцких названий горца птичьего – *бельтурун* [Материалы для словаря, 2021, 38]. Компонент *бель* отсутствует в словарях в самостоятельном виде; однако родственные слова (например, *белой* «белый») и внешний вид растения позволяют установить, что в фитониме обозначена окраска цветков (букв. «белая трава»). Они могут быть белыми или розовыми, и второй случай описан в англ. *crab-grass* [Иллюстрированный определитель, 2004, 20].

7. Использование в пищу животными; низкая ценность растения. Финское обозначение *vareksenlaiho* (букв. «вороний посев», «вороньи всходы») [Suhonen, 1936, 279] мотивировано тем, что семена спорыша поедают птицы (ср. нем. *Vogelknöterich*, англ. *bird's knot-grass*; рус. *галочья гречиха* [Анненков, 1878, 263]). Кроме того, в финском названии подчеркивается неполноценность этого сорняка по сравнению с настоящими посевами, пригодными для человека.

Семантическая структура фитонимов

В обеих группах языков есть фитонимы, описывающие узнаваемую особенность стебля *Polygonum aviculare* – его разделенность на части. В английском и немецком эта черта выражается с помощью очень частотного компонента «узел»; в финно-пермских номинациях встречается более редкие элементы «сустав» и

«колени». Другое свойство стебля спорыша заключается в том, что он стелется по земле. Отсылающие к этому германские названия сравнивают стебель с проволокой или образованы от глаголов «тянуть(ся), растягивать(ся)»; в финском языке такую же роль может выполнять компонент «земля». Два английских фитонима включают слова «помеха», «препятствовать»; эти единицы характеризуют не только форму стебля, но и его мощь.

Древнеанглийский и многие современные немецкие фитонимы образованы от глаголов «(на)ступать (на что-л.)», «затоптать». Они отсылают к живучести растения, к его обитанию на исхоженных тропах. В финно-пермских языках места обитания *Polygonum aviculare* описываются более прямым способом, чем в германских – с помощью слов «двор», «полевой», «вода».

В довольно большом количестве германских фитонимов упоминается поедание спорыша птицами (компонент «птица (птичий)»; здесь может сказываться латинское влияние). В финно-пермском материале найдена лишь одна подобная единица – «вороний посев (всходы)». Но в данном случае, в отличие от германских номинаций типа «птичий спорыш», на первый план выходит бесполезность этого сорняка, который с некоторой иронией сравнивается с настоящими посевами. В английском и немецком также отмечается, что растение едят свиньи («свиная трава»); бесполезность и даже вредность спорыша выражается посредством существительных «нищий» и «сорняк».

Несколько германских и финно-пермских фитонимов отсылают к лекарственному применению *Polygonum aviculare*. И первые, и вторые называют части организма и болезнь, на которые направлено (предполагаемое) действие растения («легкие», «моча», «холера»). Кроме того, одна коми-пермяцкая номинация содержит компонент «сильный, крепкий человек», который, вероятно, указывает на результат применения растения, на его лекарственную ценность в целом.

Финно-пермские языки, в отличие от германских, обращают внимание на вкус спорыша; в таких номинациях мы видим сравнение с горчицей, солью и щавелем.

2.13. *Ranunculus L.* (лютик), *Ranunculus acris L.* (лютик едкий)

Рис. 31, 32. Лютик едкий¹⁹

Германские языки

1. Цвет и форма части растения; цвет, форма части растения, особенности поверхности и структуры. Наибольшее число германских обозначений лютика (и его типового вида – лютика едкого) мотивированы окраской цветков; иногда к этой характеристике добавляется признак формы. Такое сочетание свойственно английскому языку: *buttercup* (букв. «масло-чашка»; общепринятое название), *gold(en) cup* (букв. «золотая чашка»), *yellow cups* (букв. «желтые чашки») [Cambridge Dictionary; DEP, 1886, 604] (ср. рус. *желтый цвет*, *желтушка* [Колосова, 2009, 180]). Кроме того, в англ. *buttercup* может скрываться отсылка на блестящую поверхность цветка (см. тж. 2. Особенности поверхности и структуры). Ср. подобные названия в шведском и французском языках: шв. *smörblomma* и фр. *fleur au beurre* (букв. «масло-цветок») [Marzell, 1977, 1225]; шв. *gullskålar* (букв. «желтые чашки») и фр. *gobelet d`or* (букв. «золотой кубок») [Marzell, 1977, 1229].

¹⁹ Плантариум: *Ranunculus acris L.* – URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/750985.html> (дата обращения: 29.01.2024).

Плантариум: *Ranunculus acris L.* – URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/1081.html> (дата обращения: 29.01.2024).

Немецкий фитоним *die gelbe Herzblume* (букв. «желтый сердце-цветок») мотивирован цветом, а также, возможно, формой центральной части цветка [IWP, 1872, 192]. Нем. *die Glitzerpfann(e)* (букв. «блеск-сковорода», т. е. «блестящая сковорода») (а также многочисленные региональные варианты) отсылает к окраске, блестящей поверхности и форме цветка – плоской и круглой [Marzell, 1977, 1224; 1228].

2. Особенности поверхности и структуры. К этой группе относятся немецкие фитонимы, так или иначе несущие в себе значение «блеска»: *die Schmalzblume* (букв. «топленое сало-цветок»), *die Schmeerblume* (букв. «жир-цветок»), *das Spiegelblümchen* (букв. «зеркало-цветочек») [IWP, 1872, 192]. Лепестки лютика будто «лоснятся», отливают блеском, что и послужило основой для подобных образов.

3. Цвет, размер, особенности поверхности и структуры. Три признака номинации сочетаются в немецком фитониме *die kleine Butterblume* (букв. «маленький масло-цветок») [IWP, 1872, 192].

4. Форма части растения. «Стандартное» название лютика в английском (наряду с *buttercup*) – *crowfoot* (букв. «ворона-лапа»), а в немецком – *der Hahnenfuß* (букв. «петушиная лапа (ступня)'). Оба этих фитонима основаны на форме листьев растения и имеют древнюю историю [Dictionary.com; DWDS].

Древнеанглийское название лютика – *hræfnes fōt* (букв. «лапа (ступня) ворона»). Изначально данный фитоним относился только к видам лютика, имеющим листья, разделенные на несколько частей, и таким образом по своей форме напоминавшим воронью лапу (в их числе и лютик едкий). Однако затем произошло расширение значения, и название стало обозначать род в целом [Krischke, 2013, 337]. В среднеанглийском языке возник новый фитоним *crowe(s) fot (fet)* (букв. «лапа (лапы) вороны»); вероятно, он не восходит к древнеанглийскому названию, хотя и близок ему по внутренней форме. От данной номинации, по-видимому, происходит совр. англ. *crowfoot*. Зафиксировано также среднеанглийское название *rams-fōt (rammesfot, ramfot)* (букв. «ступня барана») – вероятно, оно отсылает к той же особенности листьев, что и предыдущие фитонимы [MEC]. Форма листьев

лютика отражена и в нем. *der Hahnenfuß* (двн. *hanafuoz*, *hanenfuoz*, свн. *hane(n)vuoz*) [DWDS] (ср. рус. *петушья нога* [Колосова, 2009, 181]).

В немецком языке отмечены и некоторые другие близкие фитонимы, например, *der Hahnentritt* (букв. «петушинный шаг»): по объяснению Г. Марцелла, листья лютика напоминают след петуха, отпечатанный на влажной земле [Marzell, 1977, 1222]. Диалектная номинация *Krahenfuess*, которая в стандартном немецком приняла бы вид *der Krähenfuß* (букв. «воронья лапа»), по внутренней форме практически совпадает с англ. *crowfoot*. Соответствие этим единицам есть по крайней мере еще в одном германском языке (дат. *kragefod*); зафиксировано также близкое итальянское название *pè di nibbio* (букв. «лапа коршуна») [Marzell, 1977, 1223–1224]. На наш взгляд, присутствие данного образа в разных языках свидетельствует об его универсальности: внешний вид листьев вполне мог напомнить птичью лапу или след многим народам независимо друг от друга.

5. Форма части растения и место произрастания. В англ. *upright meadow crowfoot* (букв. «прямой луговой лютик») [IWP, 1872, 192] содержатся уточнения, показывающие, что речь идет именно о конкретном виде лютика. Помимо формы листьев, в названии отражены прямая форма стебля и место произрастания.

6. Ядовитость или вредные свойства растения; ядовитость или вредные свойства растения и форма. *Ranunculus acris* и близкие виды содержат анемонол – ядовитое вещество, которое сильно раздражает кожу и оставляет на ней покраснения и волдыри. Несмотря на столь важный признак, как ядовитые свойства, отмечается эта черта лишь в немецких фитонимах, а в английских отсутствует.

Данная особенность проявляется в нем. *Zenger* и довольно большом числе родственных номинаций. Они восходят к *Zenger* «жгучая боль; вызывающее такую боль» [Marzell, 1977, 1229–1230]. На опасность растения указывает нем. *Roßdout [-tod]* (букв. «конь-смерть»: «лошадиная смерть»). Известно несколько близких французских названий (например, *mort-cheval*), что позволяет предполагать возникновение немецкого фитонима путем калькирования [Marzell, 1977, 1231].

Нем. *Hahnenfuß* (см. 4. Форма части растения) выступает как видовым, так и родовым наименованием; напротив, фитоним *der scharfe Hahnenfuß* (букв. «едкий лютик») обозначает именно *Ranunculus acris*. Он может быть частичной калькой с латинского названия или же быть самостоятельно мотивированным ядовитыми свойствами. Разъедающее действие растения, вероятно, лежит и в основе номинации *das Brennkraut* (от *brennen* «гореть, жечь» и *das Kraut* «травянистое растение»; букв. «жгучая трава») [DWDS; IWP, 1872, 192]. Еще одно «уточняющее» видовое наименование – *der brennende Hahnenfuß* (букв. «жгучий лютик») [Marzell, 1977, 1222].

7. Использование в народной медицине. Ядовитое вещество, содержащееся в лютике едком, распадается при высушивании растения [Marzell, 1977, 1229], что, по всей видимости, позволяет использовать его в лечебных целях. Немецкий диалектный фитоним *Flußkrok [-kraut]* имеет буквальное значение «ревматическая боль-трава» (диал. *Flüsse* «ревматические боли»). Для избавления от этого состояния раздавленные листья лютика накладывают на кожу и держат до появления волдырей. Корень растения традиционно использовался против зубной боли, что отражено в номинации *Zahnwurzn* (букв. «зуб-корень»): это применение сходно с использованием горчичного пластыря как «отвлекающего» средства [Marzell, 1977, 1231].

8. Время произрастания или цветения. Первая часть немецкого фитонима *die Pfingstblume* происходит от слова *Pfingsten* «Троица (праздник)». Название можно передать как «Троицын цветок», и оно указывает на раннее время цветения лютика (ср. нид. *pinksterbloem* «Троицын цветок»; шв. *maiblomster*, букв. «майский цветок» [Marzell, 1977, 1231]).

Финно-пермские языки

1. Цвет; цвет и размер. Одно из самых «популярных» финских названий лютика – *keltakukka* (букв. «желтый цветок»); в этой же форме оно отмечено в ингерманландских говорах [Lönnrot, 1866, 388; Suhonen, 1936, 301; Коппалева, 2007, 173]. Аналогичный фитоним *keldakukka* используется в карельском языке [СКЯ (твер.), 1994, 93]. Такое наименование может относиться ко множеству желтых

цветов (также, например, к одуванчику); чуть менее широким кругом возможных значений обладает фин. *pieni keltakukka* (букв. «маленький желтый цветок») [Suhonen, 1936, 302].

2. Цвет и особенности поверхности и структуры. В финском языке, его ингерманландских говорах и карельском языке существует фитоним *voikukka* (букв. «масло-цветок») [Suhonen, 1936, 303; Коппалева, 2007, 173–175; СКЯ (твер.), 1994, 341]. Вероятно, в основе данных наименований лежит тот же образ, что и, например, в нем. *kleine Butterblume*: желтые и блестящие цветки уподобляются маслу.

3. Цвет и форма части растения; цвет, форма и место произрастания; цвет, форма и использование в народной медицине. Вторая часть коми *виж больö* [Ракин, 1989] также представляет собой фитоним; в целом название может быть переведено как «желтая кубышка». Вероятно, лютик уподобляется кубышке из-за окраски и формы цветков. При этом сложно сказать, почему желтый цвет упоминается дважды: обычно в подобных фитонимах первый компонент выражает признак, отличающий номинируемое растение от того, с которым оно сравнивается.

Еще в два коми обозначения лютика едкого входит фитоним *купальница* «купальница европейская»: эти растения имеют желтые цветки схожей формы. Фитоним *му выв купальница* (букв. «поверхность земли-купальница») [Ракин, 2006], помимо цвета и формы, мотивирован местом обитания: лютик, в отличие от купальницы, растет на суше. Название *пывсян купальница* (букв. «баня-купальница», «банная купальница») [Ракин, 2006] может быть связано с лекарственным использованием лютика (ср. фин. *leinikki*); но эта мотивация все же нуждается в уточнении.

4. Цвет и неясная мотивация. Буквальное значение коми фитонима *веж балюк* [Ракин, 1989] – «желтый барашек». Неясно, по какой причине использован второй компонент; возможно, это общее обозначение цветков похожей формы, или же сердцевина цветка похожа на пушистую шерсть барашка.

5. Использование в народной медицине. В некоторые финские наименования *Ranunculus acris* входят компоненты *leini* «подагра, ревматизм» и *luivalo*

«подагра». Таковы литературный фитоним *leinikki* (от «подагра, ревматизм») [НБРФС, 1999, 521] и народные *leinikukka* (букв. «подагра (ревматизм)-цветок»), *luuvaloheinä* (букв. «подагра-трава») [Lönnrot, 1866, 388; Suhonen, 1936, 302]. В ингерманландских говорах зафиксирован деэтимологизированный фитоним *luuvvelo* (от *luuvalo*) [Коппалева, 2007, 73], а в карельском языке – *leinikki* [PKC, 2015, 156]. Эти номинации основаны на роли лютика в народной медицине: измельченное растение использовалось для приготовления ванн при подагре [SSA, 1995, 60].

Лечебным использованием лютика мотивировано и ингерманландское название *luu(n)kivistösheinä* (букв. «трава от ломоты костей»): при заболеваниях суставов эти растения на некоторое время привязывали к рукам и ногам [Коппалева, 2007, 175]. Еще одно «направление» в медицинском применении *Ranunculus acris* проявляется в карел. *kriisiheinä*, *griisiheinä* (букв. «грыжа-трава») [ССКГК, 2009, 235].

6. Ядовитость или вредные свойства растения; ядовитость и цвет. Очень частотный компонент в финских обозначениях *Ranunculus acris* – *tuli* «огонь». Один из фитонимов, в котором он содержится, – *tulikukka* (букв. «огонь-цветок») [Lönnrot, 1866, 388; Suhonen, 1936, 302]; мотивацией здесь, вероятно, являются ядовитые свойства растения (ср. нем. *das Brennkraut*).

Лечебное действие, на которое ссылается фин. ингерм. *luu(n)kivistösheinä* (см. 5. Использование в народной медицине), возможно благодаря едкости растения. Но при слишком длительном контакте с кожей может возникнуть чесотка, о чем свидетельствует ингерманландский фитоним *karstakukka* (букв. «чесотка-цветок») [Коппалева, 2007, 175]. В довольно распространенном финском названии *keltainen myrkkukukkainen* (букв. «желтый яд-цветочек») [Suhonen, 1936, 301], помимо опасности лютика (ср. рус. *лютик*, *лютый цвет* [Колосова, 2009, 183]), отмечается его окраска. Коми-перм. *куручакулан* (букв. «куриная смерть») указывает на сильную ядовитость растения для животных [Материалы для словаря, 2021, 59]. Возможно, этот фитоним представляет собой кальку с русского обозначения лютика *куриная слепота* [Анненков, 1878, 290].

7. Вкус. В двух названиях лютика едкого – фин., фин. ингерм. *sätkäkukka* (букв. «папироска-цветок») и фин. ингерм. *tupakkakukka* (букв. «табак-цветок») – признаком номинации стали вкусовые свойства, а именно наличие у растения горького сока [Коппалева, 2007, 173–175; 68–69; Suhonen, 1936, 302] (ср. рус. *горчица*, *горькуха* [Колосова, 2009, 181]).

8. Время произрастания или цветения; время произрастания или цветения и вкус. Лютик цветет на Иванов день, что находит отражение в фин. *Juhannuskukka* (букв. «Иванов день-цветок») и карел. *iivananheiny* (букв. «Иванова трава») (ср. рус. *Иванова трава* [Колосова, 2009, 184]). В карельском наименовании лютика едкого *kargei-iivananheiny* (букв. «горькая Иванова трава») проявляется также признак вкуса [Suhonen, 1936, 301; БРКС, 2011, 150]. Финский фитоним *Juhannuskukka* и его варианты могут обозначать и другие растения, цветущие в это время [Коппалева, 2007, 67] (ср. *Juhanneskukka* «зверобой продырявленный»). Интересно сравнить эти наименования с нем. *Pfingstblume* (см. выше): финно-пермские номинации упоминают более поздний период, что можно объяснить более суровым климатом.

9. Место произрастания; место произрастания и использование в народной медицине. Лютик встречается в сырых местах, где собирается ржавчина; этим, вероятно, обусловлена финская номинация *ruostekukka* (букв. «ржавчина-цветок») [Бродский, 2006б, 137; Коппалева, 2007, 66]. Если этот фитоним может допускать различные трактовки, то в другом признаке места выражен однозначно: например, карел. *niittyleinikki* (букв. «луговой лютик») [РКС, 2015, 156] (второй компонент указывает на лекарственное применение).

10. Форма части растения. Форма цветков лютика стала основанием для финских обозначений *pikariheinä* (букв. «рюмка-трава»; ср. англ. *buttercup(s)* и т. д.) и *harakanhattu* (букв. «сорочья шапка») [Lönnrot, 1866, 388; Suhonen, 1936, 301].

11. Низкая ценность растения. Довольно распространенное финское название *harakankukka* (букв. «сорочий цветок») [Suhonen, 1936, 301], возможно, образовалось под влиянием *harakanhattu*. Но в первом названии отсутствует (по крайней мере, явно) признак формы. Можно предположить, что в настоящее время

мя фитоним связывается с низкой ценностью растения; однако это необходимо уточнить, так как у лютика есть лечебные применения.

12. Народные поверья и обычаи. Ингерманландское название *kiroheinä* (букв. «проклятие-трава») обусловлено народным поверьем, согласно которому, лютик помогает от сглаза. В этих целях его использовали, например, чтобы окури́ть дымом коров [Коппалева, 2007, 74; 175].

Семантическая структура фитонимов

Цвет лютика в обеих группах языков передается с помощью прилагательного «желтый», а в германских языках – также «золотой». В целом наборе германских названий растения сочетается описание окраски и поверхности цветков; достигается это посредством компонентов «масло», «топленое сало», «жир», «блеск», «зеркало». Для финно-пермских фитонимов такое сопоставление менее характерно и не так разнообразно: встречаются только примеры со словом «масло».

По форме цветки лютика сравниваются с чашкой (в германском, особенно английском, материале) или рюмкой (в финно-пермском материале). Те же очертания описывает финское название «сорочья шапка», под влиянием которого могла образоваться номинация «сорочий цветок», относящаяся уже к другому признаку. В одном немецком фитониме центральная часть соцветия уподобляется сердцу. В германских языках не менее (а в немецком – более) часто упоминается форма не цветка, а листьев. Они уподобляются отпечатку лапы птицы или (реже) животного – петуха, ворона, вороны, барана.

Некоторое количество номинаций обращают внимание на ядовитость *Ranunculus acris*. Этот признак в германских языках проявляется через существительные «жгучая боль», «смерть» («лошадиная смерть») и прилагательное «жгучий». В финно-пермском материале этой цели часто служит слово «огонь»; другие компоненты, указывающие на опасность лютика – «яд» и «чесотка».

Для описания медицинского применения растения в фитонимы включаются названия состояний и органов, на которые направлено его лекарственное действие. В германских языках мы видим компоненты «ревматическая боль» и «зуб»; в финно-пермских – «подагра, ревматизм» (очень часто), «ломота костей», «грыжа».

В фитонимах обеих языковых групп называются праздники, на которые приходится раннее цветение *Ranunculus acris*. При этом «выбор» праздников – Троицы и Иванова дня – свидетельствует о разных климатических условиях.

Характеристика *Ranunculus acris* по месту произрастания несколько больше свойственна финно-пермским языкам, чем германским. В обеих группах этот признак выражается через компонент «луг, луговой» – довольно стандартный и входящий в названия многих растений. В одной из финских номинаций на место произрастания опосредованно указывает слово «ржавчина».

В финском языке, в отличие от английского и немецкого, отмечается вкус лютика: трава сравнивается с табаком и папироской, а также именуется «горькой». Единожды в финском материале встречается компонент «проклятие»; он же содержится в названии зверобоя и, вероятно, намекает на магические свойства растений.

2.14. *Taraxacum officinale* Weber (одуванчик лекарственный)

Рис. 33, 34. Одуванчик лекарственный²⁰

Рис. 35. Соцветия одуванчика с облетевшими семенами²¹

Рис. 36. Млечный сок на срезе стебля одуванчика²²

²⁰ Плантиум: *Taraxacum officinale* F. G. Wigg. – URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/55.html> (дата обращения: 29.01.2024).

Плантиум: *Taraxacum officinale* F. G. Wigg. – URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/647526.html> (дата обращения: 29.01.2024).

²¹ Плантиум: *Taraxacum officinale* F. G. Wigg. – URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/513551.html> (дата обращения: 29.01.2024).

²² Flickr: *Taraxacum* sp. (Dandelion). – URL: <https://www.flickr.com/photos/14230388@N03/4542974714/in/photostream/> (дата обращения: 29.01.2024).

Одуванчик лекарственный является типичным и наиболее распространенным представителем рода Одуванчик; поэтому под общими, «родовыми» народными названиями чаще всего подразумевается именно этот вид. Такая тенденция характерна как для германских, так и для финно-пермских языков, рассматриваемых в работе.

Германские языки

1. Форма части растения. В современном английском языке одуванчик чаще всего обозначается словом *dandelion*. Оно было заимствовано в среднеанглийский период (ср. *dent-de-līoun*) из старофранцузского (*dent de lion*, букв. «зуб льва»), где фитоним, в свою очередь, возник в качестве перевода средневекового латинского названия *dens leonis* (ср. совр. фр. *dent de lion*). Основой для метафоры стала форма листьев одуванчика, которые имеют «зазубренные» края [OED] (ср. шв. *lejontand*, букв. «зуб льва»; фр. *dent de chien*, букв. «зуб собаки» [Marzell, 1979, 603]).

Немецкий общепринятый фитоним *der Löwenzahn* (букв. «зуб льва») впервые отмечен в XVI в. Как и англ. *dandelion*, он восходит к лат. *dens leonis*, являясь, однако, калькой [DWDS].

2. Форма части растения, особенности поверхности и структуры. Соцветие одуванчика с разлетевшимися семенами выглядит гладким и круглым, чем можно объяснить мотивацию англ. *monkshead* и нем. *der Mönchskopf* (букв. «голова монаха») [DEPN, 1886, 339; Pritzel, 1882, 396] (ср. рус. *попова плешь, плешивец* [Анненков, 1878, 349]). Немецкий фитоним *die Mönchsblume* (букв. «цветок монаха») [Pritzel, 1882, 396], вероятно, происходит от *Mönchskopf* и основан на этих же двух признаках.

3. Форма части растения, другие особенности сока, семян или спор растения. Немецкий фитоним *die Milchdistel* (букв. «молоко-чертополох») [Pritzel, 1882, 395–396] мотивирован наличием у растения млечного сока. С чертополохом одуванчик сравнивается, вероятно, из-за схожей формы листьев (ср. шв. *mjölktistel*, букв. «тж.» [Marzell, 1979, 616]).

4. Форма части растения и цвет. В древнеанглийский период одуванчик лекарственный обозначался фитонимом *ǣg-wyrt* (букв. «яйцо-трава»). Признаком номинации в нем может выступать круглая форма хохолка растения, к которому прикрепляются семена [Krischke, 2013, 283–284] (ср. шв. *äggblad*, букв. «яйцо-лист»; фр. *ballon* «мяч, воздушный шар» [Marzell, 1979, 612; 636]). Кроме того, на наименование *ǣg-wyrt* мог повлиять белый цвет хохолка.

5. Цвет. Оттенком цветущего соцветия одуванчика мотивировано немецкое наименование *die Butterblume* (букв. «масло-цветок») [Pritzel, 1882, 395]. В отличие от обозначения лютика *die kleine Butterblume* (см. выше), в случае одуванчика компонент «масло», вероятно, не относится к поверхности цветка, а описывает только его окраску.

6. Общее внешнее сходство с другим растением, другие особенности сока, семян или спор растения; общее внешнее сходство и цвет. В нескольких английских наименованиях *Taraxacum officinale* определяемым словом выступает фитоним «маргаритка» (*daisy* или *gowan*) – название растения, внешне похожего на одуванчик. Хотя это сходство кажется не совсем явным, очевидно, одуванчик выступал в народной номенклатуре разновидностью маргаритки. Название *milk gowan* (букв. «молочная маргаритка») указывает на млечный сок растения, *yellow gowan* (букв. «желтая маргаритка») – на цвет (однако среди растений, обозначаемых этим словом, словарь ставит одуванчик лишь на четвертое место) [DEPN, 1886, 216–217].

7. Общее внешнее сходство с другим растением, низкая ценность растения. Английский фитоним *Irish daisy* (букв. «ирландская маргаритка») можно причислить к ксенонимам: первый элемент выражает «неполноценность», «неправильность» растения по сравнению с «настоящей» маргариткой [DEPN, 1886, 275].

8. Ядовитость или вредные свойства растения; ядовитость и общее внешнее сходство с другим растением. Некоторые германские наименования одуванчика мотивированы едким и горьким млечным соком, из-за которого растение принималось за ядовитое. Так, немецкий фитоним *die Schlangenblume* имеет буквальное значение «змеиный цветок» [Marzell, 1979, 618]. Это же свойство за-

ложено в английскую номинацию *witch gowan* (букв. «ведьмина маргаритка»): едкий сок одуванчика в народе именовался *witches'-milk* (букв. «молоко ведьм») [DEPN, 1886, 217].

9. Использование в народной медицине. Одуванчик обладает мочегонным действием, что отражено, в частности, в нем. *die Seichblume* (букв. «моча-цветок»); немецкий фитоним *die Augenwurzel* (букв. «глаза-корень») также указывает на лечебное использование растения. В лекарственных целях может применяться, в том числе, корень одуванчика; в результате метонимического переноса компонент *Wurzel* относится также и ко всему растению [Pritzel, 1882, 395–397; Лекарственные растения, 1967, 135]. Нем. *Grindblumm* (букв. «короста-цветок») свидетельствует о действии одуванчика против заболеваний кожи, что подтверждается справочной литературой [Marzell, 1979, 634; Пастушенков, 2012, 151] (ср. шв. *skabb blomma*, букв. «чесотка-цветок» [Marzell, 1979, 634]).

10. Народные поверья и обычаи. Несколько английских названий одуванчика содержат компонент *clock* «часы», например, *clock-flower* (букв. «часы-цветок») и *one o'clocks* (от *one o'clock* «час (дня или ночи)», мн. ч.). Признаком номинации в этих случаях стало народное поверье: чтобы узнать время, нужно сорвать одуванчик и подуть на него. Если все семена улетели сразу, сейчас час дня, если пришлось дунуть дважды – два часа и т. д. [DEPN, 1886, 531; 589; Watts, 2007, 99].

Финно-пермские языки

1. Особенности поверхности и структуры; особенности поверхности и структуры и цвет; особенности поверхности и структуры, цвет и форма. Некоторые финно-пермские номинации обращают внимание на пушистую, «растрепанную» поверхность отцветшего одуванчика. Хохолки семян могут сравниваться с пухом (фин. *höytyrää*, букв. «пух-(пуховая) голова (верхушка)»; ср. рус. *пуховка трава, пушкí* [Анненков, 1878, 350]), перьями (фин. *höyhenheinä*, букв. «перо-трава») и волосами (фин. *pörrörpää*, букв. «взъерошенные волосы-верхушка») [Suhonen, 1936, 368–369]. Прямо вид отцветшего растения описывается в коми *гöна юр (турун)* (букв. «трава с волосатой головой») [Бродский, 2006б, 68]. К этой же группе, вероятно, относится фин. *akkaenkeltakukka* (букв. «бабий желтый цве-

ток»). Название отсылает к двум этапам жизни растения, отмечая окраску цветков и «схожесть верхушки отцветшего растения с волосатой головой» [Suhonen, 1936, 368; Бродский, 2018а, 218].

В фин. *ikonheinä* (букв. «трава старика») [Suhonen, 1936, 369] и коми-перм. *дедъюр* (букв. «дед-голова (верхушка)», т. е. «голова деда») [Материалы для словаря, 2021, 48] отцветшая верхушка одуванчика уподобляется голове с седыми волосами.

Загадку представляет собой финское наименование *isänkukka* (букв. «отцовский цветок») [Lönnrot, 1866, 390]. Предположим, что дело здесь в следующем: одуванчик порождает много семян-«детей», для которых является «отцом». Эта особенность связана с предыдущими, и ее можно также отнести к строению, структуре растения. Коми фитоним *пöлясян турун* (букв. «трава-дудение») указывает на полый стебель одуванчика [Бродский, 2018а, 224].

2. Особенности поверхности и структуры и форма. Карельский фитоним *rappi* (букв. «поп, священник») сравнивает верхушку созревшего одуванчика «с головой священника, обычно имеющего длинные волосы и бороду» (ср. рус. *поп, поповник* «одуванчик») [Бродский, 2018а, 219–222]. Коми *аньюр турун* (букв. «женская голова-трава») [Ракин, 2006] можно сравнить с фин. *akkaenkeltakukka* (см. выше).

3. Особенности поверхности и структуры, общее внешнее сходство с другим растением. В коми *небыд йон* (букв. «мягкий осот») [Ракин, 1989] одуванчик уподобляется другому растению, на которое похож внешне – оба имеют желтые цветки и листья похожей формы. Но, в отличие от некоторых видов осота (например, осота шершавого), листья одуванчика гладкие, а не шероховатые. Фитоним может обозначать и осот полевой, также имеющий «мягкие» листья.

4. Другие особенности сока, семян или спор растения; другие особенности сока, семян или спор и цвет. Множество финских номинаций основаны на наличии у одуванчика млечного сока: *maitainen* (< *maito* «молоко»), *maitoheinä* (букв. «молоко-трава») [Lönnrot, 1866, 390; Бродский, 2018а, 220], *maitokukka* (букв. «молоко-цветок»), *maitolakki* (букв. «молоко-шапка») и т. д. [Suhonen, 1936,

369]. Второй из этих фитонимов также зафиксирован в ингерманландских говорах [Коппалева, 2007, 180]. Несколько вариантов номинаций с буквальным значением «молоко-цветок» распространены в карельских говорах: например, *maidokukka(n'e)*, *maidokukka* [СКЯ (твер.), 1994, 155; ССКГК, 2009, 334] (ср. рус. *молочай*, *молочник* [Анненков, 1878, 349]).

Наличие млечного сока стало мотивацией для коми названий *йöв турун* (букв. «молоко-трава», «молочная трава») и *йöла вижсьюр* (букв. «молочная желтая головка») (во втором из них, кроме того, упоминается цвет) [Ракин, 2006; Бродский, 2018а, 223–224].

5. Цвет. Наиболее распространенное название одуванчика в финском и карельском языках переводится как «масло-цветок»: фин., фин. ингерм. *voikukka* [Suhonen, 1936, 369; Коппалева, 2007, 180], карел. *voikukka(u)*, *voiboba* [ССКГК, 2009, 724; БРКС, 2011, 193; СКЯ (ливв.), 1990, 438]. Как упоминалось ранее, фитоним *voikukka* может обозначать лютик; однако наименование одуванчика мотивировано только одним признаком – оттенком цветков (ср. нем. *Butterblume*). В финском языке данной номинации по частотности немного уступает название *keltakukka* (букв. «желтый цветок»); оно относится не только к одуванчику, но и к другим растениям, имеющим желтые цветки [Suhonen, 1936, 368; Бродский, 2018а, 219]. Обозначение *keltakukka* используется также в ингерманландских говорах [Коппалева, 2007, 180]; в карельском языке встречается фитоним *keltaheinä* (букв. «желтая трава»), также неспецифичный для одуванчика [Бродский, 2018а, 219].

Еще одно финское обозначение окраски одуванчика (правда, намного менее частотное) – фин. *kultakukka* (букв. «золотой цветок») [Lönnrot, 1866, 390; Suhonen, 1936, 368]. Тот же признак стал основой для коми фитонимов *виж йыла турун* (букв. «трава с желтой верхушкой») и *выя турун* (букв. «масляная трава») [Бродский, 2018а, 223–224].

6. Цвет и форма части растения. Ингерманландское наименование *lampri* (букв. «лампа») [Коппалева, 2007, 180] мотивировано формой и, возможно, цветом. Лампу может напомнить круглая светлая головка отцветшего одуванчика или же желтое цветущее растение, также с округлым цветком.

7. Форма части растения. Легко предположить, что в фин. *koirankieliheinä* (букв. «собачий язык-трава») [Suhonen, 1936, 368] отражена продолговатая форма листьев *Taraxacum officinale*. Точно такое же название существует в карельском языке [Liro, 1915, 30]. Во многих местностях Финляндии зафиксирован фитоним *siansilmä* (букв. «свиной глаз») [Lönnrot, 1866, 390; Suhonen, 1936, 369], который, вероятно, указывает на круглую форму облетевших цветков.

8. Место произрастания. По крайней мере два финских фитонима обозначают место произрастания *Taraxacum officinale*: *likakukka*, букв. «грязь-цветок»; *keonkukka*, букв. «цветок кучи» («цветок на куче») [Suhonen, 1936, 368; Бродский, 2018а, 219–220;]. Одуванчик можно увидеть в самых разных местах, в том числе на пустырях, вдоль дорог, на мусорных кучах [Иллюстрированный определитель, 2004, 496].

9. Использование в народной медицине; использование в народной медицине и цвет. Коми наименование *писти турун* (букв. «оспа-трава», «трава [от] оспы») [Ракин, 2006] отсылает к лекарственному применению одуванчика. Известно, что растение с древности используется от пигментных пятен, бородавок и веснушек [Бродский, 2018а, 224; Иллюстрированный определитель, 2004, 488–489]. Возможно, что вследствие таких свойств одуванчика в народной медицине делались попытки лечить им сыпь, которая появляется при оспе; но от болезни это, конечно же, не помогало.

Карел. *rohtuvoikukku* (букв. «лекарственный одуванчик (масло-цветок)») [БРКС, 2011, 193] вполне может быть частичной калькой научного обозначения. Но нельзя исключать, что компонент *rohtu* возник и независимо как отражение важной и хорошо известной особенности растения.

10. Время произрастания или цветения. Финское название *toukokukkanen* (букв. «весенний цветочек») мотивировано ранним цветением одуванчика [Бродский, 2018а, 221].

11. Действие, которое совершает растение. Фин. ингерм. *pö(l)ukukka(ne)* (букв. «пылящий цветок») относится к отцветшему растению, плоды которого

разносятся ветром благодаря прикрепленным к ним «парашютикам» [Коппалева, 2007, 180].

12. Вкус. Ингерманландский фитоним *karkijakukka* (букв. «горький цветок») обусловлен горьким вкусом одуванчика [Коппалева, 2007, 182].

13. Ядовитость или вредные свойства растения. Едкий сок, из-за которого одуванчик в народе считался ядовитым, стал основой для фин. *myrkkykukka* (букв. «яд-цветок») [Suhonen, 1936, 369].

14. Использование в хозяйстве и в быту. Ингерманландское название *tšikor'heinä* (букв. «цикорий-трава») связано с хозяйственным применением одуванчика: его высушенные корни использовались вместо цикория для приготовления кофе [Коппалева, 2007, 182].

15. Неясная мотивация. Причина возникновения еще одного фитонима неясна: карел. *kirvikukka* (букв. «блошиный цветок») может быть мотивирован использованием сока одуванчика от укусов блох или же размером семян растения [СКЯ (твер.), 1994, 103; Бродский, 2018а, 219].

Семантическая структура фитонимов

В английском и немецком общеупотребительные названия одуванчика имеют буквальное значение «зуб льва» и являются соответственно заимствованием и калькой из французского. Существование этих фитонимов объясняется территориальной близостью и культурными связями германоязычных стран и Франции. В финно-пермском материале такой образ отсутствует; иначе форма листьев описывается в номинациях с буквальным значением «собачий язык». Форма облетевшего цветка лежит в основе финского обозначения «свиной глаз»; фитоним следует распространенной в обоих языковых группах модели «глаз животного (птицы)», но других подобных примеров среди названий одуванчика не найдено.

В финно-пермских названиях *Taraxacum* намного чаще, чем в германских, упоминается цвет; такие фитонимы многочисленнее и имеют более разнообразную семантическую структуру. Наиболее типично сравнение оттенка цветков с маслом (один такой пример найден и в немецком); довольно часто прямо называется желтый цвет, но такие фитонимы могут обозначать и другие растения.

В финно-пермских названиях одуванчика достаточно распространены слова «молоко» и «молочный», характеризующие сок растения. В английском и немецком же обнаружено всего по одному фитониму с компонентом «молоко» (другими средствами данная особенность не выражается).

Одно английское и два немецких названия одуванчика содержат компонент «монах» («голова монаха», «цветок монаха»); в карельском же языке отмечен фитоним «поп, священник». Судя по всему, германские номинации описывают цветок с облетевшими семенами, а финно-пермская – с еще не облетевшими. Здесь проявляется культурная специфика: в германских названиях явно отражена католическая или протестантская традиция, а в карельском – по-видимому, православная. Надо отметить, что финно-пермские названия вообще часто содержат образ одуванчика с семенами: белая «шапка» растения уподобляется пуху, перьям, взъерошенным волосам; к растению применяется прилагательное «пушистый». Кроме того, фитонимы с такой мотивацией могут включать компоненты «старик (дед)» и «бабий», отсылая к голове с длинными волосами или седой бородой. Оригинально описывает строение одуванчика финское наименование «отцовский цветок», аналогов которого не обнаружено в германском материале.

Обе системы народной номинации иногда отрицательно «отзываются» об одуванчике. Такая оценка почти всегда связана с его едким соком и передается словами «змеиный», «ведьмин» (в германских языках) и «яд» (в финно-пермских). Один из английских фитонимов характеризует одуванчик как «ирландскую маргаритку», тем самым выражая его «неполноценность». Лечебные же свойства *Taraxacum* несколько чаще отмечаются в германских языках, чем в финно-пермских (компоненты «моча», «глаза», «короста» в первых; «оспа», «лекарственный» в последних). Иногда одуванчик уподобляется какому-либо другому растению (его части или общему виду): чертополоху и маргаритке в германских языках и осоту в коми языке.

Только в финно-пермском материале обнаружены указания на места, где растет одуванчик (компоненты «грязь» и «куча»). Народные поверья упоминаются только в английском языке, необычным образом выражаясь через компонент «час(ы)».

2.15. *Trifolium pratense* L. (клевер луговой)

Рис. 37, 38, 39. Клевер луговой²³

Германские языки

1. Цвет. В английском языке клевер луговой чаще всего обозначается фитонимом *red clover* (букв. «красный клевер») – по окраске цветков. Аналогичные названия существовали в древнеанглийский (*rēad clǣfre*) и среднеанглийский (*red*

²³ iNaturalist: Клевер луговой/ - URL: <https://www.inaturalist.org/observations/149708769> (дата обращения: 29.01.2024).

Плантариум: *Trifolium pratense* L. – URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/706250.html> (дата обращения: 29.01.2024).

Плантариум: *Trifolium pratense* L. – URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/689318.html> (дата обращения: 29.01.2024).

clöver) периоды [Krischke, 2013, 372; MEC]. Такое же буквальное значение имеет «стандартная» немецкая номинация *der Rotklee* [DWDS] (ср. рус. *красноголовик* [Анненков, 1878, 359]; шв. *Rödklöver*, фр. *trèfle rouge* «красный клевер» [Marzell, 1979, 784]).

Отенок цветков образно выражен в нем. *die Fleischblume* (букв. «мясо-цветок», «плоть-цветок») и *das (Ünser) Herrgottsfleisch* (букв. «плоть (нашего) Господа Бога»). Здесь любопытно отметить «противоположное» последнему наименование клевера ползучего (*Trifolium repens* L.), имеющего белые цветки – *das Tüfelsfleisch* (букв. «плоть дьявола») [IWP, 1872, 239; Marzell, 1979, 785].

2. Особенности поверхности и структуры; особенности поверхности и структуры и форма. Структура и отчасти форма цветков стали основой для немецкого диалектного фитонима *Striezelbuffen*. Слово *Striezel* описывает вид выпечки (хлеб или пирог) овальной формы, который готовится из пшеничной муки; компонент *Buffen* имеет значение «кусок». Таким образом, наименование в целом можно приблизительно перевести как «кусок хлеба» или «кусок пирога». Сравнение с хлебом проявляется в довольно большом числе немецких названий *Trifolium pratense*, и причина этого – мягкая на ощупь структура цветочных головок [Marzell, 1979, 785; Deutsches Wörterbuch]. Если на предыдущее название могла повлиять также и характерная форма выпечки, то фитоним *der Schmoll'nbrocken*, вероятно, мотивирован исключительно структурой цветков. Элемент *Schmollen* восходит к баварскому диалекту и имеет в нем значение «хлебный мякиш», а *der Brocken* переводится как «отломанный кусок»; весь фитоним можно передать как «кусок хлебного мякиша» [Marzell, 1979, 785; DWDS]. Возможно, признак структуры содержится и в английском названии *beebread* (см. ниже).

3. Вкус; вкус, особенности поверхности и структуры. Наибольшее количество германских наименований клевера лугового описывают его как медоносное растение. Такие фитонимы могут обращать внимание на две особенности, связанные друг с другом: сладкий вкус цветков или поедание клевера животными. В единицах, описывающих вкус, часто встречается компонент «хлеб» – например, нем. *das Zuckerbrot* (букв. «пряник», или «сахарный хлеб»). Еще одно подобное

название – нем. *die Honigblumen* (букв. «мед-цветы»). Как отмечает Г. Марцелл, такие номинации обусловлены тем, что цветки клевера лугового сладкие на вкус и поэтому их едят или высасывают дети [Marzell, 1979, 785–786] (ср. ниже англ. *honeysuckle trefoil, sugar plums*; ср. рус. *медовик, медовая трава* [Анненков, 1878, 360]; шв. *honungsblomster*, букв. «медовый цветок», фр. *miel*, букв. «мед» [Marzell, 1979, 785]). Вероятно, фитоним *das Zuckerbrot* также указывает на структуру цветков.

4. Вкус и форма части растения; вкус, цвет и форма. Признаки вкуса и формы сочетаются в англ. *honeysuckle trefoil* и *sugar plums* [DEPN, 1886, 614]. Первое из этих названий состоит из двух частей, которые также являются фитонимами: *honeysuckle* «жимолость» и *trefoil* «клевер, трилистник» (букв. «жимолость-трилистник»). Признак вкуса содержится в слове *honeysuckle*: его «предшественник», да. *hunig-sūge*, образовался от *hunig* «мед» и *sūgan* «сосать» и изначально обозначал только жимолость; основанием для номинации стало то, что цветки растения богаты медом и поэтому их любят высасывать дети [Krischke, 2013, 340; 387; Marzell, 1972, 1380–1381]. Однако затем название распространилось на другие растения со сладкими цветками, в том числе, на клевер луговой (такое значение появляется у са. *höñi-söukel*), который также является «лакомством» для детей [МЕС; Marzell, 1979, 785]. Второй компонент-фитоним, *trefoil*, пришел в английский язык из ст.-фр. *trefueil* «клевер, лист клевера» (< лат. *trifolium* «растение с тремя листьями»: *tri-* «три» + *folium* «лист») [OED]. Таким образом, первый из компонентов названия *honeysuckle trefoil* указывает на сладкий вкус клевера, а второй выделяет его из всех остальных сладких растений с помощью другой отличительной черты – формы листьев. В фитониме *sugar plums* (букв. «сахар-сливы», «сахарные сливы») первый элемент указывает на вкус, а второй – на форму и, возможно, цвет. Со сливами сравниваются округлые и продолговатые цветки, оттенок которых может быть как светлым, так и темным, вплоть до пурпурного [Иллюстрированный определитель, 2003, 472].

5. Использование в пищу животными; использование в пищу животными, особенности поверхности и структуры. В эту группу входят английские фитонимы *cow-clover* (букв. «корова-клевер») и *beebread* (букв. «пчелиный хлеб, пчелиная пища») [DEPN, 1886, 614]. Связь с домашним скотом легко объяснима: луговой клевер – ценное кормовое растение, которое используется как в виде зеленого корма, так и в виде сена [Иллюстрированный определитель, 2003, 472]. Наименование *beebread*, напротив, может ввести в заблуждение: у *Trifolium pratense* длинная цветковая трубочка, поэтому многие виды пчел (в том числе обычная домашняя пчела) не могут дотянуться до меда. В действительности цветки обычно опыляют шмели; но в народном сознании шмель, очевидно, понимается как вид пчелы. Так, название шмеля в английском языке – *humble bee* – буквально переводится как «жужжащая пчела»: оно образовано от глагола *humble*, фреквентативной формы от *hum* «жужжать», и *bee* «пчела» [Вакар, 1964, 196; DEPN, 1886, 31; OED]. Компонент *bread* можно связать со структурой цветков клевера (ср. нем. *das Zuckerbrot*).

6. Место произрастания. Нем. *der Wiesenkleee* (букв. «луговой клевер») и англ. *meadow clover* (букв. «луг-клевер»: «луговой клевер») [DEPN, 1886, 614; DWDS] по внутренней форме соответствуют научному латинскому обозначению и могли быть калькированы (ср. шв. *ängsklöfver*, фр. *trèfle des près*, букв. «тж.» [Marzell, 1979, 788]). Английское название *marl-grass* (букв. «известковая глина-трава») [DEPN, 1886, 614], вероятно, отражает неприхотливость растения в выборе почвы.

7. Страна или место происхождения растения. Некоторые немецкие обозначения клевера лугового содержат названия стран или областей; по признаку номинации их можно причислить к группе «страна или место происхождения растения». Номинация *Deutscher Klee* (букв. «немецкий клевер») [Marzell, 1979, 788], скорее всего, указывает на обыкновенность этого растения, которое часто встречается в диких условиях (фитоним следует понимать как «наш, свой клевер»). Фитонимы же, включающие названия мест за пределами Германии, вероятно, относятся к сортам *Trifolium pratense*, которые первоначально культивировались за

границей, а затем были завезены в страну. К таковым относится *Brabanter Klee* (букв. «брабантский клевер»): этот сорт начали возделывать в качестве кормового растения в исторической области Брабант, а между 1760 и 1770 гг. ввезли в прирейнские земли Германии. О подобном же процессе свидетельствует наименование *der spanische Klee* (букв. «испанский клевер») [Marzell, 1979, 788–789; IWP, 1872, 239].

8. Другие особенности сока, семян или спор растения. Родовые английское и немецкое наименования *clover* и *der Klee* (двн. *klēo*, свн. *klē*, генитив *klēwes*) возводятся к общегерм. **klaibron*, которое, в свою очередь, имеет неясное происхождение. Возможно, англ. *clover* (как и его немецкое соответствие) родственно да. *cleofian* (> совр. англ. *to cleave*) «приклеиваться, прилипнуть»; в таком случае фитоним буквально означает «растение с липким соком» [OED; DWDS; Klein, 1971, 141; 144]. Данная мотивация в настоящее время не осознается носителями языка; поэтому мы не учитываем ее во всех «уточняющих» видовых названиях с компонентами *clover* и *Klee*.

9. Размер растения или его частей. Листья клевера лугового более широкие, чем у других видов, что отмечается в английском фитониме *broad clover* (букв. «широкий клевер») [DEPN, 1886, 614].

Финно-пермские языки

1. Вкус; вкус и цвет. Довольно много финно-пермских наименований клевера указывают на его вкус, среди них – фин. *ituruoho* и карел. *imišču* (*imiščy*). Финское название состоит из элементов *imi* «сосание» (от *imeä* «сосать») и *ruoho* «трава»; в целом его можно передать как «трава, которую сосут (высасывают)» [Lönnrot, 1866, 391]. Карельская номинация *imišču* (*imiščy*), вероятно, образована от *imie* «сосать» и суффикса *-šču* (*-ščy*) [Бродский, 2006б, 170]. На этом же образе основаны коми-перм. *чупкан* (букв. «[растение], которое высасывают») и *чупкан-турун* (букв. «трава, которую высасывают»). Первое из этих слов является причастием от *чупкыны* «высасывать» и может выступать как отдельным фитонимом, так и входить в состав сложной номинации. Коми-пермяцкие номинации обозначают «клевер красный», что может относиться и к другим видам с красными со-

цветиями. Но другие описанные в этом разделе названия доказывают, что здесь вполне может подразумеваться *Trifolium pratense* [Материалы для словаря, 2021, 83; КПРС, 1985, 548].

Вкус клевера лугового описывается в фин. *mesiheinä* (букв. «нектар (мед)-трава») [Lönnrot, 1866, 391] и коми *чӧскыд турун* (букв. «вкусная, лакомая трава») [Ракин, 1989].

Не только вкусом, но и цветом обусловлены карельское название *ruskei imičšy* (букв. «красный клевер») [БРКС, 2011, 129] и коми фитоним *гӧрд маюр* (букв. «красная мед-головка» («медовая головка»)) [Бродский, 2006а, 199].

2. Цвет; цвет и форма части растения. В финском языке на цвете *Trifolium pratense* основаны названия фин. *runa-apila(s)* (букв. «красный клевер») и *runaräi-apilas* (букв. «клевер-красная головка») [Lönnrot, 1866, 391].

Коми фитонимы *гӧрд мӧсняк* (букв. «красный коровий сосок») и *гӧрд юра мӧсняк* (букв. «коровий сосок с красной головкой») [Ракин, 1989] мотивированы цветом, а также формой «сегментов» (цветков) цветочных головок. Переносным образом окраска и форма соцветий отражены в наименованиях *сизьюр* и *сизьюр турун* (букв. «голова дятла (-трава)») [Ракин, 2006; Бродский, 2006б, 208] (ср. рус. *дятлина красная, дятельник* [Анненков, 1878, 359]).

3. Форма части растения. Интересно и своеобразно финское наименование клевера *ristilehti* (букв. «крест-лист»): оно обусловлено тем, что «листья растения на черешке напоминают по форме крест» [Suhonen, 1936, 378; Бродский, 2006б, 71]. В основе коми фитонимов *баляпель* и *баляпель турин* (букв. «овечье ухо (-трава)») лежит сравнение листа клевера с ухом овцы [Ракин, 2006; Бродский, 2018б, 98].

4. Форма части растения, особенности поверхности и структуры. В финских обозначениях клевера лугового, в отличие от германских, иногда отмечаются форма и структура стебля. Стебель описывается с помощью компонента *paula* «веревка», довольно частотного в номинациях (например, *paulantupsu*, букв. «веревочная кисточка»: первый компонент относится к стеблю, второй – к соцвети-

ям) [Suhonen, 1936, 378]. Основанием для такого сравнения может быть то, что стебли *Trifolium pratense* ветвистые (форма) и довольно прочные (структура).

5. Особенности поверхности и структуры. С нем. *der Schmoll'nbrocken* (букв. «кусочек хлебного мякиша») и т. п. можно сравнить финское название *töykkuräähinä* (от *töykku* «ком, комок», *räi* «головка» и *heinä* «трава»: букв. «трава с комковатой головкой»): цветки *Trifolium pratense* будто состоят из маленьких комочков [Suhonen, 1936, 378] (ср. рус. *кашка* [Анненков, 1878, 359]).

6. Особенности поверхности и структуры; другие особенности сока, семян или спор растения. Карельское наименование *maidomöökküne* (*maidomöwkkün'e*) состоит из двух компонентов – *maido* «молоко» и *möökküne* (*möwkkün'e*) «булочка, хлебец». Фитоним можно передать как «молоко-булочка», «молочная булочка»: первый компонент указывает на наличие у растения молочного сока, а второй – на структуру цветков (ср. нем. *Schmoll'nbrocken*, фин. *töykkuräähinä*) [Бродский, 2006б, 133; СКЯ (твер.), 1994, 155; 173].

7. Неясная мотивация. Финское и карельское родовые названия клевера – *apila(s)* и *apilas* соответственно – могут быть балтийским заимствованием (**abilas*); родственные слова в балтийских языках имеют значения «клевер», а также «яблоко» [SSA, 1992, 79; Бродский, 2006б, 95]. Несмотря на этимологические сведения, в известных нам источниках не приводится каких-либо версий мотивации данных фитонимов; можно предположить лишь сходство цветков с яблоком по форме и вкусу.

8. Место произрастания. В финском языке может упоминаться и место произрастания *Trifolium pratense*, хотя это происходит и нечасто (например, *peltoapilas*, букв. «поле-клевер») [Lönnrot, 1866, 391].

9. Народные поверья и обычаи. Финское название *onniheinä* (букв. «счастье (удача)-трава»), вероятно, связано с верой в то, что четырехлистный клевер приносит удачу [Lönnrot, 1866, 391; Watts, 2007, 153]. Это поверье описано в англоязычных источниках, но, по всей видимости, существует и в Финляндии.

10. Другие признаки. В коми *мыча клевер* (букв. «красивый клевер»; *клевер* < рус.) [Ракин, 1989; Бродский, 2006б, 104] выражена общая оценка внешнего вида растения.

Семантическая структура фитонимов

Помимо прилагательного «красный», описывающего клевер луговой в обеих языковых группах, в немецком встречаются оригинальные фитонимы «плоть-цветок» и «плоть (нашего) Господа Бога». Второе название (и первое, в случае если оно образовалось от второго) иллюстрирует важность христианской образности для германской народной ботанической номенклатуры. В коми языке тоже находим необычное описание цвета (а также формы), но связанное с природным миром – «голова дятла (-трава)».

Вкус цветков в германских языках сравнивается с сахаром и медом; в финно-пермских используются компоненты «мед, медовый» и «вкусный, лакомый». Кроме того, в финно-пермской группе достаточно распространены номинации, образованные от глаголов «сосать», «высасывать»; в германском материале найдено лишь одно такое английское название.

Германские языки видят сходство цветков клевера по структуре с хлебом, хлебным мякишем, традиционной выпечкой. Для финно-пермских названий такие сравнения менее характерны, но также встречаются; они содержат слова «ком, комок» и «булочка, хлебец».

Разнообразным предметам уподобляются цветки (и их «сегменты») по форме: сливам и овальной выпечке в германских языках; коровьему соску, голове дятла (см. выше), – в финно-пермских. Менее часто отмечаются форма и расположение листьев; с этим признаком связаны компоненты «трилистник» (английский язык); «овечьё ухо», «крест» (коми и финский). Помимо этого, в финском языке стебли клевера по своей форме и структуре уподобляются веревкам.

Место произрастания *Trifolium pratense* передается с помощью слов «луг», «луговой» (в германских языках) и «поле» (в финно-пермских). Неясно, являются ли такие названия кальками научного обозначения или же универсальными для клевера в разных языках. В одном из английских фитонимов упоминается извест-

ковая глина. Среди финно-пермских названий клевера таких примеров не найдено, но в целом для обеих языковых групп типично описание неприхотливых растений как растущих на глине.

Лишь в английском материале обнаружены отсылки к тому, что клевер поедается животными – коровами и пчелами (интересно, что второе не соответствует действительности). Три немецких обозначения сортов *Trifolium pratense* содержат названия стран. Два из них отсылают к культивации растения, а одно – «немецкий клевер» – следует понимать как «наш, обыкновенный клевер».

В финском языке зафиксировано название «счастье (удача)-трава». Любопытно отсутствие подобных названий клевера лугового в английском и немецком, хотя поверье о четырехлистнике широко известно в германоязычных странах.

2.16. *Tussilago farfara* L. (мать-и-мачеха обыкновенная)

Рис. 40. Мать-и-мачеха, растущая на песке²⁴

Рис. 41. Листья мать-и-мачехи²⁵

Рис. 42. Мать-и-мачеха. Обратная сторона листа²⁶

Германские языки

1. Форма части растения. Среди германских названий мать-и-мачехи очень распространены фитонимы, основанные на сравнении листьев по форме с копытом какого-либо животного. В определителе растений форма листьев описы-

²⁴ Плантариум: *Tussilago farfara* L. – URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/728261.html> (дата обращения: 29.01.2024).

²⁵ iNaturalist: Мать-и-мачеха. – URL: <https://www.inaturalist.org/observations/149970265> (дата обращения: 29.01.2024).

²⁶ Плантариум: *Tussilago farfara* L. – URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/674001.html> (дата обращения: 29.01.2024).

вается так: «...листья, имеющие длинные черешки и крупные округло-сердцевидные пластинки диаметром до 20 см, с выемчато-зубчатыми краями» [Иллюстрированный определитель, 2004, 505]. Именно этот признак проявляется в «стандартном» английском наименовании мать-и-мачехи *coltsfoot* (букв. «нога (ступня) жеребенка»). Спорным является зафиксированный древнеанглийский фитоним *colt-græg* (букв. «жеребенок-серый»), который используется лишь единожды в одном из глоссариев. Ученые полагают, что второй элемент слова на самом деле следует читать как *nægl* «коготь», так как все название может быть калькой латинской глоссы *ungula caballi* [Цит. по: Krischke, 2013, 271–272]. Последняя буквально переводится как «копыто лошади»; но компонент *ungula* также имеет значение «коготь», которое, вероятно, и было передано на древнеанглийский язык (возможно, из-за недопонимания мотивации термина или путаницы иного рода). Таким образом, вероятно, что изначальной мотивацией древнеанглийского фитонима *colt-nægl* является форма листьев и название переводится как «копыто жеребенка».

В среднеанглийском языке отмечается три названия мать-и-мачехи, мотивированные указанным признаком: *coltes-fōt* (букв. «нога (ступня) жеребенка»); от этого фитонима, очевидно, произошел совр. англ. *coltsfoot*), *fōle-fōt* (букв. «нога (ступня) жеребенка») и *hors-hōve* (букв. «лошадь-копыто») [МЕС] (ср. рус. *копыто лошадиное трава* [Анненков, 1878, 366], шв. *hästhof*, букв. «лошадь-копыто» [Marzell, 1979, 853]). В настоящее время насчитывается значительно больше наименований, образованных по модели «животное + нога (копыто)»; к ним относятся, например, *sow foot* (букв. «свинья-копыто») [DEPN, 1886, 615]. Формой листьев объясняется также на первый взгляд неясный фитоним *cleats*: согласно «Словарю устаревшего и провинциального английского», слово *cleet* имеет значение «копыто» [DEPN, 1886, 106; Dictionary of Obsolete and Provincial English, 1857, 315]. В таком случае номинацию *cleats* можно перевести как «копыта» (различия в написании вполне обычны для диалектной лексики, к которой принадлежит название).

В немецком языке листья мать-и-мачехи также очень часто сравниваются с копытом; среди примеров – диал. *Rosshueb* (станд. нем. *der Rosshuf*, букв. «копыто коня») [Marzell, 1979, 853] и *der Eselshuf* (букв. «ослиное копыто») [Pritzel, 1882, 416]. Иначе этот же признак осмыслен в номинации *das Sauohr* (букв. «свиное ухо») [Marzell, 1979, 855].

2. Форма части растения и цвет. Общепринятое немецкое обозначение для *Tussilago farfara* – *der Huflattich* (букв. «копыто-латук») (двн. *huofleticha*, снн. *huofleteche*). Оно мотивировано главным образом формой листьев, которая отражена в первом компоненте [Deutsches Wörterbuch]. Второй компонент объяснить сложнее: мать-и-мачеха напоминает латук (его дикие разновидности) разве что цветками: у обоих растений они желтые и сходные по форме [Иллюстрированный определитель, 2004, 451]. В таком случае, с точки зрения народной номенклатуры, мать-и-мачеха рассматривается как вид латука, имеющий листья особой формы.

3. Форма части растения, низкая ценность растения. Любопытно диалектное немецкое название *Düüwelsfeot* (станд. нем. *der Teufelsfuß*, букв. «нога (ступня) дьявола»). Оно мотивировано формой листьев, которые сравниваются с копытами дьявола; за таким наименованием может стоять и то, что мать-и-мачеха – злостный сорняк на полях [Marzell, 1979, 853].

4. Использование в народной медицине; использование в народной медицине, цвет, форма части растения. Англ. *coughwort* [DEPN, 1886, 615] и нем. *das Hustenkraut* (букв. «кашель-трава») [Marzell, 1979, 863] указывают на отхаркивающее действие зеленых листьев мать-и-мачехи, замеченное с давних времен [Иллюстрированный определитель, 2004, 505]. В частности, на большей части Британских островов зафиксировано народное применение растения от кашля, простуды и других заболеваний дыхательных путей [Allen, 2004, 309]. Именно это свойство сокрыто в родовом наименовании *Tussilago*, образованном от лат. *tussis* «кашель» [Genaust, 1996, 666]. Вполне вероятно, что германские номинации возникли независимо от латинской, так как за ними стоит крайне важное свойство, которое к тому же легко обнаружить.

Нем. *der Brustlattich* буквально переводится как «грудь-латук» и характеризует растение как средство от заболеваний дыхательных путей и легких (то есть от боли, недомогания «в груди») [Pritzel, 1882, 416; Иллюстрированный определитель, 2004, 505]. Кроме того, в фитониме (как и в нем. *der Brandlattich* далее) содержится указание на оттенок и форму цветков.

Первый компонент нем. *der Brandlattich* в данном случае имеет значение «ожог» (ср. *die Brandwunde* «ожог»), поэтому все название можно перевести как «ожог-латук». Согласно «Энциклопедии лекарственных растений», мать-и-мачеха применяется при ожогах; на это качество, должно быть, и указывает фитоним [Pritzel, 1882, 416; Мазнев, 2004, 297]. Листья растения прикладывают к воспаленным участкам кожи как охлаждающее средство, от чего происходит немецкое название *die Hitzblätter* (букв. «жар-листья»; от *die Hitze* «жар») [Marzell, 1979, 864].

5. Время произрастания или цветения. В английском и немецком существуют фитонимы с буквальным значением «сын вперед отца»: англ. *son-before-the-father* и нем. *Sohn vor dem Vater*) [DEPN, 1886, 442; Marzell, 1979, 861]. Они объясняются тем, что цветки *Tussilago farfara* появляются раньше листьев. Ранней весной, когда растение цветет, его стебли покрыты «буроватыми чешуевидными листьями»; но после цветения эти стебли исчезают, и через некоторое время отрастают «настоящие» листья (именно они имеют форму, описанную ранее) [Иллюстрированный определитель, 2004, 505]. Данные номинации имеют соответствия и в других европейских языках: нид. *zoon-voor-den-vader*, фр. диал. *fi avant l' père [fils avant le père]*. Вероятно, все они являются кальками лат. *filius ante patrem* [Marzell, 1979, 861] (или же латинское название было калькировано в один из современных европейских языков, а из него затем перешло в другие).

Временной признак лег в основу нем. *das Sommerthürlein* (букв. «лето-дверца»: «дверца в лето»): своим ранним цветением мать-и-мачеха открывает лето, теплую часть года [Marzell, 1979, 860; Deutsches Wörterbuch]. Немецкая номинация *die Josephsblume* (букв. «цветок Иосифа») может относиться как к мать-и-мачехе, так и к другим растениям, цветущим на День Св. Иосифа (19 марта) (ср. фр. диал. *yèbe de Saint Djôsèf*, букв. «трава Св. Иосифа» [Marzell, 1979, 860]).

6. Место произрастания; место произрастания и низкая ценность растения. Немецкий фитоним *die Sandblume* (букв. «песок-цветок») отражает неприхотливость мать-и-мачехи в выборе места обитания: часто оно первым заселяет территории с песчаной почвой [Pritzel, 1882, 417; Иллюстрированный определитель, 2004, 505]. Также растение предпочитает глинистые почвы, что отражено в англ. *clayweed* (букв. «глина-сорняк») [DEPN, 1886, 106; Иллюстрированный определитель, 2004, 505] (ср. шв. *lerblad*, букв. «глина-лист» [Marzell, 1979, 861]). Кроме того, второй компонент англ. *clayweed* указывает на низкую ценность растения.

7. Особенности поверхности и структуры; особенности поверхности и структуры, народные поверья и обычаи. Ворсистая нижняя сторона листьев мать-и-мачехи описана в нем. *das Wollenkraut* (букв. «шерстяная трава»). Образный фитоним *die Spiegelblätter* (букв. «зеркало-листья») отсылает к тому же свойству поверхности, а также к детской игре. Дети макают в воду «войлочную» обратную сторону листьев; она не смачивается благодаря ворсинкам, и между листом и водой появляется воздушная прослойка, которая образует «зеркальце» [Marzell, 1979, 858].

8. Использование в хозяйстве и в быту; использование в хозяйстве и в быту, народные поверья и обычаи. В немецком языке находим несколько наименований *Tussilago farfara* с компонентом «табак», например, *das Tabaksblatt* (букв. «лист табака»). Дело в том, что листья мать-и-мачехи часто использовали как замену табаку – в частности, во время обеих мировых войн и непосредственно после них. Судя по соответствиям в других языках (нид. *tabaksbladen*, англ. *British tobacco*, шв. *bröstitobak*), растение применялось таким образом не только в Германии [Marzell, 1979, 866]. Шведский фитоним переводится как «грудной табак». Можно предположить, что листья *Tussilago* курили в том числе в лечебных целях; но в немецком названии этот признак не проявляется.

Нем. *die Rahmblätter* (букв. «сливки-листья») отсылает к тому, что листья мать-и-мачехи дают коровам для увеличения надоя. Такой обычай особенно инте-

ресен, учитывая, что домашний скот, как правило, не ест их «самостоятельно» [Marzell, 1979, 866].

Финно-пермские языки

1. Особенности поверхности и структуры. В финно-пермских языках растение чаще всего именуется через особенность поверхности листьев. Сверху зеленые листья мать-и-мачехи голые и поэтому холодные и жесткие; снизу же они густо опушены и из-за этого мягкие и теплые [Иллюстрированный определитель, 2004, 505]. Практически все номинации, в которых отражена данная особенность, можно разделить на две группы. В первую входят фин. и карел. *leskenlehti* (букв. «лист вдовы (вдовца)») [Suhonen, 1936, 385; БРКС, 2011, 154], фин. *leskikukka* (букв. «вдовец (вдова)-цветок») [Lönnrot, 1866, 391].

Вторая группа включает следующие фитонимы: фин. ингерм. *emintimänleht'* (букв. «лист мачехи»), фин. ингерм. *armottomanlapsenleht'* (букв. «лист обездоленного ребенка»), фин. ингерм. *armottomanleht'* (букв. «лист обездоленного») [Коппалева, 2007, 178]; коми-перм. *йӧз мам да аслат мам* (букв. «чужая мать и своя мать») [Материалы для словаря, 2021, 51]; карел. *tuačuhaheinä* (букв. «мачеха-трава») [Бродский, 2006б, 127], карел. *tuačuhal'eht'i* (букв. «мачеха-лист») [СКЯ (твер.), 1994, 163]. Как предполагает Ю. Э. Коппалева, говоря об ингерманландских наречиях, такие наименования могли образоваться под влиянием рус. *мать-и-мачеха* [Коппалева, 2007, 178]. Это предположение, скорее всего, верно для карельских примеров, включающих заимствование *tuačuha*. Кроме того, в германских языках номинаций с подобной внутренней формой нами не обнаружено (как и названий первой группы). Но также возможно, что такие фитонимы (по крайней мере, в финском и коми языках) возникли самостоятельно: они указывают на хорошо заметный признак, с которым люди сталкивались всякий раз, когда собирали листья мать-и-мачехи в лечебных целях. Одно финское название – *nukkaheinä* (букв. «ворс-трава») – описывает этот же признак напрямую (ср. нем. *Wollenkraut*) [Suhonen, 1936, 385].

2. Особенности поверхности и структуры, общее внешнее сходство с другим растением. В коми-пермяцком языке мать-и-мачеха может обозначаться словом *лапкор* (букв. «плоский лист»)²⁷; при этом фитоним относится к отцветшему растению (видны только листья и стебли) [Материалы для словаря, 2021, 60]. Согласно этимологическому словарю, данная номинация имеет значения «подорожник» и «лопух (лист)» [КЭСКО, 1970, 157]. На наш взгляд, роль здесь сыграли два фактора. Листья мать-и-мачехи могут выглядеть плоскими, широкими и развесистыми, как у лопуха; также растение, которое будто состоит только из листьев, уподобляется подорожнику или лопуху.

3. Форма части растения. Довольно много финских названий описывают форму зеленых листьев мать-и-мачехи. Наиболее многочисленная группа основана на сравнении с копытом животного: *kaviolehti* (букв. «копыто-лист») [Suhonen, 1936, 385], *hevoisenkavio* (букв. «лошадиное копыто»), *varsankavio* (букв. «копыто жеребенка»), *varsanjalka* (букв. «нога жеребенка») [Lönnrot, 1866, 391]. Форма листьев, вероятно, стала основой и для фитонимов *karhunkämmenheena* (букв. «медвежья лапа-трава») и *sammakonlehti* (букв. «лягушачий лист») [Suhonen, 1936, 385] (во втором примере лист может сравниваться с лапой лягушки).

4. Цвет. Среди коми названий *Tussilago farfara* выделяется признак цвета, который упоминается в большинстве обнаруженных фитонимов. Как правило, это желтый цвет: *виж чача* (букв. «желтый цветок») [Ракин, 1989], *виж цвет* (букв. «желтый цветок») [Бродский, 2006б, 199], *виж йила чача* (букв. «цветок с желтой верхушкой») [Ракин, 1989].

5. Время произрастания или цветения; время произрастания или цветения и цвет. Коми наименование *веж чача* (букв. «зеленый цветок») [Ракин, 1989] на первый взгляд кажется неясным: оно может относиться только к цветущему стеблю или листьям, но зеленые листья и стебли есть практически у всех растений. Скорее всего, в фитониме скрыт признак времени цветения: мать-и-мачеха цветет рано, и после этого все лето видны только ее зеленые листья. В номинации *тувсов вижьюр* (букв. «весенняя желтая головка») время произрастания выража-

²⁷ См. с. 170.

ется прямо (кроме того, здесь обозначен цвет). Первый из этих признаков лег в основу образного названия *чарõм пыр петан турун* (букв. «трава, проходящая сквозь наст») [Бродский, 2006б, 64].

Раннее цветение *Tussilago farfara* отмечается и в финском материале: *kirsikukka* (букв. «мерзлота-цветок») и *kylmäkukka* (букв. «холод-цветок») [Lönnrot, 1866, 391].

6. Использование в народной медицине. Целебными качествами растения мотивированы следующие названия: фин. *uskäruoho* (букв. «кашель-трава») (ср. англ. *coughwort*) [Lönnrot, 1866, 391], фин. ингерм. *solotuhhaheinä* (букв. «золотуха-трава») [Коппалева, 2007, 179–180] (первый компонент является русским заимствованием), карел. *majaihein'ü* (букв. «нарыв-трава») [СКЯ (ливв.), 1990, 201] (ср. рус. *опухольные листья* [Анненков, 1878, 366]).

Кажется, что использование в народной медицине – далеко не основная мотивация для финно-пермских названий мать-и-мачехи, несмотря на известные и широко применявшиеся лечебные свойства растения [Коппалева, 2007, 179–180]. Впрочем, похожая ситуация складывается и в германских языках, особенно в английском: наименования по форме по числу значительно превосходят наименования, основанные на лекарственных свойствах.

7. Использование в хозяйстве и в быту, народные поверья и обычаи. В финском языке отмечается фитоним *riimäkukka* (букв. «простокваша-цветок») [Suhonen, 1936, 385]. Нам не удалось найти объяснение его мотивации в рамках финно-пермской традиции и культуры, но нам известно очень близкое немецкое название – *Rahmblätter*, букв. «сливки-листья» (см. выше). Предположим, что финская номинация основана на тех же признаках, что и немецкая.

Семантическая структура фитонимов

В обеих группах языков есть многочисленная группа названий, в которых листья мать-и-мачехи уподобляются копыту (обычно – какого-то животного). В английском и немецком в таких фитонимах упоминаются жеребенок, лошадь (конь), свинья, осел; в финно-пермских языках – лошадь и жеребенок. Помимо этого, в обеих языковых группах отмечаются названия типа «копыто» («копыта»)

(без уточняющего компонента). Из этой модели выделяются наименования «нога (ступня) дьявола» и «свиное ухо» (немецкий язык); «медвежья лапа-трава» и «лягушачий лист» (финский язык). Эти названия также описывают форму листьев, но другими средствами; в первом фитониме растение, вероятно, также характеризуется как злостный сорняк.

Еще один признак, который встречается в обеих группах языков и выражается схожим образом – лекарственное использование *Tussilago farfara*. В германском материале встречаются компоненты «кашель», «грудь», «ожог», «жар»; в финно-пермском – «кашель», «золотуха», «нарыв».

В финно-пермских языках разнообразно описывается поверхность листьев мать-и-мачехи. В таких фитонимах встречаются компоненты «вдовец (вдова)», «мачеха», «обездоленный (ребенок)»; еще одно название из этой группы – «своя мать и чужая мать». Здесь вероятно влияние русского языка (особенно в номинациях «мачеха» и «своя мать и чужая мать»). Кроме того, фин. ингерм. «обездоленный (ребенок)» перекликается с англ. и нем. «сын вперед отца». Сравнить можно также финское название «ворс-трава» и немецкое «шерстяная трава». В одном немецком фитониме поверхность листьев описывается через сравнение с зеркалом, чего не найдено в финно-пермском материале.

Германским языкам свойственна модель «сын вперед отца», которая описывает необычную последовательность в развитии растения (вероятно, такие обозначения являются калькой латинского названия). С этой же особенностью может быть связан коми фитоним «зеленый цветок»; но в остальном финно-пермском материале указывается только на раннее цветение мать-и-мачехи (компоненты «весенний», «наст», «мерзлота», «холод»; ср. «дверца в лето», «цветок Иосифа» в немецком).

В обеих языковых группах мать-и-мачеха иногда уподобляется другому растению, но растения эти разные: для немецкого довольно частотно отождествление ее с латуком, а в коми языке *Tussilago farfara* может называться тем же словом, что подорожник или лопух. В обеих группах обнаружено по одному назва-

нию с компонентом «сливки» («простокваша»), что может указывать на некий народный обычай.

В германском материале, в отличие от финно-пермского, отмечается место обитания мать-и-мачехи. Но делается это традиционным для обеих языковых групп способом – с помощью элементов «песок» и «глина». Только в германских фитонимах обнаружен компонент «табак»; однако это слово встречается в финно-пермских названиях других растений (например, лютика едкого).

2.17. Обобщение результатов исследования

Анализ материала (692 единицы), рассмотренного в Главе 2, позволяет сделать выводы об особенностях мотивации и семантической структуры германских (324) и финно-пермских (368) фитонимов. Особое внимание уделено компонентам, дающим представление о лингвокультурной специфике и образности. Кроме того, рассмотрена проблема калькирования фитонимов.

I. Мотивация фитонимов

Единицы народной номенклатуры, рассмотренные в работе, разделены на 22 группы в соответствии с воплощенным в них признаком номинации: 1. цвет; 2. размер растения или его частей; 3. форма части растения; 4. особенности поверхности и структуры; 5. общее внешнее сходство с другим растением; 6. запах; 7. вкус; 8. другие особенности сока, семян или спор растения; 9. звук, издаваемый растением; 10. действие, которое совершает растение; 11. другой эффект, производимый растением; 12. место произрастания; 13. страна или место происхождения растения; 14. время произрастания или цветения; 15. использование в народной медицине; 16. использование в хозяйстве и в быту; 17. использование в пищу животными; 18. низкая ценность растения; 19. ядовитость или вредные свойства растения; 20. народные поверья и обычаи; 21. другие признаки; 22. неясная мотивация.

Следует отметить, что довольно часто в одном фитониме выражен не один, а несколько признаков, и в таких случаях название входит в несколько групп. По этой причине общее число единиц-составляющих этих групп превышает число рассмотренных фитонимов: первое равняется 874 (430 в германских и 444 в финно-пермских языках). Назовем это число случаями проявления признаков.

В следующей таблице представлено распределение случаев проявления признаков номинации по 22 выделенным нами группам.

**Таблица 1. Распределение случаев проявления признаков
по соответствующим группам**

Признак номинации	Германские языки	Финно-пермские языки	Всего
1. Цвет	46	61	107
2. Размер растения или его частей	17	8	25
3. Форма части растения	137	136	273
4. Особенности поверхности и структуры	34	44	78
5. Общее внешнее сходство с другим растением	9	8	17
6. Запах	3	0	3
7. Вкус	6	16	22
8. Другие особенности сока, семян или спор растения	5	8	13
9. Звук, издаваемый растением	2	4	6
10. Действие, которое совершает растение	13	6	19
11. Другой эффект, производимый растением	3	0	3
12. Место произрастания	35	43	78
13. Страна или место происхождения растения	3	0	3
14. Время произрастания или цветения	14	10	24
15. Использование в народной медицине	35	57	92
16. Использование в хозяйстве и в быту	3	7	10
17. Использование в пищу животными	7	3	10
18. Низкая ценность растения	17	3	20

19. Ядовитость или вредные свойства растения	16	7	23
20. Народные поверья и обычаи	20	9	29
21. Другие признаки	1	8	9
22. Неясная мотивация	4	6	10
Всего	430	444	874

Наиболее распространенным признаком номинации в обеих группах языков является форма части растения (137 и 136 германских и финно-пермских названий соответственно). Вторым по распространенности в обеих языковых группах стал признак цвета (46 и 61 случай соответственно). Среди финно-пермских фитонимов на третьем месте находится использование в народной медицине (57 единиц), а на четвертом – особенности поверхности и структуры (44 единиц) и место произрастания (43 единицы). В германских наименованиях на третьем месте по частотности два признака – место произрастания и использование в народной медицине (по 35 примеров). Практически так же распространен в нашем германском материале признак особенностей поверхности (34 случая).

Высокой частотности этих признаков можно найти объяснение. Цвет и форма – пожалуй, наиболее заметные внешние черты растений. При этом форма является и самым разнообразным атрибутом: у растений существует огромное множество особенностей формы, и так же многочисленны возможности их выражения в языке. Место произрастания, наряду с заметностью, крайне важно в практическом отношении: для поиска полезных видов (или для избегания вредных) необходимо знать, где они обитают. Последней причиной вызвано и частое упоминание того, как растение используется в медицине. Если растение обладает особенностями, необычными свойствами структуры и поверхности, то это, аналогично цвету и форме, выделяет его среди всех других видов. Однако такие особые черты поверхности более редки, чем, например, необычная форма; кроме того, для их наблюдения недостаточно просто увидеть растение – его надо потрогать или оказать на него какое-либо воздействие.

Следующие три признака были обнаружены только в германских фитонимах: запах; другой эффект, производимый растением; страна или место происхождения растения. Вероятно, в наибольшей степени это связано с ограниченностью материала исследования и требует дополнительного изучения.

В большинстве фитонимов содержится один признак номинации: всего таких названий 529 из 692 (230 из 324 в германских языках и 299 из 368 в финно-пермских). Фитонимов с двумя и более признаками насчитывается 163 в обеих языковых группах (94 в германских и 69 в финно-пермских). Из этого числа подавляющее большинство названий имеют два признака (81 в германских языках и 63 в финно-пермских: всего 144). 19 единиц (13 германских и 6 финно-пермских) содержит три признака.

Таблица 2. Фитонимы, мотивированные только одним признаком номинации: распределение по группам

Признак номинации	Германские языки	Финно-пермские языки	Всего
1. Цвет	23 (из 46 случаев)	28 (из 61 случаев)	51 (из 107 случаев)
2. Размер растения или его частей	3 (из 17)	0 (из 8)	3 (из 25)
3. Форма части растения	72 (из 137)	105 (из 136)	177 (из 273)
4. Особенности поверхности и структуры	17 (из 34)	23 (из 44)	40 (из 78)
5. Общее внешнее сходство с другим растением	0 (из 9)	1 (из 8)	1 (из 17)
6. Запах	3 (из 3)	(0 случаев)	3 (из 3)
7. Вкус	3 (из 6)	13 (из 16)	16 (из 22)
8. Другие особенности сока, семян или спор растения	2 (из 5)	6 (из 8)	8 (из 13)
9. Звук, издаваемый растением	2 (из 2)	4 (из 4)	6 (из 6)
10. Действие, которое совершает растение	10 (из 13)	4 (из 6)	14 (из 19)
11. Другой эффект, производимый растением	3 (из 3)	(0 случаев)	3 (из 3)

12. Место произрастания	12 (из 35)	28 (из 43)	40 (из 78)
13. Страна или место происхождения растения	3 (из 3)	(0 случаев)	3 (из 3)
14. Время произрастания или цветения	10 (из 14)	8 (из 10)	18 (из 24)
15. Использование в народной медицине	32 (из 35)	47 (из 57)	79 (из 92)
16. Использование в хозяйстве и в быту	1 (из 3)	6 (из 7)	7 (из 10)
17. Использование в пищу животными	3 (из 7)	2 (из 3)	5 (из 10)
18. Низкая ценность растения	4 (из 17)	2 (из 3)	6 (из 20)
19. Ядовитость или вредные свойства растения	12 (из 16)	4 (из 7)	16 (из 23)
20. Народные поверья и обычаи	10 (из 20)	9 (из 9)	19 (из 29)
21. Другие признаки	1 (из 1)	4 (из 8)	5 (из 9)
22. Неясная мотивация	4 (из 4)	5 (из 6)	9 (из 10)
Всего	230 (из 324 фитонимов)	299 (из 368 фитонимов)	529 (из 692 фитонимов)

Некоторые выводы можно сделать исходя из сочетаемости разных признаков номинации (см. Табл. 3). Для обеих языковых групп наиболее характерны следующие сочетания признаков: цвет + форма, цвет + особенности поверхности и структуры, форма + размер, форма + особенности поверхности и структуры, форма + место произрастания. Если проанализировать выделенные по признакам номинации группы, в которые входит 8 и больше названий, можно заметить признаки, которые особенно часто или особенно редко сочетаются с другими (см. Табл. 2). В дополнительной мотивации, как правило, нуждаются фитонимы, основанные на размере, общем внешнем сходстве с другим растением и низкой ценности растения (последнее – только в германских языках). Следующие же признаки обычно «самодостаточны» и не требуют дополнений: использование в народной медицине (в обеих языковых группах); форма части растения, вкус, время произ-

растения или цветения, народные поверья и обычаи (только в финно-пермских языках); действие, которое совершает растение (только в германских языках).

Таблица 3. Сочетаемость признаков номинации: наиболее частые комбинации

Признак номинации	Германские языки	Финно-пермские языки	Всего
1. Цвет сочетается с:			
1. Форма части растения	20	15	35
2. Особенности поверхности и структуры	3	8	11
3. Использование в народной медицине	2	2	4
2. Размер растения или его частей сочетается с:			
1. Форма части растения	8	6	14
2. Место произрастания	6	0	6
3. Цвет	1	2	3
3. Форма части растения сочетается с:			
1. Цвет	20	15	35
2. Место произрастания	12	6	18
3. Особенности поверхности и структуры	11	7	18
4. Размер растения или его частей	8	6	14
4. Особенности поверхности и структуры сочетаются с:			
1. Форма части растения	11	7	18
2. Цвет	3	8	11
5. Общее внешнее сходство с другим растением сочетается с:			
1. Цвет	2	1	3
2. Форма части растения	2	1	3
3. Место произрастания	2	1	3

6. Запах: -			
7. Вкус сочетается с:			
1. Цвет	1	2	3
8. Другие особенности сока, семян или спор растения сочетаются с:			
1. Форма части растения	2	0	2
9. Звук, издаваемый растением: -			
10. Действие, которое совершает растение, сочетается с:			
1. Общее внешнее сходство с другим растением	0	2	2
11. Другой эффект, производимый растением: -			
12. Место произрастания сочетается с:			
1. Форма части растения	12	6	18
2. Размер растения или его частей	6	0	6
3. Низкая ценность растения	4	0	4
4. Общее внешнее сходство с другим растением	2	1	3
13. Страна или место происхождения растения: -			
14. Время произрастания или цветения сочетается с:			
1. Народные поверья и обычаи	3	0	3
15. Использование в народной медицине сочетается с:			
1. Место произрастания	0	5	5
2. Цвет	2	2	4
3. Форма части растения	2	2	4
16. Использование в хозяйстве и в быту сочетается с:			
1. Народные поверья и обычаи	1	0	1
2. Низкая ценность растения	1	0	1
3. Место произрастания	0	1	1
17. Использование в пищу животными сочетается с:			
1. Форма части растения	2	0	2

18. Низкая ценность растения сочетается с:			
1. Форма части растения	5	0	5
2. Место произрастания	4	0	4
19. Ядовитость или вредные свойства растения сочетаются с:			
1. Форма части растения	2	1	3
2. Размер растения или его частей	1	1	2
20. Народные поверья и обычаи сочетаются с:			
1. Форма части растения	4	0	4
2. Время произрастания или цветения	3	0	3
21. Другие признаки сочетаются с:			
1. Форма части растения	0	2	2
22. Неясная мотивация сочетается с:			
Цвет	0	1	1

II. Семантическая структура фитонимов

Набор лексических компонентов, входящих в состав рассмотренных германских и финно-пермских фитонимов, можно представить в следующих тематических группах.

1. Названия цветов и оттенков

Германские языки: «желтый», «золотой», «красный», «красноватый», «синий (голубой)», «синий, серовато-синий»; «серебро», «блеск», «коровавый».

Финно-пермские языки: «белый», «синий», «золотой», «желтый», «красный», «зеленый»; «серебро».

2. Слова, прямо указывающие на размер и форму растений

Германские языки: «большой», «маленький», «малый», «широкий», «ширина», «круглолистный», «прямой».

Финно-пермские языки: «высокий», «широколиственный», «большой», «маленький», «кривой», «хромой».

3. Слова, прямо указывающие на признаки, отличные от внешних (особенности поверхности, вкус и др.)

Германские языки: «твердый», «гладкий», «сильный».

Финно-пермские языки: «пушистый», «мягкий», «комковатый», «вкусный, лакомый», «горький», «дикий».

4. Фитонимы и другие лексемы, обозначающие растение

Германские языки: «сорняк», «вьющееся растение», «чертополох», «латук», «трилистник», «маргаритка», «роза», «рожь», «ячмень».

Финно-пермские языки: «осот», «вейник», «вереск», «кубышка», «ромашка», «лабазник», «роза», «овес», «рожь», «ячмень», «посевы», «озимь» («всходы»), «щавель».

5. Названия частей растений

Германские языки: «цветок», «лист» («листья»), «корень», «пушинки»; «зерно».

Финно-пермские языки: «цветок», «лист», «верхушка», «головка», «ножка (цветка)», «корень», «заболонь»; «зерно».

6. Названия животных

Германские языки: «бык», «корова», «овца», «баран», «ягненок», «лошадь», «конь», «жеребенок», «осел», «собака», «кошка», «лев», «медведь», «волк», «заяц», «свинья» («свиньи»), «коза», «крыса», «змея», «краб», «птица», «ворон», «ворона», «голуби», «воробей», «петух», «утка», «гусь», «пчела», «мошка», «вши».

Финно-пермские языки: «бык», «корова», «овца», «барашек», «лошадь (лошади)», «конь», «жеребенок», «одомашненный северный олень», «свинья», «собака», «кошка», «медведь», «волк», «заяц», «белка», «мышь», «лягушка», «змея», «птица», «сорока», «ворона», «ястреб», «дятел», «ласточка», «жаворонок», «петух», «курица», «гусь», «вши», «моль», «блоха».

7. Обозначения людей

Германские языки: «бабушка», «леди», «девушка» («девичий»), «мать» («мать-трава»), «женщина» («женская трава»), «старик», «сын», «отец», «человек,

мужчина»; «монах», «священник», «турок», «драгуны», «шут», «шкипер», «морьяк», «воин», «нищий, попрошайка», «нищий», «дворянин».

Финно-пермские языки: «баба» («бабий»), «женщина», «старик», «дед», «бабушка (старуха)», «тетя», «мать», «отец», «вдовец (вдова)», «мачеха», «чужая мать», «своя мать», «обездоленный (ребенок)», «сильный (крепкий) человек»; «король (королевский)», «священник, поп».

8. Личные имена (не включая группу 9)

Германские языки: англ. *Nancy, Toms*, нем. *Jörrchen [Jaköbchen]*.

Финно-пермские языки: нет

9. Имена религиозных и мифологических персонажей

Германские языки: Богородица (Богоматерь), (Дева) Мария, Христос, Иисус, Господь Бог, Св. (Иоанн), (Св.) Иосиф, Св. Аполлония; Венера; ведьма (ведьмы), дьявол.

Финно-пермские языки: Ной, Христос, (Св.) Иоанн; русалка, черт, полудница.

10. Религиозные и мифологические понятия, народные поверья

Германские языки: Вифлеемская звезда, крест, «Троица (праздник)», «благословенный»; «колесница (Венеры)»; «колдовство», «ночной кошмар».

Финно-пермские языки: «ковчег», «крест», Святки; «нить жизни» (также «трава жизни»); «проклятый, проклятие», «жребий», «предсказание».

11. Названия предметов, связанных с религией и церковью

Германские языки: «кафедра (священника)», «колокол(а)».

Финно-пермские языки: «колокол», «церковь», «(церковный) купол».

12. Названия предметов и деталей одежды

Германские языки: «шапка(и)», «шляпки», «капюшон (монаха)», «монашеский клобук», «колпак (турка)», «ночной колпак», «шлем», «шутовской колпак», «фуражечка (шкипера)», «накидка», «плащ», «зонтик», «пояс».

Финно-пермские языки: «шляпа», «шапка», «зонтик», «воротничок (священника)», «юбка», «кофта, блуза», «рюши, оборки», «складка (на одежде)», «башмак (башмачок, башмачки)», «сапоги».

13. Названия пищевых продуктов

Германские языки: «сыр», «масло», «молоко», «сливки», «яйцо», «сахар», «хлеб, пицца», «кусоч хлеба (пирога)», «хлебный мякиш», «пряник» («сахарный хлеб»), «мед», «топленое сало», «жир», «яблочный пирог», «сливы», «миндаль», «кофе», «шнапс», «табак», «горчица», «перец».

Финно-пермские языки: «масло», «молоко», «простокваша», «мед», «крупа» («крупяной»), «блин», «булочка», «горчица», «соль», «табак», «чай», «цикорий», «водка (вино)».

14. Названия бытовых предметов

Германские языки: «колокольчики», «бутылка», «(кофейная) чашка(и)», «стаканчик(и)», «сковорода», «миска»; «веревка», «узел», «кисточки», «провода»; «наперсток», «шерсть», «сено», «чернила», «зеркало», «часы», «дверца», «серп», «колесо», «венок», «трещотка», «пенни» («монетки»), «блестка», «блесточки», «ком, комок; шарик».

Финно-пермские языки: «котел», «рюмка»; «папироска», «веревочная кисточка», «ворс», «лоскут», «наперсток», «футляр (ножны)», «серп», «пила», «зубья (насечка) серпа (пилы)», «лампа», «свеча», «лодка», «колесо», «хлопушка», «бубенчик, бубенцы», «колокольчик», «венок», «бабаюр» (народная прическа или головной убор), «кукла».

15. Названия явлений и объектов природы

Германские языки: «солнцеворот» («небесный поворот»), «дождь», «гром», «гроза», «луна»; «земля», «бедная (неплодородная) земля», «(известковая) глина», «песок», «куст», «(живая) изгородь», «гнездо», «шишка», «роса», «янтарь», «жемчужина», «смола», «плесень».

Финно-пермские языки: «солнце» (в номинациях «солнечная лепешка» и т. п.), «вода», «ветер», «мерзлота», «холод», «наст», «земля», «грязь», «камень», «роса», «изгородь», «еловая хвоя», «гибкая ветка, прут, молодое дерево», «хворостина», «ржавчина», «железо», «смола», «пух», «перо».

16. Обозначения мест, пространств

Германские языки: «лес», «поле», «луг», «дорога».

Финно-пермские языки: «поле», «луг», «лужайка, поляна, пастбище», «поверхность земли», «путь, дорога» (также «(при)дорожный»), «поверхность дороги», «край дороги», «пригорок (холм)», «межа», «двор», «баня», «куча».

17. Обозначения стран и народов

Германские языки: «ирландский», «немецкий», «брабантский», «испанский».

Финно-пермские языки: нет

18. Названия частей тела и органов человека и антропоморфных мифологических существ

Германские языки: «сердце», «голова», «глаза», «нос», «зуб», «волосы», «коса» (прическа), «горло», «грудь», «легкие», «вена» (или «прожилка»), «рука», «кишка» («кишка дьявола»), «нога (ступня)» («ступня дьявола»), «плоть» («плоть (нашего) Господа Бога»), «живот».

Финно-пермские языки: «сердце» («сердечный»), «голова», «глаз» («чертов глаз», «глаз полудницы»), «зуб», «(взъерошенные) волосы», «ноготь», «палец», «сустав», «кости», «нерв» (или «нить»), «жила».

19. Названия частей тела животных

Германские языки: «глаз», «ухо», «зуб», «язык, язычок», «нога, лапа (ступня)» («петушиный шаг» – то же значение) «копыто (копыта)», «нога», «хвост».

Финно-пермские языки: «глаз» (также метафорически «глаз цветка»), «ноздря», «ухо», «язык», «рыло», «голова», «сосок», «лапа (ступня)», «копыто», «колени», «хвост», «(петушиный) гребень».

20. Названия биологических жидкостей человека и животных

Германские языки: «кровь», «слезы», «желчь», «моча».

Финно-пермские языки: «кровь», «слеза», «желчь», «моча».

21. Названия болезней и болезненных состояний

Германские языки: «рана (раны)», «кровоточить», «порез», «повреждения», «короста», «болезнь скота; сыпь; язва (панариций)», «ожог», «чиханье», «боль»,

«боль в животе», «лихорадка», «жар», «кашель», «ревматическая боль», «холера», «голод».

Финно-пермские языки: «рана от железа (металла)», «ушиб, рана», «опухоль», «отек, опухоль», «нарыв, панариций», «нарыв», «прыщ», «одышка (удушье)», «кашель», «подагра», «подагра, ревматизм», «ломота костей», «грыжа», «золотуха», «чесотка», «оспа», «норица».

22. Характеристики лекарственного воздействия растения

Германские языки: «исцеление от всех повреждений», «быстро исцеляющая (трава)», «трава, останавливающая кровь», «бальзам [для] раны воина», «касаться» + «лечить» (т. е. «растение, прикосновение которого лечит»), «лечащий» («лечащий лист»), «лист, унимающий боль».

Финно-пермские языки: «трава, запрещающая кровь», «трава-держатель крови» (т. е. «трава, сдерживающая кровь»), «трава, успокаивающая кровь», «дорогой, ценный» («дорогая, ценная трава»), «старший» («старший в поле»), «лист, который прижимают (к ране)», «лекарственный».

23. Слова, указывающие на ядовитость или вредные свойства растения

Германские языки: «ядовитое растение», «(волчий, собачий) яд», «собачья (лошадиная) смерть», «едкий», «жгучий», «жгучая боль».

Финно-пермские языки: «плохой», «яд», «огонь», «смерть».

24. Слова, передающие положительную оценочную характеристику растения

Германские языки: «счастье».

Финно-пермские языки: «счастье, удача», «красота», «красивый», «настоящий, правильный».

25. Описания звуков, производимых растением

Германские языки: «треск, грохот».

Финно-пермские языки: «звон», «звонящий».

26. Обозначения прочих действий (глаголы (даны в инфинитиве) и отглагольные существительные)

Германские языки: «связывать», «обвивать», «растягиваться, тянуться», «дергать (в разные стороны), тянуть, растягивать», «трястись, дрожать», «покачиваться», «стоять смиренно» («стой(те) смиренно»), «затоптать», «толкать, ударять; толочь», «ступать» («дорога» + «ступать»), «сосать», «пожиратель».

Финно-пермские языки: «вращение, оборот, поворот», «переворот, кувырок», «вертеться, крутиться», «витья», «тянуться, стелиться», «проходить» («трава, проходящая сквозь наст»), «дудение», «щелчок», «удар» (шлепок), «дрожание», «сосание», «высасывать», «пылить».

27. Обозначения времен года и других временных отрезков

Германские языки: «май», «лето», «ранний», «час (дня или ночи)».

Финно-пермские языки: «весенний».

28. Числительные

Германские языки: «тысяча», «сотня», «девятисто».

Финно-пермские языки: «сто».

29. Прочие компоненты (не вошедшие в предыдущие группы)

Германские языки: «помеха (препятствие)», «дырки» («сто дырок»), «точка (крапинка)»; «расположение духа, настроение».

Финно-пермские языки: «дыра»; «народный».

Комментарий

При сопоставлении компонентов, которые входят в состав фитонимов в двух языковых группах, обнаруживаются как сходные черты, так и различия. Очень часто (таких случаев большинство) в германских и финно-пермских наименованиях используются идентичные или очень близкие по семантике лексические средства. Но нередки и ситуации, когда в одной языковой группе называются предметы, явления, имена, персонажи, отсутствующие во второй. Иногда такие различия объясняются ограниченным объемом материала. Например, в одном из германских фитонимов в качестве компонента упоминается чертополох;

но вполне вероятно, что этот компонент встречается и в финно-пермских названиях каких-либо растений, которые не рассматриваются в нашей работе. Но присутствие ряда компонентов в германском или финно-пермском материале явно неслучайно: они представляют собой реалии и отражают культурные, исторические, природные особенности. Далее мы прокомментируем каждую из выделенных тематических групп.

1. Названия цветов и оттенков. Эта группа в германских и финно-пермских языках не содержит ярких различий, что неудивительно: можно ожидать, что основные цвета растений у разных народов будут обозначаться примерно одинаково. Ограниченным материалом исследования объясняется отсутствие в германских фитонимах компонента «белый», а в финно-пермском – компонента «красноватый». Внимание привлекает упоминание зеленого цвета в коми языке: «зеленым цветком» именуется мать-и-мачеха из-за нехарактерной последовательности развития растения. Цветообозначение «синий, серовато-синий» в названии василька представлено в шотландском диалекте английского языка. Интересно также прилагательное «кровавый» (*sanguinary*), которое входит в английское наименование тысячелистника и заимствовано из латыни.

2. Слова, прямо указывающие на размер и форму растений; 3. Слова, прямо указывающие на признаки, отличные от внешних (особенности поверхности, вкус и др.). Компоненты этих двух групп в целом довольно стандартные. Отметить можно три компонента из финно-пермских фитонимов: «хромой», «комковатый», «дикий», а также компонент «сильный», использованный в английском наименовании.

4. Фитонимы и другие лексемы, обозначающие растение. В английском материале довольно часто встречается слово «сорняк». Как правило, «сорняками» именуются растения, которые каким-то образом мешают человеку (василек, спорыш, вьюнок). Но отмечен этот компонент и в названии целебной мать-и-мачехи, где он просто констатирует, что мать-и-мачеха – дикое растение. В финно-пермских и немецких фитонимах для обозначения сорных и бесполезных расте-

ний применяются названия животных (как и в английском), но аналогов слову «сорняк» не найдено.

В обеих языковых группах обнаружено по одному фитониму, которые могут описывать разные дикие цветущие растения и, вероятно, воспринимаются как названия «прототипического» цветка. В германских языках это «маргаритка», а в финно-пермских – «ромашка». Такое различие обусловлено природными, климатическими условиями: на территории распространения двух групп языков разные растения являются обыкновенными, самыми распространенными дикими цветами.

Культурными причинами, скорее всего, можно объяснить наличие в английском материале компонента «трилистник»: трилистник как символ изначально функционировал именно на Британских островах. Интересная особенность, заметная в финно-пермском материале, – большее разнообразие названий зерновых. В обеих группах языков упоминаются рожь и ячмень; в финно-пермских фитонимах, помимо этого, отмечены компоненты «овес», «посевы», «озимь, всходы». Это наблюдение сложно объяснить без обращения к дополнительному лингвистическому материалу.

5. Названия частей растений. В этой группе тенденцией можно считать использование в финно-пермских названиях (коми и финском) компонентов «верхушка» и «головка». Верхняя часть растений (прежде всего ее цвет) описывается, конечно же, и в германских фитонимах; но по какой-то причине в английском и немецком в рассмотренных примерах эта часть не выделяется при помощи отдельного слова. В одном примере из коми языка упоминается заболонь – специфическая часть древесных растений; это слово (*болонь*), вероятно, заимствовано из русского. Условно к данной группе причислен компонент «зерно» (встречается в материале обеих языковых групп).

6. Названия животных. Лингвокультурная специфика определенно проявляется в названиях двух животных – вóрона в германских языках и одомашненного северного оленя в финно-пермских. Первый занимает важное место в мифологии и культуре германских народов; северный олень упоминается в связи не толь-

ко с культурными, но также с природными и хозяйственными условиями жизни носителей финно-пермских языков.

В трех германских названиях манжетки обыкновенной использован компонент «лев (львиный)». Мы можем связать это с латинским влиянием: один из этих трех фитонимов заимствован, а два – вероятно, калькированы из латыни. Кроме того, образ льва присутствует и широко используется в западноевропейской геральдике и системе образности, что с трудом представимо, в частности, в карельском и коми ареале. Упоминание голубей в германских языках, на первый взгляд, непримечательно; но в английском фитониме «колесница Венеры, которую везут два голубя» эти птицы явно представляют собой мифологический символ.

Любопытна ситуация с названиями птиц в составе фитонимов. В финно-пермских языках наблюдается бóльшее разнообразие обозначений диких птиц (сорока, ворона, ястреб, дятел, ласточка, жаворонок); при этом домашние птицы обозначаются в двух группах языков с одинаковой частотой.

7. Обозначения людей. Одна из наиболее примечательных черт германских фитонимов в целом – упоминание в них социальных групп, сословий, профессий, которые каким-то образом характеризуют культуру, историю и общественный строй англо- и немецкоязычных стран. В германских наименованиях растений особенно часто фигурирует монах (священник же упоминается в обеих языковых группах); другие именованья сословий из фитонимов – «воин», «дворянин», «леди», «нищий, попрошайка». В английском обозначении полыни мы видим компонент «моряк» (профессия, крайне характерная для Британских островов); другие занятия, называемые в германских фитонимах – шкипер, драгун, шут. В английском материале отмечено название «колпак турка» (аконит); это связано, очевидно, с иностранными контактами британцев и (в наибольшей степени) с представлениями о других народах и их внешнем виде, во многом стереотипными.

Среди изученных финно-пермских фитонимов таких конкретных названий профессий и социальных слоев не обнаружено. Внимание привлекает целая группа наименований мать-и-мачехи с компонентами «своя мать», «чужая мать», «мачеха», «обездоленный (ребенок)»; сюда также можно включить слово «вдовец

(вдова)». Очень вероятно, что такие обозначения возникли под влиянием русского языка. Примечательно, что в финском языке на территории Финляндии отмечен только компонент «вдовец (вдова)». Возможно, финно-пермские исконные фитонимы обращали внимание на поверхность листьев мать-и-мачехи способом, близким к русскому языку, но все же не тождественным. На этой почве производные от рус. *мать-и-мачеха* смогли легко укорениться, в частности, в карельском и коми языках.

Необычна также коми номинация «сильный (крепкий) человек-трава», в которой одним словом передаются два понятия.

8. Личные имена (не включая группу 9). Эта группа представлена тремя германскими примерами (в собранном финно-пермском материале такие примеры отсутствуют). В этих двух номинациях стебли трясунки средней с соцветиями-колосками наверху уподобляются человеческой фигуре.

9. Имена религиозных и мифологических персонажей. Очень заметная и частотная особенность английских и немецких фитонимов – использование в них имен библейских персонажей. Наиболее многочисленны случаи упоминания Богоматери и Христа (при этом встречаются разные варианты их имен). В финно-пермской народной номенклатуре библейские персонажи упоминаются реже и именуются более однообразно. Интересно, что примерно одинаково «популярно» в обеих частях нашего материала имя Св. Иоанна: оно часто входит в названия целого набора растений, цветущих или растущих в период летнего солнцестояния, дня Св. Иоанна. Это единственный святой, который упоминается в изученных нами финских, карельских и коми фитонимах. В германских же языках мы находим еще два примера (Св. Иосиф и Св. Аполлония). Для английского и немецкого, по всей видимости, более обыкновенна номинация растений через имена святых, с которыми эти растения связаны временем цветения или лечебными свойствами.

В изученном германском материале обнаружено упоминание одного мифологического персонажа – Венеры (среди финно-пермских фитонимов таких примеров нет вообще). Данная группа лексики требует сбора более обширного материала. Но все же можно предположить, что в английском и немецком герои ан-

тичной мифологии фигурируют чаще, чем в финно-пермских языках из-за намного более тесной связи западноевропейских культур с классической.

Можно сделать наблюдения и относительно появления в фитонимах отрицательных сверхъестественных персонажей. Только в английском и немецком материале мы встречаем компонент «ведьма(ы)»; это можно объяснить тем, что в фольклоре и народных верованиях этих народов образ колдуньи специфичный, яркий и играет важную роль. В финском и коми номинациях упоминаются русалка и полудница – персонажи, характерные для «местного» фольклора. Кроме того, можно сделать следующее предположение: «стандартный» образ немецкой или английской ведьмы складывался в христианской традиции; русалка и полудница же отсылают скорее к языческим представлениям.

10. Религиозные и мифологические понятия, народные поверья. К примечательным словам и словосочетаниям из этой группы можно отнести «благословенный» (в английском) и «нить (трава) жизни» (в финском).

В обеих языковых группах в фитонимах упоминаются «отрицательные» сверхъестественные явления, злые силы. Но интересно, что в германских примерах «колдовство» и «ночной кошмар» – те явления, с которыми растение помогает бороться; финское же «проклятый, проклятие» в названии трясушки – это описание совсем других свойств номинируемого объекта. В финно-пермских названиях мы встречаем слова «жребий» и «предсказание» как отсылку к народным традициям, связанным с растением. В германских языках таких примеров не найдено; но, возможно, это объясняется ограниченностью материала исследования.

11. Названия предметов, связанных с религией и церковью. Эта группа немногочисленна и в обеих частях языкового материала представлена примерно одинаково. Как в германских, так и в финно-пермских фитонимах упоминается церковный колокол; кроме того, в состав этой группы входят компоненты «кафедра (священника)» (в германских языках); «церковь», «(церковный) купол» (в финно-пермских).

12. Названия предметов и деталей одежды. Головные уборы – наиболее «популярная» разновидность одежды, упоминаемая в германских фитонимах.

Большинство таких случаев – это обозначения характерных и иногда необычных головных уборов, которые ассоциируются с людьми разных профессий, сословий и в одном примере – национальности («колпак турка»). В финно-пермском материале мы находим только «шляпу» и «шапку», но встречаются также названия обуви. В германских номинациях упоминаются плащ и накидка, а в финно-пермских – юбка и кофта (блуза). Примечательно, что с помощью этих четырех слов описывается один и тот же признак – складчатые ласты манжетки обыкновенной.

Помимо этого, в фитонимах можно обнаружить названия деталей одежды, имеющих определенную форму, через которую можно описать форму растения или его части. Такие компоненты чаще отмечаются в финском, карельском и коми («рюши, оборки», «складка (на одежде)», «воротничок»).

13. Названия пищевых продуктов. Наполнение этой группы в германских и финно-пермских языках в целом сопоставимо друг с другом: в основном здесь представлены универсальные и простые продукты питания. Но есть несколько лексических единиц, обозначающих культурные реалии. Прежде всего это немецкое диалектное слово *Striezel*, обозначающее особый род выпечки, выпекаемой на немецкоязычном пространстве. Эта реальия не имеет точных аналогов в других странах, и поэтому слово *Striezel* переводится как «хлеб, пирог» или же описательно. В немецкое название зверобоя входит слово «шнапс», а в финское – «водка, вино»: эти компоненты выражают одно и то же свойство растения, но их выбор обусловлен культурой двух народов.

14. Названия бытовых предметов. Эта группа имеет в германских и финно-пермских языках очень похожий состав. В обеих частях материала находим названия посуды: «(кофейная) чашка», «рюмка», «стаканчик(и)», «сковорода», «котел» и т. д. В английских и немецких фитонимах обозначений посуды несколько больше; но необходимо изучить более обширный круг лексики, чтобы делать заключения о каких-либо общих тенденциях. В английском и коми языках обнаружено по одному примеру слов, связанных с народной культурой и традициями: «пенни» и «бабаюр» (прическа или головной убор).

15. Названия явлений и объектов природы. В двух немецких примерах упоминаются гром и гроза, чего нет в собранных финно-пермских фитонимах. Это мы можем объяснить мифологией и верованиями германских народов, в которых важное место отводится грозе и грому, олицетворяемым богом Тором. Культурно-обусловленным также может быть использование компонента «солнцеворот»: в фитонимах обеих групп содержатся отсылки на время летнего солнцестояния, но лишь в немецком это выражается не только именем «Иван, Иоанн».

В финском, карельском и коми наименованиях также есть мифологически обусловленный компонент – «железо»: он фигурирует в наименованиях лекарственных растений и восходит к поверьям о ранах, нанесенных железом. Наличие в финно-пермских фитонимах слов «холод», «мерзлота» и «наст» и отсутствие каких-либо их аналогов в германских названиях явно свидетельствует о кардинальных различиях климата. Еще один интересный компонент (правда, не обусловленный культурными или природными особенностями) – «бедная (неплодородная) земля» в английском.

16. Обозначения мест, пространств. Среди финно-пермских фитонимов компонентов из этой группы насчитывается примерно в два раза больше, чем среди германских. Отчасти это может объясняться большей распространенностью признака места произрастания в финно-пермской части материала. Но предположим также, что в финно-пермской системе народной номинации место произрастания в принципе обозначается более детально, «дробно». Это может проистекать из меньшей урбанизованности, чем в англо- и немецкоговорящих странах: человеку, живущему в тесной связи с природой и полагающемуся на нее, необходимо знать, где найти, например, лекарственное растение. В собранных германских примерах упоминаются поле и луг; в финских, карельских и коми добавляются также «лужайка, поляна, пастбище», «межа», «пригорок, холм». Среди наиболее любопытных слов, которые встречаются в финно-пермских фитонимах – «двор», «баня», «поверхность земли».

Значительная доля компонентов указывает на то, что растение встречается близ дорог или на них (в первую очередь это относится к подорожнику). Для

финно-пермского материала характерны уточняющие обозначения: «край дороги», «поверхность дороги». Одно из немецких названий описывает спорыш птичий, соединяя в одном слове компоненты «дорога» и «ступать»; такой фитоним заменяет собой целую конструкцию – «[трава], растущая на дороге, по которой ступают».

17. Обозначения стран и народов. Эта небольшая группа присутствует только в германском материале, что, вероятно, объясняется большей ограниченностью контактов финно-пермских народов с «внешним миром» (особенно это применимо к носителям карельского и коми языков). Напротив, о таких контактах свидетельствует использование слов «брабантский» и «испанский» в немецких фитонимах. Прилагательное «ирландский» используется в английском наименовании одуванчика («ирландская маргаритка») для обозначения «неполноценности», второсортности цветка по сравнению с более «благородным» растением. Выбор национальности для придания фитониму такого оттенка обусловлен культурно-исторической спецификой, историей взаимоотношений Ирландии и остальной части Великобритании, в особенности Англии.

18. Названия частей тела и органов человека и антропоморфных мифологических существ. Эта группа представлена довольно «стандартным» набором компонентов в обеих частях нашего материала. Растения именуются через основные и самые заметные части тела и органы человека; как правило, это те части тела, на которые направлено лекарственное использование растения или с которыми можно усмотреть внешнее подобие частей растения. Это приводит к появлению ярких метафорических наименований. Интересный образ создает уподобление прожилок на листьях венам и жилам человека (это встречается в обеих языковых группах). Любопытно, что среди собранных финно-пермских фитонимов отсутствует упоминание органов дыхания, лечение которых, скорее всего, одинаково распространено в народной медицине разных народов. Напротив, в английском и немецком мы видим три таких компонента: «горло», «грудь» и «легкие». В финно-пермском материале нет аналогов слову «плоть» в немецком; при этом приме-

чительно, что один раз из двух зафиксированных оно использовано в христианском контексте («плоть (нашего) Господа Бога»).

19. Названия частей тела животных. В составе этой группы между двумя частями материала не наблюдается существенных различий. Любопытно, что среди германских и финно-пермских фитонимов разные компоненты становятся наиболее частотными: в первых это «копыто», а в финно-пермских – «глаз». Отметим также словосочетание «петушиный гребень», которое один раз встречается в финском языке. В этой группе также частотны метафоры.

20. Названия биологических жидкостей человека и животных. Формально германские и финно-пермские языки имеют в этой группе идентичный набор компонентов. Но важное различие состоит в том, в каких сочетаниях выступает слово «кровь» (это можно наблюдать по обозначениям зверобоя). В финском языке компонент «кровь» используется либо самостоятельно («кровь-трава»), либо в сочетании «свиная кровь» («трава-свиная кровь»). В немецком же отмечен пример «кровь Господа Бога», который, обозначая тот же признак, что и финский фитоним, обладает совершенно иной коннотацией. Номинация «кровь Господа Бога» связана еще с двумя близкими наименованиями – «трава ран Иисуса» и «капли крови»; все они отсылают и к красному цвету сока зверобоя, и к легенде, объясняющей этот цвет. Можно заключить, что в перечисленных немецких номинациях отражено христианское мировоззрение, а в финской – практичный, «земной» взгляд на окружающий мир.

21. Названия болезней и болезненных состояний. Особое место здесь занимают наименования ран, порезов и других подобных повреждений. В германских языках разнообразие таких компонентов несколько больше. В коми языке следует отметить сочетание «рана от железа (металла)», которое соотносится с символическим значением, придаваемым таким ранам в культуре финно-пермских народов (см. 16. Названия явлений и объектов природы). Среди финских, карельских и коми фитонимов несколько больше обозначений других болезненных состояний кожи, помимо порезов. Помимо этого, в номенклатуре растений упоминаются кашель, лихорадка, ревматизм и другие заболевания, которые

в народной медицине лечили теми или иными растениями. В этот список входят и болезни домашнего скота (по 1 примеру на каждую языковую группу). Загадочными выглядят отсылки к холере (немецкий) и оспе (коми) – заболеваниям, которые явно невозможно вылечить травами. Это свидетельствует о том, что в подобных фитонимах отражены скорее не реальные целебные качества растений, а практика их традиционного применения.

22. Характеристики лекарственного воздействия растения. В этой группе встречаются некоторые компоненты, рассмотренные выше, но здесь они представлены в составе конструкций. Отметим образные коми номинации, описывающие кровеостанавливающий эффект растения («трава-запрещающая кровь» и т. д.). Компоненты из этой группы чаще всего просто указывают на конкретные целебные свойства или способ применения растения, не добавляя какой-либо оценки. Как правило, называется остановка кровотечения и то, что растение накладывают на больное место (глаголы «касаться» и «прижимать»); в немецком также отмечается способность «унимать боль».

В германском материале к описанию действия растения иногда присоединяется положительная оценка: «исцеление от **всех** повреждений», «**быстро** исцеляющая (трава)». Несколько фитонимов в целом представляют собой отсылку к эффективности, важности, ценности растения: «бальзам» (в английском); «старший (в поле)», «дорогой, ценный» (в финно-пермских языках).

23. Слова, указывающие на ядовитость или вредные свойства растения. Среди германского материала подобных компонентов несколько больше, хотя фигурирующие здесь растения являются однозначно ядовитыми или способными нанести вред, что могло бы отразиться одинаково в разных языках. Возможно, дело в ограниченности материала и при сопоставлении названий других растений количественного расхождения не будет. Среди особенностей, которые можно отметить – разное описание жгучего сока растения. В финском языке для этого используется слово «огонь», а в германских – компоненты «едкий», «жгучий», «жгучая боль».

24. Слова, передающие положительную оценочную характеристику растения. В эту группу входят компоненты с положительной коннотацией, среди которых общим для двух частей материала стал компонент «счастье». В нескольких финно-пермских номинациях функционируют слова «красота» и «красивый». Любопытно, что столь частотные в любом языке слова, по всей видимости, редки в составе фитонимов; очевидно, для распознавания нужного растения нужны более точные описания. Компонент «настоящий, правильный» в финском названии аконита – это свидетельство противопоставления своего, знакомого, и чужого, незнакомого, из которых «правильным» признается первое.

25. Описания звуков, производимых растением. Здесь зафиксировано всего два примера в финно-пермских языках и один – в германских. Связано это с тем, что звуки обозначаются в фитонимах редко. Кроме того, признак звука может передаваться и через название действия, производящего этот звук; такие случаи из финно-пермского материала перечислены в следующей группе.

26. Обозначения прочих действий. Некоторые компоненты из этой группы можно объединить по смысловому признаку. В обеих системах народной номенклатуры многообразно описываются вьющиеся растения (в германских языках: «связывать», «обвивать», «растягивать(ся)», «дергать»; в финно-пермских языках: «вращение», «вертеться», «витья», «стелиться»). Для описания свойств растений характерно использование слов, описывающих движение (чаще всего глаголов). Помимо некоторых из перечисленных выше, это слова «дрожать», «дрожание», «ступать», «проходить»; «покачиваться», «затоптать» (в германских языках); «переворот, кувырок» (в финском), сочетание «стой(те) смирно» (в немецком). Примечательно использование императива в немецком фитониме, чего в финно-пермской фитонимической системе не обнаружено.

Еще одна смысловая группа – компоненты, описывающие различные воздействия на растения: «толкать, ударять; толочь» (германский материал); «дудение», «щелчок», «шлепок» (финно-пермский материал); «сосать», «высасывать» (обе части материала). Наконец, два из присутствующих здесь компонента отсылают к свойствам растений безотносительно какого-либо внешнего воздействия

на них: «пожиратель» (в фитониме «пожиратель зерна») в немецком и «пылить» в финском.

27. Обозначения времен года и других временных отрезков. В германских языках эта группа представлена более разнообразно и бóльшим числом компонентов, тогда как в финно-пермском материале отмечено только прилагательное «весенний». Для того, чтобы установить, стоит ли за этим некая общая тенденция, необходим анализ бóльшего количества материала.

28. Числительные. В рассмотренных фитонимах числительных обнаружилось крайне мало, но, возможно, это является следствием ограниченности материала исследования. В найденных примерах все числительные используются в значении «очень много, множество» (например, листьев тысячелистника).

29. Прочие компоненты (не вошедшие в предыдущие группы). Здесь собрано несколько компонентов, не вошедших ни в одну из предыдущих групп. Эти компоненты разнородны; однако три из них («дырки», «дыра», «точка») соотносятся друг с другом и обозначают одну и ту же внешнюю особенность листьев зверобоя продырявленного. В германском материале любопытен компонент «расположение духа, настроение», но комментировать его сложно.

III. Лингвокультурная специфика. Народные наименования растений часто несут информацию о лингвокультурной специфике германских и финно-пермских языков. При выявлении этой специфики необходимо учитывать, что все фитонимы, изученные в настоящей работе, принадлежат к одной из двух групп: номинации с прямым воплощением признака и номинации с метафорическим выражением признака.

1. Номинации с прямым воплощением признака: в них особенность растения, которой мотивирован фитоним, проясняется без использования метафоры. К этой группе относятся, в частности, следующие наименования: англ. *red clover*, фин. *puna-apila(s)* – букв. «красный клевер» (клевер луговой); нем. *das Thaublatt*, букв. «роса-лист», коми *лысва турун* – букв. «роса-трава» (манжетка обыкновенная); нем. *die Schnapsblume* «шнапс-цветок» – фин. *viinakukka* «водка (вино)-цветок» (зверобой). К прямым номинациям относятся многие фитонимы, обозна-

чающие лекарственное применение растения: коми *пиня турун* «трава (от) зуба» (тысячелистник), фин. *röhöheinä* «отек (опухоль)-трава» (полынь), нем. *das Fieberkraut* «лихорадка-трава» (зверобой), англ. *coughwort* «кашель-трава» (мать-и-мачеха») и т. п.

Возможно ли из фитонимов этой группы извлечь лингвокультурную информацию? Да, возможно, и это касается в первую очередь общих тенденций, которым следует номинация травянистых растений в германских и финно-пермских языках. Так, для германских фитонимов характерно понятие о сорных растениях, намного менее выраженное в финно-пермском материале. Об этом свидетельствует компонент «сорняк», особенно частотный в названиях диких трав, мешающих человеку (напр., англ. *mayweed*, букв. «май-сорняк» – нивяник обыкновенный). На этом основании можно предположить, что германские народы в древности в целом в большей степени занимались земледелием, чем финно-пермские. В финно-пермских языках, судя по всему, шире, чем в германских, распространена «ландшафтная» номинация растений: разнообразно и подробно описаны типы местности, где встречаются растения (напр., фин. *mäkikuisma* «пригорок (холм)-зверобой» и *nurmikuismo* «луг-зверобой» – зверобой продырявленный). Это не только отражает особенности сложившейся лексической системы, но и, возможно, обусловлено образом жизни финно-пермских народов, их традиционными занятиями, связанными с ориентированием на природе (охота, промыслы).

Таким образом, анализируя номинации с прямым воплощением признака, можно расширить представления о традиционном образе жизни народов-носителей языков. Однако для построения более развернутых выводов необходимо привлечение большего объема материала, в том числе широкого круга языков из обеих групп.

2. Номинации с метафорическим воплощением признака. Такие фитонимы по своему числу и разнообразию превосходят прямые номинации. Как правило, это двухкомпонентные названия, которые можно разделить на две подгруппы: «метафора + метафора» и «метафора + прямое воплощение признака».

2а. «Метафора + метафора» (двойные метафоры). Значительная часть этой группы наименований – фитонимы, основанные на зоонимических образах. При этом одна часть названия относится к зоонимической лексике, а вторая – к соматической: англ. *bear's-foot* «медвежья лапа» – коми *понкок* «собачья лапа» (манжетка); нем. *der Eselshuf* «ослиное копыто» – фин. *varsankavio* «копыто жеребенка» (мать-и-мачеха); англ. *ox-eye* «бычий глаз» – фин. *haukansilmä* «ястребинный глаз», коми *катуасин* «сорочий глаз» (нивяник) и т. п. Но используются и другие образы: например, англ. *grandmother's nightcap* «бабушкин ночной колпак» – фин. *ikonhattu* «шляпа старика» (аконит); англ. *witches' thimble* «наперсток ведьм» (колокольчик); коми-перм. *шырпыж* «мышинная лодка» (подорожник).

2б. «Метафора + прямое воплощение признака». Примеры таких номинаций: нем. *das Aderkraut* «вена-трава» – фин. ингерм. *hermuleht'* «нерв (нить)-лист» (подорожник); нем. *die Honigblumen* «мед-цветы» – фин. *mesiheinä* «мед-трава» (клевер); нем. *die Schmalzblume* «топленое сало-цветок» – фин., карел. *voikukka* «масло-цветок» (лютик)); коми *бабаюр турун* «бабаюр-трава» (нивяник); карел. *küwnel'hein'ä* «слеза-трава» (трясунка).

Метафорические номинации (оба их подвида) представляют наибольший интерес с точки зрения лингвокультурной специфики: посредством таких наименований происходит осмысление реалий материальной и духовной культуры. В нашем материале встречаются случаи, когда в фитонимах одной из двух групп языков присутствует какая-либо материальная реалья или понятие духовной культуры, а в другой группе на их месте наблюдается лакуна. Причина этой лакуны этнографическая (отсутствие определенных предметов материальной культуры или же меньшая выраженность, значимость духовного понятия – в целом в культуре или, по крайней мере, в описании растений). Часто в таких фитонимах обозначены специфические явления материальной и духовной культуры, эксклюзивные по отношению к народам, состоящим во второй группе.

Примеры включения в фитонимы **реалий материальной культуры**: англ. *monkshood* «капюшон монаха» (аконит), фин. *poronkello* «олений колокол» (*poro* 'северный олень') (колокольчик), коми *бабаюр турун* «бабаюр-трава» (нивяник),

нем. *die Schnapsblume* «шнапс-цветок» (зверобой) и т. п. Примеры включения в фитонимы **понятий духовной культуры**: нем. *die Muttergottesthränen* «слезы **Богоматери**» (трясунка), англ. *witches' thimble* «наперсток **ведьм**» (колокольчик), коми *пӧлӧзничӧ син* «глаз **полудницы**» (василек), нем. *das (Ünser) Herrgottsfleisch* «плоть (нашего) Господа Бога» (клевер луговой), фин. ингерм. *jeesuksenkynnenheinä* «трава ногтя Христа» (трясунка) и т. п.

Довольно много фитонимов, изученных в настоящей работе, составляют параллели с названиями из других языков или из другой языковой группы (см. примеры в классификации выше). При рассмотрении этих параллелей обнаруживается различная «амплитуда» варьирования образов (в первую очередь это касается метафорических номинаций). Образы, создающиеся в паре названий, могут быть очень близки друг другу (англ. *grandmother's nightcap* «бабушкин ночной колпак» – фин. *ukonhattu* «шляпа старика»), совпадать в меньшей степени (нем. *der Eselshuf* «ослиное копыто» ~ фин. *varsankavio* «копыто жеребенка»; англ. *ox-eye* «бычий глаз» ~ фин. *haukansilmä* «ястребиный глаз»), а могут отстоять довольно далеко друг от друга (нем. *Düiwelsfeot* «нога (ступня) дьявола» ~ фин. *karhunkämmenheena* «медвежья лапа-трава»; нем. *der unser (lieben) Frauen Mantel* «плащ Богородицы» ~ фин. ингерм. *pyöräheinä* «колесо-трава»).

IV. Семантика фитонимов и калькирование

Совпадения и параллели между фитонимами разных языков могут происходить не только из универсальности взгляда на природу, но и в результате калькирования. Важно отметить, что достоверно установить факт калькирования во многих случаях сложно или даже невозможно. Часто отсутствуют текстовые, документальные свидетельства того, что, скажем, данный английский фитоним был калькирован из определенного латинского названия в определенный период (такими свидетельствами могут быть, например, глоссарии). Поэтому в ходе настоящего исследования делались лишь предположения о вероятности калькирования. При этом учитывались, среди прочего, следующие признаки, которые могут указывать на то, что произошло калькирование:

1. Фитоним повторяет структуру латинского научного названия данного растения, имеет родовой и видовой компоненты. При этом изначальная внутренняя форма латинского родового компонента может быть стертой, и в качестве родового компонента выступает «стандартное» наименование растения в данном языке. Видовой же компонент переводится буквально (лат. науч. *Plantago major* > англ. *greater plantain*; лат. науч. *Campanula rotundifolia* > нем. *die rundblättrige Glockenblume* и т. п.).

2. В языке есть несколько похожих способов выражения одной и той же особенности растения, и один из этих способов представляет собой буквальный эквивалент фитонима из другого языка (чаще всего латинского). Так, в английском и немецком языках есть несколько названий манжетки обыкновенной, в которых ее лист уподоблен лапе животного (англ. *bear's-foot* «медвежья лапа», *duck's-foot*, нем. *Gänsefuss* «гусиная лапа»). Но по одному наименованию из английского и немецкого – англ. *lion's foot* и нем. *Löwenfuss* («львиная лапа») – является буквальным соответствием лат. *pēs leōnis* или *leontopodium*. При этом форма листьев манжетки является очень заметной чертой растения. Можно сделать следующее предположение: фитонимы *lion's foot* и *Löwenfuss* представляют собой кальки из латыни, а предыдущие три наименования являются исконными.

3. Фитонимы с похожей внутренней формой отмечены в близкородственных языках, а также в языке, генеалогически более отдаленном. Так, если мы видим соответствующие друг другу номинации в германских языках (например, англ. *lady's mantle* («накидка леди»), нем. *Frauenmantel* («женский плащ»), а также в романском (фр. *manteau des dames*), то вероятно калькирование в первые из второго. Обусловлено это тем, что английский язык на протяжении своей истории подвергался значительному влиянию англо-нормандского диалекта и французского языка. Одним из каналов заимствования была ученая (в данном случае – ботаническая) литература, глоссарии, в которые вносились и научные, и народные названия растений.

Список предположительно калькированных фитонимов представлен ниже в табл. 4.

Таблица 4. Предположительно калькированные фитонимы

№	Калькированный фитоним	Предполагаемый источник калькирования	Обозначаемое растение
1	англ. <i>thousand-leaf</i> (букв. «тысяча-лист»)	лат. <i>millefolium</i> (букв. «тысяча-лист»)	Achillea millefolium L. (тысячелистник обыкновенный)
2	нем. <i>das Tausendblatt</i> (свн. <i>Tausendplat</i> ; букв. «тысяча-лист»)		
3	англ. <i>nosebleed</i> (са. <i>nōse-blēde</i> («нос» + «кровоточить»)	фр. <i>saigne-nez</i> («кровоточить» + «нос»)	
4	англ. <i>lion's foot</i> (да. <i>lēon-fōt</i>) (букв. «львиная нога (лапа)»)	лат. <i>pēs leōnis</i> или <i>leontopodium</i> (букв. «тж.»)	Alchemilla vulgaris L. (манжетка обыкновенная)
5	нем. <i>der Löwenfuss</i> (букв. «львиная лапа»)		
6	англ. <i>lady's mantle</i> (букв. «накидка леди»)	фр. <i>manteau des dames</i> (букв. «плащ дамы»)	
7	нем. <i>der Frauenmantel</i> (букв. «женский плащ»)		
8	нем. <i>der (St.) Johannisgürtel</i> (букв. «пояс (Св.) Иоанна»)	лат. <i>cingulum Sancti Johannis</i> (букв. «тж.»)	Artemisia vulgaris L. (полынь обыкновенная)
9	нем. <i>die rundblättrige Glockenblume</i> (букв. «круглолистный колокольчик»)	лат. науч. <i>Campanula rotundifolia</i> (букв. «колокольчик круглолистный»)	Campanula rotundifolia L. (колокольчик круглолистный)
10	да. <i>eorþ-gealla</i> (букв. «земля-желчь») – <i>Centaurea</i> L. (василек), <i>Centaurium umbellatum</i> Gilib. (золототысячник обыкновенный), совр. англ. <i>earth-gall</i> – золототысячник обыкновенный	лат. <i>fel terrae</i> (букв. «желчь земли, горечь земли»)	<i>Centaurea</i> L. (василек)
11	нем. <i>die Ackerwinde</i> (букв. «поле-вьюнок»)	лат. науч. <i>Convolvulus arvensis</i> (букв. «вьюнок полевой»)	<i>Convolvulus arvensis</i> L. (вьюнок полевой)
12	англ. <i>field bindweed</i> (букв. «полевой вьюнок»)		
13	фин. <i>peltokierto</i> (букв. «поле-вьюнок»)		
	нем. <i>der Teufelsdarm</i> (букв. «кишка дьявола»)	фр. <i>boyaux du diable</i> , букв. «кишки дьявола»	

14	нем. <i>das Unserfrauenkraut</i> (букв. «трава Богородицы»)	фр. <i>herbe de Notre-Dame</i> , ит. <i>erba de la Madona</i> (букв. «тж.»)	<i>Hypericum perforatum</i> L. (зверобой продыряв- ленный)
15	англ. <i>ox-eye</i> (букв. «бычий глаз»)	фр. <i>aeil de boeuf</i> , (букв. «глаз вола»)	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam. (нивяник обыкно- венный)
16	англ. <i>great waybrede</i> (букв. «большой подорожник»)	лат. науч. <i>Plantago major</i> (букв. «подорожник большой»)	<i>Plantago major</i> L. (подо- рожник большой)
17	нем. <i>der Große Wegerich</i> (букв. «большой подорож- ник»)		
18	англ. <i>greater plantain</i> (букв. «большой подорожник»)		
19	са. <i>lõmbes tõnge</i> (букв. «язык ягненка»)	фр. <i>langue de brebis</i> (букв. «овечий язык»)	
20	нем. <i>die Schafzunge</i> (букв. «овца-язык»)		
21	англ. <i>sparrow-tongue</i> (букв. «воробей-язык»), са. <i>sparwe(s) tonge</i> (букв. «воро- бьиный язык»)	ср.-лат. <i>lingua passerina</i> (букв. «воробьиный язык»)	<i>Polygonum aviculare</i> L. (спорыш птичий)
22	нем. <i>das Spatzenzünglin</i> (букв. «воробьиный язы- чок»)		
23	англ. <i>swine's grass</i> (да. <i>swīnes-gærs</i> , са. <i>swunys grees</i>) (букв. «свиная трава»)	фр. <i>herbe de cochon</i> (букв. «свиная трава»)	
24	нем. <i>das Schweinegras</i> (букв. «свиньи-трава»)		
25	англ. <i>gold(en) cup</i> (букв. «зо- лотая чашка»)	фр. <i>gobelet d'or</i> (букв. «золотой кубок»)	<i>Ranunculus acris</i> L. (лю- тик едкий)
26	нем. <i>der scharfe Hahnenfuß</i> (букв. «едкий лютик»)	лат. науч. <i>Ranunculus acris</i> (букв. «лютик едкий»)	
27	нем. <i>der Löwenzahn</i> (букв. «зуб льва»)	лат. <i>dens leonis</i> (букв. «тж.»)	<i>Taraxacum officinale</i> Weber (одуванчик ле- карственный)
28	англ. <i>meadow clover</i> (букв. «луг-клевер», т. е. «луговой клевер»)	лат. науч. <i>Trifolium</i> <i>pratense</i> (букв. «клевер луговой»)	<i>Trifolium pratense</i> L. (клевер луговой)
29	нем. <i>der Wiesenkleee</i> (букв. «луговой клевер»)		
30	да. <i>colt-nægl</i> (<i>colt-græg</i>) (букв. «копыто жеребенка»)	лат. <i>ungula caballi</i> (букв. «копыто лошади»)	<i>Tussilago farfara</i> L. (мать-и-мачеха обыкно- венная)
31	англ. <i>son-before-the-father</i> (букв. «сын вперед отца»)	лат. <i>filius ante patrem</i> (букв. «тж.»)	
32	нем. <i>Sohn vor dem Vater</i> (букв. «сын вперед отца»)		

Кроме полных калек, обнаружены и частично калькированные единицы (см. Табл. 5). В таких случаях фитонимы не повторяют дословно исходные наименования, а имеют с ними совпадения. Нам встретились следующие ситуации:

1. фитоним изучаемого языка «наследует» один из компонентов исходной номинации (англ. *throatwort* < лат. *trachelium maius*; нем. *Sichelblume* < лат. *baptisecula*; карел. *rohtuvoikukku* < лат. науч. *Taraxacum officinale*; фин. ингерм. *emintimänleht'* < рус. *мать-и-мачеха*). Иногда «наследуемый» компонент калькирован из того же исходного языка (карел. *muáčuhaheinä*, *muáčuhal'eht'i* < рус. *мать-и-мачеха*);

2. фитоним изучаемого языка включает в себя исходное наименование (или его основу) целиком (англ. *motherwort* < лат. *matricaria*; фин. ингерм. *t'ieheinä* < рус. *подорожник*). При этом в фитониме изучаемого языка появляется дополнительный компонент (англ. *wort*, фин. ингерм. *heinä*);

3. один компонент изучаемого фитонима заимствован из исходного языка, а второй компонент калькирован (коми ураз *турун* < рус. *уразная трава*);

4. изучаемый фитоним в целом следует семантической структуре исходного названия, но не буквально (коми-перм. *йӧз мам да аслат мам* < рус. *мать-и-мачеха*).

Таблица 5. Частичные калки (фитонимы, возникшие под влиянием названий из другого языка)

№	Фитоним	Предполагаемый источник частичного калькирования (влияния)	Обозначаемое растение
1	коми <i>чарла турун</i> (букв. «серп-трава»)	рус. <i>серпорец</i>	<i>Achillea millefolium</i> L. (тысячелистник обыкновенный)
2	коми <i>чарлапинь турун</i> (букв. «зубья (насечка) серпа-трава»)		
3	англ. <i>Venus's Chariot drawn by two doves</i> (букв. «колесница Венеры, которую везут два голубя»)	фр. <i>char de Vènus</i> (букв. «повозка Венеры»)	<i>Aconitum napellus</i> L. (борец клубочковый)
4	англ. <i>motherwort</i> (да. <i>möder-wyrt</i>) (букв. «мать-трава»)	лат. <i>matricaria</i> (от «мать»)	<i>Artemisia vulgaris</i> L. (полынь обыкновенная)

5	англ. <i>throatwort</i> , да. <i>hals-wyrt</i> (букв. «горло-трава»)	лат. <i>trachelium maius</i> (от греч. <i>trachia</i> «горло» + «большой»)	<i>Campanula</i> L. (колокольчик)
6	нем. <i>die Sichelblume</i> (букв. «серп-цветок»)	ср.-лат. <i>baptisecula, battisecula</i> (букв. «[растение,] ударяющее серп»)	<i>Centaurea</i> L. (василек)
7	фин. <i>liusikukka</i> (букв. «лоскут-цветок»)	рус. <i>лоскутница, лоскутный цвет</i>	
8	англ. <i>hundred-holes</i> (букв. «сто дырок»)	фр. <i>herbe à cent trous</i> (букв. «трава с сотней дырок»)	<i>Hypericum perforatum</i> L. (зверобой продырявленный)
9	коми <i>ураз турун</i> (букв. «ушиб (рана)-трава»)	рус. <i>уразная трава</i> (от <i>ураз</i> «удар, ушиб, рана»)	<i>Hypericum tetrapterum</i> Fr. (зверобой четырехгранный)
10	англ. <i>ox-eye daisy</i> (букв. «маргаритка-бычий глаз»)	фр. <i>œil de boeuf</i> , (букв. «глаз вола»)	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam. (нивяник обыкновенный)
11	фин. ингерм. <i>päivä(n)kakkara</i>	рус. <i>солнечник</i>	
12	фин. <i>suur päivän kakkara</i> (букв. «большая солнечная лепешка»)		
13	карел. <i>niittypäivänkakkara</i> (букв. «луговой солнечный блин»)		
14	фин. <i>tieheinä</i> (букв. «трава [растущая у] дороги»)	рус. <i>подорожник</i>	<i>Plantago major</i> L. (подорожник большой)
15	фин. <i>tie(n)lehti</i> (букв. «лист [растущий у] дороги»)		
16	фин. ингерм. <i>t'ieheinä</i> (букв. «(при) дорожная трава»)		
17	фин. ингерм. <i>t'ie(n)leht'</i> (букв. «(при)дорожный лист»)		
18	карел. <i>dorogalehti</i> (букв. «дорожный лист»)		
19	нем. <i>der Vogel-Knöterich</i> (букв. «птица-спорыш»)	лат. науч. <i>Polygonum aviculare</i>	<i>Polygonum aviculare</i> L. (спорыш птичий, или горец птичий)
20	англ. <i>bird's knot-grass</i> , (букв. «птичий спорыш»)		
21	коми-перм. <i>куручакулан</i>	рус. <i>куручая слепота</i>	<i>Ranunculus acris</i> L. (лю-

	(букв. «журиная смерть»)		тик едкий)
22	карел. <i>rohtuvoikukku</i> (букв. «лекарственный одуванчик (масло- цветок)»)	лат. науч. <i>Taraxacum officinale</i> (букв. «одуванчик лекарствен- ный»)	<i>Taraxacum officinale</i> Weber (одуванчик ле- карственный)
23	фин. ингерм. <i>emintimänleht'</i> (букв. «лист мачехи»)	рус. <i>мать-и-мачеха</i>	<i>Tussilago farfara</i> L. (мать-и-мачеха обыкно- венная)
24	коми-перм. <i>йӧз мам да аслат мам</i> (букв. «чу- жая мать и своя мать»)		
25	карел. <i>тиаӇиһаһейӇӇӇ</i> (букв. «мачеха-трава»)		
26	карел. <i>тиаӇиһал'ейт'и</i> (букв. «мачеха-лист»)		

Выводы по Главе 2

В практической части исследования рассмотрено 692 единицы народной номенклатуры растений; из них 324 принадлежат германским языкам (английскому и немецкому) и 368 – финно-пермским (финскому, включая ингерманландские говоры, карельскому, коми-зырянскому и коми-пермяцкому). Эти фитонимы являются обозначениями 16 травянистых дикорастущих растений (25 – с учетом разных видов одного растения), которые широко распространены на территориях использования обеих групп языков и имеют значительное количество народных наименований. Из всего множества названий каждого растения выбраны наиболее характерные с точки зрения признаков номинации и семантической структуры.

I. Мотивация фитонимов

Рассмотренные в работе фитонимы разделены на 22 группы в соответствии с воплощенным в них признаком номинации: 1. цвет; 2. размер растения или его частей; 3. форма части растения; 4. особенности поверхности и структуры; 5. общее внешнее сходство с другим растением; 6. запах; 7. вкус; 8. другие особенности сока, семян или спор растения; 9. звук, издаваемый растением; 10. действие, которое совершает растение; 11. другой эффект, производимый растением; 12. место произрастания; 13. страна или место происхождения растения; 14. время произрастания или цветения; 15. использование в народной медицине; 16. использование в хозяйстве и в быту; 17. использование в пищу животными; 18. низкая ценность растения; 19. ядовитость или вредные свойства растения; 20. народные поверья и обычаи; 21. другие признаки; 22. неясная мотивация.

Наиболее распространенными признаками номинации в германских языках стали форма части растения (137 названий), цвет (46), место произрастания (35), использование в народной медицине (35), особенности поверхности и структуры (34). В финно-пермском материале самые частотные признаки номинации следующие: форма части растения (136 названий), цвет (61), использование в народной медицине (57), особенности поверхности и структуры (44) и место произрастания (43).

Большинство изученных фитонимов (всего 529 (из 692), в том числе 230 из 324 в германских языках и 299 из 368 в финно-пермских) мотивировано одним

признаком. Обнаружено немало наименований с двумя признаками в основе (всего 144, из них 81 в германских языках и 63 в финно-пермских). 19 фитонимов (13 германских и 6 финно-пермских) содержит три признака номинации.

Наиболее характерными для обеих языковых групп являются следующие сочетания признаков: цвет + форма, цвет + особенности поверхности и структуры, форма + размер, форма + особенности поверхности и структуры, форма + место произрастания.

II. Семантическая структура фитонимов

При анализе семантики компонентов, входящих в состав фитонимов, выделены следующие тематические группы: 1. названия цветов и оттенков; 2. слова, прямо указывающие на размер и форму растений; 3. слова, прямо указывающие на признаки, отличные от внешних (особенности поверхности, вкус и др.); 4. фитонимы и другие лексемы, обозначающие растение; 5. названия частей растений; 6. названия животных; 7. обозначения людей; 8. личные имена (не включая группу 9); 9. имена религиозных и мифологических персонажей; 10. религиозные и мифологические понятия, народные поверья; 11. названия предметов, связанных с религией и церковью; 12. названия предметов и деталей одежды; 13. названия пищевых продуктов; 14. названия бытовых предметов; 15. названия явлений и объектов природы; 16. обозначения мест, пространств; 17. обозначения стран и народов; 18. названия частей тела и органов человека и антропоморфных мифологических существ; 19. названия частей тела животных; 20. названия биологических жидкостей человека и животных; 21. названия болезней и болезненных состояний; 22. характеристики лекарственного воздействия растения; 23. слова, указывающие на ядовитость или вредные свойства растения; 24. слова, передающие положительную оценочную характеристику растения; 25. описания звуков, производимых растением; 26. обозначения прочих действий; 27. обозначения времен года и других временных отрезков; 28. числительные; 29. прочие компоненты (не вошедшие в предыдущие группы).

После выявления перечисленных групп был проведен анализ семантической структуры германских и финно-пермских фитонимов. Этот анализ позволяет вы-

делить универсальные и специфические (обусловленные языком и культурой) черты в народном взгляде на растения.

На **универсальность** во взгляде на растения у носителей разных языков и культур указывают следующие черты:

- прямая характеристика растений по цвету и другим особенностям, преимущественно внешним;
- названия животных для описания сорных, бесполезных и вредных растений;
- названия «прототипических» цветков в составе фитонимов (маргаритка, ромашка);
- включение в состав фитонимов названий обыкновенных домашних и диких животных;
- названия обыкновенных бытовых предметов (особенно посуды), пищевых продуктов;
- иногда в фитонимах называются предметы, связанные с церковью и религией;
- компонент «священник»;
- фитонимы с компонентом «(Св.) Иоанн»;
- упоминание «отрицательных» сверхъестественных явлений, злых сил;
- называние частей тела, органов и биологических жидкостей человека и животных;
- названия болезней и болезненных состояний, которые лечили травами (не всегда в соответствии с реальными лечебными свойствами этих растений);
- отсылки к эффективности, важности, ценности растения;
- указания на ядовитость или вредные свойства растения;
- абстрактные понятия с положительной коннотацией (в т. ч. «счастье»);
- противопоставление своего («правильного») и чужого (компоненты «немецкий» в германском материале; «настоящий, правильный» в финно-пермском);
- описание свойств растения через слова, обозначающие движение (чаще всего глаголы);

- компоненты, описывающие различные воздействия на растение (или же действия, которое совершает само растение – например, дрожит на ветру, пылит спорами).

Уникальное во взгляде на растения **в германских языках** может выражаться следующим образом.

1. Растения и животные:

- компонент «сорняк» (особенно в номинациях растений, мешающих человеку);
- компонент «трилистник»;
- компонент «ворон»;
- влияние латинской ботанической и культурной традиции («лев», «львиный»);
- более разнообразное описание жгучего сока растения (в сравнении с финно-пермским материалом).

2. Человек и общество:

- упоминание социальных групп, сословий, профессий, характерных для истории, культуры, исторического общественного строя англо- и немецкоязычных стран («монах», «воин», «драгун», «моряк», «шкипер», «дворянин», «леди», «нищий, попрошайка»);

- отражение контактов с другими странами и культурами, в том числе стереотипных и исторически обусловленных представлений о них («колпак турка», «ирландская маргаритка»);

- номинация растений через «обыкновенные» личные имена (помимо имен святых, религиозных и мифологических персонажей).

3. Человек и быт:

- частое использование названий головных уборов;
- культурные реалии в названиях пищевых продуктов и бытовых предметов.

4. Человек и его тело:

- использование компонента «плоть», в том числе в христианском контексте;
- упоминание органов дыхания (что отсутствует в собранном финно-пермском материале);

- большее разнообразие названий ран, порезов и т. п. (в сравнении с финно-пермским материалом).

5. Природа и природные явления:

- отражение природных и климатических условий в фитонимах;
- упоминание грома и грозы;
- компонент «солнцеворот» («небесный поворот»);
- разнообразие компонентов-обозначений времен года и других периодов времени.

6. Сферы религии, мифологии, верований:

- частое упоминание святых, библейских персонажей, особенно Богородицы и Христа (встречаются разные варианты имен);
- компонент «ведьма(ы)»;
- использование компонента «кровь» в христианском контексте (в противоположность фин. «трава-свиная кровь»).

Уникальное во взгляде на растения в **финно-пермских языках** может выражаться следующим образом.

1. Растения и животные:

- большее разнообразие названий зерновых, чем в германском материале;
- компоненты «верхушка» и «головка» (при номинации растения через его части);
- большее разнообразие обозначений диких птиц, чем в германском материале;
- компонент «одомашненный северный олень».

2. Человек и общество:

- фитонимы «своя мать», «чужая мать», «мачеха», «обездоленный (ребенок)», «вдовец (вдова)» (возможно, объясняются влиянием русского языка).

3. Человек и быт:

- использование названий обуви и деталей одежды;
- культурные реалии в названиях пищевых продуктов и бытовых предметов;
- компонент «железо» в названиях лекарственных растений.

4. Человек и его тело:

- в коми-зырянском языке – образные номинации, описывающие кровеостанавливающий эффект растения («трава, запрещающая кровь» и т. п.).

5. Природа и природные явления:

- отражение природных и климатических условий в фитонимах;
- отсылки к характерным климатическим условиям: компоненты «холод», «мерзлота», «наст»;
- частое и детализированное обозначение мест и пространств.

6. Сферы религии, мифологии, верований:

- упоминание мифологических персонажей, отсылающих к языческим представлениям (русалка, полудница).

7. Другое:

- понятия «красота» и «красивый» (отсутствуют в германском материале).

III. Лингвокультурная специфика

Все изученные в работе фитонимы принадлежат к номинациям с прямым или же метафорическим выражением признака. Из фитонимов обеих разновидностей возможно извлечь лингвокультурную информацию.

Номинации с **прямым воплощением признака** (англ. *red clover*, букв. «красный клевер» – клевер луговой; фин. *valkia kukka*, букв. «белый цветок» – нивяник обыкновенный) связаны прежде всего с общими тенденциями наименования травянистых растений в германских и финно-пермских языках. При этом для финно-пермских фитонимов больше, чем для германских, характерно описание разнообразных мест произрастания (карел. *kiviheinä*, букв. «каменная трава» – тысячелистник обыкновенный; коми *му выв купальнича* (букв. «поверхность земли-купальница» – лютик), что предположительно может объясняться особенностями традиционного образа жизни народов, тесно связанных с природой.

Среди фитонимов с **метафорическим воплощением признака** выделяются две разновидности: «метафора + метафора» (англ. *bear's-foot* «медвежья лапа» – манжетка) и «метафора + прямое воплощение признака» (фин. ингерм. *hermuleht'* «нерв (нить)-лист» – подорожник). Обе разновидности метафорических номина-

ций наиболее показательны с точки зрения лингвокультурной специфики, так как в них выражаются реалии материальной (англ. *monkshood* «капюшон монаха» – аконит) и духовной (коми *пӧлӧзничӧ син* «глаз **полудницы**» – василек) культуры.

Довольно часто германские и финно-пермские фитонимы составляют параллели друг другу. При этом в таких параллелях обнаруживается различная «амплитуда» варьирования образов – от очень близких (гл. *grandmother's nightcap* «бабушкин ночной колпак» – фин. *ikonhattu* «шляпа старика») до далеко отстоящих друг от друга образов (нем. *Düiwelsfeot* «нога (ступня) дьявола» ~ фин. *karhunkämmenheena* «медвежья лапа-трава»).

IV. Семантика фитонимов и калькирование

Среди изученных фитонимов обнаружили случаи предположительного калькирования и частичного калькирования. На возможное **калькирование** указывают следующие признаки:

1. Фитоним повторяет структуру латинского научного названия, имеет родовой и видовой компоненты; в качестве родового компонента при этом выступает стандартное наименование растения в данном языке (лат. науч. *Convolvulus arvensis* «вьюнок полевой» > фин. *peltokierto* «поле-вьюнок»);

2. Один из вариантов описания какой-либо особенности растения – буквальный эквивалент иноязычного (обычно латинского) фитонима (лат. *pēs leōnis, leontopodium* «львиная лапа» > нем. *Löwenfuss* – манжетка обыкновенная);

3. Наименования растения с близкой внутренней формой отмечены в нескольких близкородственных языках, а также в генетически более отдаленном языке. При этом известно, что второй язык оказывал влияние на первые (фр. *herbe de cochon* «свиная трава» > англ. *swine's grass* «тж.», нем. *das Schweinegras* «свиньи-трава» – спорыш птичий).

Частично калькированные фитонимы встречались в следующих случаях:

1. В фитоним изучаемого языка переходит один из компонентов исходной номинации (карел. *rohtuvoikukku* «лекарственный масло-цветок» < лат. науч. *Taraxacum officinale* «одуванчик лекарственный»);

2. Фитоним изучаемого языка включает в себя исходное наименование (или его основу) целиком, а также дополнительный компонент (англ. *motherwort* «мать-трава» < лат. *matricaria* от «мать» – полынь обыкновенная);

3. Один компонент фитонима калькирован из исходного языка, а второй заимствован из него же (коми *ураз турун* < рус. *уразная трава*);

4. Изучаемый фитоним «перенимает» семантическую структуру исходного названия, но не повторяет ее буквально (коми-перм. *йӧз мам да аслат мам* «чужая мать и своя мать» < рус. *мать-и-мачеха*).

Таким образом, народная номенклатура растений представляет ценный материал для выявления мотивационных, семантических и этимологических особенностей, присущих фитонимическим системам в двух группах языков – германской и финно-пермской. Кроме того, из данного материала можно извлечь сведения лингвокультурного и исторического характера.

Заключение

Народная номенклатура дикорастущих травянистых растений в германских и финно-пермских языках представляет собой обширную, многообразную и сложную лексическую систему. Это многообразие и сложность проявляются в мотивации наименований, их семантической структуре и этимологии.

В исследовании рассмотрено 692 единицы народной номенклатуры растений (фитонимов). 324 фитонима относится к германским языкам (английскому и немецкому) и 368 – к финно-пермским (финскому, включая ингерманландские говоры, карельскому, коми-зырянскому и коми-пермяцкому). Эти наименования обозначают 16 травянистых дикорастущих растений (25 – с учетом отдельных видов), которые широко распространены в областях всех изучаемых языков и имеют хорошо заметные, яркие особенности.

Из-за огромного количества и большого разнообразия народных фитонимов не ставилось задачи описать абсолютно все известные названия каждого из рассматриваемых растений. Излагаемые выводы основаны исключительно на материале, представленном в настоящей работе, не являются исчерпывающими и могут быть дополнены при дальнейшем расширении материала.

В исследовании представлено 16 фитонимических «этюдов», каждый из которых посвящен одному растению (тысячелистник обыкновенный; борец (аконит), борец клубочковый, борец северный; манжетка обыкновенная; полынь обыкновенная; трясунка средняя; колокольчик, колокольчик круглолистный, колокольчик раскидистый; василек, василек синий; выюнок, выюнок полевой; зверобой, зверобой продырявленный, зверобой четырехгранный; нивяник обыкновенный; подорожник большой; спорыш (горец) птичий; лютик, лютик едкий; одуванчик лекарственный; клевер луговой; мать-и-мачеха обыкновенная).

Народные названия, относящиеся к каждому растению, распределены на группы в соответствии с выявленными **признаками номинации**. В конце каждого «этюда» делаются выводы относительно особенностей мотивации и семантической структуры германских и финно-пермских фитонимов.

В результате исследования определяются сходства и различия в номинации травянистых растений в двух системах народной номенклатуры. При этом особое внимание уделено выявлению компонентов, дающих представление о лингвокультурной специфике и образности в фитонимах, а также проблеме калькирования наименований.

I. Изучение мотивации фитонимов позволяет сделать следующие выводы:

1. Наиболее распространенные признаки номинации в обеих группах языков – форма части растения и цвет; большое количество примеров также относится к признакам использования в народной медицине, места произрастания, особенностей поверхности и структуры. Данные частотные признаки описывают наиболее заметные и разнообразные (в случае формы) черты растений или же их особенности, важные в практическом отношении.

2. Большинство рассмотренных фитонимов основано на единственном признаке номинации. Довольно много наименований, сочетающих в себе два признака; меньше двух десятков названий (в обеих группах) имеют три признака.

3. Как для германских, так и для финно-пермских фитонимов наиболее характерны следующие сочетания признаков номинации: цвет + форма, цвет + особенности поверхности и структуры, форма + размер, форма + особенности поверхности и структуры, форма + место произрастания. Единственным признаком чаще всего мотивированы фитонимы из следующих групп: использование в народной медицине (в обеих языковых группах); форма части растения, вкус, время произрастания или цветения, народные поверья и обычаи (только в финно-пермских языках); действие, которое совершает растение (только в германских языках). Дополнительных признаков, как правило, требуют фитонимы, мотивированные размером, общим внешним сходством с другим растением и низкой ценностью растения (последнее – только в германских языках).

II. Анализ семантической структуры народных наименований растений в рассмотренном германском и финно-пермском материале позволяет выявить в нем общие и специфические черты.

На **универсальность** во взгляде на растения у носителей разных языков и культур, в частности, указывают: использование названий животных для описания сорных, бесполезных и вредных растений; включение в состав фитонимов названий обыкновенных домашних и диких животных; названия бытовых предметов (особенно посуды), пищевых продуктов; названия частей тела, органов и биологических жидкостей человека и животных; названия болезней и болезненных состояний, которые лечили травами; отсылки к эффективности, важности, ценности растения; указания на ядовитость или вредные свойства растения.

Уникальное во взгляде на растения в **германских языках** может выражаться через использование компонента «сорняк» (особенно в номинациях растений, мешающих человеку); упоминание социальных групп, сословий, профессий, характерных для истории, культуры, исторического общественного строя англо- и немецкоязычных стран («монах», «воин», «драгун», «моряк», «шкипер», «дворянин», «леди», «нищий, попрошайка»); отражение контактов с другими странами и культурами, в том числе стереотипных и исторически обусловленных представлений о них («колпак турка», «ирландская маргаритка»); упоминание специфических культурных реалий в названиях пищевых продуктов и бытовых предметов; разнообразие компонентов-обозначений времен года и других периодов времени; частое упоминание святых, библейских персонажей, особенно Богородицы и Христа (встречаются разные варианты имен); использование компонента «кровь» в христианском контексте (в противоположность фин. «трава-свиная кровь»).

Уникальное во взгляде на растения в **финно-пермских языках** может передаваться через большее разнообразие обозначений диких птиц, чем в германском материале; использование названий обуви и деталей одежды; упоминание специфических культурных реалий в названиях пищевых продуктов и бытовых предметов; отсылки к характерным климатическим условиям: через компоненты «холод», «мерзлота», «наст»; частое и детализированное обозначение мест и пространств; через упоминание мифологических персонажей, отсылающих к языческим представлениям (русалка, полудница).

Как следует из перечисленного выше (полный список см. в разд. 2.17), между германской и финно-пермской системами народной номенклатуры растений существует довольно много общих черт и параллелей. Один и тот же признак может описываться схожим образом, с использованием очень близких лексико-семантических средств. В этих случаях можно говорить о том, что взгляд на природу у носителей разных языков и культур в значительной степени **универсален**. Разные народы подмечают одни и те же яркие особенности растений, именуют эти растения через универсальные образы, предметы, понятия. Кроме того, в каждой культуре традиционно имела значение прежде всего практическая ценность растений, что отражается, например, в названиях болезней и в названиях частей тела в фитонимах.

Наиболее яркое проявление **уникальных** черт в номинации растений – лингвокультурные особенности. В наименования включаются компоненты, отражающие исторические, культурные, природные, климатические особенности, традиционные условия жизни и ведения хозяйства, социальные слои и профессии. На основании изученного материала можно сделать два следующих наблюдения. Финно-пермские фитонимы несколько подробнее описывают детали быта и бытовые условия жизни; германским названиям растений свойственно отражение в них христианского мировоззрения. Помимо этого, некоторые компоненты в германском и финно-пермском материале свидетельствуют скорее о номинативных традициях и образцах, сложившихся в изучаемых языках (компонент «сорняк» в германских фитонимах; компоненты «верхушка» и «головка» в финно-пермских и т. п.).

Важной особенностью фитонимии в обеих языковых группах являются метафорические наименования, которые могут быть связаны с народной культурой или же иметь скорее универсальный характер. Среди культурно обусловленных примеров – «ночной кошмар («гоблин, ночной дух»)-трава» (зверобой продырявленный), «молоко ведьм» (одуванчик лекарственный), «башмачок русалки» (аконит), «бабаюр-трава» (нивяник обыкновенный), «кофейная чашка» (колокольчик круглолистный), «чертов глаз» (василек синий). К «универсальным» метафорическим названиям относятся такие, как «собачья (медвежья) лапа» (манжетка обыкновенная).

новенная), «(тетины) вши») (трясунка средняя), «бычий глаз» (нивяник обыкновенный).

Все изученные фитонимы принадлежат к одной из двух групп: номинации с прямым воплощением признака (фин. *puna-apila(s)* «красный клевер» – клевер луговой, нем. *das Thaublatt*, букв. «роса-лист» – манжетка) и номинации с метафорическим выражением признака. Среди метафорических номинаций различаются двойные метафоры (англ. *bear's-foot* «медвежья лапа» – коми *понкок* «собачья лапа» (манжетка)) и наименования «метафора + прямое воплощение признака» (нем. *das Aderkraut* «вена-трава» (подорожник), карел. *küwnel'hein'ä* «слеза-трава» (трясунка)).

III. Рассмотрение материала с точки зрения лингвокультурной специфики показало, что как прямые, так и метафорические номинации-фитонимы могут стать источниками лингвокультурной информации. Наиболее продуктивны в этом аспекте метафорические наименования, так как в них часто осмысляются специфические явления материальной и духовной культуры, присущие народам-носителям языков (англ. *monkshood* «капюшон монаха» – аконит, фин. *poronkello* «олений колокол» (*poro* 'северный олень') – колокольчик; нем. *das (Ünser) Herrgottsfleisch* «плоть (нашего) Господа Бога» – клевер луговой, коми *пöлöзничасин* «глаз полудницы» – василек).

Анализируя фитонимы с прямым воплощением признака, можно сделать некоторые выводы об общих тенденциях в номинации растений в германских и финно-пермских языках, а вслед за этим – выводы о традиционном образе жизни народов-носителей языков. Так, характерный для германских фитонимов компонент «сорняк» (англ. *mayweed*, букв. «май-сорняк» – нивяник обыкновенный) позволяет сделать предположение о более важной роли земледелия у германских народов; развитая «ландшафтная» номинация в финно-пермских языках (фин. *täkikuisma*, букв. «пригорок (холм)-зверобой» – зверобой продырявленный), возможно, связана с близостью финно-пермских народов к природе и с такими важными для них традиционными занятиями, как охота и промыслы. Однако для по-

строения более развернутых и однозначных выводов необходимо изучить больший объем материала и более широкий круг языков из обеих групп.

Германские и финно-пермские названия одного и того же растения часто составляют параллели друг с другом. При этом разной оказывается «амплитуда» варьирования образа, особенно в случае метафорических номинаций: ср. англ. *grandmother's nightcap* «бабушкин ночной колпак» ~ фин. *ikonhattu* «шляпа старика» (близкие образы); нем. *Düüwelsfeot* «нога (ступня) дьявола» ~ фин. *karhunkämmenheena* «медвежья лапа-трава» (образы значительно различаются).

IV. В ходе исследования материала было обнаружено большое количество наименований, **близких друг другу или совпадающих по внутренней форме.** Объяснить это можно двумя обстоятельствами. Очень часто в таких фитонимах обозначен яркий, очевидный и мгновенно привлекающий внимание признак, по которому проще всего характеризовать растение и удобнее всего отличать это растение от других.

Среди таких признаков следующие:

- окраска цветков (англ. *red clover*, нем. *der Rotklee*, шв. *rödklöfver*, фр. *trèfle rouge*, фин. *ripna-apila(s)* «красный клевер», рус. *красноголовик* – клевер луговой);

- крайне характерное место произрастания (англ. *waybread* «дорога + широкое (растение)», нем. *der Wegerich*, от «дорога», фин. *ratamo*, от «путь, дорога», рус. *придорожник*, *попутник* – подорожник);

- сильная ядовитость и, следовательно, опасность растения (англ. *wolf's bane* «волчий яд», нем. *das Wolfsgift* «волчий яд», рус. *волкобой* – аконит);

- ярко выраженные и важные лечебные свойства (англ. *coughwort*, нем. *das Hustenkraut*, фин. *yskäruoho* «кашель-трава» – мать-и-мачеха);

- другая заметная особенность (например, колыхание на ветру у трясунки: англ. *quaking-grass*, нем. *das Zittergrass*, шв. *darr(e)gräs* «дрожащая трава», фр. *tremblante* < «дрожать», фин. *värisemisen-ruoho* «трава дрожания», рус. *трясунка*).

Перечисленные выше случаи, как и другие подобные им, иллюстрируют **универсальность** во взгляде на одно и то же растение у разных народов: похожие или идентичные названия обнаруживаются во всех (или практически во всех) рас-

смаатриваемых в работе языках – как основных, так и привлекаемых в целях сопоставления.

Вторая ситуация: аналогичные или подобные друг другу фитонимы встречаются лишь в двух или нескольких из проанализированных языков. При этом между данными языками на протяжении истории существовали активные контакты и заимствования. В этом случае обнаружение аналогичных или близких по внутренней форме наименований позволяет предположить, что произошло **калькирование**.

В нашем исследовании это следующие сочетания языков: латинский (средневековый и научный) → все другие языки (в меньшей степени карельский, коми-зырянский и коми-пермяцкий); французский → английский; французский → немецкий; русский → коми-зырянский и коми-пермяцкий; русский → карельский; русский → финский (особенно ингерманландские говоры).

Анализируя калькирование фитонимов, можно особо выделить следующие случаи:

1. Часто калькируется один из способов описания формы части растения. При этом в фитонимах изучаемого языка данная особенность формы описывается по-разному, но калькировано было название какого-либо одного типа (лат. *pēs leōnis* > англ. *lion's foot*, нем. *der Löwenfuss* «львиная лапа» – манжетка обыкновенная; другие описания того же признака – англ. *bear's-foot* «медвежья лапа», *duck's-foot* «утиная лапа», нем. *der Gänsefuss* «гусиная лапа»).

2. Довольно часто калькируется латинское научное обозначение; возникший в результате фитоним повторяет структуру научного названия, имеет родовой и видовой компоненты. При этом внутренняя форма латинского родового компонента, как правило, стерта, и родовым выступает стандартное обозначение растения в языке. Примеры такого калькирования – лат. науч. *Campanula rotundifolia* > нем. *die rundblättrige Glockenblume* «круглолистный колокольчик»; лат. науч. *Convolvulus arvensis* «вьюнок полевой» > фин. *peltokierto* «поле-вьюнок» и т. п.

3. Наряду с полными кальками, в материале обнаружено довольно много частичных калек. В этом случае фитоним, образовавшийся в результате, не пол-

ностью копирует исходный, а имеет с ним некоторые совпадения. Так, может калькироваться один из компонентов исходной номинации (рус. *мать-и-мачеха* > фин. ингерм. *emintimänleht'*); исходное наименование (или его основа) может калькироваться целиком, но в фитониме «принимающего» языка к этой основе добавляется новый компонент (например, лат. *matricaria* > англ. *motherwort* – по-лынь обыкновенная).

Необходимо отметить, что однозначно калькирование установить чаще всего сложно. Поэтому в большинстве случаев мы можем его лишь предполагать (см. Выводы по Главе 2). Каждый спорный случай необходимо рассматривать отдельно с привлечением дополнительного материала; однако это не входит в задачи и объем настоящей работы и относится к перспективам исследования.

Проведенный в работе сравнительный анализ мотивации и семантической структуры народных названий травянистых растений в германских и финно-пермских языках позволяет составить представление как об уникальных чертах именования растений в разных языках и культурах, так и об универсальном во взгляде на природный мир у разных народов. Учет возможности языкового взаимодействия и калькирования способствует объяснению ряда совпадений в семантике фитонимов, обозначающих одно и то же растение в разных языках.

К перспективам дальнейшей разработки темы относится:

- привлечение к исследованию большего количества германских и финно-пермских языков, а также языков других ветвей и семей;
- более подробное рассмотрение отдельных лексем в отношении мотивации и этимологии (в том числе калькирования);
- рассмотрение иных групп фитонимов, помимо названий травянистых растений, а также анализ более узких групп фитонимической лексики (в частности, наименований лекарственных растений);
- составление многоязычного словаря народных названий растений.

Список сокращений

В названиях языков и диалектов:

венг. – венгерский

вепс. – вепсский

вод. – водский

да. – древнеанглийский

дат. – датский

др.-инд. – древнеиндийский

зап.-герм. – западногерманский

и.-е. – индоевропейский

ижор. – ижорский

ит. – итальянский

карел. – карельский

кельт. – кельтский

коми-зыр. – коми-зырянский

коми-перм. – коми-пермяцкий

лат. – латинский

лат. науч. – научное латинское название

лив. – ливский

лит. – литовский

манс. – мансийский

мар. – марийский

мокш. – мокшанский

нем. – немецкий

нен. – ненецкий

нид. – нидерландский

общегерм. – общегерманский

общеп. – общепермский

польск. – польский

рус. – русский
са. – среднеанглийский
саам. – саамский
сам. – самодийский
свн. – средневерхненемецкий
сельк. – селькупский
снн. – средненижненемецкий
совр. англ. – современный английский
совр. нем. – современный немецкий
ср.-лат. – средневековая латынь
станд. нем. – стандартный немецкий
ст.-фр. – старофранцузский
удм. – удмуртский
ур. – уральский
фин. – финский
фин. ингерм. – ингерманландские говоры финского языка
финно-перм. – финно-пермский
фр. – французский
ф.-уг. – финно-угорский
хант. – хантыйский
чеш. – чешский
шв. – шведский
эрз. – эрзянский
эст. – эстонский

Прочие сокращения:

диал. – диалектное
искон. – исконное

Список литературы

1. Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции: Очерки / Т. А. Агапкина. – Москва : Индрик, 2019. – 656 с. – ISBN 978-5-91674-523-8.
2. Анненков Н. И. Ботанический словарь / Н. И. Анненков. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1878. – 647 с.
3. Барышникова Т. Д. Структурно-семантические и мотивационные свойства флоронимов в английском и французском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Д. Барышникова ; Волгоградский гос. пед. унт-т. – Волгоград : [б. и.], 1999. – 19 с.
4. Березович Е. Л. О явлении лексической ксеномотивации / Е. Л. Березович // Вопросы языкознания. – Москва : Наука, 2006. – № 6. – С. 3–20.
5. Берестенева А. В. Названия экзотических растений в английском и русском языках (структурно-словообразовательный и номинативно-мотивационный аспекты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Берестенева ; Адыгейский гос. унт-т. – Майкоп : [б. и.], 2008. – 25 с.
6. Большой латинско-русский словарь. – URL: <http://linguaeterna.com/vocabula/> (дата обращения: 17.10.2023).
7. Ботанико-фармакогностический словарь / К. Ф. Блинова, Н. А. Борисова, Г. Б. Гортинский [и др.] ; под ред. К. Ф. Блиновой, Г. П. Яковлева. – Москва : Высшая школа, 1990. – 272 с. – ISBN 5-06-000085-0.
8. БРКС – Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие) / Т. П. Бойко, Л. Ф. Маркианова. – Петрозаводск : Verso, 2011. – 400 с. – ISBN 978-5-91997-032-3.
9. Бродский И. В. Названия растений в финно-угорских языках (на материале прибалтийско-финских и коми языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. В. Бродский ; Институт лингвистических исследований РАН. – Санкт-Петербург : [б.и.], 2006а. – 16 с.
10. Бродский И.В. Названия растений в финно-угорских языках : дис. ... канд. филол. наук / И.В. Бродский ; Институт лингвистических исследований РАН. – Санкт-Петербург, 2006б. – 311 с.

11. Бродский И. В. Детерминанты сложных (составных) названий растений в финно-пермских языках / И. В. Бродский // Севернорусские говоры. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014а. – Вып. 13. – С. 199–222.
12. Бродский И. В. Номинация растений по признаку места их произрастания в финно-пермских языках / И. В. Бродский // Вопросы уралистики 2014. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014б. – С. 300–361.
13. Бродский И. В. Финно-пермские фитонимические портреты. Василек / И. В. Бродский // *Oriental Studies*. – 2016. – Т. 28, вып. 6. – С. 48–59.
14. Бродский И. В. Финно-пермские фитонимические портреты. 3. Подорожник / И. В. Бродский // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований. – Санкт-Петербург : Наука, 2017. – Том XIII, часть 2. – С. 275–297.
15. Бродский И. В. Из финно-пермских фитонимических портретов. Одуванчик. *Taraxacum* / И. В. Бродский // *Вестник угроведения*. – 2018а. – Том 8, № 2. – С. 216–228.
16. Бродский И. В. Финно-угорские названия растений, содержащие зоосемизмы со значением «овца» (на лексическом материале финно-пермских языков) / И. В. Бродский // *Oriental Studies*. – 2018б. – Т. 37, вып. 3. – С. 95–100.
17. Булах Е. А. Мотивационные основания обыденных наименований растений (на материале английского, немецкого и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Булах ; Пятигорский гос. лингвистический ун-т. – Пятигорск : [б. и.], 2001. – 16 с.
18. Вакар Б. А. Определитель растений Урала / Б. А. Вакар. – Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1964. – 415 с.
19. Василенко О. И. Отфитонимическая семантическая деривация в современных литературных русском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. И. Василенко ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : [б.и.], 2008а. – 21 с.
20. Василенко О. И. Отфитонимическая семантическая деривация: лингвокогнитивный и культурологический аспекты. На материале русского и английского языков / О. И. Василенко // *Известия УрГУ*. – Екатеринбург, 2008б. – № 55, вып. 15. – С. 188–197.

21. Вахрос И. Большой финско-русский словарь / И. Вахрос, А. Щербаков ; под ред. В. Оллыкайнен, И. Сало. – Москва : Живой язык, 2007. – 816 с. – ISBN 978-5-8033-0517-0.
22. Введение в германскую филологию: Учебник для филологических факультетов / М. Г. Арсеньева, С. П. Балашова, В. П. Берков, Л. Н. Соловьева. – Москва : ГИС, 2000. – 314 с. – ISBN 5-8330-0102-1.
23. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций / В. Г. Гак // Языковая номинация (Общие вопросы). – Москва : Наука, 1977. – С. 230–293.
24. Голев Н. Д. О принципах номинации и методе их исследования / Н. Д. Голев // Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР. – Томск : Национальный исследовательский Томский гос. ун-т, 1972. – Вып. 5 : Лингвистика. – С. 94–99.
25. Голев Н. Д. «Естественная» номинация объектов природы собственными и нарицательными именами / Н. Д. Голев // Вопросы ономастики. – Свердловск : [УрГУ], 1974. – № 8–9. – С. 88–97.
26. Голев Н. Д. О соотношении семантических и мотивировочных признаков / Н. Д. Голев // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. – Томск : Национальный исследовательский Томский гос. ун-т, 1977. – Вып. 7. – С. 21–26. – URL: <https://lingvo.asu.ru/golev/articles/z62.html> (дата обращения: 09.11.2023).
27. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике / М. В. Голомидова. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1998. – 232 с.
28. Горнфельд А. Г. Муки слова. Статьи о художественном слове / А. Г. Горнфельд. – Ленинград : Государственное издательство, 1927. – 223 с.
29. Гребнева А. М. Мордовские фитонимы в системе семантического поля / А. М. Гребнева // Интеграция образования. – 2015. – Т. 19, № 4. – С. 100–106.
30. Гримм Я. Полное собрание сказок и легенд в одном томе / Я. Гримм, В. Гримм. – Москва : Издательство «Э», 2015. – 832 с. – ISBN 978-5-699-80623-2.
31. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4 / В. И. Даль. – Москва : РИПОЛ классик, 2006. – 672 с. – ISBN 5-7905-4706-0.

32. Дементьева А. Г. Когнитивные основы формирования переносных значений фитонимов (на материале английского, русского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Г. Дементьева ; Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов : [б. и.], 2012. – 23 с.
33. Дубровина С. Ю. Зоономные названия растений. Воловики и «воловы» травы / С. Ю. Дубровина // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. – Санкт-Петербург : Наука, 2010. – Том VI, часть 1. – С. 62–68.
34. Дубровина С. Ю. Этнокультурные представления славян о птицах в свете народной ботаники / С. Ю. Дубровина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 2. – С. 110–118.
35. Журавлев А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации / А. Ф. Журавлев // Способы номинации в современном русском языке. – Москва : Наука, 1982. – С. 45–109.
36. Зайцева Н. Г. Вепское и прибалтийско-финское в некоторых наименованиях ягод (на материале ALFE) / Н. Г. Зайцева // Прибалтийско-финское языкознание: лингвогеографические исследования. Сборник статей. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2005. – С. 85–96.
37. Иллюстрированный определитель – Иллюстрированный определитель растений Средней России. В 3 т. Т. 2. Покрытосеменные (двудольные: раздельнолепестные) / И. А. Губанов, К. В. Киселева, В. С. Новиков, В. Н. Тихомиров. – Москва : Т-во научных изданий КМК, Ин-т технологических исследований, 2003. – 665 с. – ISBN 9-87317-128-9.
38. Иллюстрированный определитель – Иллюстрированный определитель растений Средней России. В 3 т. Т. 3. Покрытосеменные (двудольные: раздельнолепестные) / И. А. Губанов, К. В. Киселева, В. С. Новиков, В. Н. Тихомиров. – Москва : Т-во научных изданий КМК, Ин-т технологических исследований, 2004. – 520 с. – ISBN 5-87317-163-7.
39. Ильина И. В. Народная медицина коми в конце XIX – первой трети XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. В. Ильина ; Удмуртский гос. ун-т. – Ижевск : [б.и.], 1995. – 23 с.

40. Ипполитова А. Б. Русские рукописные травники XVII–XVIII вв.: исследование фольклора и этноботаники / А. Б. Ипполитова. – Москва : Индрик, 2008. – 512 с. – ISBN 978-5-85759-465-0.
41. Исаев Ю. Н. Фитонимическая картина мира в разноструктурных языках : дис. ... д-ра филол. наук / Ю. Н. Исаев ; Чувашский гос. ун-т. – Чебоксары, 2015. – 413 с.
42. Исламова Ю. В. Оронимы Ханты-Мансийского района ХМАО – Югры: принципы номинации / Ю. В. Исламова // Вестник угроведения. – 2013. – № 4 (15). – С. 46–51.
43. Ковалева Н. Б. К вопросу о принципах номинации в топонимике (на материале географических названий бассейна р. Ини) / Н. Б. Ковалева // Ученые записки УрГУ. Серия филологическая. – 1971. – Вып. 18. – № 114. – С. 133–136.
44. Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники / В. Б. Колосова. – Москва : Индрик, 2009. – 352 с. – ISBN 978-5-91674-026-4.
45. Колосова В. Б. Богородичные травы в русской культуре / В. Б. Колосова // Русская речь. – 2010. – № 4. – С. 98–104.
46. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г. В. Колшанский. – Москва : Наука, 1975. – 231 с.
47. Коми-пермяцко-русский словарь. – URL: http://komiperm.ru/komi_a (дата обращения: 08.10.2023).
48. Коми-русский словарь (Коми-роч кывчукӧр) / сост. Л. М. Безносикова, Е. А. Айбабина, Р. И. Коснырева. – Сыктывкар, 2000. – 815 с.
49. Коми-русский словарь; русско-коми словарь. – URL: <http://dict.komikyv.ru/> (дата обращения: 07.09.2023).
50. Коновалова Н. И. Фитонимика говоров Среднего Урала в системно-функциональном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. И. Коновалова ; Уральский государственный педагогический институт. – Москва : [б. и.], 1993. – 20 с.
51. Коновалова Н. И. Словарь народных названий растений Урала / Н. И. Коновалова. – Екатеринбург : Полиграфист, 2000. – 233 с.

52. Копчева В. В. Соотношение искусственной и естественной номинации (на материале названий растений) : дис. ... канд. филол. наук / В. В. Копчева ; Томский гос. ун-т. – Томск, 1985. – 254 с.
53. Коппалева Ю. Э. Финская народная лексика флоры (становление и функционирование) / Ю. Э. Коппалева. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2007. – 287 с. – ISBN 978-5-9274-0256-4.
54. Косых Е. А. Русская ономазиология : учебное пособие / Е. А. Косых. – Барнаул : АлтГПУ, 2016. – URL: <https://obs.altspu.ru/dc/pdf/kosih2.pdf> (дата обращения: 07.11.2023).
55. КППС – Коми-пермяцко-русский словарь / сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. – Москва : Русский язык, 1985. – 624 с.
56. КРС – Карельско-русский словарь (северно-карельские диалекты) / сост. П. М. Зайков, Л. И. Ругоева. – Петрозаводск : Периодика, 1999. – 224 с. – ISBN 5-88170-020-1.
57. Кудрявцева Н. Б. Особенности процесса номинации в современном немецком языке (на примере фитонимов) / Н. Б. Кудрявцева // Проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. – Белгород : БелГУ, 2001. – С. 115–117.
58. Кудрявцева Н. Б. Гетерономинативность в семантическом поле номинаций-фитонимов (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Б. Кудрявцева ; Белгородский гос. ун-т. – Белгород : [б.и.], 2004. – 21 с.
59. КЭСЛЯ – Краткий этимологический словарь коми языка / сост. В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. – Москва : Наука, 1970. – 386 с.
60. Лекарственные растения – Лекарственные растения в научной и народной медицине / Б. Г. Волынский, К. И. Бендер, С. Л. Фрейдман [и др.] ; под ред. Р. Ф. Носковой. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1967. – 382 с.
61. Линней К. Философия ботаники / К. Линней. – Москва : Наука, 1989. – 456 с. – ISBN 5-02-003943-8.
62. Лобанова А. С. Культурная семантика фитонимов в коми-пермяцких фразеологизмах и паремиях / А. С. Лобанова, И. И. Русинова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2023. – Т. 15. – Вып. 3. – С. 54–66.

63. Мазнев Н. И. Энциклопедия лекарственных растений / Н. И. Мазнев. – Москва : Мартин, 2004. – 496 с. – ISBN 5-8475-0213-3.
64. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 563 с. – ISBN 978-5-222-17060-1.
65. Материалы для словаря – Материалы для словаря коми-пермяцких названий растений : монография / Е. Л. Федосеева, И. И. Русинова, А. С. Лобанова, Ю. А. Шкураток, А. В. Кротова-Гарина. – Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. – 116 с.
66. Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений / В. А. Меркулова. – Москва : Наука, 1967. – 257 с.
67. Меркушева Т. Н. Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка : дис. ... канд. филол. наук / Т. Н. Меркушева ; Уральское отделение РАН, Коми научный центр, Институт языка, литературы и истории. – Сыктывкар, 2003. – 230 с.
68. Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. – Петрозаводск : ПетрГУ, 2002. – 356 с. – ISBN 5-8021-0193-8.
69. НБРФС – Новый большой русско-финский словарь / сост. М. Э. Куусинен, В. М. Оллыкайнен, Ю. Э. Сюръялайнен. – Москва : Русский язык, 1999. – 1575 с. – ISBN 5-200-02636-9.
70. Немецко-русский (основной) словарь / К. Лейн, Д. Г. Мальцева, А. Н. Зуев [и др.]. – Москва : Русский язык, 1992. – 1040 с. – ISBN 5-200-00610-4.
71. Обертка // БСЭ. – 3-е изд. – Москва, 1974. – Т. 18. – С. 181.
72. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 2001. – ISBN 5-89285-003-X.
73. Панасенко Н. И. Когнитивно-ономасиологическое исследование лексики (опыт сопоставительного анализа названий лекарственных растений) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. И. Панасенко ; Московский государственный лингвистический университет. – Москва : [б. и.], 2000. – 49 с.
74. Парфенова А. А. Фитонимы с мотивирующим признаком «синяя окраска цветов» в славянских, финно-угорских и тюркских языках: сравнительный анализ /

- А. А. Парфенова // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2018. – № 1. – С. 23–37.
75. Пастушенков Л. В. Лекарственные растения. Использование в народной медицине и в быту / Л. В. Пастушенков, А. Л. Пастушенков, В. Л. Пастушенков. – Санкт-Петербург : БХВ-Петербург, 2012. – 409 с. – ISBN 978-5-9775-0836-0.
76. Петров В. В. Мир лесных растений / В. В. Петров. – Москва : Наука, 1978. – 167 с.
77. Плантариум. Определитель растений онлайн. – URL: <http://www.plantarium.ru/> (дата обращения: 18.10.2023).
78. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – Москва : Наука, 1978. – 198 с.
79. Ракин А. Н. Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь / А. Н. Ракин. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1989. – 88 с.
80. Ракин А. Н. Быдмӧг нимъяслӧн кывкуд / А. Н. Ракин. – Сыктывкар : Коми небӧг лэдзанин, 2006. – URL: <https://dict.fu-lab.ru/dict?id=950333> (дата обращения: 26.09.2023).
81. Ракин А. Н. Морфологические обозначения в системе названий растений удмуртского языка / А. Н. Ракин // Ежегодник финно-угорских исследований. – Ижевск : Удмуртский гос. ун-т, 2014. – № 1. – С. 47–54.
82. Редей К. Сравнительная лексика финно-угорских языков / К. Редей, И. Эрдейи // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). – Москва : Наука, 1974. – С. 397–438.
83. РКС – Русско-карельский словарь (севернокарельские диалекты) / сост. П. М. Зайков, В. И. Каракина, М. А. Спицына [и др.]. – Петрозаводск : Периодика, 2015. – 360 с. – ISBN 978-5-88170-255-7.
84. Рубцова О. Г. Названия лекарственных растений в разноструктурных языках (на материале русского, марийского, немецкого и латинского языков) : дис. ... канд. филол. наук / О. Г. Рубцова ; Марийский гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2015. – 218 с.
85. Русинова И. И. Названия травы душица обыкновенная в пермских говорах (на материале словарей) / И. И. Русинова // Лексический атлас русских народных го-

- воров (материалы и исследования). – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука», 2011. – С. 358–364.
86. Русинова И. И. Коми-пермяцкие фитонимы, содержащие названия животных / И. И. Русинова, А. С. Лобанова, Е. Л. Федосеева // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2022. – Т. 16. – № 4. – С. 578–591.
87. Рябинцев В. К. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: Справочник-определитель / В. К. Рябинцев. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 608 с. – ISBN 5-7525-0825-8.
88. Рябко О. П. Сложноструктурные флоронимы в английском языке: когнитивно-фреймовая и мотивационно-номинативная интерпретация ; автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. П. Рябко ; Пятигорский гос. лингвистический ун-т. – Пятигорск : [б. и.], 2003. – 43 с.
89. Рябко О. П. Параметрические мотивационные основания флоронимической номинации / О. П. Рябко // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – Ростов-на-Дону, 2016. – № 3. – С. 104–111.
90. Савенко А. С. Проект «Мотивационно-сопоставительного словаря русского, английского и чешского языков: фитонимы» / А. С. Савенко // Вопросы лексикографии. – 2014. – № 1 (5). – С. 76–91.
91. Светличная Е. И. Этимологический словарь латинских ботанических названий лекарственных растений / Е. И. Светличная, И. А. Толлок. – Харьков: Изд-во НФаУ «Золотые страницы», 2003. – 287 с.
92. Семенов Н. П. Русская номенклатура наиболее известных в нашей флоре и культуре и некоторых общеупотребительных растений / Н. П. Семенов. – Санкт-Петербург : Росс. о-во садоводства, 1878. – 223 с.
93. Серебренников Б. А. Номинация и проблема выбора / Б. А. Серебренников // Языковая номинация (Общие вопросы). – Москва : Наука, 1977. – С. 147–187.
94. Серп // ЭСБЕ – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Санкт-Петербург : Типография акц. общ. «Издательское дело», Брокгауз-Ефрон, 1900. – Т. 29А. – С. 704.

95. Сетаров Р. Д. Национальная специфика образной номинации (на материале названий растений в славянских, германских и тюркских языках) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. Д. Сетаров ; Воронежский гос. ун-т. – Воронеж : [б. и.], 2000. – 19 с.
96. Сидорова Т. А. Проблема мотивированности слов фразеологизированной морфемной структуры в современном русском языке (системно-функциональный и когнитивный аспекты) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. А. Сидорова ; Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород : [б. и.], 2007. – 50 с.
97. Сеница Н. А. Образы христианских служителей культа в славянских народных названиях растений // Н. А. Сеница // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. – Санкт-Петербург : Наука, 2017. – Т. XIII, ч. 2. – С. 239–255.
98. СКЯ (ливв.) – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. – Петрозаводск : Карелия, 1990. – 495 с. – ISBN 5-7545-0380-6.
99. СКЯ (твер.) – Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А. В. Пунжина. – Петрозаводск : Карелия, 1994. – 396 с. – ISBN 5-7545-0650-3.
100. Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык / А. И. Смирницкий. – Москва: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 318 с. – ISBN 5-89042-047-X.
101. ССКГК – Словарь собственно-карельских говоров Карелии / сост. В. П. Федотова, Т. П. Бойко. – Петрозаводск : Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, 2009. – 750 с.
102. ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1961. – 490 с.
103. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – Москва : Наука, 1973. – 366 с.

104. Сюръялайнен Ю. Э. Названия растений в финских говорах Ленинградской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Э. Сюръялайнен ; Тартуский гос. ун-т. – Тарту : [б.и.], 1982. – 19 с.
105. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация (Виды наименований). – Москва : Наука, 1977. – С. 129–221.
106. Телия В. Н. Номинация / В. Н. Телия // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 336–337. – ISBN 5-85270-307-9.
107. Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) / А. А. Уфимцева // Языковая номинация (Виды наименований). – Москва : Наука, 1977. – С. 5–85.
108. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 / М. Фасмер. – Москва : Прогресс, 1986. – 672 с.
109. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 / М. Фасмер. – Москва : Прогресс, 1987. – 864 с.
110. Хайду П. Уральские языки и народы / П. Хайду. – Москва : Прогресс, 1985. – 430 с.
111. Хвесько Т. В. Системообразующая роль мотивации топонимов в языковой картине мира / Т. В. Хвесько, О. Ю. Черниченко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 1 (026). – С. 132–135.
112. Цыпанов Е. А. Финно-угорские языки: сравнительный обзор / Е. А. Цыпанов. – Сыктывкар : Изд-во «Кола», 2009. – 288 с. – ISBN 978-5-7934-0281-1.
113. Чудова Т. И. Символика пищи в контексте святочной обрядности коми (зырян) / Т. И. Чудова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 10 (36): в 2 ч. Ч. 1. – С. 191–193.
114. Шмелев Д. Н. (отв. ред.). Способы номинации в современном русском языке / Д. Н. Шмелев. – Москва : Наука, 1982. – 296 с.
115. Юрченкова Е. Ю. Сопоставительный анализ когнитивных стратегий номинации растений в русском и немецком языках: на материале отзоонимных фитони-

мов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Ю. Юрченкова ; Казанский (При-
волжский) федеральный ун-т. – Томск, 2018. – 26 с.

116. Ягафарова Г. Н. Основные ономаσιологические понятия / Г. Н. Ягафарова // Вестник ЧелГУ. – 2010. – № 13 (194). – С. 172–177.

117. Ягумова Н. Ш. Фитонимическое пространство в языковой картине мира: сло-
вообразовательный и мотивационный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол.
наук / Н. Ш. Ягумова ; Адыгейский государственный университет. – Майкоп : [б.
и.], 2008. – 25 с.

118. Ягумова Н. Ш. Мотивационно-номинативные маркеры фитонимов в англий-
ском и адыгейском языках / Н. Ш. Ягумова, З. А. Богус // Вестник Адыгейского
гос. ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2015. – № 1. – С.
136–141.

119. Allen D. E. Medicinal Plants in Folk Tradition: An Ethnobotany of Britain and Ire-
land / D. E. Allen, G. Hatfield. – Portland ; Cambridge : Timber Press, 2004. – 431 p. –
ISBN 0-88192-638-8.

120. Althochdeutsches Wörterbuch / herausgegeben von G. Köbler. – URL:
<https://koeblergerhard.de/ahdwbhin.html> (дата обращения: 06.09.2023).

121. Anglo-Norman Dictionary. – URL: <https://www.anglo-norman.net/entry/> (дата
обращения: 10. 11. 2023).

122. Berlin B. General Principles of Classification and Nomenclature in Folk Biology /
B. Berlin, D. E. Breedlove, P. H. Raven // American Anthropologist. – 1973. – New Se-
ries, vol. 75, no. 1. – P. 214–242.

123. Biggam C. P. Old English *Safene*: Untangling Native and Exotic Junipers in An-
glo-Saxon England / C. P. Biggam // Leeds Studies in English. – 2013. – New Series
XLIV. – P. 206–241. – ISSN 0075-8566.

124. Birkhan H. Pflanzen im Mittelalter. Eine Kulturgeschichte / H. Birkhan. – Wien,
Köln, Weimar : Böhlau Verlag, 2012. – 310 S. – ISBN 978-3-205-78788-4.

125. Bosworth Toller's Anglo-Saxon Dictionary Online. – URL:
<http://bosworthtoller.com/> (дата обращения: 05.09.2023).

126. California Native Plant Society: *Campanula rotundifolia*. – URL: [https://calscape.org/Campanula-rotundifolia-\(\)](https://calscape.org/Campanula-rotundifolia-()) (дата обращения: 11. 08. 2023).
127. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/us/> (дата обращения: 21.09.2023).
128. Cameron M. L. Bald's *Leechbook* and Cultural Interactions in Anglo-Saxon England / M.L. Cameron // *Anglo-Saxon England*. – 1990. – vol. 19. – P. 5–12.
129. d'Aronco M. A. The Botanical Lexicon of the Old English *Herbarium* / M. A. d'Aronco // *Anglo-Saxon England*. – vol. 17 (December 1988). – P. 15–33.
130. DEPN – Dictionary of English Plant Names / edited by J. Britten, R. Holland. – London : Trübner & Company, 1886. – 618 p.
131. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. – URL: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=DWB (дата обращения: 15. 05. 2023).
132. Dictionary.com. – URL: <https://www.dictionary.com/> (дата обращения: 15. 10. 2023).
133. A Dictionary of Archaic and Provincial Words, Obsolete Phrases, Proverbs, and Ancient Customs, from the Fourteenth Century. Vol. 1–2 / edited by J. O. Halliwell. – London : John Russell Smith, 1850–1868. – 960 p.
134. Dictionary of Obsolete and Provincial English, Containing Words from the English Writers Previous to the Nineteenth Century Which Are no Longer in Use, or Are not Used in the Same Sense. And Words Which Are Now Used Only in the Provincial Dialects. In 2 Vols. Vol. 1 / compiled by T. Wright. – London : Henry G. Bohn, York Street, Covent Garden, 1857. – 490 p.
135. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. – URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 23. 10. 2023).
136. Dyer T. F. Thiselton. *The Folk-lore of Plants* / T. F. Thiselton Dyer. – London : Chatto & Windus, Piccadilly, 1889. – 328 p.
137. FloraWeb. – URL: <http://www.floraweb.de/> (дата обращения: 04. 09. 2023).
138. Florinus H. *Vocabularum latino-sveco-germanico-finnonicum, in usum juventutis, ordine naturae, in certos titulos digestum, & publici juris factum* / H. Florinus. – Stockholm : Tryckt hos Johann Billingsley, 1695. – 239 p.

139. Genaust H. Etymologisches Wörterbuch der Botanischen Pflanzennamen / H. Genaust. – Basel ; Boston ; Berlin : Birkhäuser, 1996. – 701 S. – ISBN 3-7643-2390-6.
140. Gerard J. The Herball, or Generall Historie of Plantes / J. Gerard. – London : Printed by Adam Islip, Joice Norton and Richard Whitakers, 1636. – 1730 p.
141. Graf M. H. Die Wörter Wandern. Pflanzennamen zwischen mundartlicher Vielfalt und historischer Tiefe / M. H. Graf // Schweizerdeutsches Wörterbuch. Bericht über das Jahr 2009. – Zürich, 2010. – S. 16–33.
142. Haber T. B. Canine Terms in Popular Names of Plants / T. B. Haber // American Speech. – 1963. – vol. 38, no. 1. – P. 28–41.
143. IWP – Internationales Wörterbuch der Pflanzennamen in Lateinischer, Deutscher, Englischer und Französischer Sprache / herausgegeben von W. Ulrich. – Leipzig : Verlag von Heinrich Schmidt, 1872. – 342 S.
144. Jamieson J. An Etymological Dictionary of the Scottish Language. In 4 Vols. Vol. 1 / J. Jamieson. – Paisley : Alexander Gardner, 1879. – 567 p.
145. Kanngiesser F. Die Etymologie der Phanerogamennomenklatur. Eine Erklärung der wissenschaftlicher, der deutschen, französischen, englischen und holländischen Pflanzennamen / F. Kanngiesser. – Leipzig : Ramm & Seemann, 1909. – 191 S.
146. Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language / E. Klein. – London : Elsevier, 1971. – 844 p. – ISBN 0-444-40930-0.
147. Kluge – Kluge Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / bearbeitet von E. Seebold. – 25. Aufl. – Berlin : De Gruyter, 2011. – ISBN 978-3-11-022364-4.
148. Krischke U. The Old English Complex Plant Names: a Linguistic Survey and a Catalogue / U. Krischke. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2013. – 488 p. – ISBN 978-3-631-64269-6.
149. Liro J. I. Karjalaisia Kasvinnimiä // J. I. Liro // Acta Societatis pro Fauna et Flora Fennica. – Helsinki : J. Simelius’en Perillisten Kirjapaino-Osakeyhtiö, 1915. – osa 40, no. 3. – 37 s.
150. Logeion. – URL: <https://logeion.uchicago.edu/lexidium> (дата обращения: 16. 08. 2023).

151. Lönnrot E. Flora Fennica. Suomen Kasvio / E. Lönnrot, Th. Saelan. – Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kirjapainossa, 1866. – 469 s.
152. Macmillan A. S. Popular Names of Flowers, Fruits, &c., as Used in the County of Somerset and the Adjacent Parts of Devon, Dorset and Wilts / A. S. Macmillan. – Yeovil : Western Gazette &c. Co., Ltd., 1922. – 297 p.
153. Markey T. ‘Garlic and Sapphires in the Mud’: ‘Leeks’ in Their Early Folk Contexts / T. Markey // Leeds Studies in English. – 2013. – New Series XLIV. – P. 10–42. – ISSN 0075-8566.
154. Marzell H. Wörterbuch der Deutschen Pflanzennamen. In 5 Bde. Band 1 / H. Marzell. – Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1959. – 1412 S.
155. Marzell H. Wörterbuch der Deutschen Pflanzennamen. In 5 Bde. Band 2 / H. Marzell. – Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1972. – 1518 S.
156. Marzell H. Wörterbuch der Deutschen Pflanzennamen. In 5 Bde. Band 3 / H. Marzell. – Stuttgart : S. Hirzel Verlag ; Wiesbaden : Franz Steiner Verlag, 1977. – 1556 S.
157. Marzell H. Wörterbuch der Deutschen Pflanzennamen. In 5 Bde. Band 4 / H. Marzell. – Stuttgart : S. Hirzel Verlag ; Wiesbaden : Franz Steiner Verlag, 1979. – 1437 S.
158. Marzell H. Wörterbuch der Deutschen Pflanzennamen. In 5 Bde. Band 5 / H. Marzell. – Leipzig : S. Hirzel Verlagsbuchhandlung, 1958. – 668 S.
159. Meaney A.L. Extra-medical Elements in Anglo-Saxon Medicine / A. L. Meaney // Social History of Medicine. – 2011. – vol. 24, № 1. – P. 41–56.
160. MEC – Middle English Compendium. – URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary> (дата обращения: 24. 10. 2023).
161. Merriam-Webster. – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 17. 08. 2023).
162. Milică I. Plant Names: a Cognitive Approach / I. Milică // Cognitive Modeling in Linguistics. – Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2012. – P. 105–120.
163. OED – Online Etymology Dictionary. – URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 15. 10. 2023).
164. The Oxford English Dictionary. Vol. 4 / edited by J. A. H. Murray, H. Bradley, W. A. Craigie [et al.]. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – 1144 p. – ISBN 0-19-861216-8.

165. Parkinson J. *Theatrum Botanicum: the Theater of Plants. Or, an Herball of a Large Extent* / J. Parkinson. – London : Printed by Tho. Cotes, 1640. – 1756 p.
166. Plant-Lore. – URL: <http://www.plant-lore.com/> (дата обращения: 31. 10. 2023).
167. Pratt A. *The Flowering Plants and Ferns of Great Britain. In 5 Vols. Vol. 2* / A. Pratt. – London : Society for Promoting Christian Knowledge, 1855. – 355 p.
168. Prior R. C. A. *On the Popular Names of British Plants, Being an Explanation of the Origin and Meaning of the Names of Our Indigenous and Most Commonly Cultivated Species* / R. C. A. Prior. – London : Williams and Norgate, 1863. – 252 p.
169. Prior R. C. A. *On the Popular Names of British Plants, Being an Explanation of the Origin and Meaning of the Names of Our Indigenous and Most Commonly Cultivated Species* / R. C. A. Prior. – 2nd ed. – London : Williams and Norgate, 1870. – 290 p.
170. Pritzel G. *Die Deutschen Volksnamen der Pflanzen* / G. Pritzel, C. Jessen. – Hannover : Verlag von Philipp Cohen, 1882. – 701 S.
171. Sauer H. *On the Analysis and Structure of Old and Middle English Plant Names* / H. Sauer // *Papers from the VII International Conference of the Spanish Society for Medieval English Language & Literature* / edited by Bernardo Santano Moreno, Adrian R. Birtwistle and Luis G. Girón Echevarría. – Cáceres : Universidad de Extremadura, 1995. – P. 299–325.
172. Sauer H. *Die altenglischen Pflanzennamen aus linguistischer und lexikographischer Sicht* / H. Sauer, U. Krischke // *Sudhoffs Archiv*. – Bd. 88, H. 2 (2004). – S. 175–209.
163. SSA – Suomen Sanojen Alkuperä. Etymologinen Sanakirja. 3 osaa. 1 osa / E. Itkonen, U.-M. Kulonen, A. J. Joki [и др.]. – Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura: Kotimaisten Kielten Tutkimuskeskus, 1992. – 486 s. – ISBN 951-717-692-9.
174. SSA – Suomen Sanojen Alkuperä. Etymologinen Sanakirja. 3 osaa. 2 osa / U.-M. Kulonen, E. Koponen, S. Tanner [и др.]. – Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura: Kotimaisten Kielten Tutkimuskeskus, 1995. – 470 s. – ISBN 951-717-711-9.
175. SSA – Suomen Sanojen Alkuperä. Etymologinen Sanakirja. 3 osaa. 3 osa / U.-M. Kulonen, S. Tanner, K. Aapala [и др.]. – Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura: Kotimaisten Kielten Tutkimuskeskus, 2000. – 503 s. – ISBN 951-717-712-7.

176. Starck T. Modern German Plant Names in -ing (-ling) / T. Starck // Modern Language Notes. – Vol. 35, No. 5 (May, 1920). – P.283–288.
177. Suhonen P. Suomalaiset Kasvinnimet // P. Suhonen // Annales Botanici Societatis Zoologicae-Botanicae Fennicae Vanamo. – Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Oy., 1936. – osa 7, no. 1. – 465 s.
178. UDEC: Береза бородавчатая. – URL: <https://www.udec.ru/derevo/bereza-boroda.php> (дата обращения: 13. 03. 2023).
179. Vickery R. Garlands, Conkers and Mother-die: British and Irish Plant-lore / R. Vickery. – London : Continuum UK, 2010. – 226 p. – ISBN 978-1-441-10195-2.
180. Voigts L. E. Anglo-Saxon Plant Remedies and the Anglo-Saxons / L. E. Voigts // Isis. – vol. 70, № 2 (Jun., 1979). – P. 250–268.
181. Wallner B. Plant Names in the Middle English Guy de Chauliac / B. Wallner // Studia Neophilologica. – 1992. – No. 64. – P. 35–44.
182. Watts D. C. Dictionary of Plant Lore / D. C. Watts. – London : Elsevier, 2007. – 471 p. – ISBN 978-0-12-374086-1.
183. Wijk H. L. Gerth van. A Dictionary of Plant Names. In 2 Vols. Vol. 2 / H. L. Gerth van Wijk. – The Hague : Martinus Nijhoff, 1911. – 1444 p.

**Список фитонимов, рассмотренных в работе, и их распределение
по признакам номинации**

1. Цвет

№	Фитоним	Буквальный перевод	Русское научное название	Латинское научное название
1	англ. <i>yarrow</i> (да. <i>gearwe</i> , са. <i>yarowe</i> , <i>yarwe</i>)	от «желтый»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
2	да. <i>rēade gearwe</i>	«красный тысячелистник»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
3	нем. <i>die Garbe</i> (двн. <i>garawa</i> , снн. <i>garwe</i>)	от «желтый»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
4	нем. <i>die Schafgarbe</i> (+ см. 17. Использование в пищу животными)	«овца-тысячелистник»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
5	нем. <i>Rötlich</i>	«красноватый»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
6	фин. ингерм. <i>valkijaromaska</i>	«белая ромашка»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
7	фин. <i>sinilatva</i>	«синяя верхушка»	Борец клобучковый	<i>Aconitum napellus</i> L.
8	коми <i>лӧз тӧзь</i>	«синий лабазник»	Борец северный	<i>Aconitum septentrionale</i> Koelle
9	фин. <i>pujo</i> (+ см. 4. Особенности поверхности и структуры)	«гибкая ветка, прут, молодое дерево»	Полынь обыкновенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
10	коми <i>кӧиншатъ</i> (+ см. 4. Особенности поверхности и структуры)	«волчья хворостина»	Полынь обыкновенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
11	коми <i>батӧг</i> (+ см. 4. Особенности поверхности и структуры)	< рус. <i>батог</i>	Полынь обыкновенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
12	англ. <i>siller tassels</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«серебристые кисточки»	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.
13	нем. <i>das Flittergras</i>	«блестка-трава»	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.
14	нем. <i>Flitterchen</i>	«блесточки»	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.
15	фин. ингерм. <i>kultakastikas</i> (+ см. 5. Общее внешнее сходство с другим	«золотой вейник»	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.

	растением)			
16	англ. <i>blue bell</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«синий (голубой) колокол»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
17	англ. <i>blue-bottle</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«синяя (голубая) бутылка»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
18	фин. <i>sinikukka</i>	«синий цветок»	1. Колокольчик круглолистный; 2. Василек синий	<i>Campanula rotundifolia</i> L.; 2. <i>Centaurea cyanus</i> L.
19	фин. <i>sinikello</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«синий колокол»	Колокольчик, колокольчик круглолистный	<i>Campanula</i> L., <i>Campanula rotundifolia</i> L.
20	са. <i>bleuet</i>	от «синий»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus</i> L.
21	англ. <i>blawort</i>	«синий, сероватосиний» + «трава»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus</i> L.
22	англ. <i>blue-caps</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«синие шапки»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus</i> L.
23	англ. <i>blue-bonnets</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«синие шляпки»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus</i> L.
24	нем. <i>die Blaumütze</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«синяя шапка»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus</i> L.
25	нем. <i>Tintenbleaml</i>	«чернила-цветок» («чернильный цветок»)	Василек синий	<i>Centaurea cyanus</i> L.
26	нем. <i>die Dragonerblumen</i>	«цветки драгунов»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus</i> L.
27	фин. <i>sinien päivänkakkara</i>	«синяя ромашка»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus</i> L.
28	фин. <i>sinikauno</i> (+ см. 21. Другие признаки)	«синяя красота»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus</i> L.
29	карел. <i>s'in'kukka</i>	«синий цветок»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus</i> L.
30	коми лöz юра турун	«трава с синей верхушкой»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus</i> L.
31	коми лöz бугыль (+ см. 3. Форма части растения)	«синий глаз»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus</i> L.
32	англ. <i>yellow star-of-Bethlehem</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«желтая Вифлеемская звезда»	Зверобой продырявленный	<i>Hypericum perforatum</i> L.
33	англ. <i>amber</i>	«янтарь»	Зверобой продырявленный	<i>Hypericum perforatum</i> L.
34	нем. <i>das Herrgottsblut</i>	«кровь Господа»	Зверобой про-	<i>Hypericum</i>

		Бога»	дырявленный	perforatum L.
35	нем. <i>das Jesuwundenkraut</i>	«трава ран Иисуса»	Зверобой дырявленный	Hypericum perforatum L.
36	нем. <i>die Blutstropfen</i>	«капли крови»	Зверобой дырявленный	Hypericum perforatum L.
37	фин. <i>veriheinä</i>	«кровь-трава»	Зверобой дырявленный	Hypericum perforatum L.
38	фин. <i>sianveriheinä</i>	«трава-свиная кровь»	Зверобой дырявленный	Hypericum perforatum L.
39	коми <i>веж турун</i>	«желтая трава»	Зверобой четырехгранный	Hypericum tetrapterum Fr.
40	коми-перм. <i>красной корёнка</i>	«красный корень»	Зверобой	Hypericum L.
41	англ. <i>butter daisy</i> (+ см. 5. Общее внешнее сходство с другим растением)	«масло-маргаритка»	Нивяник обыкновенный	Leucanthemum vulgare Lam.
42	англ. <i>moon-flower</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«луна-цветок»	Нивяник обыкновенный	Leucanthemum vulgare Lam.
43	англ. <i>moon-pennies</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«луна-пенни», «луна-монетки»	Нивяник обыкновенный	Leucanthemum vulgare Lam.
44	нем. <i>die Käsblum(e)</i>	«сыр-цветок»	Нивяник обыкновенный	Leucanthemum vulgare Lam.
45	нем. <i>die Spiegelblume</i>	«зеркало-цветок»	Нивяник обыкновенный	Leucanthemum vulgare Lam.
46	нем. <i>die Mondblume</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«луна-цветок»	Нивяник обыкновенный	Leucanthemum vulgare Lam.
47	фин. ингерм. <i>päivä(n)kakkara</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«солнечная лепешка»	Нивяник обыкновенный	Leucanthemum vulgare Lam.
48	фин. <i>suur päivän kakkara</i> (+ см. 2. Размер растения или его частей; 3. Форма части растения)	«большая солнечная лепешка»	Нивяник обыкновенный	Leucanthemum vulgare Lam.
49	фин. <i>valkia kukka</i>	«белый цветок»	Нивяник обыкновенный	Leucanthemum vulgare Lam.
50	карел. <i>niittypäivänkakkara</i> (+ см. 3. Форма части растения; 12. Место произрастания)	«луговой солнечный блин»	Нивяник обыкновенный	Leucanthemum vulgare Lam.
51	коми <i>еджыд йыла турун</i>	«трава с белой верхушкой»	Нивяник обыкновенный	Leucanthemum vulgare Lam.

52	коми-перм. <i>чочком-цветки</i>	«белые цветки»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
53	коми-перм. <i>веж син</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«желтый глаз»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
54	англ. <i>crab-grass</i>	«краб-трава»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum aviculare</i> L.
55	фин. <i>tatar</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«спорыш»; родств. фин. <i>tattari</i> «гречиха»	Спорыш (горец)	<i>Polygonum</i> L.
56	коми-перм. <i>бельтурун</i>	«белая трава»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum aviculare</i> L.
57	англ. <i>buttercup</i> (+ см. 3. Форма части растения; 4. Особенности поверхности и структуры)	«масло-чашка»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.
58	англ. <i>gold(en) cup</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«золотая чашка»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.
59	англ. <i>yellow cups</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«желтые чашки»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.
60	нем. <i>die gelbe Herzblume</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«желтый сердцевидный цветок»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.
61	нем. <i>die Glitzerpfann(e)</i> (+ см. 3. Форма части растения; 4. Особенности поверхности и структуры)	«блесковорода»; «блестящая сковорода»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.
62	нем. <i>die kleine Butterblume</i> (+ см. 2. Размер растения или его частей; 4. Особенности поверхности и структуры)	«маленький масло-цветок»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.
63	фин., фин. ингерм. <i>Keltakukka</i>	«желтый цветок»	1. Лютик; 2. Одуванчик лекарственный	1. <i>Ranunculus</i> L.; 2. <i>Taraxacum officinale</i> Weber
64	фин. <i>pieni keltakukka</i> (+ см. 2. Размер растения или его частей)	«маленький желтый цветок»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.
65	фин., фин. ингерм. <i>voikukka</i> (+ см. 4. Особенности поверхности и структуры)	«масло-цветок»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.
66	фин. <i>keltainen turkkuikkainen</i> (+ см. 19. Ядовитость)	«желтый ядовитый цветок»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.

	или вредные свойства растения)			
67	карел. <i>keldakukka</i>	«желтый цветок»	Лютик	<i>Ranunculus L.</i>
68	карел. <i>voikukka</i> (+ см. 4. Особенности поверхности и структуры)	«масло-цветок»	Лютик	<i>Ranunculus L.</i>
69	коми <i>веж балюк</i> (+ см. 23. Неясная мотивация)	«желтый барашек»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris L.</i>
70	коми <i>виж больӧ</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«желтая кубышка»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris L.</i>
71	коми <i>му выв купальнича</i> (+ см. 3. Форма части растения; 12. Место произрастания)	«поверхность земли-купальница»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris L.</i>
72	коми <i>пывсян купальнича</i> (+ см. 3. Форма части растения; 15. Использование в народной медицине)	«баня-купальница», «банная купальница»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris L.</i>
73	да. <i>æg-wurt</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«яйцо-трава»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale Weber</i>
74	англ. <i>yellow gowan</i> (+ см. 5. Общее внешнее сходство с другим растением)	«желтая маргаритка»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale Weber</i>
75	нем. <i>die Butterblume</i>	«масло-цветок»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale Weber</i>
76	фин., фин. ингерм. <i>voikukka</i>	«масло-цветок»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale Weber</i>
77	фин. <i>kultakukka</i>	«золотой цветок»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale Weber</i>
78	фин. <i>akkaenkeltakukka</i> (+ см. 4. Особенности поверхности и структуры)	«бабий желтый цветок»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale Weber</i>
79	фин. <i>ikonheinä</i> (+ см. 4. Особенности поверхности и структуры)	«трава старика»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale Weber</i>
80	фин. ингерм. <i>lamppi</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«лампа»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale Weber</i>
81	карел. <i>keltaheinä</i>	«желтая трава»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale Weber</i>
82	карел. <i>voikukka(u)</i>	«масло-цветок»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale Weber</i>

83	карел. <i>voiboba</i>	«масло-цветок»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
84	карел. <i>rohtuvoikukku</i> (+ см. 15. Использование в народной медицине)	«лекарственный одуванчик (масло-цветок)»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
85	коми <i>виж йыла турун</i>	«трава с желтой верхушкой»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
86	коми <i>выя турун</i>	«масляная трава»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
87	коми <i>йöла вижьюр</i> (+ см. 8. Другие особенности сока, семян или спор растения)	«молочная желтая головка»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
88	коми-перм. <i>дедьюр</i> (+ см. 3. Форма части растения; 4. Особенности поверхности и структуры)	«дед-голова (верхушка)»: «голова деда»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
89	англ. <i>red clover</i> (да. <i>rēad clāfre</i> , са. <i>red clōver</i>)	«красный клевер»	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.
90	англ. <i>sugar plums</i> (+ см. 3. Форма части растения; 7. Вкус)	«сахар-сливы», «сахарные сливы»	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.
91	нем. <i>der Rotklee</i>	«красный клевер»	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.
92	нем. <i>die Fleischblume</i>	«мясо-цветок», «плоть-цветок»	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.
93	нем. <i>das (Ünser) Herrgottsfleisch</i>	«плоть (нашего) Господа Бога»	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.
94	фин. <i>puna-apila(s)</i>	«красный клевер»	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.
95	фин. <i>punapää-apilas</i>	«клевер-красная головка»	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.
96	карел. <i>ruskei imiččy</i> (+ см. 7. Вкус)	«красный клевер» (второй компонент – от «сосать»)	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.
97	коми <i>гöрд мöсняк</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«красный коровий сосок»	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.
98	коми <i>гöрд юра мöсняк</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«коровий сосок с красной головкой»	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.
99	коми <i>гöрд маюр</i> (+ см. 7. Вкус)	«красная мед-головка» («медовая головка»)	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.
100	коми <i>сизьюр, сизьюр турун</i>	«голова дятла (-трава)»	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.

	(+ см. 3. Форма части растения)			
101	нем. <i>der Huflattich</i> (двн. <i>huofleticha</i> , снн. <i>huofleteche</i>) (+ см. 3. Форма части растения)	«копыто-латук»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
102	нем. <i>der Brandlattich</i> (+ см. 3. Форма части растения; 15. Использование в народной медицине)	«ожог-латук»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
103	нем. <i>der Brustlattich</i> (+ см. 3. Форма части растения; 15. Использование в народной медицине)	«грудь-латук»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
104	коми <i>виж чача</i>	«желтый цветок»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
105	коми <i>виж цвет</i>	«желтый цветок»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
106	коми <i>виж йила чача</i>	«цветок с желтой верхушкой»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
107	коми <i>тувсов вижьюр</i> (+ см. 14. Время произрастания или цветения)	«весенняя желтая головка»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.

2. Размер растения или его частей

№	Фитоним	Буквальный перевод	Русское научное название	Латинское научное название
1	да. <i>micel þung</i> (+ см. 19. Ядовитость или вредные свойства растения)	«большое ядовитое растение»	Борец клубочковый	<i>Aconitum napellus</i> L.
2	коми <i>ота корья кузь турун</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«широколиственная высокая трава»	Борец северный	<i>Aconitum septentrionale</i> Koelle
3	коми <i>лѣк ота корья турун</i> (+ см. 3. Форма части растения; 19. Ядовитость или вредные свойства растения)	«плохая широколиственная трава»	Борец северный	<i>Aconitum septentrionale</i> Koelle
4	коми <i>шыдбса турун</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«крупная трава»	Полынь обыкновенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.

5	нем. <i>die kleine Wiesen-glöcklein</i> (+ см. 3. Форма части растения; 12. Место произрастания)	«маленькие луговые колокольчики»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
6	нем. <i>Khafeetas [die Kaffeetasse]</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«кофейная чашка»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
7	фин. <i>pieni kissankello</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«маленький кошачий колокол»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
8	англ. <i>lesser bindweed</i> (+ см. 3. Форма части растения; 18. Низкая ценность растения)	«малый вьюнок»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis</i> L.
9	англ. <i>small bindweed</i> (+ см. 3. Форма части растения; 18. Низкая ценность растения)	«малый вьюнок»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis</i> L.
10	нем. <i>die kleine Winde</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«маленький вьюнок»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis</i> L.
11	англ. <i>ox-eye daisy</i> (+ см. 3. Форма части растения; 5. Общее внешнее сходство с другим растением)	«маргаритка-бычий глаз»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
12	англ. <i>ox-eye</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«бычий глаз»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
13	англ. <i>big daisy</i> (+ см. 5. Общее внешнее сходство с другим растением)	«большая маргаритка»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
14	фин. <i>suur päivän kakkara</i>	См. 1. Цвет; 3. Форма части растения		
15	фин. <i>häränsilmä</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«бычий глаз»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
16	англ. <i>waybread</i> (да. <i>weg-brāde (-brāde)</i> , са. <i>wei-brēd(e)</i>) (+ см. 12. Место произрастания)	«дорога-широкое [растение]»	Подорожник большой	<i>Plantago</i> L., <i>Plantago major</i> L.
17	да. <i>smēpe wegbrāde</i> (+ см. 4. Особенности поверхности и структуры; 12. Место про-	«гладкий подорожник»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.

	израстания)			
18	англ. <i>greater plantain</i> (+ см. 3. Форма части растения)	«большой подорожник»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.
19	англ. <i>broad leaf</i>	«широкий лист»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.
20	англ. <i>great waybrede</i> (+ см. 12. Место произрастания)	«большой подорожник»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.
21	нем. <i>die Wegbreite</i> (двн. <i>wegabreita</i> , свн. <i>wegebreit(e)</i>) (+ см. 12. Место произрастания)	«дорога-ширина»	Подорожник	<i>Plantago</i> L.
22	нем. <i>der Große Wegerich</i> (+ см. 12. Место произрастания)	«большой подорожник»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.
23	нем. <i>die kleine Butterblume</i>	См. 1. Цвет; 4. Особенности поверхности и структуры		
24	фин. <i>pieni keltakukka</i>	См. 1. Цвет		
25	англ. <i>broad clover</i>	«широкий клевер»	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.

3. Форма части растения

№	Фитоним	Буквальный перевод	Русское научное название	Латинское научное название
1	англ. <i>milfoil</i> (са. <i>mil-foil</i>)	«тысяча» + «лист»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
2	англ. <i>hundred-leaved grass</i>	«трава с сотней листьев»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
3	англ. <i>thousand-leaf</i>	«тысяча-лист»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
4	нем. <i>das Tausendblatt</i> (свн. <i>Tausendplat</i>)	«тысяча-лист»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
5	нем. <i>die Schafzunge</i>	«овца-язык»	1. Тысячелистник обыкновенный; 2. подорожник большой	1. <i>Achillea millefolium</i> L.; 2. <i>Plantago major</i> L.
6	нем. <i>der Katzenschwanz</i> (свн. <i>Katzenzangel</i>)	«кошачий хвост»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
7	фин. <i>kärsämö</i>	от <i>kärsä</i> '(свиное) рыло'	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
8	фин. <i>kärsäheinä</i>	«рыло-трава»	Тысячелистник	<i>Achillea</i>

			обыкновенный	millefolium L.
9	фин. <i>siankärsä</i>	«свиное рыло»	Тысячелистник обыкновенный	Achillea millefolium L.
10	фин. <i>siansiera</i>	«свиная ноздря»	Тысячелистник обыкновенный	Achillea millefolium L.
11	коми <i>чарла турун</i>	«серб-трава»	Тысячелистник обыкновенный	Achillea millefolium L.
12	коми <i>чарлапинь турун</i>	«зубья (насечка) серпа-трава»	Тысячелистник обыкновенный	Achillea millefolium L.
13	коми <i>коз лыс турун</i>	«трава-еловая хвоя»	Тысячелистник обыкновенный	Achillea millefolium L.
14	коми-перм. <i>пилапиньту- рун</i>	«зубья пилы-трава»	Тысячелистник обыкновенный	Achillea millefolium L.
15	коми-перм. <i>стокок</i>	«сто ножек (цвет- ка)»	Тысячелистник обыкновенный	Achillea millefolium L.
16	англ. <i>monkshood</i>	«капюшон монаха»	Борец (аконит)	Aconitum L.
17	англ. <i>Turk's cap</i>	«колпак турка»	Борец (аконит)	Aconitum napellus L.
18	англ. <i>grandmother's nightcap</i>	«бабушкин ночной колпак»	Борец (аконит)	Aconitum napellus L.
19	англ. <i>helmet flower</i>	«шлем-цветок»	Борец (аконит)	Aconitum napellus L.
20	англ. <i>parson-in-the-pulpit</i>	«священник на ка- федре»	Борец (аконит)	Aconitum napellus L.
21	англ. <i>Venus's Chariot drawn by two doves</i>	«колесница Вене- ры, которую везут два голубя»	Борец (аконит)	Aconitum napellus L.
22	нем. <i>der Eisenhut</i>	«железная шляпа» («шлем»)	Борец (аконит)	Aconitum napellus L.
23	нем. <i>der Sturmhut</i>	«штурм-шляпа» («шлем»)	Борец (аконит)	Aconitum napellus L.
24	нем. <i>die Narrenkappe</i>	«шутовской кол- пак»	Борец (аконит)	Aconitum napellus L.
25	нем. <i>die Mönchskappe</i>	«монашеский кло- бук»	Борец (аконит)	Aconitum napellus L.
26	нем. <i>Täubele im Nest</i>	«голуби в гнезде»	Борец (аконит)	Aconitum napellus L.
27	фин. <i>ikonhattu</i>	«шляпа старика»	Борец (аконит)	Aconitum L.
28	фин. <i>oikea ikonhattu</i> (+ см. 21. Другие призна- ки)	«настоящий (пра- вильный) аконит»	Борец клобуч- ковый	Aconitum napellus L.
29	фин. <i>lintuheinä</i>	«птица-трава»	Борец клобуч- ковый	Aconitum napellus L.
30	фин. <i>arkinlintu</i>	«птица ковчега»	Борец клобуч- ковый	Aconitum napellus L.

31	фин. <i>Noan arkki</i>	«Ноев ковчег»	Борец клобуч- ковый	<i>Aconitum napellus</i> L.
32	фин. <i>hammasheinä</i>	«зуб-трава»	Борец северный	<i>Aconitum septentrionale</i> Koelle
33	фин. <i>kukonharja</i>	«петушиный гре- бень»	Борец (аконит)	<i>Aconitum</i> L.
34	фин. ингерм. <i>tossuloi</i>	«башмачки»	Борец (аконит)	<i>Aconitum</i> L.
35	фин. ингерм. <i>tohvel'kukka</i>	«башмак-цветок»	Борец (аконит)	<i>Aconitum</i> L.
36	фин. ингерм. <i>näkinkenkä</i>	«башмачок русал- ки»	Борец (аконит)	<i>Aconitum</i> L.
37	фин. ингерм. <i>ämmänsuappaat</i>	«бабушкины (ста- рухины) сапоги»	Борец (аконит)	<i>Aconitum</i> L.
38	фин. ингерм. <i>parhevosta</i>	«пара лошадей»	Борец (аконит)	<i>Aconitum</i> L.
39	коми <i>лѣк ота коръя ту- рун</i>	См. 2. Размер растения или его частей; 19. Ядовитость или вредные свойства растения		
40	коми <i>ота коръя кузь ту- рун</i>	См. 2. Размер растения или его частей		
41	коми <i>понкок турун</i>	«трава-собачья ла- па (ступня)»	Борец северный	<i>Aconitum septentrionale</i> Koelle
42	англ. <i>lion's foot</i> (да. <i>lëon- fōt</i>)	«львиная нога (ла- па)»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
43	англ. <i>padelion</i> (са. <i>pede- līōun</i>)	«львиная нога (ла- па)»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
44	англ. <i>bear's-foot</i>	«медвежья лапа»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
45	англ. <i>duck's-foot</i>	«утиная лапа»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
46	англ. <i>lady's mantle</i> (<i>Our Lady's mantle</i>)	«накидка леди» («накидка Богоро- дицы»)	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
47	нем. <i>der Frauenmantel</i>	«женский плащ»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
48	нем. <i>der unser (lieben) Frauen Mantel</i>	«плащ Богороди- цы»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
49	нем. <i>der Marienmantel</i>	«плащ Марии»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
50	нем. <i>der Gänsefuss</i>	«гусиная лапа»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
51	нем. <i>der Löwenfuss</i>	«львиная лапа»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
52	нем. <i>das Regenschirmchen</i> (+ см. 4. Особенности по- верхности и структуры)	«дождь-зонтик»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.

53	фин. <i>hiirenhamme</i>	«мышинная юбка»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
54	фин. <i>körttiheinä</i>	«юбка-трава»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
55	фин. <i>röjyheinä</i>	«кофта-трава», «блуза-трава»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
56	фин. ингерм. <i>nyöryheinä</i>	«складка-трава»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
57	фин. ингерм. <i>röllöheinä</i>	«рюши, оборки» + «трава»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
58	фин. ингерм. <i>sont'ikkaheinä</i> (+ см. 4. Особенности по- верхности и структуры)	«зонтик-трава»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
59	фин. ингерм. <i>pyöräheinä</i>	«колесо-трава»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
60	коми <i>понкок</i>	«собачья лапа»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
61	коми <i>понлапа</i>	«собачья лапа»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
62	фин. <i>häränhäntä</i>	«бычий хвост»	Полынь обык- новенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
63	фин. <i>hepohäntä</i>	«конь-хвост» («ло- шадиный хвост»)	Полынь обык- новенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
64	коми-перм. <i>вөв бөж</i>	«лошадиный хвост»	Полынь	<i>Artemisia</i> L.
65	коми-перм. <i>урбөж</i>	«беличий хвост»	Полынь	<i>Artemisia</i> L.
66	коми <i>шыдöса турун</i>	См. 2. Размер растения или его частей		
67	англ. <i>siller tassels</i>	См. 1. Цвет		
68	англ. <i>maiden-hair</i>	«девичьи волосы»	Трясунка сред- няя	<i>Briza media</i> L.
69	нем. <i>das Jungfernhaar</i>	«девичьи волосы»	Трясунка сред- няя	<i>Briza media</i> L.
70	нем. <i>die Läuse</i>	«вши»	Трясунка сред- няя	<i>Briza media</i> L.
71	нем. <i>die Muttergottesthränen</i>	«слезы Богомате- ри»	Трясунка сред- няя	<i>Briza media</i> L.
72	нем. <i>das Hasenbrot</i> (+ см. 10. Действие, кото- рое совершает растение)	«заячий хлеб»	Трясунка сред- няя	<i>Briza media</i> L.
73	фин. ингерм. <i>куунел'heinä</i>	«слеза-трава»	Трясунка сред- няя	<i>Briza media</i> L.
74	фин. ингерм. <i>syvämenkuvankastikas</i> (+ см. 5. Общее внешнее сходство с другим расте-	«вейник в форме сердца»	Трясунка сред- няя	<i>Briza media</i> L.

	нием)			
75	фин. ингерм. <i>tätintäilöi</i>	«тетины вши»	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.
76	фин. ингерм. <i>jeesuksenkynnenheinä</i>	«травя ногтя Христа»	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.
77	карел. <i>küwnel'hein'ä</i>	«слеза-травя»	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.
78	англ. <i>bellflower</i>	«колокол-цветок»	Колокольчик	<i>Campanula</i> L.
79	англ. <i>throatwort</i> (да. <i>halswurt</i> , са. <i>hals-wort</i>)	«горло-травя»	Колокольчик	<i>Campanula</i> L.
80	англ. <i>harebell (hare's bell)</i> (+ см. 4. Особенности поверхности и структуры)	«заяц-колокол», «заячий колокол»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
81	англ. <i>witch bells</i> (+ см. 20. Народные поверья и обычаи)	«ведьмины колокольчики»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
82	англ. <i>witches' thimble</i> (+ см. 20. Народные поверья и обычаи)	«наперсток ведьм»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
83	англ. <i>blue bell</i>	См. 1. Цвет		
84	англ. <i>blue-bottle</i>	См. 1. Цвет		
85	нем. <i>die Glockenblume</i>	«колокола-цветок»	Колокольчик	<i>Campanula</i> L.
86	нем. <i>das Wiesenglöckel</i> (+ см. 12. Место произрастания)	«луговой колокольчик»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
87	нем. <i>das Buschglöcklein</i> (+ см. 12. Место произрастания)	«куст-колокольчик»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
88	нем. <i>die Gras-Glockenblume</i> (+ см. 12. Место произрастания)	«травя-колокольчик»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
89	нем. <i>die kleine Wiesenglöcklein</i>	См. 2. Размер растения или его частей; 12. Место произрастания		
90	нем. <i>Khafeetas [die Kaffeetasse]</i>	См. 2. Размер растения или его частей		
91	нем. <i>die rundblättrige Glockenblume</i>	«круглолистный колокольчик»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
92	нем. <i>das Milchglöckel</i> (+ см. 8. Другие особенности сока, семян или спор растения)	«молоко-колокольчик»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
93	фин. <i>kello</i>	«колокол»	Колокольчик	<i>Campanula</i> L.
94	фин. <i>kellokukka</i>	«колокол-цветок»	Колокольчик	<i>Campanula</i> L.
95	фин. <i>koirankello</i>	«собачий колокол»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
96	фин. <i>poronkello</i>	«олений колокол»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.

97	фин. <i>kirkonkello</i>	«церковный колокол»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
98	фин. <i>kuninkaankello</i>	«королевский колокол»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
99	фин. <i>sinikello</i>	См. 1. Цвет		
100	фин. <i>kissankello</i>	«кошачий колокол»	Колокольчик, колокольчик круглолистный	<i>Campanula</i> L., <i>Campanula rotundifolia</i> L.
101	фин. <i>pieni kissankello</i>	См. 2. Размер растения или его частей		
102	фин. <i>pääskynhattu</i>	«ласточкина шапка»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
103	фин. <i>sormentuppi</i>	«футляр (ножны) [для] пальца»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
104	фин. ингерм. <i>vinkerkukka</i> (<i>vinkerporkukka</i>)	«наперсток-цветок»	Колокольчик	<i>Campanula</i> L.
105	фин. ингерм. <i>harakanhame</i>	«сорочья юбка»	Колокольчик	<i>Campanula</i> L.
106	карел. <i>kelloine</i>	«колокольчик»	Колокольчик	<i>Campanula</i> L.
107	карел. <i>kellokukka</i>	«колокол-цветок»	Колокольчик	<i>Campanula</i> L.
108	карел. <i>kazinkelloine</i>	«кошачий колокольчик»	Колокольчик	<i>Campanula</i> L.
109	карел. <i>naperskaheinä</i>	«наперсток-трава»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
110	карел. <i>kattilheiny</i>	«котел-трава»	Колокольчик	<i>Campanula</i> L.
111	коми <i>понкӧлӧкӧл</i>	«собачий колокол»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
112	коми <i>понжсынняян</i>	«собачий колокол»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
113	коми <i>ошкӧлӧкӧл</i>	«медвежий колокол»	Колокольчик круглолистный, колокольчик раскидистый	<i>Campanula rotundifolia</i> L., <i>Campanula patula</i> L.
114	коми <i>горадзудль</i>	«бубенчик, бубенцы»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
115	коми <i>звӧнитан турун</i>	«звонящая трава»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
116	англ. <i>blue-caps</i>	См. 1. Цвет		
117	англ. <i>blue-bonnets</i>	См. 1. Цвет		
118	англ. <i>corn-bottle</i> (+ см. 12. Место произрастания)	«зерно-бутылка»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus</i> L.
119	англ. <i>knobweed</i> (+ см. 4. Особенности поверхности и структуры;	«шишка-сорняк»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus</i> L.

	18. Низкая ценность растения)			
120	нем. <i>die Blaumütze</i>		См. 1. Цвет	
121	фин. <i>kirokonkuri</i>	«церковный купол»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus L.</i>
122	фин. <i>liusikukka</i>	«лоскут-цветок»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus L.</i>
123	карел. <i>kirokonkuri</i>	«церковный купол»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus L.</i>
124	коми <i>лӧз бугыль</i>		См. 1. Цвет	
125	коми <i>кульсин</i>	«чертов глаз»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus L.</i>
126	коми <i>пӧлӧничча син</i> (+ см. 12. Место произрастания)	«глаз полудницы»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus L.</i>
127	да. <i>wifo-winde</i>	«лес-вьющееся растение» («веревка-вьющееся растение»)	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis L.</i>
128	да. <i>bere-winde</i> (+ см. 12. Место произрастания)	«ячмень-вьющееся растение»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis L.</i>
129	англ. <i>bindweed</i> (+ см. 18. Низкая ценность растения)	«связывающий сорняк»	Вьюнок	<i>Convolvulus L.</i>
130	англ. <i>lesser bindweed</i>	См. 2. Размер растения или его частей; 18. Низкая ценность растения		
131	англ. <i>small bindweed</i>	См. 2. Размер растения или его частей; 18. Низкая ценность растения		
132	англ. <i>field bindweed</i> (+ см. 12. Место произрастания; 18. Низкая ценность растения)	«полевой вьюнок»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis L.</i>
133	англ. <i>hedge bells</i> (+ см. 12. Место произрастания)	«(живая) изгородь» + «колокольчики»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis L.</i>
134	нем. <i>die Winde</i>	от «обвивать»	Вьюнок	<i>Convolvulus L.</i>
135	нем. <i>die Ackerwinde</i> (+ см. 12. Место произрастания)	«поле-вьюнок»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis L.</i>
136	нем. <i>der Teufelsdarm</i>	«кишка дьявола»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis L.</i>
137	нем. <i>die Kornwinde</i> (+ см. 12. Место произрастания)	«зерно-вьюнок»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis L.</i>
138	нем. <i>die Wegewinde</i>	«дорога-вьюнок»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus</i>

	(+ см. 12. Место произрастания)		вой	arvensis L.
139	нем. <i>die Windglocke</i>	«обвивать» + «колокол»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis</i> L.
140	нем. <i>die kleine Winde</i>	См. 2. Размер растения или его частей		
141	нем. <i>die Schiffermützchen</i>	«фуражечка шкипера»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis</i> L.
142	нем. <i>die Muttergottsgläschen</i>	«стаканчик(и) Богоматери»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis</i> L.
143	фин. <i>kierto</i>	«вращение, оборот»	Вьюнок, вьюнок полевой	<i>Convolvulus</i> L., <i>Convolvulus arvensis</i> L.
144	фин. <i>peltokierto</i> (+ см. 12. Место произрастания)	«поле» + «вращение, оборот»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis</i> L.
145	фин. <i>aidankierto</i> (+ см. 12. Место произрастания)	«вьюнок изгороди»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis</i> L.
146	фин. <i>pyöriäruoho</i>	«вертящаяся (крутящаяся) трава»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis</i> L.
147	фин. <i>kieroruoho</i>	«кривая трава»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis</i> L.
148	фин. ингерм. <i>viruvaheinä</i>	«тянущаяся (стелющаяся) трава»	Вьюнок	<i>Convolvulus</i> L.
149	фин. ингерм. <i>virumaheinä</i>	«тянущаяся (стелющаяся) трава»	Вьюнок	<i>Convolvulus</i> L.
150	фин., фин. ингерм. <i>elämänlanka</i>	«нить жизни»	Вьюнок	<i>Convolvulus</i> L.
151	фин. <i>elämänheinä</i>	«трава жизни»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis</i> L.
152	фин. <i>peltokello</i> (+ см. 12. Место произрастания)	«поле-колокол»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis</i> L.
153	карел. <i>kiertoheinä</i>	«оборот (поворот)-трава»	Вьюнок	<i>Convolvulus</i> L.
154	карел. <i>kiereheiny</i>	«вертящаяся (крутящаяся) трава»	Вьюнок	<i>Convolvulus</i> L.
155	коми <i>гартчан турун</i>	«вьющаяся трава»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis</i> L.
156	коми-перм. <i>каттисян турун</i>	«вьющаяся трава»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis</i> L.
157	коми <i>сир турун</i> (+ см. 4. Особенности поверхности и структуры)	«смоляная трава»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis</i> L.
158	англ. <i>yellow star-of-Bethlehem</i>	См. 1. Цвет		
159	нем. <i>das Christi-Kreuz-Kraut</i> (+ см. 20. Народные по-	«крест Христа-трава»	Зверобой продырявленный	<i>Hypericum perforatum</i> L.

	верья и обычаи)			
160	англ. <i>ox-eye daisy</i>	См. 2. Размер растения или его частей; 5. Общее внешнее сходство с другим растением		
161	англ. <i>ox-eye</i>	См. 2. Размер растения или его частей		
162	англ. <i>moon-flower</i>	См. 1. Цвет		
163	англ. <i>moon-pennies</i>	См. 1. Цвет		
164	нем. <i>die Mondblume</i>	См. 1. Цвет		
165	нем. <i>die Radblume</i>	«колесо-цветок»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
166	фин. ингерм. <i>päivä(n)kakkara</i>	См. 1. Цвет		
167	фин. <i>suur päivän kakkara</i>	См. 1. Цвет; 2. Размер растения или его частей		
168	фин. <i>häränsilmä</i>	См. 2. Размер растения или его частей		
169	фин. <i>haukansilmä</i>	«ястребиный глаз»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
170	фин. <i>rapinkaulus</i>	«воротничок священника»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
171	фин. <i>rapinkukka</i> (+ см. 4. Особенности поверхности и структуры)	«цветок священника», «поповский цветок»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
172	фин. <i>rampakukka</i>	«хромой цветок»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
173	карел. <i>niittypäivänkakkara</i>	См. 1. Цвет; 12. Место произрастания		
174	коми <i>катшабугыль</i>	«сорочьи глаза»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
175	коми <i>катшасин</i>	«сорочий глаз»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
176	коми <i>бабаюр турун</i>	«бабаюр-трава»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
177	коми-перм. <i>чачасин</i>	«глаз цветка»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
178	коми-перм. <i>веж син</i>	См. 1. Цвет		
179	са. <i>plantāgo</i>	от «подошва ноги»	Подорожник	<i>Plantago</i> L.
180	англ. <i>plantain</i> (са. <i>plantein(e)</i>)	от «подошва ноги»	Подорожник	<i>Plantago</i> L.
181	англ. <i>greater plantain</i>	См. 2. Размер растения или его частей		
182	са. <i>lõmbes tõnge</i>	«язык ягненка»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.
183	англ. <i>rat-tail, rat's-tail</i>	«крыса-хвост», «крысиный хвост»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.
184	нем. <i>das Ballenkraut</i>	«ком, комок; шарик» + «трава»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.
185	нем. <i>die Zopfballer</i>	«коса» + «ком, комок; шарик»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.
186	нем. <i>das Glücksmännchen</i> (+ см. 20. Народные верья и обычаи)	«человечек счастья»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.
187	фин. ингерм. <i>koiranhäntä</i>	«собачий хвост»	Подорожник	<i>Plantago major</i>

			большой	L.
188	карел. <i>kakkara</i>	«блин»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.
189	карел. <i>kakkaraislehti</i>	«блинный лист»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.
190	карел. <i>tuakakkara</i> (+ см. 21. Другие призна- ки)	«земляной блин»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.
191	коми <i>ыжпелькор</i>	«овечье ухо-лист»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.
192	коми <i>сись турун</i>	«свеча-трава»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.
193	коми-перм. <i>шырпыж</i>	«мышинная лодка»	Подорожник	<i>Plantago</i> L.
194	англ. <i>centinode</i> (са. <i>centinodie</i>)	«сто» + «узел»	Спорыш пти- чий (горец пти- чий)	<i>Polygonum</i> <i>aviculare</i> L.
195	англ. <i>sparrow-tongue</i> (са. <i>sparwe(s) tonge</i>)	«воробей-язык», «воробьиный язык»	Спорыш пти- чий (горец пти- чий)	<i>Polygonum</i> <i>aviculare</i> L.
196	англ. <i>knotgrass</i>	«узел-трава»	Спорыш пти- чий (горец пти- чий)	<i>Polygonum</i> <i>aviculare</i> L.
197	англ. <i>bird's knot-grass</i> (+ см. 17. Использование в пищу животными)	«птичий спорыш»	Спорыш пти- чий (горец пти- чий)	<i>Polygonum</i> <i>aviculare</i> L.
198	англ. <i>ninety-knot</i>	«девяносто-узел»	Спорыш пти- чий (горец пти- чий)	<i>Polygonum</i> <i>aviculare</i> L.
199	англ. <i>wireweed</i> (+ см. 18. Низкая цен- ность растения)	«провода- сорняк»	Спорыш пти- чий (горец пти- чий)	<i>Polygonum</i> <i>aviculare</i> L.
200	англ. <i>cumberfield</i> (+ см. 4. Особенности по- верхности и структуры)	«помеха (препят- ствие)-поле»	Спорыш пти- чий (горец пти- чий)	<i>Polygonum</i> <i>aviculare</i> L.
201	англ. <i>man-tie</i> (+ см. 4. Особенности по- верхности и структуры)	«препятствие [для] человека»	Спорыш пти- чий (горец пти- чий)	<i>Polygonum</i> <i>aviculare</i> L.
202	нем. <i>der Knöterich</i>	от «узел»	Спорыш (го- рец)	<i>Polygonum</i> L.
203	нем. <i>der Vogel-Knöterich</i> (+ см. 17. Использование в пи- щу животными)	«птица-спорыш»	Спорыш пти- чий (горец пти- чий)	<i>Polygonum</i> <i>aviculare</i> L.
204	нем. <i>das Dengras, das</i> <i>Dännegras</i>	от «растягиваться, тянуться»	Спорыш пти- чий (горец пти- чий)	<i>Polygonum</i> <i>aviculare</i> L.
205	нем. <i>das Zerrgras</i>	от «дергать (в раз- ные стороны), тя- нуть, растягивать»	Спорыш пти- чий (горец пти- чий)	<i>Polygonum</i> <i>aviculare</i> L.

206	нем. <i>das Spatzenzünglin</i>	«воробьиный язычок»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum aviculare</i> L.
207	фин. <i>tatar</i>	См. 1. Цвет		
208	фин. <i>maa-nurmi</i>	«земля-трава»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum aviculare</i> L.
209	фин. <i>jäsenheinä</i>	«сустав-трава»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum aviculare</i> L.
210	фин. <i>hanhenpolvi</i>	«гусиное колено»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum aviculare</i> L.
211	фин. <i>hevosenpolvheinä</i> (+ см. 15. Использование в народной медицине)	«трава лошадиного колена»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum aviculare</i> L.
212	коми <i>змеевка</i>	от «змея»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum aviculare</i> L.
213	да. <i>hræfnes fõt</i>	«лапа (ступня) ворона»	Лютик	<i>Ranunculus</i> L.
214	англ. <i>crowfoot</i> (са. <i>crowe(s) fot (fet)</i>)	«ворона-лапа»; «лапа (лапы) вороны»	Лютик, лютик едкий	<i>Ranunculus</i> L., <i>Ranunculus acris</i> L.
215	са. <i>rams-fõt, rammesfot, ramfot</i>	«ступня барана», «баран-ступня»	Лютик	<i>Ranunculus</i> L.
216	англ. <i>buttercup</i>	См. 1. Цвет; 4. Особенности поверхности и структуры		
217	англ. <i>gold(en) cup</i>	См. 1. Цвет		
218	англ. <i>yellow cups</i>	См. 1. Цвет		
219	англ. <i>upright meadow crowfoot</i> (+ см. 12. Место произрастания)	«прямой луговой лютик»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.
220	нем. <i>der Hahnenfuß</i> (двн. <i>hanafuoз, hanenfuoз, свн. hane(n)vuoз</i>)	«петушиная лапа (ступня)»	Лютик, лютик едкий	<i>Ranunculus</i> L., <i>Ranunculus acris</i> L.
221	нем. <i>der Hahnentritt</i>	«петушиный шаг»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.
222	нем. <i>Krahenfuess [der Krähenfuß]</i>	«воронья лапа»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.
223	нем. <i>der scharfe Hahnenfuß</i> (+ см. 19. Ядовитость или вредные свойства растения)	«едкий лютик»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.

224	нем. <i>der brennende Hahnenfuß</i> (+ см. 19. Ядовитость или вредные свойства растения)	«жгучий лютик»	Лютик едкий	Ranunculus acris L.
225	нем. <i>die gelbe Herzblume</i>	См. 1. Цвет		
226	нем. <i>die Glitzerpfann(e)</i>	См. 1. Цвет; 4. Особенности поверхности и структуры		
227	фин. <i>pikariheinä</i>	«рюмка-трава»	Лютик едкий	Ranunculus acris L.
228	фин. <i>harakanhattu</i>	«сорочья шапка»	Лютик едкий	Ranunculus acris L.
229	коми <i>виж больö</i>	См. 1. Цвет		
230	коми <i>му выв купальнича</i>	См. 1. Цвет; 12. Место произрастания		
231	коми <i>пывсян купальнича</i>	См. 1. Цвет; 15. Использование в народной медицине		
232	англ. <i>dandelion</i> (са. <i>dent-de-lïöun</i>)	«зуб льва»	Одуванчик лекарственный	Taraxacum officinale Weber
233	да. <i>æg-wyrt</i>	См. 1. Цвет		
234	англ. <i>monkshead</i> (+ см. 4. Особенности поверхности и структуры)	«голова монаха»	Одуванчик лекарственный	Taraxacum officinale Weber
235	нем. <i>der Löwenzahn</i>	«зуб льва»	Одуванчик лекарственный	Taraxacum officinale Weber
236	нем. <i>der Mönchskopf</i> (+ см. 4. Особенности поверхности и структуры)	«голова монаха»	Одуванчик лекарственный	Taraxacum officinale Weber
237	нем. <i>die Mönchsblume</i> (+ см. 4. Особенности поверхности и структуры)	«цветок монаха»	Одуванчик лекарственный	Taraxacum officinale Weber
238	нем. <i>die Milchdistel</i> (+ см. 8. Другие особенности сока, семян или спор растения)	«молоко-чертополох»	Одуванчик лекарственный	Taraxacum officinale Weber
239	фин. <i>koirankieliheinä</i>	«собачий язык-трава»	Одуванчик лекарственный	Taraxacum officinale Weber
240	фин. <i>siansilmä</i>	«свиной глаз»	Одуванчик лекарственный	Taraxacum officinale Weber
241	фин. ингерм. <i>lamppi</i>	См. 1. Цвет		
242	карел. <i>koirankieliheinä</i>	«собачий язык-трава»	Одуванчик лекарственный	Taraxacum officinale Weber
243	карел. <i>rappi</i> (+ см. 4. Особенности поверхности и структуры)	«поп, священник»	Одуванчик лекарственный	Taraxacum officinale Weber
244	коми <i>аньюр турун</i> (+ см. 4. Особенности поверхности и структуры)	«женская голова-трава»	Одуванчик лекарственный	Taraxacum officinale Weber

245	коми-перм. <i>дэдьюр</i>	См. 1. Цвет; 4. Особенности поверхности и структуры		
246	англ. <i>sugar plums</i>	См. 1. Цвет; 7. Вкус		
247	англ. <i>honeysuckle trefoil</i> (+ см. 7. Вкус)	«жимолость («мед» + «сосать»)- трилистник»	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.
248	нем. <i>Striezelbuffen</i> (+ см. 4. Особенности по- верхности и структуры)	«кусочек хлеба», «ку- сок пирога»	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.
249	фин. <i>raulantiirsi</i> (+ см. 4. Особенности по- верхности и структуры)	«веревочная ки- сточка»	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.
250	фин. <i>ristilehti</i>	«крест-лист»	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.
251	коми <i>гöрд мöснйак</i>	См. 1. Цвет		
252	коми <i>гöрд юра мöснйак</i>	См. 1. Цвет		
253	коми <i>сизьюр, сизьюр ту- рун</i>	См. 1. Цвет		
254	коми <i>балапель, балапель турун</i>	«овечьё ухо (- трава»	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.
255	англ. <i>coltsfoot</i> (са. <i>coltes- föt</i>)	«нога (ступня) же- ребенка»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
256	да. <i>colt-nægl (colt-græg)</i>	«копыто жеребен- ка»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
257	са. <i>föle-föt</i>	«нога (ступня) же- ребенка»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
258	са. <i>hors-höve</i>	«лошадь-копыто»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
259	англ. <i>sow foot</i>	«свинья-копыто»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
260	англ. <i>cleats</i>	«копыта»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
261	нем. <i>der Huflattich</i> (двн. <i>huofleticha</i> , снн. <i>huof- leteche</i>)	См. 1. Цвет		
262	нем. <i>Rosshueb [der Rosshuf]</i>	«копыто коня»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
263	нем. <i>der Eselshuf</i>	«ослиное копыто»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
264	нем. <i>das Sauohr</i>	«свиное ухо»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
265	нем. <i>Düüwelsfeot [der Teufelsfuß]</i> (+ см. 18. Низкая цен- ность растения)	«нога (ступня) дья- вола»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
266	нем. <i>der Brandlattich</i>	См. 1. Цвет; 15. Использование в народной медицине		
267	нем. <i>der Brustlattich</i>	См. 1. Цвет; 15. Использование в народной медицине		
268	фин. <i>kavirolehti</i>	«копыто-лист»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.

269	фин. <i>hevoisenkavio</i>	«лошадиное копыто»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
270	фин. <i>varsankavio</i>	«копыто жеребенка»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
271	фин. <i>varsanjalka</i>	«нога жеребенка»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
272	фин. <i>karhunkämmentheena</i>	«медвежья лап-трава»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
273	фин. <i>sammakonlehti</i>	«лягушачий лист»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.

4. Особенности поверхности и структуры

№	Фитоним	Буквальный перевод	Русское научное название	Латинское научное название
1	коми <i>болонь турун</i>	«заболонь-трава»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
2	коми <i>ошлапкор</i> (+ см. 19. Ядовитость или вредные свойства растения)	«медвежий подорожник (лопух)»	Борец северный	<i>Aconitum septentrionale</i> Koelle
3	англ. <i>dewcup</i>	«роса-чашка»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
4	англ. <i>syndaw</i>	«солнце-роса» или «постоянно росистое [растение]»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
5	нем. <i>der Sinau (Sinnau, Sindaw, Sondaw)</i>	«постоянно росистое [растение]»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
6	нем. <i>das Thaublatt</i>	«роса-лист»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
7	нем. <i>die Tauschüssel</i>	«роса-миска»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
8	нем. <i>das Regenschirmchen</i>	См. 3. Форма части растения		
9	фин. <i>hopealehti</i>	«серебро-лист»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
10	фин. ингерм. <i>sont'ikkaheinä</i>	См. 3. Форма части растения		
11	коми <i>лысва турун</i>	«роса-трава»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
12	фин. <i>pujo</i>	См. 1. Цвет		
13	коми <i>кõиншадь</i>	См. 1. Цвет		
14	коми <i>батõг</i>	См. 1. Цвет		
15	англ. <i>hay shakers</i> (+ см. 10. Действие, кото-	«трясущиеся сухие травин-	<i>Briza media</i> L.	Трясунка средняя

	рое совершает растение)	ки»		
16	англ. <i>harebell (hare's bell)</i>	См. 3. Форма части растения		
17	англ. <i>knobweed</i>	См. 3. Форма части растения; 18. Низкая ценность растения		
18	нем. <i>die Flockenblume</i>	«пушинки-цветок»	Василек	<i>Centaurea L.</i>
19	нем. <i>das Ziegenbein</i>	«козлиная нога»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus L.</i>
20	коми <i>сир турун</i>	См. 3. Форма части растения		
21	англ. <i>hundred-holes</i>	«сто дырок»	Зверобой продырявленный	<i>Hypericum perforatum L.</i>
22	нем. <i>das Tüpfel-Hartheu</i>	«точка (крапинка)-твердое сено»	Зверобой продырявленный	<i>Hypericum perforatum L.</i>
23	нем. <i>das Hartheu, das Hartenau</i> (двн. <i>hartho</i> , свн. <i>harthouve, -howe</i> , снн. <i>hertenheu</i>)	«твердое сено»	Зверобой продырявленный	<i>Hypericum perforatum L.</i>
24	фин. <i>läpikuisma</i> (+ см. 15. Использование в народной медицине)	«дыра-зверобой»	Зверобой продырявленный	<i>Hypericum perforatum L.</i>
25	фин. <i>rapinkukka</i>	См. 3. Форма части растения		
26	да. <i>smēpe wegbræde</i>	См. 2. Размер растения или его частей; 12. Место произрастания		
27	нем. <i>das Aderkraut</i>	«вена-трава», «прожилка-трава»	Подорожник большой	<i>Plantago major L.</i>
28	фин. ингерм. <i>ruusunleht'</i>	«лист розы»	Подорожник большой	<i>Plantago major L.</i>
29	фин. ингерм. <i>hermuleht'</i>	«нерв-лист» («нить-лист»)	Подорожник большой	<i>Plantago major L.</i>
30	коми <i>лапкор</i>	«плоский лист»	Подорожник большой	<i>Plantago major L.</i>
31	коми <i>туй дор лапкор</i> (+ см. 12. Место произрастания)	«край дороги-подорожник (лопух)»	Подорожник большой	<i>Plantago major L.</i>
32	коми-перм. <i>жылатурун</i>	«жила-трава»	Подорожник	<i>Plantago L.</i>
33	англ. <i>Armstrong</i>	«рука» + «сильный»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum aviculare L.</i>
34	англ. <i>cumberfield</i>	См. 3. Форма части растения		
35	англ. <i>man-tie</i>	См. 3. Форма части растения		
36	англ. <i>buttercup</i>	См. 1. Цвет; 3. Форма части растения		
37	нем. <i>die Glitzerpfann(e)</i>	См. 1. Цвет; 3. Форма части растения		
38	нем. <i>die kleine Butterblume</i>	См. 1. Цвет; 2. Размер растения или его частей		
39	нем. <i>die Schmalzblume</i>	«топленое сало-цветок»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris L.</i>
40	нем. <i>die Schmeerblume</i>	«жир-цветок»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris L.</i>

41	нем. <i>das Spiegelblümchen</i>	«зеркало-цветочек»	Лютик едкий	Ranunculus acris L.
42	фин., фин. ингерм. <i>voikukka</i> (Лютик едкий)	См. 1. Цвет		
43	карел. <i>voikukka</i> (Лютик)	См. 1. Цвет		
44	англ. <i>monkshead</i>	См. 3. Форма части растения		
45	нем. <i>der Mönchskopf</i>	См. 3. Форма части растения		
46	нем. <i>die Mönchsblume</i>	См. 3. Форма части растения		
47	фин. <i>höytypää</i>	«пух- (пуховая) голова (верхушка)»	Одуванчик лекарственный	Taraxacum officinale Weber
48	фин. <i>höyhenheinä</i>	«перо-трава»	Одуванчик лекарственный	Taraxacum officinale Weber
49	фин. <i>pörröpää</i>	«взъерошенные волосы-верхушка»	Одуванчик лекарственный	Taraxacum officinale Weber
50	фин. <i>akkaenkeltakukka</i>	См. 1. Цвет		
51	фин. <i>ikonheinä</i>	См. 1. Цвет		
52	фин. <i>isänkukka</i>	«отцовский цветок»	Одуванчик лекарственный	Taraxacum officinale Weber
53	карел. <i>rappi</i>	См. 3. Форма части растения		
54	коми <i>гöна юр (турун)</i>	«трава с волосатой головой»	Одуванчик лекарственный	Taraxacum officinale Weber
55	коми <i>аньюр турун</i>	См. 3. Форма части растения		
56	коми <i>пöлясян турун</i>	«трава-дудение»	Одуванчик лекарственный	Taraxacum officinale Weber
57	коми <i>небыд йöн</i> (+ 5. Общее внешнее сходство с другим растением)	«мягкий осот»	Одуванчик лекарственный	Taraxacum officinale Weber
58	коми-перм. <i>дeдьюр</i>	См. 1. Цвет; 3. Форма части растения		
59	англ. <i>beebread</i> (+ 17. Использование в пищу животными)	«пчелиный хлеб, пчелиная пища»	Клевер луговой	Trifolium pratense L.
60	нем. <i>Striezelbunnen</i>	См. 3. Форма части растения		
61	нем. <i>der Schmoll'nbrocken</i>	«кусочек хлебного мякиша»	Клевер луговой	Trifolium pratense L.
62	нем. <i>das Zuckerbrot</i> (+ см. 7. Вкус)	«пряник» («сахарный хлеб»)	Клевер луговой	Trifolium pratense L.
63	фин. <i>töykkypääheinä</i>	«трава с комковатой головкой»	Клевер луговой	Trifolium pratense L.
64	фин. <i>paulantupsu</i>	См. 3. Форма части растения		

65	карел. <i>maidomöökküne</i> (<i>maidomöwkkün'e</i>) (+ см. 8. Другие особенности сока, семян или спор растения)	«молоко-булочка», «молочная булочка»	Клевер, клевер луговой	<i>Trifolium L.</i> , <i>Trifolium pratense L.</i>
66	нем. <i>das Wollenkraut</i>	«шерстяная трава»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara L.</i>
67	нем. <i>die Spiegelblätter</i> (+ см. 20. Народные поверья и обычаи)	«зеркало-листья»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara L.</i>
68	фин. <i>leskikukka</i>	«вдовец (вдова)-цветок»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara L.</i>
69	фин. <i>leskenlehti</i>	«лист вдовы (вдовца)»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara L.</i>
70	фин. ингерм. <i>emintimänleht'</i>	«лист мачехи»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara L.</i>
71	фин. ингерм. <i>armottomanlapsenleht'</i>	«лист обездоленного ребенка»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara L.</i>
72	фин. ингерм. <i>armottomanleht'</i>	«лист обездоленного»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara L.</i>
73	фин. <i>nukkaheinä</i>	«ворс-трава»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara L.</i>
74	карел. <i>leskenlehti</i>	«лист вдовы (вдовца)»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara L.</i>
75	карел. <i>tuäčuhaheinä</i>	«мачеха-трава»; <i>tuäčuha</i> < рус. мачеха	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara L.</i>
76	карел. <i>tuäčuhal'eht'i</i>	«мачеха-лист»; <i>tuäčuha</i> < рус. мачеха	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara L.</i>
77	коми-перм. <i>йöз мам да аслат мам</i>	«чужая мать и своя мать»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara L.</i>
78	коми-перм. <i>лапкор</i> (+ см. 5. Общее внешнее сходство с другим растением)	«плоский лист»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara L.</i>

5. Общее внешнее сходство с другим растением

№	Фитоним	Буквальный перевод	Русское научное название	Латинское научное название
1	фин. ингерм. <i>tuul'heinä</i> (+ см. 10. Действие, которое совершает растение)	«ветер-трава»	Полынь обыкновенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
2	фин. ингерм. <i>syvämenkuvankastikas</i>	См. 3. Форма части растения		
3	фин. ингерм. <i>kultakastikas</i>	См. 1. Цвет		
4	фин. ингерм. <i>kirokastikas</i> (+ см. 10. Действие, которое совершает растение)	«проклятый вейник», «проклятие-вейник»	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.
5	фин. ингерм. <i>kaurakukka</i>	«овес-цветок»	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.
6	англ. <i>ox-eye daisy</i>	См. 2. Размер растения или его частей; 3. Форма части растения		
7	англ. <i>big daisy</i>	См. 3. Форма части растения		
8	англ. <i>butter daisy</i>	См. 1. Цвет		
9	англ. <i>field daisy</i> (+ см. 12. Место произрастания)	«поле-маргаритка»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
10	англ. <i>poor-land daisy</i> (+ см. 12. Место произрастания)	«бедная (неплодородная) земля-маргаритка»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
11	фин. <i>pellon kanerva</i> (+ см. 12. Место произрастания)	«полевой вереск»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum aviculare</i> L.
12	англ. <i>milk gowan</i> (+ см. 8. Другие особенности сока, семян или спор растения)	«молочная маргаритка»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
13	англ. <i>yellow gowan</i>	См. 1. Цвет		
14	англ. <i>Irish daisy</i> (+ см. 18. Низкая ценность растения)	«ирландская маргаритка»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
15	англ. <i>witch gowan</i> (+ см. 19. Ядовитость или вредные свойства растения)	«ведьмина маргаритка»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
16	коми <i>небыд йӧн</i>	См. 4. Особенности поверхности и структуры		
17	коми-перм. <i>лапкор</i>	См. 4. Особенности поверхности и структуры		

6. Запах

№	Фитоним	Буквальный перевод	Русское научное название	Латинское научное название
1	англ. <i>apple-pie</i>	«яблочный пирог»	Полынь обыкновенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
2	нем. <i>die Mandelblume</i>	«миндаль-цветок»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis</i> L.
3	англ. <i>rosin rose</i>	«смола-роза»	Зверобой продырявленный	<i>Hypericum perforatum</i> L.

7. Вкус

№	Фитоним	Буквальный перевод	Русское научное название	Латинское научное название
1	нем. <i>Gallbleaml</i>	«желчь-цветок»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
2	фин. <i>sappiheinä</i>	«желчь-трава»	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
3	да. <i>eorb-gealla</i>	«земля-желчь»	Василек	<i>Centaurea</i> L.
4	фин. <i>sinappiheinä</i>	«горчица-трава»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum aviculare</i> L.
5	фин. <i>suolaruoho</i>	«соль-трава»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum aviculare</i> L.
6	карел. <i>švolahein'äkukka</i>	«щавель («соль-трава»)-цветок»	Спорыш (горец)	<i>Polygonum</i> L.
7	фин., фин. ингерм. <i>sätkäkukka</i>	«папироска-цветок»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.
8	фин. ингерм. <i>tupakkakukka</i>	«табак-цветок»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.
9	карел. <i>kargei-iivananheiny</i> (+ см. 14. Время произрастания или цветения)	«горькая Иванова трава»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.
10	фин. ингерм. <i>karkijakukka</i>	«горький цветок»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
11	англ. <i>honeysuckle trefoil</i>	См. 3. Форма части растения		
12	англ. <i>sugar plums</i>	См. 1. Цвет; 3. Форма части растения		
13	нем. <i>das Zuckerbrot</i>	См. 4. Особенности поверхности и структуры		
14	нем. <i>die Honigblumen</i>	«мед-цветы»	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.
15	фин. <i>imuruoho</i>	«сосание» + «трава»	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.
16	фин. <i>mesiheinä</i>	«нектар (мед)-	Клевер луговой	<i>Trifolium</i>

		травя»		pratense L.
17	карел. <i>imičci</i>	от «сосать»	Клевер, клевер луговой	Trifolium L., Trifolium pratense L.
18	карел. <i>ruskei imičcy</i>	См. 1. Цвет		
19	коми <i>göрд маюр</i>	См. 1. Цвет		
20	коми <i>чöскыд турун</i>	«вкусная, ла- комая трава»	Клевер луговой	Trifolium pratense L.
21	коми-перм. <i>чупкан</i>	«[растение], которое выса- сывают»	Клевер луговой	Trifolium pratense L.
22	коми-перм. <i>чупкантурун</i>	«травя, кото- рую высасыва- ют»	Клевер, клевер луговой	Trifolium L., Trifolium pratense L.

8. Другие особенности сока, семян или спор растения

№	Фитоним	Буквальный перевод	Русское научное название	Латинское научное название
1	нем. <i>das Milchglöckel</i>	См. 3. Форма части растения		
2	англ. <i>milk gowan</i>	См. 5. Общее внешнее сходство с другим растением		
3	нем. <i>die Milchdistel</i>	См. 3. Форма части растения		
4	фин. <i>maitiainen</i>	от «молоко»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
5	фин., фин. ингерм. <i>maitoheinä</i>	«молоко-травя»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
6	фин. <i>maitokukka</i>	«молоко-цветок»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
7	фин. <i>maitolakki</i>	«молоко-шапка»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
8	карел. <i>maidokukka(n'e)</i> , <i>maidokukka</i>	«молоко-цветок»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
9	коми <i>йöв турун</i>	«молоко-травя», «молочная трава»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
10	коми <i>йöла вижъяур</i>	См. 1. Цвет		
11	англ. <i>clover</i> (да. <i>cläfre</i> , са. <i>clöver</i>)	«растение с липким соком»	Клевер, клевер луговой	Trifolium L., Trifolium pratense L.
12	нем. <i>der Klee</i> (двн. <i>klēo</i> , свн. <i>klē</i> , генитив <i>klēwes</i>)	«растение с липким соком»	Клевер, клевер луговой	Trifolium L., Trifolium pratense L.
13	карел. <i>maidomöykküne</i> (<i>maidomöwkkün'e</i>)	См. 4. Особенности поверхности и структуры		

9. Звук, издаваемый растением

№	Фитоним	Буквальный перевод	Русское научное название	Латинское научное название
1	англ. <i>rattle grass</i>	«треск-трава», «грохот-трава»	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.
2	нем. <i>das Rasselgras</i>	«трещотка-трава» (от «трещать, громыхать»)	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.
3	карел. <i>čiluhein'ä</i>	«звон-трава»	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.
4	фин. ингерм. <i>ampujaine</i>	«хлопушка»	Колокольчик	<i>Campanula</i> L.
5	карел. <i>plokkukukka</i>	«щелчок-цветок»	Колокольчик	<i>Campanula</i> L.
6	карел. <i>pläčkuhein'ä</i>	«удар (шлепок)-трава»	Колокольчик	<i>Campanula</i> L.

10. Действие, которое совершает растение

№	Фитоним	Буквальный перевод	Русское научное название	Латинское научное название
1	фин. ингерм. <i>tuul'heinä</i> (попыль)	См. 5. Общее внешнее сходство с другим растением		
2	англ. <i>quaking-grass</i>	«дрожащая трава»	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.
3	англ. <i>dadder-grass</i>	«трястись, дрожать» + «трава»	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.
4	англ. <i>diddery-docks</i>	трясущиеся кончики	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.
5	англ. <i>dodderin-Nancy</i>	«трясущаяся Нэнси»	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.
6	англ. <i>dothering-Toms</i>	«трясущиеся Томы»	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.
7	англ. <i>hay shakers</i>	См. 4. Особенности поверхности и структуры		
8	англ. <i>wiggle-waggles</i>	от «покачиваться»	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.
9	нем. <i>das Zittergrass</i>	от «дрожать, трястись» + «трава»	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.
10	нем. <i>Jöppchen stohn stell [Jaköbchen, steh still]</i>	«колосок (колоски), стой(те) смирно»	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.
11	нем. <i>das Wiesenzittergrass</i>	См. 12. Место произрастания		
12	нем. <i>das Hasenbrot</i>	См. 3. Форма части растения		

13	нем. <i>das Hasengras</i>	«заячья трава»	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.
14	фин. <i>värisemisen-ruoho</i>	«трава дрожания»	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.
15	фин. <i>jänisheinä</i>	«заяц-трава»	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.
16	фин. ингерм. <i>kirokastikas</i>	См. 5. Общее внешнее сходство с другим растением		
17	фин. ингерм. <i>tuul'heinä</i>	«ветер-трава»	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.
18	нем. <i>der Regenschließer</i>	«[цветок], закрывающийся перед дождем»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis</i> L.
19	фин. ингерм. <i>pö(l)ukukka(ne)</i>	«пылящий цветок»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber

11. Другой эффект, производимый растением

№	Фитоним	Буквальный перевод	Русское научное название	Латинское научное название
1	англ. <i>sneezewort</i>	«чиханье-трава»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
2	англ. <i>old man's mustard</i>	«горчица старика»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
3	англ. <i>old man's pepper</i>	«перец старика»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.

12. Место произрастания

№	Фитоним	Буквальный перевод	Русское научное название	Латинское научное название
1	фин. <i>peldoruoho, peltoruoho</i>	«полевая трава»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
2	фин. ингерм. <i>tuuant'ienkukka</i>	«(при)дорожный цветок»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
3	фин. ингерм. <i>t'ienvierenromaska</i>	«придорожная ромашка»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
4	карел. <i>kiviheinä</i>	«каменная трава»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
5	фин. <i>villi koiruoho</i> (+ см. 16. Использование в хозяйстве и в быту)	«дикая полынь»	Полынь обыкновенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
6	фин. <i>pellon vanhempi</i> (+ см. 15. Использование в народной медицине)	«старший в поле»	Полынь обыкновенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
7	нем. <i>das Wiesenzittergrass</i> (+ см. 10. Действие, ко-	«луговая трясунокка»	Трясунка средняя	<i>Briza media</i> L.

	торое совершает растение)			
8	нем. <i>das Wiesenglöckel</i>	См. 3. Форма части растения		
9	нем. <i>das Buschglöcklein</i>	См. 3. Форма части растения		
10	нем. <i>die Gras-Glockenblume</i>	См. 3. Форма части растения		
11	нем. <i>die kleine Wiesenglöcklein</i>	См. 2. Размер растения или его частей; 3. Форма части растения		
12	англ. <i>cornflower</i>	«зерно-цветок»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus L.</i>
13	англ. <i>corn-bottle</i>	См. 3. Форма части растения		
14	нем. <i>die Kornblume</i>	«зерно-цветок»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus L.</i>
15	нем. <i>die Roggenblume</i> (свн. <i>rockenblum</i>)	«рожь-цветок»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus L.</i>
16	нем. <i>der Kornfresser</i> (+ см. 18. Низкая ценность растения)	«пожиратель зерна»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus L.</i>
17	нем. <i>die Sichelblume</i> (+ см. 18. Низкая ценность растения)	«серб-цветок»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus L.</i>
18	фин. <i>ruiskukka</i>	«рожь-цветок»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus L.</i>
19	фин. <i>ohrakukka</i>	«ячмень-цветок»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus L.</i>
20	фин. <i>jyväkukka</i>	«зерно-цветок»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus L.</i>
21	фин. <i>laihonkukka</i>	«цветок посевов»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus L.</i>
22	фин. <i>ruiskaunokki</i> (+ см. 21. Другие признаки)	«ржаной красивый цветок»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus L.</i>
23	карел. <i>ruišboba</i>	«ржаная игрушка»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus L.</i>
24	карел. <i>ruis' kukka</i>	«рожь-цветок»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus L.</i>
25	коми-перм. <i>öзимчача</i>	«озимь-цветок», «всходы-цветок»	Василек, василек синий	<i>Centaurea L., Centaurea cyanus L.</i>
26	коми-перм. <i>рудзөгчача</i>	«рожь-цветок»	Василек, василек синий	<i>Centaurea L., Centaurea cyanus L.</i>
27	коми <i>пöлöзнича син</i>	См. 3. Форма части растения		
28	да. <i>bere-winde</i>	См. 3. Форма части растения		
29	англ. <i>field bindweed</i>	См. 3. Форма части растения; 18. Низкая ценность растения		
30	англ. <i>hedge bells</i>	См. 3. Форма части растения		
31	нем. <i>die Ackerwinde</i>	См. 3. Форма части растения		

32	нем. <i>die Kornwinde</i>	См. 3. Форма части растения		
33	нем. <i>die Wegewinde</i>	См. 3. Форма части растения		
34	фин. <i>peltokierto</i>	См. 3. Форма части растения		
35	фин. <i>aidankierto</i>	См. 3. Форма части растения		
36	фин. <i>peltokello</i>	См. 3. Форма части растения		
37	фин. <i>mäkikuisma</i> (+ см. 15. Использование в народной медицине)	«пригорок (холм)- зверобой»	Зверобой проды- рявленный	<i>Hypericum perforatum</i> L.
38	фин. <i>nurmikuisma</i> (+ см. 15. Использование в народной медицине)	«луг-зверобой»	Зверобой проды- рявленный	<i>Hypericum perforatum</i> L.
39	коми <i>бор тиау турун</i> (+ см. 15. Использование в народной медицине)	«межевая чай- трава»	Зверобой четы- рехгранный	<i>Hypericum tetrapterum</i> Fr.
40	англ. <i>field daisy</i>	См. 5. Общее внешнее сходство с другим растением		
41	англ. <i>poor-land daisy</i>	См. 5. Общее внешнее сходство с другим растением		
42	нем. <i>die Wiesen- Margerite</i>	«луговой нивя- ник»	Нивяник обык- новенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
43	карел. <i>niittypäivänkakkara</i>	См. 1. Цвет; 3. Форма части растения		
44	англ. <i>waybread</i> (да. <i>weg- brāde (-brāde)</i> , са. <i>wei- brēd(e)</i>)	См. 2. Размер растения или его частей		
45	англ. <i>great waybrede</i>	См. 2. Размер растения или его частей		
46	да. <i>smēpe wegbrāde</i>	См. 2. Размер растения или его частей; 4. Особенности поверхности и структуры		
47	нем. <i>der Wegerich</i> (двн. <i>wegarīh</i> , свн. <i>wegerīch</i>)	от «дорога»	Подорожник	<i>Plantago</i> L.
48	нем. <i>die Wegbreite</i> (двн. <i>wegabreita</i> , свн. <i>wegebreit(e)</i>)	См. 2. Размер растения или его частей		
49	нем. <i>der Große Wegerich</i>	См. 2. Размер растения или его частей		
50	фин. <i>ratamo</i>	от «путь, дорога»	Подорожник	<i>Plantago</i> L.
51	фин. <i>piharatamo</i>	«дворовый подо- рожник»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.
52	фин. <i>tieheinä</i>	«трава [растущая у] дороги»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.
53	фин. <i>tie(n)lehti</i>	«лист [растущий у] дороги»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.
54	фин. ингерм. <i>t'ie(n)leht'</i>	«(при)дорожный лист»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.
55	фин. ингерм. <i>t'ieheinä</i>	«(при) дорожная трава»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.
56	карел. <i>dorogalehti</i>	«дорожный лист»	Подорожник	<i>Plantago</i> L.
57	карел. <i>rahvaanlehti</i>	«народный лист»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.

58	коми <i>туӧ дор ланкор</i>	См. 4. Особенности поверхности и структуры		
59	коми <i>туӧ выв кор</i>	«поверхность до- роги-лист»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.
60	да. <i>unfortredde</i>	«[растение], кото- рое невозможно затоптать»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum</i> <i>aviculare</i> L.
61	нем. <i>der Unvertritt</i>	«[растение], кото- рое невозможно затоптать»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum</i> <i>aviculare</i> L.
62	нем. <i>der Wegetritt</i> (двн. <i>wegetreta</i>)	«дорога» + «сту- пать»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum</i> <i>aviculare</i> L.
63	фин. <i>pihatatar</i>	«двор-горец»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum</i> <i>aviculare</i> L.
64	фин. <i>pellon kanerva</i>	См. 5. Общее внешнее сходство с другим растением		
65	карел. <i>vesiheinä</i>	«вода-трава»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum</i> <i>aviculare</i> L.
66	коми-перм. <i>луд</i>	«лужайка», «поля- на», пастбище»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum</i> <i>aviculare</i> L.
67	англ. <i>upright meadow</i> <i>crowfoot</i>	См. 3. Форма части растения		
68	фин. <i>ruostekukka</i>	«ржавчина- цветок»	Лютик	<i>Ranunculus</i> L.
69	карел. <i>niittyleinikki</i> (+ см. 15. Использование в народной медицине)	«луговой лютик»	Лютик едкий	<i>Ranunculus</i> <i>acris</i> L.
70	коми <i>му выв купальнича</i>	См. 1. Цвет; 3. Форма части растения		
71	фин. <i>likakukka</i>	«грязь-цветок»	Одуванчик ле- карственный	<i>Taraxacum</i> <i>officinale</i> Weber
72	фин. <i>keonkukka</i>	«цветок кучи» («цветок на куче»)	Одуванчик ле- карственный	<i>Taraxacum</i> <i>officinale</i> Weber
73	англ. <i>meadow clover</i>	«луг-клевер»	Клевер луговой	<i>Trifolium</i> <i>pratense</i> L.
74	англ. <i>marl-grass</i>	«известковая гли- на-трава»	Клевер луговой	<i>Trifolium</i> <i>pratense</i> L.
75	нем. <i>der Wiesenkle</i>	«луговой клевер»	Клевер луговой	<i>Trifolium</i> <i>pratense</i> L.
76	фин. <i>pelto-apilas</i>	«поле-клевер»	Клевер луговой	<i>Trifolium</i> <i>pratense</i> L.
77	англ. <i>clayweed</i> (+ см. 18. Низкая цен- ность растения)	«глина-сорняк»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago</i> <i>farfara</i> L.
78	нем. <i>die Sandblume</i>	«песок-цветок»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago</i> <i>farfara</i> L.

13. Страна или место происхождения растения

№	Фитоним	Буквальный перевод	Русское научное название	Латинское научное название
1	нем. <i>Deutscher Klee</i>	«немецкий клевер»	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.
2	нем. <i>Brabanter Klee</i>	«брабантский клевер»	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.
3	нем. <i>der spanische Klee</i>	«испанский клевер»	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.

14. Время произрастания или цветения

№	Фитоним	Буквальный перевод	Русское научное название	Латинское научное название
1	нем. <i>der (St.) Johannisgürtel</i> (+ см. 20. Народные поверья и обычаи)	«пояс (Св.) Иоанна»	Полынь обыкновенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
2	нем. <i>der Sonnenwendgürtel</i> (+ см. 20. Народные поверья и обычаи)	«солнцеворот-пояс»	Полынь обыкновенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
3	нем. <i>die Himmelskehr</i>	«небесный поворот»	Полынь обыкновенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
4	нем. <i>Herrgottsblüäml</i> (+ см. 20. Народные поверья и обычаи)	«цветы Господа Бога»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus</i> L.
5	англ. <i>St John's-wort</i>	«трава Св. Иоанна»	Зверобой продырявленный	<i>Hypericum perforatum</i> L.
6	англ. <i>herb John</i> (са. <i>hērb-jon</i>)	«трава-Иоанн»	Зверобой продырявленный	<i>Hypericum perforatum</i> L.
7	нем. <i>das Johanniskraut</i>	«трава Иоанна»	Зверобой продырявленный	<i>Hypericum perforatum</i> L.
8	фин. <i>Juhanneskukka</i>	«Иоанн-цветок»	Зверобой продырявленный	<i>Hypericum perforatum</i> L.
9	англ. <i>mayweed</i> (+ см. 18. Низкая ценность растения)	«май-сорняк»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
10	нем. <i>die frühe Margerite</i>	«ранний нивяник»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
11	нем. <i>die Pfingstblume</i>	«Троицын цветок»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.
12	фин. <i>Juhannuskukka</i>	«Иванов день-цветок»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.
13	карел. <i>iivananheiny</i>	«Иванова трава»	Лютик	<i>Ranunculus</i> L.
14	карел. <i>kargei-iivananheiny</i>		См. 7. Вкус	

15	фин. <i>toukokukkanen</i>	«весенний цветочек»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
16	англ. <i>son-before-the-father</i>	«сын вперед отца»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
17	нем. <i>Sohn vor dem Vater</i>	«сын вперед отца»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
18	нем. <i>das Sommerthürlein</i>	«лето-дверца» («дверца в лето»)	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
19	нем. <i>die Josephsblume</i>	«цветок Иосифа»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
20	фин. <i>kirsikukka</i>	«мерзлота-цветок»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
21	фин. <i>kylmäkukka</i>	«холод-цветок»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
22	коми <i>веж чача</i>	«зеленый цветок»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
23	коми <i>тувсов вижьюр</i>	См. 1. Цвет		
24	коми <i>чаром пыр петан турун</i>	«трава, проходящая сквозь наст»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.

15. Использование в народной медицине

№	Фитоним	Буквальный перевод	Русское научное название	Латинское научное название
1	англ. <i>nosebleed</i> (са. <i>nōse-blēde</i>)	«нос» + «кровоточить»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
2	англ. <i>sanguinary</i> (са. <i>sanguinārīe</i>)	«кровавый»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
3	нем. <i>das Bauchwehkraut</i>	«боль в животе-трава»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
4	нем. <i>das Heil allen Schaden</i>	«исцеление от всех повреждений»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
5	нем. <i>das Gachheil</i>	«быстро исцеляющая (трава)»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
6	фин., фин. ингерм. <i>rautaheinä</i>	«железо-трава»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
7	фин. ингерм. <i>nor'heinä</i>	«норица-трава»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
8	карел. <i>rauduheiny</i>	«железо-трава»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
9	коми <i>вир дугодан турун</i>	«трава, запрещающая кровь»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.

10	коми <i>вир кутан турун</i>	«траводержатель крови», т. е. «траводерживающая кровь»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
11	коми <i>вир ланьтöдан турун</i>	«траводерживающая кровь»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
12	коми, коми-перм. <i>кöртдой турун</i>	«рана от железа (металла)-траводерживающая»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
13	коми <i>пиня турун</i>	«траводерживающая (от) зубодерживающая»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
14	коми <i>ньöмдой турун</i>	«траводерживающая (от) опухоль»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
15	коми <i>пöдöм турун</i>	«одышка (удушьедерживающая)-траводерживающая»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
16	нем. <i>die Apolloniawurzel</i>	«Аполлониякорень»	Борец клобучковый	<i>Aconitum napellus</i> L.
17	фин. ингерм. <i>ruanileht'</i>	«нарыв (панариций)-лист»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
18	англ. <i>motherwort</i> (да. <i>möder-wyrt</i>)	«мать-траводерживающая»	Полынь обыкновенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
19	англ. <i>fellon-herb</i>	«болезнь скотатраводерживающая», «сыпьтраводерживающая», «язва (панариций)-траводерживающая»	Полынь обыкновенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
20	нем. <i>das Weiberkraut</i>	«женская траводерживающая»	Полынь обыкновенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
21	нем. <i>das Jungfernkraut</i>	«женская траводерживающая»	Полынь обыкновенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
22	фин. <i>pöhöheinä</i>	«отек (опухоль)-траводерживающая»	Полынь обыкновенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
23	фин. <i>pellon vanhempi</i>	См. 12. Место произрастания		
24	англ. <i>balm of the warrior's wound</i>	«бальзам [для] раны война»	Зверобой продырявленный	<i>Hypericum perforatum</i> L.
25	англ. <i>touch and heal</i>	«касаться» + «лечить»	Зверобой продырявленный	<i>Hypericum perforatum</i> L.
26	англ. <i>blessed</i>	«благословенный»	Зверобой продырявленный	<i>Hypericum perforatum</i> L.
27	нем. <i>die Leibwehblume</i>	«боль в животецветок»	Зверобой продырявленный	<i>Hypericum perforatum</i> L.
28	нем. <i>das Fieberkraut</i>	«лихорадкатраводерживающая»	Зверобой продырявленный	<i>Hypericum perforatum</i> L.
29	нем. <i>die Schnapsblume</i>	«шнапс-цветок»	Зверобой про-	<i>Hypericum</i>

			дырявленный	perforatum L.
30	нем. <i>das Unserfrauenkraut</i> (+ см. 20. Народные поверья и обычаи)	«трава Богоматери»	Зверобой дырявленный	Hypericum perforatum L.
31	фин. <i>kuisma, kuisla</i>	от «прыщ»	Зверобой	Hypericum L.
32	фин. <i>mäkikuisma</i>	См. 12. Место произрастания		
33	фин. <i>nurmikuismo</i>	См. 12. Место произрастания		
34	фин. <i>läpikuisma</i>	См. 4. Особенности поверхности и структуры		
35	фин. <i>ajosheinä</i>	«нарыв-трава»	Зверобой четырехгранный	Hypericum tetrapterum Fr.
36	фин. <i>luuvaloheinä</i>	«подагра-трава»	Зверобой четырехгранный	Hypericum tetrapterum Fr.
37	фин. <i>sydämenkukka</i>	«сердечный цветок»	Зверобой четырехгранный	Hypericum tetrapterum Fr.
38	фин. <i>viinakukka</i>	«водка (вино)-цветок»	Зверобой четырехгранный	Hypericum tetrapterum Fr.
39	карел. <i>kuisma</i>	от «прыщ»	Зверобой	Hypericum L.
40	карел. <i>kuzmanpaizeheinä</i>	«зверобойная нарыв-трава»	Зверобой	Hypericum L.
41	карел. <i>čajuheinä</i>	«чай-трава»	Зверобой	Hypericum L.
42	коми-перм. <i>чайтурун</i>	«чай-трава»	Зверобой	Hypericum L.
43	коми <i>бор тиай турун</i>	См. 12. Место произрастания		
444	коми <i>дона турун</i>	«дорогая (ценная) трава»	Зверобой четырехгранный	Hypericum tetrapterum Fr.
45	коми <i>ураз турун</i>	«ушиб (рана)-трава»	Зверобой четырехгранный	Hypericum tetrapterum Fr.
46	англ. <i>healing blade, healing leaf</i>	«лечащий лист»	Подорожник большой	Plantago major L.
47	нем. <i>das Heilblatt</i>	«лечить» + «лист»	Подорожник большой	Plantago major L.
48	нем. <i>das Wundkraut</i>	«рана-трава»	Подорожник большой	Plantago major L.
49	нем. <i>das Sachtblatt</i>	«лист, унимающий боль»	Подорожник большой	Plantago major L.
50	нем. <i>Schn(e)itbli(е)tcher [das Schneideblättchen]</i>	«листочек [от] пореза»	Подорожник большой	Plantago major L.
51	фин. <i>raudanheinä</i>	«железная трава»	Подорожник большой	Plantago major L.
52	фин. <i>rautalehti</i>	«железо-лист»	Подорожник большой	Plantago major L.
53	фин. ингерм. <i>rautaleht'</i>	«железо-лист»	Подорожник большой	Plantago major L.
54	фин. ингерм. <i>ravvanleht'</i>	«лист железа»	Подорожник большой	Plantago major L.
55	фин. ингерм. <i>raut'ijaisleht'</i>	«железо-лист»	Подорожник большой	Plantago major L.
56	фин. ингерм. <i>paineleht'</i>	«лист, который прижимают (к	Подорожник большой	Plantago major L.

		ране)»		
57	карел. <i>mulčuheinä</i>	«трава [от] нарыва»	Подорожник	<i>Plantago L.</i>
58	карел. <i>hääränmul'čukka</i>	«бычий нарыв»	Подорожник	<i>Plantago L.</i>
59	карел. <i>majailehtez</i>	«нарыв-лист (лист от нарыва)»	Подорожник	<i>Plantago L.</i>
60	карел. <i>lehtiheinä</i>	«листовая трава»	Подорожник большой	<i>Plantago major L.</i>
61	коми <i>пыкӧс (пыкес) турун</i>	«трава (от) опухоли»	Подорожник большой	<i>Plantago major L.</i>
62	коми <i>мамкор</i>	«материнский лист»	Подорожник большой	<i>Plantago major L.</i>
63	нем. <i>das Blutstillkraut</i>	«трава, останавливающая кровь»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum aviculare L.</i>
64	нем. <i>das Cholerakraut</i>	«холера-трава»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum aviculare L.</i>
65	нем. <i>das Lungenkraut</i>	«легкие-трава»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum aviculare L.</i>
66	фин. <i>hevosenpolvheinä</i>	См. 3. Форма части растения		
67	фин. <i>kusinurmi</i>	«моча-трава»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum aviculare L.</i>
68	коми-перм. <i>камтурун</i>	«сильный (крепкий) человек-трава»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum aviculare L.</i>
69	нем. <i>Flußkrok [-kraut]</i>	«ревматическая боль-трава»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris L.</i>
70	нем. <i>Zahnwurz</i>	«зуб-корень»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris L.</i>
71	фин. <i>leinikki</i>	от «подагра, ревматизм»	Лютик	<i>Ranunculus L.</i>
72	фин. <i>leinikukka</i>	«подагра (ревматизм)-цветок»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris L.</i>
73	фин. <i>luuvaloheinä</i>	«подагра-трава»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris L.</i>
74	фин. ингерм. <i>luu(n)kivistösheinä</i>	«трава от ломоты костей»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris L.</i>
75	фин. ингерм. <i>luuvvelo</i>	от «подагра»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris L.</i>
76	карел. <i>leinikki</i>	от «подагра, ревматизм»	Лютик	<i>Ranunculus L.</i>
77	карел. <i>kriisiheinä, griisiheinä</i>	«грыжа-трава»	Лютик	<i>Ranunculus L.</i>
78	карел. <i>niittyleinikki</i>	См. 12. Место произрастания		
79	коми <i>пывсян купальнича</i>	См. 1. Цвет; 3. Форма части растения		
80	нем. <i>die Seichblume</i>	«моча-цветок»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i>

				Weber
81	нем. <i>die Augenwurzel</i>	«глаза-корень»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
82	нем. <i>Grindblumm</i>	«короста-цветок»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
83	карел. <i>rohtuvoikukku</i>	См. 1. Цвет		
84	коми <i>писти турун</i>	«оспа-трава», «трава [от] оспы»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
85	англ. <i>coughwort</i>	«кашель-трава»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
86	нем. <i>das Hustenkraut</i>	«кашель-трава»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
87	нем. <i>der Brandlattich</i>	См. 1. Цвет; 3. Форма части растения		
88	нем. <i>der Brustlattich</i>	См. 1. Цвет; 3. Форма части растения		
89	нем. <i>die Hitzblätter</i>	«жар-листья»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
90	фин. <i>yskäruoho</i>	«кашель-трава»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
91	фин. ингерм. <i>solotuhhaheinä</i>	«золотуха-трава»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
92	карел. <i>majaihein'ü</i>	«нарыв-трава»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.

16. Использование в хозяйстве и в быту

№	Фитоним	Буквальный перевод	Русское научное название	Латинское научное название
1	коми <i>той турун</i>	«трава [от] вшей»	Борец северный	<i>Aconitum septentrionale</i> Koelle
2	англ. <i>sailor's tobacco</i> (+ см. 18. Низкая ценность растения)	«табак моряка»	Полынь обыкновенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
3	фин. <i>koiruoho</i>	«моль-трава»	Полынь обыкновенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
4	фин. <i>villi koiruoho</i>	См. 12. Место произрастания		
5	фин. <i>mali</i>	< шв. <i>malört</i> («моль-трава»)	Полынь обыкновенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
6	карел. <i>koiheinä</i>	«моль-трава»	Полынь обыкновенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
7	фин. ингерм. <i>tšikor'heinä</i>	«цикорий-трава»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
8	нем. <i>das Tabaksblatt</i>	«лист табака»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.

9	нем. <i>die Rahmblätter</i> (+ см. 20. Народные поверья и обычаи)	«сливки-листья»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.
10	фин. <i>piimäkukka</i>	«простокувшачеток»	Мать-и-мачеха обыкновенная	<i>Tussilago farfara</i> L.

17. Использование в пищу животными

№	Фитоним	Буквальный перевод	Русское научное название	Латинское научное название
1	нем. <i>die Schafgarbe</i>	См. 1. Цвет		
2	карел. <i>lammashainä, lammašheinä; lamboiheiny</i>	«овечья трава»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
3	коми <i>порсьнапу</i>	«свиной хлебушек»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.
4	англ. <i>swine's grass</i> (да. <i>swīnes-gærs</i> , са. <i>swynys grees</i>)	«свиная трава»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum aviculare</i> L.
5	англ. <i>bird's knot-grass</i>	См. 3. Форма части растения		
6	нем. <i>der Vogel-Knöterich</i>	См. 3. Форма части растения		
7	нем. <i>das Schweinegras</i>	«свиньи-трава»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum aviculare</i> L.
8	фин. <i>vareksenlaiho</i> (+ см. 18. Низкая ценность растения)	«вороний посев», «вороньи всходы»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum aviculare</i> L.
9	англ. <i>cow-clover</i>	«корова-клевер»	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.
10	англ. <i>beebread</i>	См. 4. Особенности поверхности и структуры		

18. Низкая ценность растения

№	Фитоним	Буквальный перевод	Русское научное название	Латинское научное название
1	англ. <i>sailor's tobacco</i>	См. 16. Использование в хозяйстве и в быту		
2	англ. <i>lesser bindweed</i>	См. 2. Размер растения или его частей; 3. Форма части растения		
3	англ. <i>small bindweed</i>	См. 2. Размер растения или его частей; 3. Форма части растения		
4	англ. <i>knobweed</i>	См. 3. Форма части растения; 4. Особенности поверхности и структуры		
5	нем. <i>der Kornfresser</i>	См. 12. Место произрастания		
6	нем. <i>die Sichelblume</i>	См. 12. Место произрастания		
7	нем. <i>die Hungerblume</i>	«голод-цветок»	Василек синий	<i>Centaurea</i>

				cyaneus L.
8	англ. <i>bindweed</i>	См. 3. Форма части растения		
9	англ. <i>field bindweed</i>	См. 3. Форма части растения; 12. Место произрастания		
10	англ. <i>mayweed</i>	См. 14. Время произрастания или цветения		
11	англ. <i>dog-flower</i>	«собака-цветок»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
12	нем. <i>die Hundsblume</i>	«собачий цветок»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
13	фин. <i>koirankukka</i>	«собачий цветок»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
14	англ. <i>wireweed</i>	См. 3. Форма части растения		
15	англ. <i>beggar-weed</i>	«нищий (попрошайка)-сорняк»	Спорыш птичий (горец птичий)	<i>Polygonum aviculare</i> L.
16	фин. <i>vareksenlaiho</i>	См. 17. Использование в пищу животными		
17	фин. <i>harakankukka</i>	«сорочий цветок»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.
18	англ. <i>Irish daisy</i>	См. 5. Общее внешнее сходство с другим растением		
19	англ. <i>clayweed</i>	См. 12. Место произрастания		
20	нем. <i>Düüwelsfeot [der Teufelsfuß]</i>	См. 3. Форма части растения		

19. Ядовитость или вредные свойства растения

№	Фитоним	Буквальный перевод	Русское научное название	Латинское научное название
1	англ. <i>aconite</i>	«ядовитое растение»	Борец (аконит)	<i>Aconitum</i> L.
2	да. <i>þung</i>	«яд»	Борец (аконит)	<i>Aconitum napellus</i> L.
3	да. <i>micel þung</i>	См. 2. Размер растения или его частей		
4	англ. <i>wolf's bane</i>	«волчий яд»	Борец клубочковый	<i>Aconitum napellus</i> L.
5	двн. <i>luppewurz</i>	«яд-трава», яд-корень»	Борец клубочковый	<i>Aconitum napellus</i> L.
6	свн. <i>giftkraut</i>	«яд-трава»	Борец клубочковый	<i>Aconitum napellus</i> L.
7	нем. <i>das Hundsgift</i>	«собачий яд»	Борец клубочковый	<i>Aconitum napellus</i> L.
8	нем. <i>der Hundstod</i>	«собачья смерть»	Борец клубочковый	<i>Aconitum napellus</i> L.
9	нем. <i>das Wolfsgift</i>	«волчий яд»	Борец клубочковый	<i>Aconitum napellus</i> L.
10	коми <i>лѣк ота корья турун</i>	См. 2. Размер растения или его частей; 3. Форма части растения		
11	коми <i>ошланкор</i>	См. 4. Особенности поверхности и структуры		
12	нем. <i>Zenger</i>	«жгучая боль; вы-	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i>

		зывающее такую боль»		L.
13	нем. <i>Roßdout [-tod]</i>	«конь-смерть»: «лошадиная смерть»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.
14	нем. <i>der scharfe Hahnenfuß</i>	См. 3. Форма части растения		
15	нем. <i>der brennende Hahnenfuß</i>	См. 3. Форма части растения		
16	нем. <i>das Brennkraut</i>	«жгучая трава»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.
17	фин. ингерм. <i>karstakukka</i>	«чесотка-цветок»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.
18	фин. <i>tulikukka</i>	«огонь-цветок»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.
19	фин. <i>keltainen myrkkukukkainen</i>	См. 1. Цвет		
20	коми-перм. <i>куручакулан</i>	«куриная смерть»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.
21	англ. <i>witch gowan</i>	См. 5. Общее внешнее сходство с другим растением		
22	нем. <i>die Schlangenblume</i>	«змеиный цветок»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
23	фин. <i>myrkkukukka</i>	«яд-цветок»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber

20. Народные поверья и обычаи

№	Фитоним	Буквальный перевод	Русское научное название	Латинское научное название
1	нем. <i>der (St.) Johannisgürtel</i>	См. 14. Время произрастания или цветения		
2	нем. <i>der Sonnenwendgürtel</i>	См. 14. Время произрастания или цветения		
3	англ. <i>witch bells</i>	См. 3. Форма части растения		
4	англ. <i>witches' thimble</i>	См. 3. Форма части растения		
5	нем. <i>Vaschreikräutl</i>	«колдовство-трава» («трава от колдовства»)	Колокольчик круглолистный	<i>Campanula rotundifolia</i> L.
6	нем. <i>Schimlblaum</i>	«плесень-цветок»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus</i> L.
7	нем. <i>Herrgottsblüämli</i>	См. 14. Время произрастания или цветения		
8	фин. <i>seppelkukka</i>	«цветок [для] венка»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus</i> L.
9	коми <i>светьӧ</i>	«цветение», «Святки»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus</i> L.
10	коми <i>светки чачӧ</i>	«святочный цветок»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus</i> L.
11	нем. <i>die Donnerblume</i>	«гром-цветок»	Вьюнок полевой	<i>Convolvulus arvensis</i> L.

12	нем. <i>das Kranzkraut</i>	«венок-трава»	Зверобой продырявленный	<i>Hypericum perforatum</i> L.
13	нем. <i>das Christi-Kreuz-Kraut</i>	См. 3. Форма части растения		
14	нем. <i>das Unserfrauenkraut</i>	См. 15. Использование в народной медицине		
15	нем. <i>Alfkrok [das Albkraut]</i>	«ночной кошмар-трава»	Зверобой продырявленный	<i>Hypericum perforatum</i> L.
16	нем. <i>das Donnerkraut</i>	«гром-трава»	Зверобой продырявленный	<i>Hypericum perforatum</i> L.
17	фин. <i>kiroruoho</i>	«проклятие-трава»	Зверобой четырехгранный	<i>Hypericum tetrapterum</i> Fr.
18	нем. <i>Edelmann-Bettelmann</i>	«дворянин-нищий»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
19	нем. <i>die Gewitterblume</i>	«гроза-цветок»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
20	фин. <i>arpakukka</i>	«жребий-цветок»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
21	фин. <i>ennustusukukka</i>	«предсказание-цветок»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
22	нем. <i>das Glücksmännchen</i>	См. 3. Форма части растения		
23	коми-перм. <i>аканьлис(м)</i>	«жукольный лист»	Подорожник	<i>Plantago</i> L.
24	фин. ингерм. <i>kiroheinä</i>	«проклятие-трава»	Лютик едкий	<i>Ranunculus acris</i> L.
25	англ. <i>clock-flower</i>	«часы-цветок»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
26	англ. <i>one o'clocks</i>	«час (дня или ночи)», мн. ч.	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
27	фин. <i>onniheinä</i>	«счастье (удача)-трава»	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.
28	нем. <i>die Spiegelblätter</i>	См. 4. Особенности поверхности и структуры		
29	нем. <i>die Rahmblätter</i>	См. 16. Использование в хозяйстве и в быту		

21. Другие признаки

№	Фитоним	Буквальный перевод	Русское научное название	Латинское научное название
1	фин. <i>oikea ukonhattu</i>	См. 3. Форма части растения		
2	англ. <i>mugwort</i> (да. <i>mucg-wurt</i> , са. <i>mug-wort</i>)	«мошка-трава»	Полынь обыкновенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
3	фин. <i>kaunokki</i>	от «красота»	Василек синий	<i>Centaurea cyanus</i> L.
4	фин. <i>ruiskaunokki</i>	См. 12. Место произрастания		
5	фин. <i>sinikauno</i>	См. 1. Цвет		
6	фин. ингерм. <i>mualeht'</i>	«земляной лист»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.
7	карел. <i>mualehti</i>	«земляной лист»	Подорожник большой	<i>Plantago major</i> L.
8	карел. <i>muakakkara</i>	См. 3. Форма части растения		

9	коми <i>мыча клевер</i>	«красивый клевер»	Клевер луговой	<i>Trifolium pratense</i> L.
---	-------------------------	-------------------	----------------	------------------------------

22. Неясная мотивация

№	Фитоним	Буквальный перевод	Русское научное название	Латинское научное название
1	фин. ингерм. <i>kuperkeikka</i>	«переворот», «кувырок»	Тысячелистник обыкновенный	<i>Achillea millefolium</i> L.
2	фин., фин. ингерм. <i>kiuruheinä</i>	«жаворонок-трава»	Манжетка обыкновенная	<i>Alchemilla vulgaris</i> L.
3	англ. <i>wormwood</i> (да. <i>wertōd</i>)	«человек, мужчина» + «расположение духа, настроение»	Полынь обыкновенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
4	нем. <i>der Beifuß</i> (двн., свн. <i>bībōz</i>)	от двн. <i>bōzen</i> «толкать, ударять; толочь»	Полынь обыкновенная	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
5	нем. <i>die Margerite</i>	«жемчужина»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
6	нем. <i>das Gänsekraut</i>	«гусиная трава»	Нивяник обыкновенный	<i>Leucanthemum vulgare</i> Lam.
7	коми <i>веж балюк</i>	См. 1. Цвет		
8	карел. <i>kirpukukka</i>	«блошинный цветок»	Одуванчик лекарственный	<i>Taraxacum officinale</i> Weber
9	фин. <i>apila(s)</i>	?	Клевер, клевер луговой	<i>Trifolium</i> L., <i>Trifolium pratense</i> L.
10	карел. <i>apilas</i>	?	Клевер, клевер луговой	<i>Trifolium</i> L., <i>Trifolium pratense</i> L.